

BEST SCIENCE FICTION

НИЛ ЭШЕР

ТЕМНЫЙ РАЗУМ

Annotation

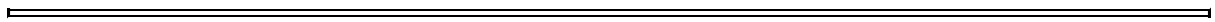
Он преодолевает смерть ради мести. Она откажется от своей человеческой природы ради власти. Но никому нельзя играть в подобные игры безнаказанно... Торвальд Спир просыпается в больнице и узнаёт, что был воскрешен из мертвых. Хуже того, он погиб на войне с инопланетянами, которая закончилась столетие назад. Вспоминая ужасные обстоятельства своей гибели, он внезапно обнаруживает смысл жизни. Этот смысл — месть. Изабель Сатоми управляет могущественным преступным синдикатом. Но после атаки конкурентов она понимает: ей нужно еще больше власти. Ради этого она заключает некую сделку, благодаря которой отчасти трансформируется в искусственный интеллект. Однако у этой сделки двойное дно, и скоро Изабель превратится в нечто, очень далекое от человека...

- [Нил Эшер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Торвальд Спир](#)
 - [Война: Панархия](#)
 - [Война: Запоздалая прелюдия](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Спир](#)
 - [Война: Панархия](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Спир](#)
 - [Война: Рабство](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Спир](#)
 - [Изабель Сатоми: Преображённая](#)
 - [Изабель](#)
 - [Спир](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Спир](#)
 - [Война: Дюрана](#)
 - [Спир](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Изабель](#)

- [Спир](#)
- [Изабель](#)
- [Спир](#)
- [Глава 7](#)
 - [Спир](#)
 - [Изабель](#)
 - [Капитан Блайт](#)
- [Глава 8](#)
 - [Амистад](#)
 - [Блайт](#)
 - [Изабель](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 9](#)
 - [Блайт](#)
 - [Изабель](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 10](#)
 - [Спир](#)
 - [Трент](#)
 - [Изабель](#)
 - [Отец-капитан Свёрл](#)
 - [Планетоид Пенни Рояла](#)
- [Глава 11](#)
 - [Трент](#)
 - [Спир](#)
 - [Война: Рисс](#)
 - [Изабель](#)
- [Глава 12](#)
 - [Свёрл](#)
 - [Блайт](#)
 - [Изабель](#)
 - [Война: Рисс](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 13](#)
 - [Трент](#)
 - [Свёрл](#)
 - [Блайт](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 14](#)
 - [Свёрл](#)

- [Трент](#)
 - [Блайт](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 15](#)
 - [Изабель](#)
 - [Свёрл](#)
 - [Блайт](#)
 - [Свёрл](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 16](#)
 - [Свёрл](#)
 - [Трент](#)
 - [Свёрл](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 17](#)
 - [Изабель](#)
 - [Блайт](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 18](#)
 - [Изабель](#)
 - [Амистад](#)
 - [Блайт](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 19](#)
 - [Амистад](#)
 - [Изабель](#)
 - [Трент](#)
 - [Спир](#)
 - [Изабель](#)
 - [Спир](#)
- [Глава 20](#)
 - [Блайт](#)
 - [Спир](#)
 - [Изабель](#)
 - [Спир](#)
 - [Блайт](#)
 - [Спир](#)
 - [Изабель](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Нил Эшер

Темный разум

Кэролайн Эшер (10.07.1959–24.01.2014)

*Говорят, время лечит.
Нет, оно просто стирает боль.
Стирает все в пыль.*

Глава 1

Торвальд Спир

Я проснулся на белых хрустящих простынях под пение жаворонка, ощущая кожей ласку солнечных лучей. Взгляд остановился на встроенном в бледно-голубой потолок световом табло, ноздри уловили бодрящий запах лаванды с легкой кислинкой антисептика. Нес воздух и аромат, обещающий кофе. Чувствуя себя воистину замечательно, я сел и огляделся. Из сводчатого окна в дальнем конце комнаты открывался вид на подстриженные лужайки с дивными весенними деревьями. Легкие пушистые облачка скромно украшали небо, пересеченное четкими инверсионными полосами от грузовых гравитаров. В комнате стояли стул и приставной столик, на стене над столиком висело зеркало. Маленькая сенсорная панель в нижнем углу говорила о том, что зеркало может служить еще и монитором. Рядом с кроватью, на еще одном деревянном стуле лежали мои аккуратно сложенные вещи: любимые джинсы и мимикрирующая рубашка, рядом на полу стояли привычные псевдоальпинистские ботинки.

Я откинул простыню и встал с кровати. Нигде не ноет, ничего не болит, чувствую себя на все сто. В голове вдруг мелькнула смутная мысль: а почему, собственно, я мог бы ожидать чего-то иного? Я направился к боковой двери, зашел в смежную со спальней ванную, глянул на унитаз, но не ощутил потребности воспользоваться им, а двинулся к раковине и уставился на свое отражение в зеркальном шкафчике. Ни следа щетины — ну да, я же когда-то вывел ее на веки вечные. Открыв шкафчик, я достал маленькую робощетку, сунул ее в рот и стал ждать, когда она прогуляется по моим зубам, тщательно очищая их. Потом бросил щетку в дезинфицирующую жидкость и вернулся в комнату — одеваться.

Вера — как гласил бейджик на ее груди — появилась в тот момент, когда я застегивал липучку на рубашке.

— О, вы проснулись, — произнесла она, ставя поднос на столик.

Я подошел ближе, вдохнул бодрящие ароматы кофе и жареного хлеба — и ощутил нечто, близкое к эйфории. Сделав глоток и удостоверившись, что вкус кофе столь же хорош, как и запах, я принялся разглядывать Веру. Красавица, ничего не скажешь, черты лица, фигура — все безупречно и гармонично. Одетая она была в

бело-синюю форму сиделки, на ногах — удобные туфельки, на шее — серебряный кулончик-краб.

Краб.

Зафиксировав этот факт, сознание мое перескочило на несколько иной уровень, где уже не все было столь безмятежно.

— Он подождет на веранде, когда вы будете готовы, — сказала Вера и повернулась, чтобы уйти.

— Постой, — выпалил я.

Она задержалась, ожидающе глядя на меня, но я не мог подыскать слов, чтобы выразить свою тревогу.

— Ничего, — закончил я.

Она ушла.

Тост с маслом и джемом оказался лучшим из всех, что мне когда-либо доставались. Как и кофе. Доев и допив, я направился к двери. Свернул налево по застланному ковром коридору, потом направо в чистенькую благочинную гостиную — похоже, перемещенную из далекого прошлого. Внимание мое привлекла статуэтка на ближайшей книжной полке — нечто насекомоподобное, с тлеющим в толще хрусталя огоньком. Она, как и краб, вызывала беспокойство, и настороженность моя возросла. Я толчком распахнул стеклянные двери и шагнул на бревенчатую веранду, прокручивая в памяти секунды пробуждения и удивляясь их безмятежному совершенству. А потом я увидел фигуру, сидящую на веранде за ажурным железным столиком, и границы моего разума начали раздвигаться.

Силак...

Конечно, все было идеально; *слишком идеально*. Я не сомневался в том, что я Торвальд Спир и что, если сосредоточусь, непременно вспомню большую часть своего прошлого. Но меня волновало то, что произошедшее недавно покрыто мраком и я не чувствую склонности этот мрак разгонять. Я подошел к доктору Силаку, отодвинул одно из тяжелых кресел и уселся, уставившись на человека напротив — тощего, черноглазого, с бритой головой, с неприятно кривящимися губами, в старомодном костюме-сафари. И все это было совершенно *неправильно*, поскольку именно в этот момент я ясно вспомнил, как он выглядел в прошлый раз, когда мы виделись. Дополнительная

киберрука с хирургической резцовой головкой больше не торчала из—под его правой, человеческой руки. И череп у него сейчас гладкий — не перевитый рубцами, не бугрящийся шишками интерфейсов данных, готовых слиться в полу шлем «усилителя».

— Миленькие декорации. — Я обвел рукой окрестности.

— А я-то гадал, быстро ли ты заметишь, — откликнулся он. — Ты всегда был самым сообразительным из моих... партнеров.

— Все было слишком уж идеально. До настоящего момента, — добавил я.

— Стандартный комплекс воскрешения, — пренебрежительно отмахнулся Силак. — Создаваемая виртуальность облегчает возвращение к существованию, минимизируя эмоциональные травмы.

— Тогда почему *ты* здесь? — спросил я.

— Меня извлекли из хранилища. Пообещали смягчение наказания, если я поработаю с тобой. — Он пожал плечами. — Сделка вроде выгодная — мне возвратят телесную форму, и я продвинусь в очереди Душебанка.

— Очередь Душебанка?

— Ах да, это было уже после тебя. — Силак секунду помолчал, потом продолжил: — Там хранятся мертвые, либо ожидающие шанса на воскрешение в новом теле, либо решившие прыгнуть через века. Там держат и некоторых преступников...

Выходит, сомнительные игры Силака с усовершенствованием человека наконец аукнулись ему самому. Удивительно, однако, что ИИ озаботились сохранить его разум. Кое-что из того, что он творил, заслуживало бессрочного смертного приговора.

— Примечательно, кстати, — продолжал он, — что ты не спросил, как и почему ты здесь.

Я уставился на него. Первое, что до меня дошло: и он был частью процесса моего возвращения к существованию; а потом я понял, что его слова стали ключом к моим воспоминаниям. Я вспомнил войну. После многих лет работы в сфере адаптогенетики, нанотехнологий и мультибиологии я вступил в сотрудничество с Силаком. Это случилось в первые годы войны людей и прадоров —

когда люди и наши ИИ-владыки обнаружили, что мы не одиноки во Вселенной. И что наши ближайшие соседи—инопланетяне — безжалостные убийцы.

Обнаружив, что Силак тянет меня на экспериментальную незаконную территорию, я распрощался с ним и поступил на военную службу. Мои обширные знания и навыки заслужили большое уважение ИИ — искусственных интеллектов, ведущих войну. В сущности, они высоко *ценили* меня перед войной, поскольку очень хотели узнать, как работает мой мозг. Интеллект стал тем, что можно измерить и в некоторых случаях, скопировав, переписать в искусственный разум... до известной степени. Но иногда коэффициент интеллекта измерить не удавалось, и гений становился равнозначным безумцу. Меня называли гением, но мне это не нравилось. Я всегда чувствовал: то, что видят во мне, — всего лишь одна из великого множества граней человеческой психики — а именно сила воли.

После боевой подготовки, реальной и виртуальной, я занялся биооружием и биошпионажем. ИИ пытались держать меня подальше от фронта, но я все равно отправился на позиции. Я вспомнил отчаянную борьбу, мое первое столкновение с прадорами, первые попытки изучить этих существ и на этой основе усовершенствовать наши технологии. Дальше все снова терялось в тумане.

— Мы все еще проигрываем? — спросил я.

— Война кончилась больше века назад, — ответил он.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать сказанное — в целом и по частям. Но, даже понимая, что все так и есть, я ощущал страх и замешательство.

— Это случилось лет через двадцать после твоей смерти, — добавил Силак.

Я прикрыл глаза, пытаюсь вспомнить больше, но детали оставались смутными, и я просто не мог поймать ни одной мысли. И это раздражало, поскольку раньше я всегда гордился ясностью своего мышления. Интересно, не вмешалось ли в мое сознание то, что помогло мне справиться с шоком воскрешения.

— Мой имплантат, — наконец сообразил я и открыл глаза.

Я умер, а человек, обладающий моим опытом, не мог не понять,

что это означает. Силак кое-что имплантировал в мой череп, и «я», делающий эти заключения, являлся записью меня—подлинного.

— Теперь их называют мемплантами или мемокристаллами, — непринужденно заметил Силак. — Твой был первым среди многих, разработанных мной. Иногда я думаю, именно благодаря им я все еще жив. ИИ, верно, взвесили мои исследования на весах жизни и смерти и выяснили, что мои усилители спасли больше жизней, чем угробили. А может, мы ступили на скользкую почву разделения убийства и убийства по неосторожности, особенно когда предполагаемая жертва — добровольный участник процесса. ИИ заставили нас поверить: за убийство разумного существа смертный приговор — воистину смертный, полное стирание твоей личности из бытия — выносится автоматически. Но мне известно иное, поскольку в хранилище много таких, как я. И много тех, кто совершил убийство. — Он задумчиво оглядел парк за верандой. — Конечно, куда проще приговорить к истинной смерти кого-нибудь бесполезного...

— Мы победили? — Я все еще пытался привести мысли в порядок.

— Спорный вопрос. Мы побеждали, но тут короля прадоров свергли. Новый король, видимо, не столь рьяный ксенофоб, решил, что борьба с нами — не такая уж хорошая идея. Они отступили, а у нас не хватило ресурсов, чтобы отправиться за ними и закончить работу.

— Мой мемплант, — спросил я, — где его нашли?

Он посмотрел на меня:

— Некто, знакомый с моей работой, опознал его. В брошке в витрине ювелира — интересный поворот, не так ли? — Силак замолчал, потом протянул руку и похлопал меня по голове. — Его поставят на место, когда по-настоящему воскресят тебя, поскольку копирование той технологии на современные носители вызывает некоторые затруднения.

По-настоящему воскресят...

Решив отложить это на потом, я опять попытался вернуть четкость мысли. Мемплант, помещенный Силаком в мой череп, был драгоценным камнем — рубином. Приличного размера, где-то с две фаланги мизинца. То, что из него сделали ювелирное украшение, было фантастикой, но имело смысл, хотя конкретно этот рубин

являлся неизмеримо большим, чем казался. Квантовая сетка, наложенная на кристаллическую структуру, — и вот вам та малость, что позволила мне жить.

— Откуда камень попал в магазин, где его нашли, отследить не удалось, хотя есть предположение, что спасатели подобрали его на Погосте...

— На кладбище? — перебил я, чувствуя себя идиотом.

— Ничейной территории между нашим Государством и Королевством прадоров.

— А...

— Государство, владения человечества и ИИ, охватывающее тысячи звездных систем, было выведено из равновесия первым же столкновением с прадорами. Чужаки-монстры, похожие на гигантских крабов, оказались злобными душегубами, не знающими ни усталости, ни жалости.

Твой мемплант был поврежден раньше, чем кто-либо догадался о его природе, и аналитический ИИ, первым изучавший кристалл, провел лишь базовое восстановление. Иначе потерялась бы вся записанная в нем информация.

Рука Силака отлепилась от стола, костлявый палец указал на меня.

— А эта информация — ты.

— Значит, они получили профессиональную консультацию, — предположил я.

— Вот именно. — Силак кивнул. — Похоже также, они *считают*, — он усмехнулся, — что ты заслужил жизнь за свою службу во время войны.

— И что теперь?

— Тебя ждет тело, выращенное в пробирке из образца твоего ДНК, сохраненного с военного времени медициной Государства.

— Значит, пришла мне пора начать жизнь заново.

— Завидую, но только не твоим попыткам восстановить воспоминания. В данный момент у тебя нет к ним полного доступа.

— В каком смысле?

— Спорю, в голове у тебя туман — я уже говорил, что мемплант был поврежден, почти наверняка вторжением «паучьих» поисковых волокон после прадорского рабства. Даже ИИ не удалось выяснить, как ты умер. Но они — и я — обнаружили достаточно, чтобы знать, что было это весьма неприятно. — Он снова повернулся ко мне. — Ты можешь, если захочешь, вымарать эти воспоминания напрочь.

Отвращение — вот что я почувствовал первым делом. Подчистку памяти начали использовать во время войны, и хотя она снова превращала потрясенных, контуженых, тяжелораненых людей в ценных солдат, мне не нравилась эта уловка, уход от ответственности — все равно что идти по жизни с шорами на глазах.

— Я хочу вернуть все свои воспоминания, — сказал я, и этого оказалось достаточно, чтобы запустить то, что скрывалось до сего мига.

Огненное цунами захлестнуло меня, и калейдоскоп ужаса завертелся перед глазами...

Война: Панархия

Реальность войны расписывалась на небесах Панархии каждую ночь горящими буквами. Поначалу с ней еще пытался тягаться аккреционный диск^[1] Лайденской Клоаки, яркий овал, полыхающий на полнеба. Возможно, не пройдет и века, и эта черная дыра всосет всю планетарную систему. А пока она служила лишь унылым задником, на фоне которого армии Государства и прадоров рвали друг друга в клочья.

— Опустит забрало, солдат, — велел капитан Гидеон.

Я коснулся регулятора шлема боевого скафандра, и защитный лицевой фильтр бесшумно скользнул на место. Все равно мне сейчас нужна подсветка. Здесь ночами, с учетом враждебности местной дикой природы, — либо задраивай наглухо скафандр, либо не вылезай из палатки. Генерал Бернерс говорил, что спрутоножек, или, как он выражался, «гребаных моллюсков», сюда завезли Чужие. Однако забавно, что почкуются они тут, в предположительно неродной среде, — будь здоров. Гидеон устроился рядом, а я продолжил изучать позицию — открытую и весьма невыгодную; потом взгляд мой упал на пласт окаменевшей лавы под нашими ногами. В тверди зияло множество отверстий — тут когда-то полопались вырвавшиеся наружу крупные газовые пузыри, и поверхность в сумерках напоминала кусок вишнево-шоколадного пирога. Из некоторых таких омутков уже выползали спрутоножки, отправляющиеся на ночную охоту за дичью или подружкой — хотя частенько они не делали различий между тем и другим. И уже слышалась ругань кого-то из отряда Гидеона — тех, кто, как я, забыл опустить щитки.

— А ты когда-нибудь видел настоящего спрута? — спросил Гидеон.

— Да.

Внимание мое опять переключилось на тело пленного первенца прадора — одного из жутких детишек нашего врага. Оно лежало передо мной возле выдолбленного в скале дота. Ноги, руки-манипуляторы и клешни прадора валялись кучкой в нескольких шагах от туши, за нашей большой автопушкой. Я вскрыл панцирь,

откинул его на хрящах, точно крышку пустой жестянки, и продолжил копаться в потрохах, отбрасывая прочь всякую липкую дрянь, пока не добрался до главного нервного узла — или мозга. Он угнездился в центре обызвествленного кольца какого-то сосуда. Достав хирургический молоток, я ударил посильнее, ломая капсулу. Первенец зашипел, забулькал, и я почувствовал, как культяпки отрубленных жвал жалко задержались возле моей ноги. И все-таки, хотя я и понимал, что это существо сделало бы со мной, не лиши мы его подвижности, собственные действия казались мне отвратительными.

— Где? — спросил Гидеон.

— Что «где»?

— Где ты видел спрута?

— В аквариуме на Земле.

— Никогда там не бывал, — презрительно бросил он. — И никогда не жаждал побывать.

Похоже, он пытался отвлечься, и будь на его месте кто-то другой, я бы предположил, что он не желает думать о том, что я делаю. Однако Гидеон и все его люди давно сражались с прадорами, и какая-либо брезгливость в отношении биошпионажа у них начисто атрофировалась. Когда враг расположен не только убить, но и сожрать тебя, быстро отбрасываешь любые правила и формальности. Вот бы и мне так.

Наконец, основательно надломив оболочку мозга, я выбрал из своих неуклонно сокращающихся запасов допросный имплантат — начиненный нанотроникой блок, похожий на стальной дверной клин, — и вставил его в нужное место. Прадор опять задержался, зашипел, и из его ножных лунок прыснули струйки зеленой крови.

Я отвернулся, ощутив слабый толчок, и заметил спрутоножку, метнувшую в меня ядовитую иглу. То ли съесть меня захотела, то ли поймать. Молния прошила сумрак — и спрутоножка взорвалась, точно яйцо в микроволновке. Одна из наших пушек — «комариков» выдвинула хоботок, ее камуфлированный корпус мелко дрожал.

— Не так уж они и не похожи, — сказал я.

— Что?

Я показал на дымящиеся останки спрутоножки:

— Эти выглядят почти совсем как земные спруты, хотя те, что с Земли, живут в воде, и некоторые виды покрупнее будут.

— А они стреляют ядовитыми иглами? — поинтересовался Гидеон.

Я покачал головой.

— У них нет ни трехспиральной ДНК, ни трех глаз.

Гидеон фыркнул и повернулся к прадору:

— Ну и долго нам теперь ждать ответов?

— Пару минут, но многого не обещаю.

Гидеон посмотрел туда, откуда мы пришли, — на горы, превратившиеся сейчас в силуэты на фоне далекого обода Лайденской Клоаки. Около восьми тысяч человек из дивизии Бернерса стояли там укрепленным лагерем. Если прадоры в этом мире решат пойти в наступление, то нас скрутят, и быстро. Но сто тысяч окруживших нас прадоров просто окопались — и ждут. Бернерс считает, что ждут они результата бушующей в вышине звездной битвы, превращающей порой ночь в день и сотрясающей планету, когда падает какой-нибудь гигантский обломок. К тому же проносящиеся мимо ударные корабли Государства совсем рядом, чтобы помочь нам — сбросить, к примеру, начиненные шрапнелью снаряды и разметать и без того рассредоточенные силы прадоров. Еще Бернерс заявляет, что, кто бы ни выиграл бой за контроль над ближним космосом, он завладеет этим миром и быстренько уничтожит противника на планете — с орбиты. Но я с ним не согласен.

Корабли Государства уже бомбили прадоров, но дивизию Бернерса, чье расположение инопланетчикам определено было известно, в отместку никто не тронул. Я подозревал тут сложную стратегическую игру. Возможно, прадоры оставляют нас в живых в надежде на то, что Государство сделает спасательный бросок и это лишит ИИ тактического преимущества. Станный, конечно, план, когда сражаешься с ИИ Государства, но другого объяснения я не находил. И теперь ждал подтверждения от первенца — или, по крайней мере, какой-то иной версии.

— Неправильно это, — буркнул Гидеон.

Я повернулся к нему, думая, что капитана посетили те же мысли. Но нет, он смотрел вверх, на аккреционный диск.

— Что неправильно?

— Знаешь, — продолжил он, будто и не услышав, — в другой жизни я был астрофизиком.

— Что? — теперь смутился я.

Он показал на диск:

— Эту штуку определяли как черную дыру Керра^[2] из-за массивного центрального тела, вращательного момента и других вроде бы характерных показателей, но это неверно. — Гидеон опустил руку и посмотрел на меня. — Ее электрический заряд слишком велик — просто невероятен для естественного образования.

— Невероятен, но, очевидно, не невозможен.

На моем лицевом щитке мигнул значок, сигнализируя подключение допросного имплантата: маленький стилизованный крабик с растущей из жвал выносной-облачком. У нас тут имелись вопросы поважнее неправдоподобия теоретической физики. По-моему, чтобы оценить чудеса Вселенной, в первую очередь необходимо остаться в живых.

— Есть контакт, — сказал я. И тут же: — Твое имя?

— Флуст, — ответил прадор.

Конечно, существо не заговорило со мной напрямую. Я опутал его мозг сетью наноскопических усиков, почти таких же, что задействованы при стандартном форсировании — улучшении человеческого мозга. Такие устройства сметают барьеры между плотским мозговым веществом и компьютером, но в данном случае наличествовал добавочный элемент, отсутствующий в обычных «форсах». Вся информация загонялась в программу-переводчик. А главное то, что Флуст просто не мог отказаться говорить. Впрочем, прадор способен давать абсолютно правдивые, однако вводящие в заблуждение, расплывчатые ответы.

— Почему вы не нападаете на человеческий гарнизон в этом мире? — спросил я.

— Потому что Отец приказал нам не делать этого.

— Почему ваш отец приказал не нападать на нас?

— Потому что вы были бы уничтожены.

— Почему ваш отец не хочет, чтобы нас уничтожили?

— Потому что он приказал не уничтожать вас.

Я понял, что этого первенца обучили, как именно отвечать в случае, если его захватят в плен и станут допрашивать таким манером. Что ж, придется потрудиться.

— Почему он приказал не уничтожать нас?

— Из-за тактических преимуществ.

— У нас тут оживление, — подал голос Гидеон, глядя на расположение наших.

Я поднял глаза и увидел, что наша большая автопушка поворачивает ствол, а затем тяжело отрывается от земли, перенося вес на железные ножки, напоминающие лапки ящерицы.

— Засечено двадцать четыре цели, — доложил кто-то по комму.

— Один первенец, остальные вторинцы — в том числе два имплантанка.

Имплантанки, прелестно. Как будто детишки прадоров недостаточно уродливы в своем первозданном виде, так папаши еще и пересаживают их мозги в мощные бронированные боевые машины.

— Дерьмо, — выругался Гидеон. — Добывай свою информацию, Торвальд.

— Почему отказ от уничтожения людей станет тактическим преимуществом? — продолжил я.

— Накопление ресурсов выгодно.

— Почему это мы ресурсы?

Я успел задать вопрос до того, как загрохотали пулеметы. Включились наши силовые поля, их твердеющие купола мерцали во тьме, точно отражение пляшущего пламени факела в стекле. Потом ночь подожгли панцирные танки, а лучевые пушки поддержали их благородным синим огнем. Ударная волна подхватила меня, опрокинула на спину, и, падая, я заметил катящийся мимо горящий обломок генератора защитного поля, за которым тянулась по камням

пышущая жаром полоса расплавленного металла.

— Под прикрытием отступаем к каньону, — спокойно сказал Гидеон. — На пути ставим «клещей».

Я едва расслышал ответ прадора, совершенно бессмысленный, по-моему.

— Вы послужите нам, — сказал он.

— Надо идти. — Пока я вставал, Гидеон сунул мину во вскрытую полость первенца.

Я подхватил оборудование и покидал все в рюкзак. На допросный имплантат плевать — он ведь одноразовый. Горный ландшафт то и дело озарял огонь пульсаров, вспышки лучевиков и мерцание силовых полей. «Комарики» плевались пламенем, а большая пушка мерно пятилась. Отступали и уцелевшие генераторы, их радиаторы охлаждения уже раскались докрасна. В миле от защищенного периметра под собственными силовыми полями наступали прадоры. Я разглядел крупного первенца, палящего из пулемета, прикрепленного к одной клешне — на другой был атомарник. Вторинцы, вдвое меньше размером, стреляли из прадорских аналогов наших пульсаров или продвигались вперед, таща на себе генераторы защитных полей. Два имплантанка ползли на гусеничном ходу, поплеывая из боковых башен шрапнелью, в то время как верхние турели заливали ночь зеленой лучей высокоинтенсивных лазеров.

Я смотрел, как отступают солдаты, постреливая одиночными и бросая в выбранные кратеры «клещей». Эти мины вели себя точь-в-точь как насекомые, в честь которых их назвали. Уловив движение врага, они выпрыгивали из укрытия и прицеплялись к жертве. Затем детонировал боекомплект, пробивая броню. Стараясь не отставать от Гидеона, я увидел, как один из наших бойцов буквально превратился в облако — ничего от него не осталось, кроме, разве что, обрывков камуфляжа.

— Шевелись! — рявкнул Гидеон. — Нам не выстоять!

Мы побежали, в считанные минуты добрались до края каньона и начали спускаться вниз, к руслу реки. А автопушки и генераторы щитов тем временем укреплялись наверху, прикрывая наш отход.

— Разгон на полную, — приказал капитан.

Я нажал на кнопку на запястье, и движения сразу стали легче, плавнее. Вскоре я мчался, как андроид, наравне с остальными, назад, к горам. За нашими спинами продолжался бой. Особенно громкий взрыв заставил меня обернуться — наша большая пушка исчезла бесследно.

— Глуши разгон, — озадаченно велел Гидеон. — Погони нет.

Я чувствовал, что отсутствие преследования как-то связано с «ресурсами», но смысл этих слов по-прежнему оставался неясным. Отключив форсированный режим скафандра, шлепая по мелким лужицам — всему, что осталось от реки, — я осознал, что небо посветлело. Лайденская Клоака скрылась за горами, и стало видно, что ночь уже на исходе.

— Эй, похоже, у нас гости! — воскликнул кто-то.

Все остановились и задрали головы. В вышине, над дивизией Бернерса, в бледном небе завис Государственный истребитель. И на душе сразу стало спокойнее. Каждый второй визит кораблей Государства сеял разрушения среди врагов быстро и четко — раз-два и готово. Может, теперь флот совместными усилиями вытащит нас отсюда?

— Почему истребитель, а не транспорт? — спросил Гидеон.

— Может, он прикрывает посадку судна побольше, — предположил я. — Если они решили забрать нас, то знают, что прадоры не останутся безучастными.

Синий луч ударил из истребителя, цепкие голубые молнии заплясали по склонам, превращая все, чего касались, в гигантские вспышки. Симфония разрушения добралась до нас чуть позже в сопровождении дрожи земли.

— Какого черта? — Не знаю, кто это крикнул, я или кто-то другой. Но луч еще не померк, а я уже понял, что удаленные караульные посты нашей дивизии только что были аннигилированы.

Действительно ли я видел то, что случилось дальше, или воображение дорисовало детали потом? Черные точки оторвались от истребителя и полетели вниз. Потом корабль, включив термоядерный реактор, сорвался с места, уйдя ввысь. Яркая вспышка — и визор шлема на пару секунд сделался непрозрачным, защищая глаза. А когда зрение вернулось, я увидел, как медленно-медленно, точно в

кошмарном сне, колеблются и крошатся горы, как дробятся их черные силуэты, плавясь в потоке огня.

— Он убил нас, — сказал Гидеон.

Пламя скатилось вниз и поглотило всех.

Война: Запоздалая прелюдия

Горняки Осыпи воткнули телепортационные врата, опутанные силовыми полями, в центр гигантского ядра планеты — и спокойно перемещали через подпространство тысячи тонн пермаллоя — сплава железа и никеля — на любые расстояния. А тем временем в сотне световых лет от них автодозеры, разрабатывающие астероид ЕГО 43, швыряли горы руды в передвижные топки. В некоторых мирах эти металлы весьма редки, но здесь, на Осыпи, они легко добываются, обогащаются и пересылаются. Большая потеря массы сместила НБ 43 с орбиты — ведь шахты на глубине мили изрезали весь планетоид, обдираемый, как луковица. Кварцевый песок сыпался во врата планеты Фракан, где пустыню высосали до самого скального основания. На выжатом до предела старине Юпитере кружили новые вихри, но добытчики газа продолжали жрать, как киты. Дробильно-плавильные заводы придирчиво выбирали астероиды из Пояса, точно лучшую конфетку из большой коробки. Вещества поступали из множества мест, растворялись в подпространстве и вновь появлялись в пункте назначения. И все незримые транзитные маршруты сходились к одной точке на краю хаоса — к заводу-станции, известному как Цех 101.

Похожий на гигантский аккордеон, выброшенный великаном-пожирателем миров, Цех 101 — восемьдесят миль в длину, тридцать в высоту, пятнадцать в ширину — располагался на границе системы двойной звезды. Ряды квадратных люков — выходов из громадных отсеков — бежали по каждой стороне станции. Один изрыгал ударные корабли — точно посверкивающий чешуей косяк сельди, разворачивались они в боевой порядок. По сигналу включались двигатели — и строй мчался в пространство. Другой выход медленно рожал гигантский ромб контактного дредноута. Еще один, на первый взгляд, производил дым, и лишь при большом увеличении можно было бы разглядеть, что это — рои насекомоподобных боевых дронов. Одни упали на хвост ударных кораблей, другие облепили оболочку дредноута. А третьи, те, что позловреднее, поодиночке отправились куда-то со своей разрушительной миссией.

Внутри станции похожий на саркофаг корпус рождающегося истребителя переместился на сто футов вниз по восьмимильному строительному туннелю. В пространстве, которое он занимал, уже

торчали раскаленные добела керметовые распорки, точно сходящиеся лазерные лучи. Потом они согнулись, покоробились под напором сверкающего силового поля. Возник остов еще одного истребителя — и отправился за своим товарищем, охлаждаясь до красноты на участках закалки под направленными струями газа. Из стен туннеля выдвинулось нечто вроде телескопических небоскребов, которые вошли точно в шестиугольные бреши в оболочке корабля. Третье подобное устройство подняло массивную глыбу трехзевного термоядерного двигателя, подвесило его на место и принялось выпускать монтажные щупальца, напоминающие стальных кольчатых червей, которые тут же с маниакальной скоростью начали что-то приваривать, прикручивать, прилепывать.

Затем последовали топливопроводы и резервуары, бухты сверхпроводников, видеодатчики и прочая корабельная аппаратура — кое-что уже самораспаковывалось. Монтажные щупальца проникли внутрь, быстро заполняя утробу истребителя. Точно прибывающий поезд, соскользнул с отъехавших манипуляторов рельсотрон. Лишенное оболочки судно перевернулось, и рельсотрон встал на место — прочно, как крючок, вонзившийся в рыбью губу. Один за другим вклепывались бесчисленные близнецы, твердотельные лазеры. Щелкнула при проверке механизма заряжающаяся карусель рельсовой пушки, потом позади нее соткалась решетка, заполнившаяся неактивными снарядами и ППУ — противопланетными устройствами; не называть же «гигасмертью» эти баллоны с антиматерией, хотя суть бы это отразило как нельзя более верно. Явилась незванным гостем биобаллистическая пушка, устроившись в гнезде раньше, чем истребитель вновь повернулся, и еще два раздвижных небоскреба помогли приколоть очередного жучка в этой коллекции.

Прибыла новая порция оборудования: два похожих на торпеды цилиндра, связанные между собой оптоволоком. Они буксировали мишуру кабелей, побеги кронштейнов, плавники раскаленных лопастей, искажающих пространство в жутком линзовом эффекте. Монтажные щупальца прикрутили их, и теперь маленькие ремонтные роботы, распаковавшись, двинулись закреплять прочую аппаратуру.

Включился термоядерный реактор, питая компьютеры, которые, в свою очередь, запустили проверку, передавая данные строителям. Твердотельный лазер был снят, отброшен — и тут же подхвачен мусорщиками, ползающими по стенам, как медные тараканы

размером с автомобиль. Его заменили на другой. Далее последовали трубы опускных крепей и какие-то огромные блоки с воздушным шлюзом на одном конце и крепежным стержнем на другом. Их подсоединяли повсюду, они служили лимфатической системой корабля. А затем пришло время обстановки, кают, скафандров, припасов и прочих принадлежностей человеческого существования. Уже начали появляться ромбовидные чешуйки композитной брони, и монтажная пена заполняла оставшиеся внутренние пустоты.

Сборщики уложили частично разогретые керметовые пластины, подогнали их друг к другу и отполировали до зеркального блеска. Пустые проемы шлюзов закрыли герметичные створы. В последней полости два объекта, похожие на клапаны древних бензиновых двигателей, чуть разошлись в готовности. Первостепенной важности кристалл прибыл в тот момент, когда на место вставляли последние пластины оболочки. Он помещался в амортизирующем кубическом контейнере, однако из-за спешности производства уже таил скрытые дефекты. Мерцающий кристалл — два фута в высоту, фут в длину, полфута в ширину — многослойный бриллиант, пронизанный нанотрубками квантовый процессор. Его микроскопическая структура была сложнее строения всего корабля. Монтажная рука, похожая на распухшую змею, сняла упаковку, обнажив блистающий в окружающей серости драконий коготь кристалла, и поместила его на опорную раму. И, наконец, закрылись клапаны, и последние отполированные чешуйки корпуса прижались к своим товаркам.

Раздробленное сознание истребителя пробудилось.

«Ты — боевой разум Кловис, заключенный в обломке крушения в милю длиной, падающем в хромосферу зеленого солнца. В уцелевших герметизированных коридорах вокруг тебя — обугленные человеческие кости и жирный дым. Твоих големов-андроидов переклинило, а аварийный выход заблокирован — спасибо прадорскому вторинцу-камикадзе. Когда спасатель, краб-робот, выхватил тебя из огня, ты остался безразличен, поскольку давным-давно смирился с неизбежностью забвения...

Ты — убийца-дрон по имени Крутой Опекун, или Круть — для своих. Все твои лапки — холодное оружие, заточенное до атомарного уровня, твои надкрылья — гигантские скальпели, и жало твоё

способно пронзить даже пластинчатую броню, чтобы ввести жертве любой из обширной коллекции вырабатываемых тобой ядов, вызывающих мучительную смерть. Ты отрубил конечности прадорского первенца, этого недоросля жестокой расы чужаков, и он хрипел и булькал, когда наномехи поедали его разум и загружали в тебя симфонию данных. Ты любишь свою работу творца ужаса, ведь в ней находит выход твоя абсолютная ненависть к твоим жертвам...

Ты — дредноут ИИ „Вишну-12“, и номер у тебя такой потому, что много подобных тебе выбрали это имя.

Пятимильный ромб твоего тела несет оружие, способное уничтожить мир внизу. Но ты математически точен, стреляя, ибо служишь высшей цели, знание — твой смысл, и верность — твой долг. Но весь мир сейчас оккупирован врагами—прадорами, и судьба людей, оставшихся внизу, предрешена. Твои рельсотроны посылают боеголовки с антиматерией в ядро планеты, а ты уже намечаешь следующую задачу. И ты летишь, оставляя за собой растущее облако раскаленного добела газа, перевитое красными нитями магмы...

Ты не прошел полную проверку и, возможно, даже не жизнеспособен. Ты — версия 707, ты составлен из частей тех, кто выжил в военное время. Кристалл, в котором ты обитаешь, поврежден, квантовые процессы твоего разума по природе своей непредсказуемы, но время не терпит. Ты новорожденный, ты только что из горнила — и направляешься в ад. И когда ты попадешь туда, ты назовешь себя — хотя никто не поймет почему — „Пенни Роял“^[3] ...»

Глава 2

Спир

Второй раз я проснулся в амниотической капсуле, дыша через трубочку и с несомненным ощущением проникновения в мой череп. Я открыл глаза, но все расплывалось, железная сетка скользнула под меня, поднимая из жидкой среды к резкому яркому свету. Меня качнуло к стенке камеры, потом вновь опустило. Холодные металлические зажимы охватили голову, пробуждая недавно вернувшиеся воспоминания, которые я еще внимательно не изучал, так что я попытался сопротивляться.

— Сохраняйте спокойствие, — проговорил ровный и чуть чопорный голос.

Я подчинился, но все равно ощущал, как бегают по спине мурашки, пока холодные пальцы вытаскивали из моего черепа что-то — вероятно, современную версию загрузочной оптики и нейрохимические кодирующие узлы. В глазах прояснилось — вовремя, как раз чтобы успеть увидеть удаляющуюся из поля зрения железную руку голема-андроида. Зажимы ослабли, и я тут же сел — чтобы мгновенно ощутить тошноту и головокружение.

— Помедленнее, — вновь повернулась ко мне медсестра. Во время войны големы были стандартными андроидами, производимыми Государством. Возможно, и сейчас тоже. Металлокерамический моторизированный каркас, или скелет, обычно скрывался под синтеплотью и синтекожей — и управлялся кристаллом ИИ. Этот экземпляр выглядел совсем как Вера из той виртуальности, в которой я пробудился в первый раз после... смерти. На медсестре была спецодежда из монопнити, и на моих глазах андроид натянула на обнаженное железо руки перчатку из синтекожи, тут же припаяв ее невидимым швом у запястья и тщательно прижав в определенных местах — несомненно, восстанавливая нервную сеть. Я заметил мелкие изъяны, отсутствовавшие в виртуальности, но придающие андроиду более человеческий вид: легкая асимметрия, псевдошрам, неряшливо собранные в пучок жирноватые волосы, которые явно нуждались в шампуне. Големы моего времени всегда выглядели абсолютно безупречно.

Я откинул железную сетку и встал. Болело все — от макушки до

пяток, и слабость была дикая. Находились мы в комнате, которая, как я узнал позже, являлась выходной стороной конвейера автоматизированного воскрешения. Я огляделся, и острое чувство дежавю пронзило меня, когда решетка на раздвижных стойках снова поднялась.

— Где я?

— Палата Р-12, Кронг–Тауэр, Лондон, Земля.

При слове «Кронг» что-то заворочалось в памяти, но в нынешнем, близком к панике состоянии я не стал разбираться, что меня задело. Впрочем, хотя палата казалась знакомой, я твердо знал, что никогда не был тут прежде, да и ни в каком другом месте, хоть отдаленно похожем на это.

— И что теперь? — спросил я.

Большой палец сиделки указал на дверь в дальнем конце комнаты:

— Там вы можете умыться, вам предоставят одежду и браском, подключенный к субразуму Земли–Центральной. Коммуникатор сообщит вам все, что вы захотите узнать.

— Потом... — Она пожала плечами. — Что вам делать дальше, полностью зависит от вас, поскольку вы — свободный гражданин Государства.

— Правда?

Неужто ИИ наконец сообразили, как работает разум, подобный моему, и меня оставят в покое? Впрочем, даже если и нет, они наверняка сняли копию, чтобы исследовать на досуге.

— Правда, — подтвердила Вера.

— Спасибо, — поблагодарил я, но она уже повернулась к другой капсуле, скользнувшей на место моей. Внутри неуклюже ворочался следующий воскрешаемый.

Я потащился прочь из комнаты, пытаясь разложить по полочкам все, что мне было сказано, умышленно избегая при этом последних вернувшихся воспоминаний. Они были какими-то неправильными, разрозненными, как воспоминания о какой-нибудь кошмарной ночной драке в пивнушке, — и вызывали такую же досаду и отвращение. Мне не хотелось прикасаться к ним: это причиняло боль.

Лучше сосредоточиться на поразительном настоящем. Мемплант, разработанный Силаком, позволил мне обмануть смерть. Теперь я в клонированном теле, а до этого больше века просидел в рубине, превращенном в квантовый компьютер. Мой труп, вероятно, давным-давно сгнил где-то, а мемплант отделился от тела в результате события, убившего меня — возможно, мне прострелили голову. Или имплантат намеренно извлекли накануне смерти. Вот чего не знаю, того не знаю. Потом рубин достался кому-то, кто решил превратить его в украшение, и спасибо ему: не распилил камень. И вот недавно его нашли и вернули на Землю.

Больше века...

Сильно ли все изменилось? Размышляя, я осматривал комнату, указанную Верой. Вдоль стены стояло восемь высоких шкафчиков с приклеенными к дверцам небольшими жидкокристаллическими экранчиками, на которых значились имена. Я застыл, выбитый из колеи: мое имя на одном из шкафов, такое знакомое и написанное совершенно правильно, казалось абсолютно *неверным*. Открывая дверцу, я боролся с ощущением, что собираюсь рыться в чужом имуществе. Видимо, эти странные реакции — последствия того радикального процесса, которому я только что подвергся. Окинув взглядом ряд шкафчиков, я вновь осознал, что являюсь всего лишь одним из партии воскрешенных сегодня, хотя, возможно, единственным из столь далекого прошлого.

В шкафу висела одежда, похожая на ту, что я носил когда-то. Очень может быть, что ее сшили специально для меня, поскольку сомнительно, чтобы моды остались прежними. Развернувшись, я шагнул в другую дверь, обнаружив там ванную, — и мельком удивился своей уверенности, что она должна была находиться именно там. Я принял душ, постаравшись соскрести с кожи всю липкую жижу из капсулы, вернулся к шкафу и взял браском.

— Торвальд Спир, — ожил браслет, едва я надел его.

— Я не заметил никаких значительных технологических изменений, — заявил я, чтобы проверить умственные способности своего собеседника-субразума.

— Кривая технологического развития снизилась перед войной, — последовал бесстрастный ответ, — поднялась во время войны — в основном благодаря оружейным, медицинским и космическим

отраслям, — а впоследствии обрела стабильность с тенденцией к медленному росту.

— Следует предположить, что кто-то намеренно замедляет процесс, — заметил я.

— Следует предположить, что иначе медленные органические существа за процессом не поспеют.

Я решил, что *этот* суббразум мне по нраву.

— Можешь звать меня Боб.

— Так куда теперь, Боб?

— Наружу, туда, где тебя ждет аэрокэб. Он доставит тебя в гостиницу, где я уже зарезервировал номер. Я останусь с тобой, пока ты не приспособишься, а потом действуй сам. В левую дверь, потом в конец коридора и направо к гравишахте. Потом вниз и наружу через вестибюль.

— Как мне расплачиваться?

— Платежная служба Земли-Центральной, но о средствах не беспокойся.

— В смысле?

— Тебе выплачено жалование вплоть до момента твоего воскрешения — это норма для всех солдат, чьи мемпланты обнаружили позже. А твоим случае это означает, что ты богат до неприличия.

Шахта стала моей первой встречей с переменами. Во время войны они встречались разве что на борту космических кораблей, а земные здания довольствовались лестницами и лифтами. Я замешкался у зияющей пропасти, затем, следуя инструкциям Боба, коснулся сенсора, выбрав вестибюль, и шагнул в дыру. Сомнительно, чтобы меня воскресили только для того, чтобы полюбоваться, как я расплещусь в лепешку. Радужное гравитационное поле подхватило меня, и я, плавно спустившись, ступил в зал, украшенный огромными панно со сценами земной жизни. Потом вышел на широкую улицу, к домам высотой в милю, где небо над головой казалось узенькой голубой лентой реки. Следующая встреча с будущим — шофер. В мое время были только автотакси — ну и зачем было возвращаться к водителям? Тело его плотно обтягивал синий комбинезон, кожа была

чешуйчатой, глаза — змеиными. А когда он ухмыльнулся, во рту мелькнули гадючьи зубы.

— И куда?

— «Автон», — ответил Боб.

Аэрокэб определенно стилизовали под ретро — он походил на автомобиль, ездивший по земле за сотни лет до моего рождения, и даже имел колеса. Подняв машину в воздух, лавируя в каньонах зданий, водитель попытался завязать со мной беседу, чем лишь привел меня в замешательство. Я понятия не имел, что такое «хупер» или «уткотреп», не говоря уже о «джайнтехе» или «хаймане», и еще больше терялся от ощущения того, что слова эти мне смутно знакомы. Интересно, когда это прекратится, ведь я уже испытывал подобное дежавю пару раз. Однако я определенно понимал, что такое сфера Дайсона^[4], и, несмотря на разговоры Боба о стабильном состоянии, был шокирован. Похоже, шофер тоже был расстроен. Позже мне стало известно, что земляне водят машины ради интереса и общения, а не ради заработка. Видимо, в тот день я не был лучшим его пассажиром.

Лондон изменился: кое-какие здания я узнавал, но их затмевали новые строения, тянущиеся ввысь милями на две. Я заметил Елизаветинскую башню и Вестминстер в полукружье парка у реки. Но никаких признаков мерцэкранов — «мягких» силовых полей, защищавших эти здания от хищнического туризма в мое время. Впоследствии я узнал, что каждый их кирпичик покрыт слоем щитостекла, так что туристам позволили вернуться. Наконец кэб опустился рядом с другими такими же экипажами на парящую высоко в воздухе парковочную платформу у здания, похожего на лезвие скальпеля высотой в милю. Оттуда шахта доставила меня в плюшевый интерьер бара-салона.

Одну стену полностью занимало панорамное окно, за длинной барной стойкой стоял серебрянокожий гуманоид, который мог быть как големом, так и человеком. Отдельные кабинки у стен разделяли псевдодеревянные решетки, а посередине расположились уютные диванчики и низенькие столики. Бар был набит битком — и людьми, и иными, не столь узнаваемыми персонами.

— Твой номер тысяча тридцать четыре, — информировал Боб.
— Если есть вопросы, просто обращайся или воспользуйся вон тем

пультом. С этого момента мне потребуется три секунды, чтобы откликнуться, поскольку я занимаюсь другими делами.

— Какими другими делами? — спросил я, заподозрив, что Боб догадался о моем намерении погрузиться в исследование бара.

— Личными, — коротко отрезал субразум.

— Ясно. Ты сказал — все оплачено?

— Да, пока не встанешь на ноги. Пока всё?

— Пока всё.

Я двинулся к бару. Когда я проходил мимо одного из низких диванчиков, с него поднялась черноволосая женщина. Я с любопытством взглянул на нее, отметив остроконечные ушки, остренькие зубки и остренькое же кошачье личико. Одежды на ней было не много: короткая облегающая маечка из кожи ящерицы, которая, впрочем, могла быть и нанесенным прямо на тело рисунком, и просторные шорты до колен цвета хаки из метаматерии, на которых то и дело возникали — каждый раз в разных местах — прозрачные ромбы. Ансамбль дополняли несколько старомодные красные туфли на высоких каблуках. Позже я узнал, что таких, как она, называют «котофицированными» и эта женщина зашла еще не слишком далеко — не покрыла, например, все тело шерстью. Но все, что она с собой сделала, лишь подчеркивало ее сексуальность. От ее вида у меня перехватило дыхание и зануло в паху — я просто не был готов к эффекту такой силы. Она посмотрела на меня и понимающе улыбнулась. Я кивнул, признавая полное поражение, и продолжил путь к бару, залитый румянцем смущения, точно прыщавый подросток. И вновь накотившее дежавю отнюдь не улучшило мое состояние.

— Большой бренди, — сказал я серебристому гуманоиду, ожидая, что он переспросит, какой именно. Но бармен повернулся к длинной полке, выбрал бутылку «Хеннесси» и щедро плеснул в пузатый коньячный бокал, который, секунду подержав в руке, опустил на стойку. Стекло стало теплым. Отметив отсутствие видимых модификаций, я решил, что бармен — голем. И, предположительно, именно тот, что должен загрузить мою память информацией. Впрочем, за сто с лишком лет все могло измениться.

— Спасибо.

Я вдохнул аромат и отхлебнул — вкус и ощущения оказались острее, чем помнились. Делая следующий глоток, я думал о женщине-кошечке, а потом — о теле, которое занял. Как и многие солдаты во время войны, я претерпел много модификаций — повысил болевой порог, уменьшил время реагирования, увеличил силу и изменил сопротивляемость к некоторым стимулирующим веществам, хотя остановился на физическом улучшении, или форсаже. А еще — понизил либидо, как штуку бесполезную в военных операциях и при биошпионаже. Имеется ли у этого тела своя наносистема, или какие там методы управления используются сейчас? Почти наверняка, но почти так же наверняка набор настроек там базовый. Я взгромоздился на барный стул.

— У меня вопрос, — обратился я к своему браслету.

После небольшой задержки Боб откликнулся:

— Какой?

— Это тело содержит нанокompлекс?

— Да, хотя и несколько более продвинутый, чем тот, которым пользовался ты.

— Как я могу его перенастроить?

— В этом отношении многое изменилось — у Уткама найдется кое-что для тебя.

Мигом позже передо мной вновь стоял серебристый бармен.

— Уткам?

Он кивнул и положил на стойку передо мной прозрачный браслет, тонкий, как бумага, шириной около дюйма. Я взял его и принялся внимательно изучать.

— Что это?

— Манжетон, — ответил Уткам и снова отправился обслуживать кого-то на другом конце бара.

Всю поверхность браслета занимали миниатюрные кнопки, и едва я занес палец над одной, она увеличилась, потеснив остальные. Проверив каждую по очереди, я обнаружил все известные мне возможности наносистемы, а также еще несколько функций, оставшихся загадкой. Я пристроил браслет на правое запястье, и он

тут же сомкнулся, точно приклеившись к коже, и покраснел. Я торопливо отыскал кнопку со скользящими шкалами, регулирующими все аспекты человеческого полового влечения, и уставился на них.

— Ай-ай, как не стыдно, — промурлыкал голосок у моего плеча.

Я повернулся и увидел ее, скользнувшую на стул рядом со мной. Уткам мигом оказался напротив, чтобы налить в высокий бокал перед женщиной какую-то зелень. Кошечка отпила, облизнулась, сверкающие коготки дробно прошлись по стойке. Дежавю вернулось с новой силой, растянув подобные встречи в вечность, точно череду отражений в двух зеркалах. Я тряхнул головой, пытаюсь отогнать навязчивое состояние, и сконцентрировал внимание на даме.

— Ты только что из Кронг-Тауэра? — спросила она.

— Да, — ответил я, — и считаю свои реакции слегка ослабленными, с базовыми-то установками наноконтекста.

— Лучшего места ты найти не мог. — Она подняла руку, охваченную таким же манжетомом, как у меня. И тоже красным.

Окинув взглядом других клиентов бара, я поинтересовался:

— А что означает синий цвет?

— Скуку. — Она отставила коктейль. — Полагаю, ты снял здесь наверху номер?

— А поговорить? — только и выдавил я.

Голос мой срывался, тело горело и чуть не взрывалось, и это мне не нравилось. Инстинкты велели усилить самоконтроль, потому что глубоко внутри я чувствовал настоятельную потребность, которую не мог определить, и знал, что есть что-то, что мне нужно сделать...

— Можно и поговорить, — откликнулась кошечка. — Ты можешь рассказать о войне, которая закончилась за двадцать лет до моего рождения, а я — о культуре привлекательности, утраченном искусстве и паттернах Тирпла Глассера.

«О войне, — подумал я, — что-нибудь о войне...

Мне нужно забыть об этом. Мой разум еще не заработал по-настоящему и не получил жизненно важной информации».

— Я всегда восхищался Тирплом Глассером, — заявил я, осушив

бокал. Война подождет. Ждала же она, в конце концов, сотню лет.

Женщина соскользнула со стула:

— А я всегда считала войну *такой* интересной.

В дверь номера 1034 я ввалился с ее языком во рту и ее ногами, обвитыми вокруг моей талии. К тому времени, как я обнаружил кровать, кошечка скинула туфли и не слишком желала отцепляться. Пошатнувшись, я все же уронил ее на постель и принялся стягивать одежду. С ее тряпочками все оказалось куда проще. Одно касание лифчика — и топик буквально всосался сам в себя, обернувшись шариком, который девица отцепила и швырнула на пол. Освобожденные груди соблазнительно качнулись. Еще одно касание — и шорты закатались в трубочку, став пояском на талии, — их она тоже смахнула одним движением. Откинувшись назад и прогнувшись, она принялась извиваться на простыне, поглаживая себя между ног и облизывая губы, точно порнозвезда. Мой внутренний циник-эстет захлебнулся смехом, но остальным моим внутренним «я» было плевать на эстетику.

— Прощения просим, — просипел я.

Она ухмыльнулась, обнажив длинные клычки, перекатилась на живот и встала на четвереньки, дерзко вильнув задом. Я взгромоздился на кровать позади кошечки, ногой раздвинул ее колени пошире, опуская цель на нужный уровень, стиснул тугие бедра и потянул девицу на себя, одновременно войдя в нее — и постаравшись попасть как можно глубже. Пожалуй, у нее было время, чтобы испустить парочку эротичных, по ее мнению, стонов но не больше.

Ее звали Шил Глассер — и она была дочерью знаменитого Тирпла Глассера, о котором я никогда не слышат. Мы поговорили немного и взяли по выпивке из автобара моей комнаты. Потом я кое-что подкрутил на манжетоне, и следующий час стал весьма приятным, хотя какая-то все еще неопределенная потребность во мне мешала сполна насладиться ситуацией, да отчасти виновата была и сама девушка. Чуть позже я выяснил, в чем дело: она оказалась одной из пяти женщин, узнавших через сеть ИИ о моем воскрешении, и вступила в соревнование за право первой подцепить меня. Вот так развлекаются некоторые в мирном человеческом обществе. Ей просто повезло, что она оказалась в нужной гостинице. Я должен был

догадаться, что кошечка знает обо мне больше, чем должна знать, когда она упомянула войну. Ну и ладно. К чему заморачиваться? Подвыпив, она, ничтоже сумняшеся, предложила пригласить друзей. Но я отказался, поскольку, несмотря на все настройки браслета, все-таки устал — возможно, и это тоже одно из последствий воскрешения, — и, в любом случае, был несколько старомоден в подобных вещах. Я уже задремывал, когда она поцеловала меня в лоб — и поступок этот, как ни странно, взволновал меня.

Проснулся я в разгар дня — и вкратце припомнил виртуальную интерлюдия, предшествовавшую воскрешению. Потом сел, гадая, сколько же сейчас времени. Выбравшись из кровати, я с чувством, близким к стыду, оглядел измятые и запачканные простыни, потом все скомкал и сбросил на пол. Глупо, конечно, ведь ими наверняка займется потом робот. Я залез в душ, и, пока вертелся под струями, мысли мои обретали четкость, выстраивались по ранжиру, отрывались от данного момента и тянулись в будущее. И в итоге неопределенная потребность обрела имя.

— Ты здесь, Боб? — спросил я у браскома.

— Всегда, — ответил он после короткой паузы.

Я сел перед комнатным терминалом, и зеркало тут же переключилось в режим экрана, расцветившись понизу голографическими кнопками. Я замешкался, не зная, как сформулировать запрос, но решил идти напрямик.

— Что тебе известно об ИИ по имени Пенни Роял?

Едва я произнес эти слова, все воспоминания о встрече с Шил Глассер ускользнули куда-то в глубины сознания. Да и о чем там думать — короткая встреча, разовое соитие без последствий. Прошное сгущалось вокруг меня, готовясь стереть недавние удовольствия и определить будущее. После довольно долгой паузы Боб ответил:

— Поиск даст тебе все дозволенное. Полагаю, ты нагонишь время.

Знал ли Боб мою историю, догадался ли о моих намерениях? Мне хотелось продолжить расспросы, но, пожалуй, действительно требуется больше информации, прежде чем определиться с курсом. Одно казалось почти неизбежным — стремление к мести. Мне нужно будет придумать, как уничтожить вышедший из-под контроля ИИ,

занесенный в черный список Государства. Я снова сел, вскинул руки над голографическим пультом — и тут же отдернул их. Новые воспоминания грозили обернуться новым кошмаром. И в глубине души я понимал, что встреча с ними станет нелегким испытанием...

Война: Панархия

Я очнулся в полной темноте, подвешенный вниз головой, с ощущением, что меня только что протащило через прокатный стан. Во рту пересохло, но жижка, сочащаяся из питьевой трубки скафандра, отдавала мочой. Лицо болезненно зудело, вероятно, из-за ожога от вспышки, излучение которой не смог поглотить защитный козырек. Двигаться не хотелось, я ведь понимал, что, должно быть, не ощущаю и сотой доли истинных повреждений. То, что я вообще остался жив — после нахождения в зоне многочисленных ударов мегатонных ПЗУ, — граничило с чудом.

Я висел, покачиваясь, и слышал, как что-то шевелится рядом, хотя вся электронная начинка скафандра, кажется, перегорела. Что происходит? Так, явился Государственный истребитель, устроил бомбардировку, стер дивизию Бернерса с лица планеты... Ничего не понимаю, разберусь позже, бессмыслица какая-то. Взрывная волна или огненная буря подхватили меня, и теперь... я вишу вверх тормашками. Может, меня зашвырнуло на дерево? Нет, здесь, на Панархии, деревья не растут. Ну, по крайней мере в нашей местности.

Что-то, пискляво взыв, задело мою лодыжку, и ноге тут же стало холодно. Потом тонкий визг раздался возле другой ноги, и ее пронзила резкая боль; я дернулся, потом что-то сжалось вокруг моей шеи и потянуло — под непрекращающееся завывание в районе ног. Я почувствовал, что с меня спадает скафандр, и понял, что кто-то его режет, чтобы меня вытащить. Защитное снаряжение грубо содрали с ног, бедер, туловища, потом дело дошло и до рук. Глаза застила пелена, но я различил яркий луч, скользящий по лицевому щитку. Потом стрекот взбесившегося кузнечика ударил по барабанным перепонкам, перескочил на макушку, двинулся через затылок ниже — и мой шлем, распавшись надвое, грохнулся на землю. Я заморгал, восстанавливая зрение... ох, лучше бы я этого не делал.

Стоящий вплотную к тебе вторинец — не самое приятное зрелище, а этот представитель расы прадоров отличался особой уродливостью. Панцирь у него был грязно-горчичный, весь в глубоких царапинах и выбоинах, отливающих зеленью и багрянцем. Один глаз отсутствовал, его заменял датчик движения на оптической антенне, торчащей рядом с обугленным слепым стебельком.

Расположенные полумесяцем глаза ниже, под антенной, горели красным за защитным козырьком. Мелькнула и пропала заскорузлая клешня, утыканная резцами из бронестекла. Потом сплюснутая груша на пяти суставчатых крабовых ножках попятилась, отступая.

И я увидел первенца прадора. Он очень походил на своего меньшего родича, только был вдвое крупнее и пурпурно-желтый. Имелись у него дополнительные крепежные узлы для оружия, сейчас лежащего грудой на земле поблизости — там хлопотал другой вторинец. Взгляд мой побежал дальше и засек еще трех вторинцев, несколько горок снаряжения и ряд из четырех голых человеческих тел. Я не узнал никого — трупы обгорели почти до костей. Чуть повернув голову, я выяснил, что свисаю с перекладины, торчащей из частично разобранного имплантанка. Второй ее конец крепился к шесту, вогнанному в скалу. На перекладине болтались еще два человека — пока что живых. Рядом со мной, справа, висел Гидеон, второго я не узнал: хотя он и шевелился, лица у него не было.

Я понимал, что последует дальше, и, судя по гримасе Гидеона, он тоже знал это. Нас будут долго допрашивать, но, даже если мы ответим на все вопросы, все равно запытают до смерти. Возможно, мы увидим, как собравшиеся вокруг твари пожирают части наших тел. Но, если повезет, один из этих уродов в процессе перевозбудится настолько, что убьет нас быстро.

Вторинец поспешно отполз, раболепно уступая место приближающемуся первенцу. Чужак навис над нами. Пристально изучив все жертвы, он ткнул меня своей клешней, точно промышленной стамеской, мигом выбив из меня дух. Удовлетворившись, по-видимому, результатом, он перешел к Гидеону и поступил с ним так же. Но тот, похоже, был не настолько серьезно ранен, как мне казалось: резко подтянув корпус, он вцепился в один из крабьих стебельков-глаз, стремясь хоть как-то навредить врагу. Стремительно взлетела клешня, щелкнула, и Гидеон заорал. Из запястья его хлынула кровь, а кисть руки шлепнулась на землю. Первенец двинулся к последнему в нашем ряду живых и принялся тыкать человека клешней, извлекая душераздирающие стоны. Безобразный вторинец тем временем подскочил сзади, поднялся на задних ногах, а передними-манипуляторами, вылезшими из-под брюха, поймал руки Гидеона. Что-то щелкнуло, и капитан закричал снова. Теперь его предплечье над изувеченной кистью стискивал железный обруч. Враги не хотели, чтобы кто-либо из нас истек

кровью и умер преждевременно.

А первенец все продолжал тыкать раскачивающееся тело солдата без лица. Затем, видно, придя к какому-то решению, он щелкнул дважды, отрезав человеку обе ноги по щиколотку, поймал на лету падающего и отпихнул тело в сторону. Потом пару раз булькнул, и вторинцы сомкнулись вокруг жертвы. Визжал несчастный недолго — слишком уж чужаки изголодались по свежатине. В считанные секунды солдата разорвали на хрустящие кусочки, исчезнувшие под жующими жвалами прадоров.

Первенец вернулся ко мне и Гидеону, забулькал, и из спрятанной под челюстями коробочки переводчика раздался человеческий голос:

— Отцы идут. Требуется проверка.

— К черту твоих безногих отцов и тебя самого! — заорал Гидеон.

Он был смелым человеком, знаю, но знал я и то, что капитан пытался ускорить свой конец.

Шест дернулся, я скосил глаза и увидел, что нашу жердь ухватил все еще радостно жующий вторинец. Ухватил — и сбросил с танка. Мы рухнули, и следующее, что я помню, — вторинец волочит меня по скале. Я не боролся, как Гидеон, но результат оказался таким же. Мы оба лежали, уткнувшись носами в камень, пригвожденные к земле железными скобами, удерживающими наши руки и ноги. Я даже испытывал некоторое облегчение после столь долгого пребывания в подвешенном состоянии вниз головой, но не мог понять, зачем нас сняли.

Прошел час или больше, когда мне удалось чуть-чуть повернуть шею и посмотреть, что творится вокруг. Прадоры нас не трогали. Один из вторинцев попытался подкрепиться трупом — и ему раскроили за это панцирь. Он кособоко отполз, шипя, булькая и сочась зеленой кровью.

Такова дисциплина у прадоров и таковы наказания. Впрочем, подобная рана не убьет гада.

Наконец что-то появилось над горами. Это оказался грубый прадорский гравиборт, похожий на короткий толстый грузовой звездолет. Нас обдало ветром вперемешку с пеплом и брызгами из ближайших луж. Потом все накрыла тень снижающегося корабля.

Прежде чем стихнуть, гул двигателей долго сотрясал землю. Затем опустился гигантский трап, и резко запахло морем и гнилью. Промчались два вторинца с тяжелыми железными рамами странной формы на спинах. Затем на гравидвижках спустился Отец — грандиозная туша в пятнадцатифутовом панцире, с искусственными, широко расставленными металлическими клешнями-протезами на передней половине тела. Две ноги с одного бока казались парализованными и едва не отваливались. Я заметил четыре шестигранника неизвестного назначения, приваренных рядом под жвалами, одно из которых тоже являлось протезом. Но все мои размышления над загадкой этих коробочек оборвались, едва я увидел, кто спускается по трапу следом за прадором.

Четыре человека шли вниз: трое мужчин, одна женщина. Высокие, мускулистые, но кожу их испещряли странные синие кольца, словно эти люди подхватили какую-то инопланетную чуму. Все они были обнажены, в одних лишь портупях — но уж в оружии недостатка не испытывали. Еще они несли разрозненные части какого-то оборудования, и, заметив кое-что из медицинской техники Государства, я с ужасом заподозрил, что последует дальше.

— Гребаные предатели, — прохрипел Гидеон, но голос его был так слаб, что, наверное, достиг лишь моих ушей.

Прадор-отец повис над нами, так близко, что чувствовалось, как его гравидвижки попеременно пытаются то вогнать меня в землю, то оторвать от нее. Потом он снизился, а первенец подсунул под каждый отцовский бок по железному каркасу. Главный зритель занял почетное место и приготовился смотреть спектакль.

Четверо людей, до сего момента стоявшие, словно каменные, дернувшись, пришли в движение. Они направились прямоком к Гидеону и окружили его. Капитан продолжал ругаться, даже когда его исследовали государственным диагностером, ставили капельницу и накачивали разной дрянью. Замолчал и обмяк он только после того, как на его позвоночнике в нескольких местах разместили блокираторы нервов. Воистину странно, однако Гидеона полностью лишили чувствительности — то есть избавили и от боли.

А потом его начали резать.

Быстро, квалифицированно, точно опытные мясники, разделяющие тушу. Сперва содрали кожу, потом плоть с затылка и

шеи, потом с помощью медицинской пилы вскрыли череп и обнажили мозг. Вырезали часть шейных позвонков, тонкими гибкими лезвиями сделали ряд надрезов в нижней части спины. Уже несколько капельниц вводили в его тело разные препараты. Я услышал шипение кислоты и увидел, как ноги Гидеона задержались. Потом глухо захрустело, и синяя женщина подняла что-то округлое, окровавленное, с каким-то хвостом, тянущимся следом, — и отбросила это в сторону. Когда же «это» шлепнулось на землю, я осознал, что у Гидеона только что извлекли мозги — головной и большую часть спинного. Но это бессмысленно! Его убили под анестезией. Или палачи забраковали то, что для них бесполезно?

А тем временем прадор-отец, совсем как кинозритель, жуящий попкорн, глотал куски человеческой плоти, которыми его кормил один из вторинцев. Я подумал, а не умер ли я уже и не угодил ли на какой-то совершенно безумный круг ада? Потом повернулся к Гидеону и увидел, что с ним еще не закончили.

В его шею, туда, где был позвоночник, вводили ребристую глянцевую трубку. Прежде чем вся она погрузилась в тело, к концу трубки прикрепили короткий цилиндр, который немедленно выпустил острые железные иглы, воткнувшиеся в череп. Следующим шагом снятую крышку черепа поместили на место, зафиксировали ее с помощью государственного костесварочного агрегата, а затем клеткосварочный аппарат залатал плоть. А я все смотрел, ужасаясь и недоумевая.

Забулькал, защелкал Отец. Я перевел взгляд на монстра — один из его первенцев вручал ему очередной шестигранник, совсем как те кубики, что уже крепились к панцирю, и Отец принял дар, не переставая жевать кошмарную снесь. Когда я снова посмотрел на Гидеона, один из мужчин выдергивал из скалы удерживавшие капитана скобы — для чего требовалась воистину немыслимая сила. А я размышлял, что же они сделают с телом дальше — даже когда женщина подошла ко мне с плазмакапельницей и диагностером. Может, эта штука, которую они вставили, придает мясу некий особо изысканный вкус, горячо любимый присутствующим здесь Отцом? Глядя, как женщина садится рядом на корточки, я лишь надеялся умереть так же легко, как Гидеон. Я посмотрел на него, и тут...

Гидеон дернулся — раз, другой, потом резко встал на четвереньки. Точнее — на два колена и одну руку. И я понял то, что

до этой секунды просто отказывался понимать. Ему имплантировали аппаратуру управления и контроля. Но ведь телу не перенести подобную травму?! Ошеломленный, я почти и не заметил, что женщина уже ставит мне капельницу.

Гидеон разогнулся, приняв совершенно неестественную позу, и сделал пару шаркающих шагов. Взглянув на прадора—отца, я заметил, что он все еще держит шестигранную коробочку — точно такую же, как и четыре на его панцире, и меня как осенило — я увидел теперь связь с четырьмя присутствующими здесь людьми. Мой бывший товарищ тяжело вздохнул, сделал еще шаг и рухнул плашмя. Четверо синекожих палачей и все прадоры, кроме Отца, оцепенели. Некоторое время Гидеон дергался и корчился на земле, потом сверкающие железные иглы высунулись на миг из его черепа — и тут же втянулись обратно. С хрустом разошелся костяной шов, череп открылся, и устройство вывалилось наружу. Оно по-прежнему крепилось к глянцевой трубке, как какой-то причудливый побег артишока. Прадор—отец отбросил шестигранник. Вскинулась гигантская клешня—протез, разрубая надвое кормившего папашу вторинца. Две половинки бросились было бежать, но у каждой ножки оказались только с одной стороны, так что обе они заплясали некий извращенный танец по кругу, пятная скалу сукровицей.

Я вспомнил, как недавно Гидеон пытался дистанционно активировать поврежденную пушку. После неудачи он отшвырнул пульт и наорал на ответственного за поломку. Ситуация повторилась — но в чудовищном, гротескно искаженном виде.

А вокруг меня снова засуетилась страшная четверка. Мне сделали уколы, довольно болезненные, но вызвавшие искусственную эйфорию и утешительное безразличие. Теперь в любой момент включатся блокираторы нервов, и все будет кончено. И это не важно — ничто уже не важно. Но блокираторов не было, и я взвыл, когда мне рассекли шею, стремительно вернувшись к жестокой действительности. Я увидел то, что они принесли, — такого хромированного паука с цилиндрическим телом. Ощувив, как он погружается, я завопил еще громче.

Не знаю, что оборвало мои крики — потеря сознания или полная утрата способности действовать. Помню лишь черноту — долгожданную и желанную.

Глава 3

Спир

Чтобы ознакомиться с современными способами использования сети ИИ, много времени не потребовалось, несмотря на то что моему мышлению все еще не доставало четкости. Иногда мой разум функционировал, как должно, и в один из таких моментов я создал суб-ИИ, информационную ищейку, и отправил ее на задание. А в ожидании результатов переключился на более прозаические вопросы.

С чувством дежавю, ощущением *известности*, повторяющимся с раздражающей регулярностью, я просмотрел сведения о последствиях воскрешения. И обнаружил, что у некоторых людей возникали те же проблемы, что и у меня, — наравне с длинным перечнем других умственных отклонений. Но привязать подобные состояния к какой-то определенной причине, похоже, никому не удавалось. Шок от самого факта смерти, шок от того, что вновь жив, шок от ощущения чужеродности, от кажущегося внезапным переноса во времени и пространстве... Да, смерть и воскрешение могли быть причиной сбоя сознания — а могли и не быть. С учетом того, что сообщил мне Силак, можно было предположить, что моя сравнительно небольшая проблема стала следствием повреждения и последующего восстановления мемпланта. Допустив, что неприятные ощущения со временем пойдут на убыль, я занялся другими делами.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы выяснить: либо все, кто когда-то был мне дорог, мертвы, либо их невозможно отследить. Нашлась парочка знакомых, с которыми можно было бы связаться, но никого, кого бы я считал друзьями — большинство из них погибли на Панархии. Мать умерла после войны, отец выбрал загрузку в тот сектор Душебанка, где люди ведут виртуальную жизнь. Старшим братом, похоже, овладела тяга к опасным приключениям, и он — в возрасте ста пятидесяти лет — пустился во все тяжкие и сгинул в мире под названием Спаттерджей. С интересом пролистав сведения по истории и биологии Спаттерджея — где сеяли зло Джей Хуп и его пиратская шайка, где пиявки-паразиты являлись переносчиками вирусного бессмертия и где обитали восхитительные и опасные Старые Капитаны, — я вернулся к сведениям, доставленным моей виртуальной ищейкой. И все прочее тотчас отошло на задний план.

Пенни Роял.

Похоже, даже через сотню с лишним лет ИИ-убийца был по-прежнему жив и здоров.

Пенни Роял управлял истребителем, бомбившим Панархию, уничтожив «дружественным» огнем более восьми тысяч солдат. Сразу после этого данный ИИ «почернел». Для общественности это означало бы, что он исчез с радаров и о нем никто никогда больше не слышал, но если ты занимался биошпионажем, то понимаешь, что смысл здесь совершенно противоположный. ИИ не могли хранить в тайне действия Пенни Рояла, поскольку на результаты этих действий было слишком легко наткнуться. Вскоре я понял, что слово «почернел» как нельзя лучше описывает душу вышедшего из-под контроля ИИ, если, конечно, душа у него имеется. Когда некто, обладающий могуществом Пенни Рояла, превращается в социопата, результаты будут... невообразимы.

А ведь Панархия была не первой в ряду жертв ИИ-убийцы. Я вспомнил битву на одной из лун Родера. Мне тогда приказали проверить бункер в расположении нашей части. Там находилась биобалистическая пушка без автоматического управления и расширенной памяти — в то время шла жесточайшая вирусная война, жертвами которой становились компьютеры. Так что люди какое-то время вынуждены были существовать без всякой помощи ИИ.

Пушка стояла в бронированном доте, гладкий ствол квадратного сечения торчал из амбразуры в куполе бункера. Нижняя часть пушки походила на лафеты древних орудий одной из мировых войн, но со множеством запаянных в щитостекло ультраконденсаторов. Только вот когда я прибыл туда, человек-наводчик превратился в одну из частей своей зенитки.

Впрочем, хотя пушка и пушкарь практически слились воедино, артиллерист все еще был жив. Его голову подсоединили к системе лазерной наводки и оптическому прицелу — с телом ее связывали лишь растянутые нити искусственных электрохимических нервов и кровеносных сосудов. Руки и ноги напрямую состыковывались с релейной панелью, управляющей гидравликой пушки. Сердце по-прежнему могло качать насыщенную кислородом кровь, но поскольку печень, почки и прочие органы отсутствовали, человек умирал. Он скончался, когда мы пытались извлечь его, однако посредством речевого синтезатора успел описать жестокое чудовище-

ИИ, сотворившее с ним такое.

Я не сразу уловил связь. А позже прочитал отчет о подобном инциденте в другом мире, с заголовком «Монстр, или Черный ИИ» и подзаголовком «Пенни Роял». В том же отчете значилось, что именно Пенни Роял сжег моих друзей и соратников на Панархии. Этот ИИ не исчез в вакууме и не покончил с собой, как многие из обезумевших ИИ. Я все еще мог отыскать его. И уничтожить. Потребность отомстить стала моей движущей силой — и я не поддавался этому чувству только потому, что шла война и я должен был сражаться. А сейчас мне совершенно не хотелось ему сопротивляться. Не только потому, что Пенни Роял уничтожил дивизию Бернерса, но из-за того, что случилось со мной потом. Именно Пенни Рояла я винил в том, что попал в клешни прадоров. Из-за него я стал рабом паука. И именно он в ответе за все, что я потерял.

Война: Рабство

Люди с синими кольцами на коже были запредельно «прочны». Возможно, голубоватый оттенок служил отличительным признаком наносистемы, модифицировавшей их тела, поскольку снова и снова я видел, как они «портятся» и восстанавливаются. Рассекал ли их острый край панциря или сгрызала одна из корабельных вшей — раны почти не кровоточили и заживали до смешного быстро. Когда со мной случалось подобное, мой «куратор», прадор-вторинец, заливал раны каким-то клейстером, лишь останавливающим кровь. Вот почему я умирал. От боли, которую засунутый в мою шею «рабодел» не блокировал, мутилось сознание. Боль ослабляла меня. Мы прибыли в очередной мир, и я знал наверняка, что долго не протяну. Едва вырвавшись из воняющего прадорского корабля, я отчетливо ощутил новый запах — запах гангрены.

Боль почти не запоминается: если бы мы помнили ее как непосредственный опыт, то сошли бы с ума. Сейчас умом я понимаю, что мои страдания в то время были ужасны, а под суровым контролем рабодела я мог лишь кричать в глубинах души. Однако у разума своя защита, и сквозь призму памяти я вижу только вялое безразличие.

Первенцы и вторинцы прадоров отправились вперед, чтобы оцепить зону, прежде чем отец-капитан покинет десантный катер в сопровождении людей-рабов, таких же, как я. За трапом плотной стеной стояли густые влажные джунгли. Их секли лазерами и втапывали в землю множеством ног, прокладывая дорогу к стоянке. Тогда я не представлял, зачем мы здесь, лишь потом узнал, что разворачивался один из побочных планов войны. Два прадора-отца назначили встречу на нейтральной территории, чтобы заключить союз против клана третьего прадора. Даже ведя изнурительную войну с иной расой, эти существа все равно рвались к власти и убивали друг друга.

Я шел за отцом-капитаном вместе с тремя такими же рабами. Все были вооружены, включая и вторинцев, шагающих по обе стороны от нас. Были еще и те, кто опередил нас, и первенцы отца-капитана. Теперь я понимаю, что оставлять в живых так много первенцев для прадоров неестественно — но таковы уж нужды войны. Как-никак, из всех отпрысков первенцы ближе всего подошли

к зрелости и с большей вероятностью могли бросить вызов своим взрослым родичам. До просеки мы добрались примерно за час, и почти одновременно с нами с другой стороны появился второй отец-капитан. К этому моменту меня колотил озноб и я был не в состоянии делать все, что требовал «хозяин». Я был очень слаб и почти с облегчением думал, что обратного путешествия мне не вынести и жизнь свою я окончу пищей для монстров-крабов.

Я как раз размышлял о своем коротком будущем, когда сработала мина.

Страшной силы взрыв оторвал от земли второго отца-капитана, разворотил нижнюю половину его панциря, разметал его детишек. Земля взбрыкнула, комья почвы и листва посыпались на голову. Я увидел, как второй взрослый прадор рухнул в заросли. Из его раздробленного брюха вываливались клубки внутренностей. Я пошатнулся, но рабодел удержал меня на ногах, так что я успел заметить вылетевший из джунглей снаряд: он ударил нашего отца-капитана в морду, пробил насквозь шкуру и сдетонировал внутри. Прадор взорвался, распался на крупные куски, за каждым черепком панциря тянулся дымящийся шлейф зеленых потрохов. Один из этих осколков ударил меня в грудь, опрокинув навзничь. И я остался лежать, ничего не делая, поскольку рабодел больше не давал никаких указаний. А затем последовал внезапный шок. Я мог двигаться! Мог двигаться сам по себе!

Я потянулся, раздвигая мешанину зарослей, но даже это небольшое усилие исчерпало все мои силы. Тем временем ближайшие вторинцы обстреливали джунгли из малых калибров, хотя я не видел никаких целей. Первенцы полосовали чащу лучевиками, пытаясь лишить нападающих прикрытия. Рядом лежали мои товарищи, люди, тоже брошенные на землю взрывом.

— Нас больше не контролируют, — прохрипел я; долго не работавшие связки словно бы заржавели.

Никакого ответа; двое слепо глядели в небо, третий лежал лицом вниз, словно пытаясь надышаться грязью. Очевидно, было слишком шумно, и меня не слышали, но вскоре они поймут, что свободны.

— Мы можем... бежать, — добавил я и попробовал медленно перекатиться, чтобы отползти.

В воздухе витали дым и щепки, но я все-таки разглядел нечто

странное. Прямо передо мной земля зашевелилась, а потом в ней открылся люк — замаскированная зеленью крышка откинулась. Что-то вылезало наружу, что-то практически невидимое — лишь пространство чуть искажалось да качались примятые травы. Оно приблизилось, я поднял глаза — и различил в дыму человеческий силуэт. Фигура стянула маску, открыв лицо, и присела передо мной на корточки.

«Ткань-хамелеон», — понял я.

— Раб паука? — спросил человек.

Я издал неопределенный, но утвердительный звук. Что именно он имел в виду, я не совсем понял, но штука, которую запихнули мне в шею, действительно напоминала паука.

— Оставайся здесь — места безопаснее все равно не найдешь.

Человек вернул маску на место и отошел.

Я попытался проследить за ним — вот он остановился у ближайшего вторинца, прилепнул нечто к его панцирю и отступил. Тут я потерял человека из виду, поскольку что-то оглушительно взорвалось, развалив прадора напополам. Рядом загрели такие же взрывы. Дымящиеся клочья моих — похоже, бывших — хозяев летели во все стороны.

«Клейкие мины», — подумал я, и тут же в голове заворочались другие воспоминания.

Вокруг раздавались паническое шипение и стук челюстей прадоров, новые взрывы, затем треск лазерных карабинов. Я перевернулся, уткнулся лицом в землю, я едва дышал и, кажется, ненадолго потерял сознание. Когда же я пришел в себя, шум почти затих, а воздух стал чище. Взрывы бухали в отдалении, и я больше не слышал прадоров.

— Плохи дела, — раздался голос поблизости. — Возьми образцы ДНК, а тела потом сожги.

На мое плечо опустилась рука и осторожно перевернула меня.

— Раб паука? — удивился второй голос. — И не хупер? Поразительно.

— Они долго не живут, — ответил первый голос. — Док идет.

Первый говоривший замерцал, проявляясь, и я понял, что мое изначальное предположение оказалось верным лишь частично. Не только их одежда обладала свойствами хамелеона, вся их оснастка была таковой. Форма этого человека почти сливалась с дымно-оранжевым небом за его спиной, но не делала его, как прежде, невидимым. Он нажал какую-то кнопку на поясе, меняя настройки, и одежда стала просто желто-коричневой. Потом человек стянул маску, откинул капюшон, снял перчатки. Блеснул кермет протеза левой руки. Конечно, я узнал его, несмотря на коротко остриженную бороду. Любой бы узнал — если только не прозябал всю жизнь в каком-нибудь захолустье без доступа в сеть. Передо мной стоял Джебел У-кэп Кронг, герой Государства. Человек, чей излюбленный способ убивать врагов — лепить клейкие мины на их панцири. Человек, которого боялись прадоры — и, судя по тому, что я видел, боялись небезосновательно.

Где-то вдали грохнули еще два мощных взрыва.

— Конец их десантному катеру, — сказал тот, кто присел возле трех моих товарищей.

Он отщипывал кусочки плоти от их ушей и аккуратно помещал образцы в пробирки. Я наблюдал за ним, пока не почувствовал, как кто-то пытается приподнять меня — и застонал от боли.

— Нейроблокираторов нет, — заметил тот, кто, по-видимому, был Доком, и прижал что-то к моему горлу.

— Нам нужно поторапливаться, — сказал Кронг. — Дредноут ждать не будет.

Док повернулся к своему командиру и слегка покачал головой. Я уже видел подобный жест — на других полях сражений. «Сделаю что могу, но шансов никаких».

Раздалось шипение, за ним последовало благословенное оцепенение. Обследовав меня диагностером, Док ввел данные с аппарата в автоаптечку и сразу вколол мне состряпанный автоматикой состав. А я смотрел, как тот, кто собирал образцы ткани с ушей, стащил в кучу тела трех моих сотоварищей и сунул что-то под нижнее. Термическую гранату медленного накаливания, понял я, когда люди через несколько секунд вспыхнули и вскоре исчезли в жарком белом пламени и жирном дыму.

— Нет, — выдавил я.

— Не волнуйся, — произнес Док. — Они уже не живые.

Тут он вколол мне еще что-то, и мир начал расплываться. Я чувствовал, что проваливаюсь, и был уверен, что уже никогда не вернусь.

Больше века спустя, читая о Спаттерджее, я узнал, почему один из бойцов Кронга сжег трех рабов-хуперов в джунглях чужой планеты. Хуперы были людьми, сделавшимися нечеловечески «прочными» благодаря вирусу, обнаруженному на Спаттерджее, — пират Джей Хуп усилил свойства заразы и впоследствии продал штамм прадорам. В отличие от меня, они находились в абсолютном рабстве — то есть им удалили головной мозг и часть позвоночника вместе со спинным мозгом. И, в отличие от капитана Гидеона, они пережили сей процесс, из людей разумных превратившись в способное передвигаться мясо.

Глава 4

Спир

Всякий, кто умер с мемплантом в черепе и был загружен в Душебанк, обычно имел план. Он заключал договор, где подробно прописывал, чего хочет дальше, шаг за шагом: он готовился. Одни желали попасть в виртуальный мир и целую вечность прожить в собственных фантазиях. Другие выбирали воскрешение в кристалле ИИ, помещенном в тело голема. Третьи решали подселиться в корпуса дронов, звездолетов и даже стационарных планетарных ИИ. Но большинство все же предпочитали попасть в тела, клонированные из их собственных ДНК. Я же, будучи одним из первых обладателей мемпланта, ничего не выбирал, потому что тогда ни одной из этих возможностей еще не существовало. Клонированное тело мне предоставили как наименее травмирующий вариант.

Я еще удивлялся, отчего — перенесенный через век, совершенно выбитый из колеи — не чувствую паники, пока, все еще продолжая поиски Пенни Рояла, не наткнулся на описание способов воскрешения. Всех, возвращаемых к жизни, как бы «приглушали». Они выходили из палаты с отключенными негативными реакциями, с искаленным инстинктом «борись или беги»; мозг их перенастраивали на юношескую пластичность, чтобы стимулировать способность к обучению. А еще я заметил, что, наряду с базовыми настройками наносистемы, генетическая модификация внесла вклад в мои «отношения» с Шил Глассер. Разум обрел не только податливость молодости, но и чувственность, как у юнца. Опять-таки слиянию помогло и то, что секс — нечто глубоко укоренившееся на самом примитивном уровне сознания.

Обычно подобная «заглушка» длилась пару месяцев, постепенно сходя на нет — к концу этого срока люди в большинстве случаев успешно интегрировались в общество и могли двигаться дальше. Возможно, этим и объяснялись мои проблемы с дежавю. Не знаю. Если верить Бобу, я был особым случаем, поскольку оставался мертвым слишком долго. И потому через два месяца «заглушка», вполне вероятно, только-только наберет силу.

Ну уж нет.

Четыре дня я провел в номере отеля, попеременно изучая то вопрос с Пенни Роялом, то наносистему своего нового тела.

Несколько раз заглядывала Шил, но, боюсь, я не уделял ей достаточно внимания. В последний раз она предупредила, что не вернется. Заявила, что я обессилел, постоянно отвлекаюсь и становлюсь скучным. Едва девица вышла за дверь, я подкрутил настройки манжетона — и браслет посинел, сдерживая поиск плотских утех. Перестав отвлекаться на секс, я почувствовал, что мыслю четче — и спокойнее. Хотя, честно говоря, есть вероятность, что дело тут было в моих *ожиданиях*, и тогда вновь обретенная ясность разума — лишь иллюзия. Однако несколько часов спустя я, похоже, разобрался и с наносистемой, и с логикой управления манжетоном. Манипулируя кнопками, я наткнулся на сочетание, преобразующее адреналин в метамфетамин: тело само вырабатывало для себя наркотик. Тогда я сбросил настройки — все, кроме генетических: в способности учиться я сейчас очень нуждался.

Ясность вернулась, когда кашляющий двигатель — мой мозг — наконец завелся.

Значит, сперва — деньги. Несколько минут, и я нашел свой счет, выяснил, как получить к нему доступ из любого места, и узнал, сколько же у меня накоплений. А еще через минуту уже выбирал себе модернизатор — или «усилитель», как любил говорить Силак, или, в просторечье, «форс». А поскольку я теперь был очень богат, то хотел лучшее из имеющегося на рынке. Изучая характеристики самого дорогого устройства, я заметил в описании ссылку на сетузы — нанокomпьютеры, внедряемые в череп. Тот усилитель, который я нашел, по функциям ничем не уступал сетузам, а долгого восстановительного периода не требовал. Мне это было важно, поскольку мое стремление настичь Пенни Рояла ждать не желало. Еще пара минут — и я покинул гостиницу, направившись за оснасткой, не без иронии отметив, что модель называется «ХромоЗмей Силака-47».

Полчаса спустя я сидел в лабораторном боксе вместе с зависшим рядом автодоком — специализированным для данной конкретной процедуры устройством. Присутствие людей не требовалось. Вероятно, на этой работе интересных собеседников не встретишь. Специальные якорьки вошли в кость, холодный «форс» лег на череп — процедура соединения шла по заведенному порядку. Не обращая внимания на всплывший в памяти пакет инструкций, я включился в процесс почти инстинктивно. Эта модель модернизатора приспособлялась к разным уровням интеллекта и реагировала

великолепно. Радуюсь наращиванию ментальных функций, я отклонил блокировку подключения к сети. Минута подгонки — и я принялся загружать данные в соответствии со своими интересами, совершенствуясь в вопросах форсирования, нанотехнологий, адаптогенетики и тысячах отраслей биологии. Способность быстро интегрировать знания определенно была причиной проявления ко мне особого интереса ИИ — больше века назад.

Загрузка еще шла, когда на моем браскоме замигали огоньки. Я уставился на них, даже не представляя, что это все означает.

— Слишком быстро! — предостерегающе воскликнул Боб.

Тогда я просто отключил браслет и мысленным приказом осуществил покупку расширенной памяти и оптимизированного процессора для моего «форса». Секундой позже я получил обновленную информацию о прадорах и послевоенной истории. Еще я извлек из гостиничного хранилища данных все, что собрал по Пенни Роялу, и настроил усилитель на постоянное поступление новейшей информации — по крайней мере в те моменты, когда сеть доступна. Последнее требовало загрузки квази-поискового механизма — чтобы отличал реальные факты от слухов и легенд.

Наконец подгонка завершилась, автодок отодвинулся, и я понял, что обрел все, необходимое для розыска. Деньги есть, «форс» на затылке постоянно обновляет мой банк знаний. Но важнее всего то, что моя твердая решимость найти и уничтожить Пенни Рояла никуда не делась. В отель возвращаться ни к чему — я готов был немедленно покинуть Землю. И, выходя из лаборатории, я бросил Боба, оставив браском на стуле.

Я шагал по застроенной высотными зданиями улице, оглядываясь в поисках такси, которое доставило бы меня в ближайший телепорт. По пути я с помощью «форса» приобрел право на четырехпрыжковый переход: сначала с Земли в главный межзвездный телепорт на Луне.

Оттуда — на планету в центре владений Государства, затем — на недавно построенную внешнюю космостанцию, находящуюся на границе, разделяющей Государство и Погост. Возбужденный, целеустремленный, я тем не менее понимал: несмотря на все, что я так легко загрузил и интегрировал, мне следует быть осторожным. Стремительное увеличение объема знаний, интенсификация

способности обрабатывать их могут запросто привести к избытку самоуверенности. Нужно помнить, что подобные возможности, пускай порой и с ограничениями, в принципе доступны всем. Хотя, должен признать, работе собственного мозга я доверял. Просто его содержимое нуждалось в обновлении.

Во время полета в автоматическом аэрокэбе я не отключал сознания и вскоре уже шагал к мерцающей арке Лондонского телепорта. Здешние транзиттеры материи могли мгновенно перебросить добрую половину человечества через всю галактику. Но они же едва не стали причиной нашего поражения в войне с прадорами, поскольку человеческие технологии звездолетостроения сильно отставали от вражеских. Точно в назначенное мне время я вошел в кабину и, не ощутив переноса, вышел уже в грандиозном космическом комплексе на Луне. Знания по-прежнему добавлялись и суммировались. Я восхищался современными исследованиями и новой интерпретацией старых. Перерывая экзотическое и обыденное, я отбирал то, что считал для себя наиболее полезным.

Когда я наконец прибыл на Внешнюю Космостанцию Авиа, то заказал номер в местном метротеле и погрузился в конкретизацию планов, которые наметил во время путешествия. Теперь требовалось заняться материальным обеспечением, необходимым для воплощения планов в жизнь. Из накопленного на Пенни Рояла досье я извлек ценные сведения об одной даме. Благодаря своим специфическим связям эта женщина должна была знать, где сейчас находится одичавший ИИ, или по крайней мере иметь какую-то информацию о нем. Она также могла обеспечить меня индивидуальным звездолетом, который станет новым источником необходимой информации — и моим главным оружием. Я уже приметил такой, бесхозный, и, проверив пространство Погоста, убедился, что корабль очень кстати находится в нужной мне зоне. Но теперь мне нужно было убедиться, что я узнал об этой женщине все. Необходимо досконально понимать ее, чтобы предсказать ее действия. А еще надо вникнуть в ее уникальное положение.

Последний пункт требовал, кроме всего, уже загруженного мной, еще и всю доступную информацию о существах, называемых капюшонниками. Эти злобные инопланетные создания напоминали стоножек размером с монорельсовый поезд. А еще они являлись автономными потомками боевых машин — то есть биомеханизмами. Интересное наследие одной из трех вымерших рас Чужих,

населявших галактику задолго до выхода на сцену человечества.

Еще нужно было раздобыть сведения о некоторых секретных разработках адаптогенетики и информацию из новой для меня сферы человеческой адаптации: о хайманах. Водитель, доставивший меня в гостиницу из Кронг–Тауэр, упоминал о них. Как выяснилось, то, ради чего другие модифицируют себя, для них — норма. Хайманы оказались людьми–киборгами с запредельно расширенной сферой чувств и максимально активизированным интеллектом. Их разум, оставаясь человеческим, вплотную подошел к компьютерному и остановился в шаге от ИИ.

Дополнительные исследования вынудили меня продлить пребывание на Авиа. Но я чувствовал, как разум мой взбирается к вершинам, которые были доступны прежде, и не жалел потраченного времени. К тому же та женщина была опасна. Если собираешься играть с огнем, выясни сперва, где висит огнетушитель.

Изабель Сатоми: Преображённая

Поступили посадочные координаты, и Изабель Сатоми долго смотрела на них, прежде чем перевести взгляд на экран рубки, демонстрирующий маячащий за бортом корабля черный планетоид. Правильно ли она поступает?

Почему человек заключает сделку с дьяволом? Отчаяние, стремление к власти и богатству... Или, возможно, ошибочная уверенность, что именно тебе удастся избежать ловушек, извлечь из сделки все выгоды и не «облажаться по-крупному», как некоторые. По слухам, кое у кого это действительно получилось. Джангер отомстил отцу-капитану за убийство своей семьи и вернулся в Государство. Это стоило ему его вошедшей в легенду удачливости, но он получил то, что хотел. Джин Фрейзер возвратила к жизни свое мертвое дитя, пятьдесят лет пролежавшее мумифицированным трупом. И мистер Пейс, конечно же, стал практически несокрушимым — победил всех врагов и провозгласил себя главой преступного мира.

Изабель решила, что рискнуть стоит. Действительно, если она не пойдет на это, то ее, весьма вероятно, ждет конец в лапах Копелльяна или одного из его киллеров. Мистер Пейс поощрял конкурентную борьбу воров в законе низшего звена, таких как она сама и Копелльян, — так их проще держать в узде. Еще пару лет назад Копелльян стоял на их «служебной лестнице» на несколько ступеней ниже, чем она, но теперь от него исходила реальная угроза. Его власть и богатство росли стремительно, у него повсюду были убийцы и связи — а награда за ее голову повышалась день ото дня. Бегство, конечно, вариант, но не из лучших. Она может выжить, отправившись на территорию прадоров, но их законы относятся и к людям: ты либо хищник, либо жертва. Можно двинуть и в Государство — но там она тут же попадет под надзор ИИ, и Центральный комитет безопасности Земли бросится за ней в погоню, как и люди Копелльяна. А ИИ ЦКБЗ, убийцы-дроны, наблюдатели и агенты, обычно менее снисходительны, чем даже наемники криминальных авторитетов. Можно бежать еще куда-нибудь, но — нет, она слишком многое вложила сюда. Придется остаться.

В точном соответствии с инструкцией для высадки на

поверхность она взяла самый маленький шаттл — кораблик немногим больше гравикара — и опустилась возле края кратера: из трещин его сочилась, подобно мутной реке, мерцающая серебристая пыль. На экране комма появились новые координаты, и Изабель, прежде чем натянуть и задрать шлем, загрузила их в программу-навигатор своего скафандра. Затем она выпустила из шаттла воздух, так что корабль на миг окутало туманное облачко, открыла единственный круглый люк и шагнула во тьму. Лицевой фильтр переключился в режим максимальной подсветки, как недавно экран рубки, давая возможность осмотреть окрестности, затем на щитке замигала, указывая направление, стрелка. Изабель послушно зашагала по россыпям камней, поросших шестиугольными, похожими на монеты кристаллами, и — долго ли, коротко ли — оказалась перед овальным зевом пещеры.

Это отверстие, насколько она понимала, являлось одним из многих входов во владения Пенни Рояла. Ходы вились в теле планетоида, как прогрызенные короедами червоточины. Едва войдя внутрь, Изабель заметила нечто, торчащее из углубления в скале, — вырост, напоминающий глазное яблоко, пронзенное тонким кривым железным шипом. Было ли это деталью самого ИИ или всего лишь частью его охранной системы, женщина не имела понятия, но один вид этой штуки вгонял в дрожь.

Через десяток метров Изабель наткнулась на переборку из кермета со встроенным воздушным шлюзом, но не шлюз привлек ее внимание. По обе стороны от переборки, запутавшись в клубке каменных змей, точно в волосах горгоны Медузы, застыли фигуры в скафандрах. Женщина подошла к первой «статuae», отметив, что «костюмчик» на ней довольно старомодный, и вгляделась в то, что скрывал щиток. Подсветки оказалось недостаточно, пришлось включать полное освещение. Лицо под козырьком было женским, с широко открытыми, слегка ошеломленными глазами. Никаких признаков разложения, неясно было даже, мертва ли вообще эта дамочка. Сильно сомневаясь в правильности своего прихода сюда, Изабель повернулась к шлюзу, вспоминая последний разговор с Трентом — наемником, бывшим с ней с самого начала.

— Итак, это опасно, смертельно опасно, но мне нечего терять, кроме своей жизни, — ответила она на его возражения против ее визита сюда.

— Нет, — сказал он. — Встань Пенни Роял не с той ноги — а я не знаю, есть ли у него вообще «та», — и смерть будет наименьшей из твоих проблем.

— Да, но мистер Пейс получил, что хотел...

Трент нахмурился:

— Не уверен, что мистер Пейс сильно счастлив от этого.

Изабель совершенно не представляла, о чем говорит Трент. Мистер Пейс был запредельно богат и абсолютно неуязвим. В ярости она прогнала Трента. Ничегошеньки он не понимает!

Внешние створы шлюза открылись автоматически при ее приближении. Женщина зашла внутрь, и они захлопнулись — точно ловушка. Изабель попыталась сохранять спокойствие и, пока шлюз герметизировался, проверила характеристики атмосферы: многовато инертных газов, но дышать можно. Когда открылись внутренние створы, она шагнула за порог и тут же отдраила шлем, сняла его и повесила к штурмовому поясу. Она уже внутри, назад хода нет, и предосторожности излишни.

В пещере пахло железом, немного гнилью и нагретой электроникой. Женщина продвигалась медленно — и резко остановилась, когда навстречу ей кто-то шагнул. Скелетообразный голем с серебряным лицом поманил гостью за собой; к поясу его была приторочена длинная рифленая «пуповина», которая сматывалась на ходу. Голем провел Изабель через треугольную пещеру, где ей пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой, мимо мумифицированного трупа человека, пришпиленного к полу метровым обломком балки, и они оказались в округлом помещении. Это место походило на свалку списанного в утиль космического оборудования — включая термоядерные реакторы и разномастных роботов. Только вот большинство этих штуквин были подключены и работали, угнездившись в сетях коммутационных и оптических кабелей. В центре возвышался шар из явного металлолома, пронзенный множеством черных штырей. Провод, присоединенный к голему уходил именно в этот шар. Минута — и голема всего втянуло внутрь, лишь лицо осталось на поверхности. Потом шар развернулся, перемещая лицо в центр.

Пенни Роял.

Изабель слышала много описаний этого взбунтовавшегося ИИ.

Говорили, что он — коллекция взаимосвязанных големов, или стальной осьминог, или колючий черный цветок. Изображали его и сверкающим облаком хрустальных осколков. Каждое описание давал кто-то, действительно встречавшийся с ИИ, и каждое было подтверждено либо допросом с пристрастием, либо другими источниками. Вскоре женщина поняла, что Пенни Роял не придерживается одной формы или скрывает свой истинный облик. Зачем это ему — непонятно, ведь почти ничто на Погосте не способно причинить ему вред.

— Ты хочешь?.. — произнес голем.

Казалось, Пенни Роял и не участвовал в беседе.

— Я хочу быть хайманом, — заявила Изабель.

Отморозки, повинующиеся малейшему мановению руки, звездолеты и связи — не они одни несли Копелльяну победу. Ему помогала способность оперировать информацией и планировать действия. Он устанавливал последние модели государственных усилителей и себе, и своим помощникам, и теперь все они были, очевидно, ментально связаны друг с другом. И вот результат: операции Копелльяна всегда стремительны, всегда безупречны, и власть его велика — достаточно велика, чтобы почувствовать себя в безопасности и двинуться в атаку на Изабель. Он даже публично объявил премию за ее голову. В сущности, он был умнее и энергичнее, и это следовало изменить.

— Хочешь быть сильнее и опаснее Копелльяна?

— Да, — ответила она, не удивляясь тому, что Пенни Роял знает, почему она здесь. — И у меня тут, в главном корабле, есть полтонны прадорской алмазной слюды, чтобы заплатить.

— Да, — сказал Пенни Роял.

— Ты можешь сделать меня хайманом?

— Хочешь стать хищником, а он будет добычей?

— Чертовски верно. — Изабель слегка озадачивал странноватый обмен репликами и тон Пенни Рояла, и она решила уточнить свои цели: — Я хочу содрать мясо с его проклятых костей!

— А, — уронил черный ИИ, и Изабель испугалась, не переборщила ли она.

— Велеть моим людям сгружать алмазы? — спросила она.

— Ты насытишься, — ответил ИИ.

Он вытянулся, потом распался на части. Утиль, казавшийся его внешней оболочкой, осыпался, обнажив непроницаемую, затейливо кольшущуюся черноту. Женщина попятилась, когда сгусток, приблизившись, обернулся серебристо-аспидной волной. Изабель замерла. Отступать было слишком поздно. Волна накрыла ее.

Мучительная боль — не наказание ли за сделку с дьяволом? Но ей даровали могущество, подъем на уровень хаймана превратил ее разум в нечто доселе невообразимое. Женщина даже не сразу поняла, что видимые модификаторы на ее теле не из металла, а из органики.

Теперь разобраться в замыслах Копелльяна и разрушить его планы оказалось так просто, что она намеренно усложнила задачу, чтобы было интереснее. Падение этого человека было долгим и унижительным, но в конце он все равно обманул Изабель, лишив себя жизни прежде, чем она смогла захватить его. Изабель Сатоми превратилась в легенду Погоста — но легенда эта вскоре получила неожиданное развитие. Стало очевидно, что купленное ею у Пенни Рояла продолжает ее видоизменять — и она влилась в ряды проклятых.

Изабель

Этот район был наиболее безопасен для Изабель, поскольку большая часть ее организации обосновалась в деловой части города, но предосторожности никогда не излишни. Она осталась ждать возле «Крабьей ухи», некогда любимого ее бара, а Трент и Габриэль вошли первыми. Появляясь в общественных местах вроде этого, она предпочитала, чтобы сперва позицию занимали ее люди. Они не столь узнаваемы, как она, и, несмотря на склонность к насильственным действиям, врагов у них меньше.

«Так, я засек его», — мысленно передал Трент и тут же выслал изображение мужчины, сидящего за одним из столиков, — вместе с подтверждением опознания.

— Не вижу никого, кто создал бы нам проблемы, — доложил Габриэль по комму. — Но мы тебя прикроем, если что.

— Людей, которые меня беспокоят, не так-то просто увидеть, — ответила она, толкнула дверь и вошла.

Шагнув внутрь, Изабель открыла лепестки сенсорного капюшона на затылке, отыскивая оружие, как видимое, так и припрятанное, а также имплантированные устройства и «форсы». Еще она проверила тех, кто скрывался за стенами, — не приобрели ли они какие-нибудь игрушки со времен прошлого наружного осмотра. Все вроде выглядело нормально, и женщина слегка расслабилась. Как всегда, когда она появлялась здесь, взгляд ее задержался на стеклянном крабе в стенной нише. При виде этой скульптуры из розового и кроваво-красного хрусталя по спине женщины всегда бежали мурашки — казалось, что стекло скрывает какую-то страшную тайну, и даже Изабель со своими усиленными ощущениями не могла определить, в чем тут дело. Она бы разбила стекляшку вдребезги, не будь та подарком несокрушимого мистера Пейса, верховного криминального авторитета Погоста. В который раз содрогнувшись, она отвлеклась от разглядывания скульптуры и с усилием закрыла капюшон, как обычно обнаружив, что узловатые мышцы в основании хитиновых лепестков, растущих из загривка, сначала отказываются повиноваться.

Всякий раз, когда она входила в комнату, разговоры прекращались. Скорость затухания зависела от внимательности

людей в баре к тому, что творится вокруг. В «Ухе», где напивались, случилось, в стельку, беседы умирали медленной смертью. Женщина остановилась, машинально провела кончиком пальца по ряду твердых острых шипов, торчащих из ее нижней челюсти. Коснувшись одной из впадин под глазами, Изабель осознала наконец, что делает, и резко уронила руки.

Потом пожала плечами, скрытыми подбитым ватой нарядом, кое-как маскирующим телесные изменения, и медленно двинулась к столику клиента — к «мишени». На ходу она сконцентрировалась, пытаясь предотвратить конфликт кибердвижков и новых упругих мускулов, обволакивающих растворяющиеся кости. Остановившись возле мужчины, Изабель опустила руку на газовый пульсар, висящий на поясе.

— Торвальд Спир?

Тот мигом переслал опознавательный индекс вместе с ограниченным допуском через свой «форс» — ультрасовременную серебряную змейку, обвившую ухо, и только потом ответил вслух:

— Это я. Не присядете?

Говорил он спокойно, выглядел общительным и дружелюбным, но защита его «форса» оказалась непробиваемой — получше защиты гермошлюза. Изабель ощущала его предельную настороженность; и не таится ли в этом изгибе рта неодобрение? Он определенно знал, кто она. Вероятно, знал он также о существовании ордера на арест, где ее обвиняли в пособничестве в похищении и убийстве, — и догадывался, что эти слова не вполне точно описывают состав ее преступлений. Но судить ее он не вправе — ему же неизвестно ее прошлое. Не перевелись еще прадоры в Королевстве, которым нужны люди-рабы, и она поставляет им их. И — что? Вселенная жестока. Она вспомнила о последней партии, томящейся сейчас на одном из складов. Еще пять дней, и вирус Спаттерджея в полном объеме подготовит людишек к удалению «сердцевины» и рабству. И их можно будет продать прадорам. Женщина смотрела на Торвальда Спира, и вдруг что-то темное заворчалось в глубинах ее души, толкая к насилию, побуждая напасть. Но, как обычно, ей удалось подавить желание. Однако она решила: этот тип присоединится к стаду на складе, если только причина, по которой он пригласил ее на встречу, не окажется прибыльной.

Она отодвинула стул и села, поморщившись от прикосновения к шероховатому псевдодереву, и снова вздрогнула, попытавшись расслабить спину. Позвоночник-то отсутствовал, а свежие наросты хитиновых пластин на теле оказались жутко болезненными.

— Выпьете что-нибудь? — спросил мужчина.

— Просто воды, — ответила она.

Она пыталась лечиться спиртным, но скоро поняла, что данный метод расслабления в случае с кибердвижками не работает — только рвутся мышцы да еще больше повреждается ослабленная спина.

Спир поднял палец, и автоподнос завис в воздухе над их столиком. Он напоминал кленовый лист, только с суставчатой ручкой вместо черенка, оканчивающейся цепкой трехпалой «кистью».

— Воды для дамы и еще один ром мне.

Мужчина поднял рюмку, допил остатки и поставил опустевший сосуд на стол. Поднос подхватил рюмку пальчиками, поставил ее себе на «спину» и унесся прочь.

— Те, кому требуются мои услуги, обычно приходят сами, — заявила женщина.

— Но я разбередил твое любопытство? — предположил он.

Она кивнула, соглашаясь, хотя его послание первым делом пробудило в ней алчность и только потом — интерес. Он был из Государства — а значит, простак — и, очевидно, хотел предложить ей выгодное рискованное дело. А когда он добавил, что может также помочь с ее «проблемой», о которой сейчас известно практически всем, ее внутренний хищник воспрянул.

— Итак, ты хочешь зафрахтовать «Залив мурены»? — уточнила Изабель.

— Да.

— Это дорого.

Он небрежно кивнул.

— И чего ради? — Ей хотелось поскорее разобраться с первым вопросом, чтобы поскорее перейти к собственной «проблеме». Есть вероятность, что он лжет, и тогда можно наброситься на него.

— У меня есть предположения о возможном местонахождении неконтролируемого истребителя Государства, — ответил он. — Я хочу, чтобы ты сперва отвезла меня туда, где можно приобрести кое-что... необходимое, а затем доставила меня к истребителю.

Женщина смотрела на собеседника оценивающе. Государственный истребитель. Насколько подобное вероятно? Такие корабли, управляемые ИИ, обычно сами добираются до дома или вызывают подмогу — если только они не полностью разрушены. Так что либо парень идиот, у которого слишком много денег и времени, либо... Изабель вновь открыла сенсорный капюшон, отметив, как насторожились при этом Трент и Габриэль, и снова просканировала окружающее пространство. Может, он охотник за головами, пожелавший получить вознаграждение за нее? Возможно, но к чему тогда было назначать встречу здесь, на подконтрольной ей территории? Ее репутация ему, несомненно, известна.

— И истребитель, и необходимое мне снаряжение находятся на дальнем конце Погоста, на самой границе с Королевством прадоров, — добавил мужчина.

Долгую секунду она продолжала разглядывать его, потом сказала:

— Вероятность находки брошенного, но при этом не превращенного в груды бесформенного лома государственного истребителя чертовски мала, полагаю.

Поднос вернулся с напитками и принялся выставлять их на столик, а Спир вытащил из кармана небольшую коробочку.

— Что ж, — проговорил он, когда поднос удалился, — если корабля там не окажется, я все равно заплачу тебе за работу в полной мере.

Открыв коробку, он толчком отправил ее по столу к женщине.

Она опустила взгляд, активировав капюшон на обнаружение отравляющих веществ или наноатаку, но коробочка не содержала ничего, кроме шести ограненных сапфиров. Изабель взяла один, поднесла к глазу — точнее, к микроскопу с близкофокусным сканером в искусственном зрачке. Камень был хорош, и если остальные не хуже, то этой платы с лихвой хватит на полную модернизацию первичного термоядерного реактора «Залива мурены». Похоже, в битве внутренних противоречий начала побеждать

жадность.

— Это, естественно, аванс, — сказал мужчина, — чтобы покрыть издержки. Кажется, здесь можно связаться с Галактическим банком — проверь мою кредитоспособность.

Изабель положила сапфир.

— Если ты знаешь координаты исправного покинутого истребителя, тебе также должно быть известно, что для пилотирования потребуется ИИ.

— Вот почему я упомянул о необходимом оборудовании — за ним придется завернуть в Литораль.

— Люди — «моллюски», — протянула она, хотя и без отвращения, которое некогда питала к этой породе.

— Да, люди — «моллюски».

— Я подумаю. — Она помолчала. — Но ты еще предлагал помощь...

Он показал на сапфиры:

— Сетевая информация обо мне ограничена, так что я загрузил личный файл в транзакционную память сапфира Т-782. Думаю, ты заинтересуешься. И еще убедишься, что платежный баланс может включать кое-что поценнее денег.

Все еще глядя на мужчину, Изабель протянула руку и огладила камни кончиками пальцев: встроенные сенсоры утверждали, что драгоценности настоящие. Облокотившись на стол, она поднесла сапфир к глазу, чтобы проникнуть в память камня прямо сейчас. Женщина провела собственное расследование и уже знала, что человек, назначивший ей встречу, стар, он участвовал в войне людей и прадоров — но, кроме этого, почти ничего. Файл, который она после тщательной проверки на вирусы загрузила прямо в сознание, содержал массу подробностей.

— Политический биошпионаж? — не поверила она.

— В том числе. Просмотри остальное.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы полностью скачать информацию и разобраться в ней, затем женщина осторожно опустила камень обратно в коробочку. Да, во время войны он работал

в сфере биошпионажа, но куда интереснее то, что было раньше. Парень, оказывается, знаток многих наук, ему довелось даже сотрудничать со знаменитым доктором Силаком. А вот еще данные: отчет аналитического ИИ о его психическом состоянии. Большинство показателей максимальны, остальные значатся как неустановленные, то есть ИИ просто не нашли способа измерить их. Из глубин души Изабель поднималась давным-давно угасшая и подавленная надежда. Чтобы исправить сотворенное Пенни Роялом, требовалось мастерство, которым не обладал никто на Погосте. Наверное, ИИ Государства могли бы что-нибудь для нее сделать, но с учетом истории Изабель они, конечно, предпочли бы ее анатомировать и тщательно изучить. А если бы вскрытие ее не прикончило, они бы привели в исполнение смертный приговор — сразу после исследований.

— Твоим нервным конфликтом я могу заняться прямо сейчас, — сказал Спир. — Но это почти наверняка самая незначительная из твоих проблем. Сотворение хаймана перегрузило человеческое тело, тут требуется переустановка базовой наносистемы. А еще — вспомогательные кибериммунные микрофабрики в костях: там будут производиться наномехи, чтобы постоянно восстанавливать повреждения.

— И ты можешь все это сделать? — спросила она, пытаясь подавить горькое разочарование от того, как небрежно он обошел ее основную проблему.

— Ты видела мой послужной список. Я специализировался на хирургической адаптации и адаптогенетике, прежде чем занялся церебральным форсированием под руководством Силака.

— Ты не представляешь, — пробормотала она, размышляя, не стоит ли пришить его прямо сейчас — и отправиться домой.

— Ты имеешь в виду изменения, через которые прошла? — Мужчина невесело улыбнулся. — Очень хорошо представляю, Изабель.

— Неужто?

— Именно. Я точно знаю, что Пенни Роял сделал с тобой, поскольку видел подобные... преобразования прежде.

Он вдруг принялся яростно чесать затылок, потом, спохватившись, отдернул руку.

— Хорошо, — сказала Изабель. — По рукам.

Если он не справится с ее неотложной проблемой, то присоединится к грузу — она выпотрошит его, обратит в рабство и продаст псадорам. Если он соврал насчет своей способности разобраться с ее прочими неприятностями, то она, возможно, отложит «потрошение», но результат в итоге будет тем же. В сущности, даже если парень и не сказал неправды, его судьба решилась сейчас. Как-никак, работающий или, по крайней мере, восстановимый государственный истребитель стоит чертову уйму денег, так не может же она просто позволить этому типу улететь с такой игрушкой!

Спир

«Залив мурены» был старым ударным кораблем Государства, лишенным оружия и выставленным на аукцион после того, как его бортовой ИИ решил удалиться. Кажется, этот ИИ вселился в дрона, оболочке которого придали форму гигантской барракуды, напичкав ее ультрасовременным оружием и прочей техникой, включая У-двигатель. В последний раз его видели целеустремленнодвигающимися к центру галактики. Зачем — неизвестно.

Основной корпус «Залива мурены» походил на железный кирпич с частично срезанной под углом плоскостью. По обе стороны плоского торца торчали два обтекателя — там гнездились жерла движков. На верхней грани разместилась толстая орудийная башня — сразу за скошенным носом, наводящим на мысль о десантных судах двадцатого века. Таща за собой багаж, я поднялся по боковому трапу в грузовой отсек, где уже стоял один из помощников Изабель, Трент. В «Крабьей ухе» я его внимательно не разглядывал, а здесь представилась такая возможность. Он был на голову выше меня и, пожалуй, вдвое тяжелее. Странную форму его вытянутого, с остроконечной макушкой черепа подчеркивал черный щетинистый ирокез. Радужки его глаз были абсолютно белыми, в левом ухе болтался фиолетовый сапфир, а за ухом разместился мильтехский стандартный «форс». Одежду помощника Изабель составляли длинный плащ из крокодильей шкуры поверх старомодного делового костюма и тяжелые ботинки с металлическим носком. Я сразу понял, что физическим модификациям он не подвергался — в отличие от генетических.

— Родом с Возчика, полагаю, — сказал я, приблизившись. — Адаптоген серии НС-92... из семьи Собелей?

Трент смотрел на меня долго, тяжело, молча, потянулся было к серьге, но потом просто кивнул, подтверждая предположения, и жестом пригласил внутрь. Там он провел меня по устланному ковром коридору: такой был бы вполне уместен в каком-нибудь средневековом замке. Внешний вид «Залива мурены», может, и был простым и утилитарным, но интерьер буквально блистал роскошью. Сразу становилось ясно, что это личный корабль Изабель Сатоми — все прочие она использовала для ведения презренной торговли с

прадорами.

Моя каюта тоже оказалась шикарной и просторной, но я понимал, что долго наслаждаться комфортом мне не придется, если я не выполню условие первого пункта нашего контракта.

— Она хочет видеть тебя сейчас, — заговорил наконец Трент, — в нашем медицинском отсеке.

— Мне еще понадобится кое-какое оборудование.

Очередной кивок.

Поставив чемодан на псевдодеревянный пол, я вытащил ключ, запрограммировал и послал требующийся сигнал. У чемодана откинулась — нет, не крышка — боковина, открывая выдвижную панель. Нагнувшись, я достал то, что мне нужно: микроботовый заводик, сетевой диагностер Сибан (делая серия технических наименований так или иначе перекликалась с именем моего старого босса Силака) и ряд других медицинских приборов, приобретенных на Авиа. Маловероятно, что они нашлись бы на борту корабля Изабель. Упаковав все в докторский саквояж «под девятнадцатый век», я почувствовал, что звездолет движется. Мы отправились в путь — и назад дороги нет.

Мы с Трентом двинулись по очередным роскошным коридорам к гравишахте, выводящей на нижнюю палубу. Здесь повсюду поблескивали чистотой кафель и шлифованный металл, которые постоянно стерилизовали неутомимые жукоботы. Медицинский отсек тоже был стерилен, опрятен, а что до оборудования — вот уж не ожидал, что здесь, на Погосте, можно найти такое. Изабель ждала возле хирургического кресла, раскладывающегося при необходимости в стол. Ее правая рука подрагивала. Женщина, очевидно, не могла сесть из-за сильнейших болей. Она шагнула ко мне... Кулаки ее сжимались и разжимались, сжимались и разжимались. Усилием воли она заставила себя это прекратить и жестом отослала Трента. Тот поспешно удалился.

— Знаешь, что такое пеня за неуплату? — спросила женщина.

Я взглянул на потолок, где висел похожий на чайное блюдце охранник-дрон — этакий смертоносный светильник. Наверное, в его полированной глотке скрывался какой-нибудь парализатор, отслеживающий мои перемещения.

— Знаю, не дурак, — сказал я, ставя саквояж на ближайшую рабочую поверхность. — Сможешь забраться на кресло?

— Раздеваться надо? — резковато спросила она.

— Да. — Еще работая с Силаком, я привык никогда всецело не доверять дистанционным диагностерам.

Женщина скривилась, но начала стягивать свои стеганные одежды, а я пока занялся осмотром ее автодока.

Типичная государственная конструкция. Хромированный жук, порождение ночных кошмаров, с многосуставчатой рукой, растущей из подвижного цоколя-основания, — хотя в данный момент жук пребывал в сложенном состоянии, купая хирургические инструменты в лохани с дезинфицирующим раствором. Я обошел цоколь, чтобы изучить ручной пульт управления, появившийся, едва я остановился перед тем местом, где он должен быть. Впрочем, среагировал он не на меня. Его включила Изабель, желая убедить меня, что благодаря хайманским модификациям она глубоко погружена в технологическую систему и следит за каждым моим движением. Придвинув сенсорную клавиатуру, я вывел характеристики интегрального диагностера. Ну, так и знал: современный, но на хайманов не рассчитан. Значит, пришла пора моего Сибана — кубика, изобилующего портами данных и пробоотборными каналами. Наклонившись, я вскрыл цоколь, извлек ядро старого диагностера и вложил на его место Сибана. Загрузка требовала некоторого времени, так что я вновь обошел «пьедалестал», чтобы осмотреть Изабель.

— Интересно, — заметила она. — Весьма продвинуто.

Очевидно, она уже начала изучать загружающийся межканальник.

— Подняться до уровня хаймана тебе помог Пенни Роял... ну, отчасти, — сказал я, — но здешняя медицинская техника рассчитана лишь на человеческие модификации вроде «форсов».

Она уже сидела в кресле, тяжело дыша, — возможно, от боли, или усталости, или из-за каких-то внутренних неполадок. Взгляд, брошенный на меня, говорил одно: выкажи малейший признак отвращения, и ты мертвец. Однако таилась в нем и немая мольба. Женщине хотелось сочувствия, но не показного, и уж точно не жалости.

Все ее тело было покрыто синяками, и виной тому были не только ушибы. Грудь, некогда налитая, обвисла пустыми мешочками. Туловище, как и лицо, выглядело чрезмерно удлинившимся, с неестественно сглаженными изгибами. А ноги были слишком коротки. Я смотрел на нее, радуясь про себя, что мой манжетой способен подавлять определенные базовые человеческие позывы. То, что лежало передо мной, могло вызвать и омерзение, и ужас — а проявлять подобные эмоции было смертельно опасно. Сейчас я видел лишь интересного пациента — и только.

Я поднял руки:

— Начинаю осмотр.

Ее сенсорный капюшон открылся, в одном из зрачков блеснул металл: Изабель изучала мои руки. Очень медленно потянувшись, я коснулся пальцем сенсорного пульта, давая приказ спинке откинуться, а подножке подняться, превращая кресло в операционный стол. Дождавшись завершения процесса, я прощупал ее ключицу — просто чтобы установить первый контакт. Изабель поморщилась, потом, когда я начал считать ее ребра, — расслабилась.

Нож...

На миг я провалился в вихрящуюся тьму, переполненную железом и обсидианом; потом тело пронзила боль. Я отдернул руку — боль исчезла, и я сразу понял, что этот фрагмент памяти связан с ощущением дежавю, не оставлявшим меня с того момента, как я поднялся на борт этого корабля. Возможно, это как-то связано со временем, проведенным в паучьем рабстве? Нет, не похоже. Так, отставим гипотезы, они сейчас только мешают.

— Их восемнадцать, — сказала женщина, — и еще два растут.

Я кивнул, не решаясь пока заговорить.

На самом деле нужды считать на ощупь не было — там, где должны были находиться ее ребра, из боков торчали щетинящиеся хитиновыми пластинами наросты, доходя почти что до самого таза. При этом верхние ребра оказались более широкими и плоскими, чем обычные, а верхняя пара вообще соединялась друг с другом внахлест. Интересно, скоро ли начнет отмирать кожа — она уже выглядит нездоровой, хотя повреждений или патологических изменений пока не наблюдается.

Руки тоже укоротились, плечи расположены выше нормального уровня, шея слишком толста. Хитин на руках и ногах отсутствует, но и там и там пальцы высохли, съежились. Вместо больших пальцев ног и мизинцев рук торчат жалкие пеньки. Полагаю, скоро Изабель придется обходиться вообще без конечностей.

— Можешь показать спину?

Она попыталась перевернуться, не смогла, и я после секундного колебания помог ей, и на этот раз прикосновение к ее телу ничто не пробудило в мозгу. Подсчитав прямоугольные хитиновые пластины, ровным рядом расположившиеся на месте позвоночника, отметив заостренную шишечку выступающего из основания этого ряда хвоста, я перевернул женщину обратно.

— Ты уже пыталась превратиться в хаймана — сама, еще до визита к Пенни Роялу, — заявил я.

Женщина подозрительно прищурилась:

— Откуда ты знаешь?

Я махнул рукой.

— Это же очевидно. Что ты сделала?

Она пару секунд что-то прикидывала, взвешивала, потом все же ответила:

— Суставные кибердвижки, сдвоенные суб-ИИ «форсы», сенсорный обруч. Потом «форсы» и обруч удалила — когда купила на черном рынке сетуз, который через два месяца отказал. Продавцы отправились в Королевство — рабами я их не делала, продала на мясо. — Она умолкла на миг, изучая мою реакцию. — Их, верно, давным-давно съели.

Я включил автодок. Насекомья головка выдвинулась из подставки. Запустилась обычная программа проверки многочисленных хирургических насадок — выглядело это так, словно механический паук готовится перекусить.

— Расслабься. — Я придвинул аппарат к ее лицу.

Мелькнула мысль — запрограммировать что-нибудь быстрое и необратимое: рассечь позвоночник, пережать сонную артерию. Но я, хоть и занимался биошпионажем, не был убийцей. Однако хорошо, что женщина напомнила мне о том, кем является, поскольку я уже

начинал ей сочувствовать.

Док принялся сканировать тело и брать анализы, он исследовал женщину с головы до пят, мне оставалось лишь просматривать поступающие на монитор изображения и данные. Наконец аппарат замер над животом пациентки.

— Кстати, насчет Пенни Рояла, — сказал я, — если тебе интересно: он может подарить тебе способность перепрыгивать небоскребы. Только при этом не позаботится сообщить о том, что мягкая посадка не гарантируется.

— Знаю, — ответила Изабель.

Я занялся своей фабричкой — перекачал в память результаты сканирования, чтобы на их основе выбрать подготовленные микроботы, ввел шунт: микроботам необходим раствор на основе крови пациента.

— Что это? — спросила женщина.

— Ты понимаешь, что твои кибердвижки конфликтуют с меняющимся телом?

— Конечно.

— Ты могла бы бросить в бой сетуз или «форсы», но у тебя их нет. Установленные Пенни Роялом части хаймана в тебе даже говорят на другом языке, так что доступа тебе не получить. Пенни Роялу это не важно. Степень твоих страданий в процессе трансформации его не касается. — Я умолк, разглядывая Изабель. — Но ты просила не просто превращение в хаймана, верно?

— Полагаешь, я не думаю об этом постоянно?

— И все же?

— Я сказала, что желала бы содрать мясо с кое-чьих костей, — ответила она. — И Пенни Роял поинтересовался, хочу ли я быть хищником, чтобы мой враг стал жертвой. Я сказала «да».

Я поморщился: вот слова, которые обрекли ее на проклятье.

— Твои кибердвижки опечатаны и закодированы. Микроботы снимут защиту, и я их перепрограммирую. Фактически отключу.

— Я не хочу, чтобы они отключались, — рявкнула она, нащупывая торчащие из боков шипы. — Я хочу убрать *это*!

— Все возможно, но не сейчас. Мы договорились, что я облегчу твои текущие проблемы с кибер движками. Тем, что сотворил с тобой Пенни Роял, я займусь, когда добуду свой корабль.

Женщина готова была меня прикончить — и я знал, что едва она получит то, что хочет, точно попытается это сделать. Но теперь она лишь кивнула на шунт:

— Проведи глубинное сканирование.

Я послушно положил шунт на плоский предметный столик тут же включившегося наноскопа. По экрану наверху побежала рябь, потом настройка завершилась, и в перекрестии фокуса возник микробот. Крупным планом это электрохимическое устройство походило на какой-нибудь землеройный агрегат, сделанный из детского конструктора. Изабель быстро изучила широкий спектр микроботов, проверила и жидкость-носитель. Едва она закончила, моя фабричка бибикнула, мигнув огоньками. Женщина не только осматривала механизмы, которые я собирался запустить в ее тело, — она проверяла и заложенную в них программу. Это заняло минут двадцать — а я меж тем бродил по отсеку, изучая оборудование.

Паранойя цвела и пахла, иного и не ожидалось, но все-таки... Изабель просканировала мои руки, прежде чем я коснулся ее, но сконцентрирована она была, как и при проверке шунта, на микроскопических механизмах. Она не предвидела биологической атаки. В любом случае, прионы просочились из моих пор сразу *после* сканирования и уже внедрились в тело женщины. Там они размножатся, распространятся по нервно-технологическим узлам, проникнут в спинной мозг, начнут вырабатывать первичные белковые кольца, готовя фундамент для третичной структуры, а там настанет черед и запрограммированному белковому каскаду. А инициировать процесс я могу серией инфразвуковых сигналов на частоте, к которой прионы чувствительны.

— Продолжай.

Я взял шунт, пристроил его на предплечье пациентки. Прежде чем войти в вену, аппарат блокировал нервные окончания. А я вернулся к пульту, активировав Сибан — теперь я мог следить за процессом через диагностические сенсоры автодока, который завис в метре от тела для лучшего обзора. Микроботы, войдя в руку, стремительно распространялись по телу вместе с кровотоком,

проникали в плоть и оседали на узлах кибердвижков, сидящих в каждом суставе — включая и находящиеся в позвоночнике, пальцах и челюстях. Потом они начали внедряться в электрохимические интерфейсы, радиопорты и гидроакустические приемники. На выходе я получал сперва сплошные помехи, но Сибан вскоре разобрался, в чем дело, взломал код и выдал перечень вариантов. Игнорируя все доступные подопции, я выбрал одну, основную — и отключил кибердвижки.

Изабель тяжело вздохнула и обмякла, расслабившись.

— Лучше? — Я переключился на первичную диагностику нервной системы и переслал рецепт автоаптечке.

— Да, лучше, — ответила женщина, приподняв голову.

Она выглядела не такой напряженной, как прежде, — и уж точно не как человек, страдающий от неизлечимого недуга. Но от этого ее настороженность вдруг стала еще более чужеродной, хищной и опасной. Женщина казалась *не просто* существом, подвергшимся серьезным физическим изменениям. Изабель подняла голову, чтобы взглянуть на меня, и я заметил, что впадины под ее глазами прорисовались четче, а выпирающие из нижней челюсти шипы удлинились. Поворачиваясь к аптечке, я подумал, что не зря не сообщил ей заранее, что теперь, когда не нужно сражаться с кибердвижками, ее трансформация ускорится. Затем я вернулся к пациентке со старым добрым шприцем, в котором находился медленно высвобождающийся лекарственный имплантат.

— Зачем это? — по-прежнему подозрительно поинтересовалась она. — Зачем обезболивающее?

Изабель явно следила и за работой автоаптечки.

— Как ты, несомненно, уже заметила, я устранил проблему кибердвижков, но больно все равно будет. Это препарат, притормаживающий афферентные нервы, на работу мозга он не влияет.

Она резко кивнула, и я ввел иглу под нижние ребра, над самым пахом.

— Итак, первая часть нашего соглашения выполнена, не правда ли? — спросил я.

Изабель села, выпрямилась.

— Правда.

И тут она закричала.

Трент ворвался в отсек как вихрь, не дав сказать ни слова, сбил меня с ног и ударил по почкам так, что в глазах потемнело. Я еще не успел перевести дыхание, а к моему лбу уже приставили пульсар, и тяжелая рука пережала горло. Только тогда телохранитель посмотрел на Изабель:

— Какого хрена?

И увидел дьявольский красный глаз, открывшийся под правым, человеческим глазом женщины. Какой же ужас показало Изабель это око, чтобы вырвать из ее уст такой вопль? Возможно, ее будущее, ее превращение в хищника — способного срывать мясо с чужих костей. Да, наверное, она увидела, как вытягивается ее лицо, как открываются на нем новые глаза, как она сама постепенно перестает быть человеком, неуклонно трансформируясь в капюшонника.

Глава 5

Спир

Кроме меня и Изабель, экипаж корабля состоял лишь из Трента и Габриэля. Впрочем, считать ли самостоятельной особью ганглий прадорского вторинца, служивший корабельным разумом? Я бы посчитал — даже если он калека, который не прошел бы новейшего теста Тьюринга^[5]. Так что нас было пятеро. Маловато, но не удивительно. Я знал, что организация Изабель Сатоми велика и что у криминальных авторитетов вроде нее обычно большая свита. Но Изабель угодила в ловушку, куда попадали многие, подвергшиеся масштабным модификациям: она считала, что лишние люди ей не требуются, полагаясь на собственную увеличенную силу и обостренный контроль.

— Меня зовут Трент, а фамилия, как ты уже догадался — Собель, — заговорил со мной помощник Изабель. — Как ты узнал?

Я выбрал кое-что из предложенного автоповаром меню и стоял у люка доставки, размышляя о бывшем боссе Изабель, мистере Пейсе. Он тоже удостоился внимания Пенни Рояла, прошел тем же путем и жил теперь в полном уединении, за крепостными стенами богатства и власти. Ранее я подумывал над тем, чтобы использовать его — именно он доставил бы меня к государственному истребителю и стал бы источником необходимой мне информации, которой владели единицы. Но, изучив то небольшое, что было известно о произошедших с ним переменах, я не нашел способа установить над ним контроль. К тому же он казался еще более одержимым манией убийства, чем Изабель.

Забрав наконец поднос с едой, я вернулся к Тренту и Габриэлю.

— Я работал с первыми адаптогенами. У серии НС-92, задействованной в роду Собелей, имеется ряд легко распознаваемых побочных эффектов.

Трент неловко пригладил свой ирокез:

— Например?

Я сел:

— Например, белые глаза.

Конечно, общение с Трентом тоже вызывало у меня дежавю, но

причина была очевидна, и скрывать ее я не собирался.

— А еще?

— Наверное, твоя острая черепушка, — встрял Габриэль.

Пару секунд Трент сверлил его взглядом, потом вновь переключился на меня.

— Однако, — продолжил я, — основная причина, по которой я определил данный адаптоген, — внешнее сходство. Ты мог бы быть братом-близнецом Фелландера Собеля. У вас даже голоса одинаковые.

Фелландер Собель прибег к генетической модификации, получив способность существовать в мире с высокой гравитацией. Это свойство унаследовали его многочисленные отпрыски, а уж сколько детей завели в свою очередь они — вообще не представляю. Даже в прошлой жизни я не слишком интересовался этим, потом познакомился с Силаком, потом началась война, потом больше века я был мертвецом...

— Ты с ним встречался?

— Я сам впрыснул ему НС девяносто два.

Трент ошеломленно уставился на меня, теребя свою серьгу с фиолетовым сапфиром. Вероятно, украшение много для него значило — он всегда тянулся к камню в трудные моменты. Поворочав мозгами и, видно, не придумав, что бы еще сказать, он ткнул пальцем в Габриэля:

— А как насчет него?

Я неторопливо поглощал макароны с креветками. Габриэль. Еще один тяжеловес, но в данном случае габариты — результат подкачки. Мышечная масса явно удвоена, и, судя по всему, увеличена и ее плотность, а следовательно, должны были проводиться наслоение костей и укрепление суставов: такая мускулатура просто переломала бы обычные человеческие кости. «Форсов» на его теле не видно, кожа — неестественного ярко-розового цвета, глаза — бледно-голубые, коротко стриженные волосы — светлые. Носит он боевой скафандр, превращенный в куртку путем отрезания низа, радужную футболку, джинсы и легкую «альпинистскую» обувь. Но о его прошлом говорят и другие, не слишком явные зацепки.

— Тарсис–сити, вероятно... или один из гидропонных городов Хриса. — Я взгляделся в его лицо. — Полагаю, татуировки ты сводил здесь, на Погосте. Ни один пластический хирург Государства не сотворил бы такого безобразия.

На Погосте, ничьем пространстве, лежащем меж Государством и Королевством, катастрофически не хватало профессионалов. Все, кто работал на научно–технический прогресс, предпочитали не покидать Государства, где тебе доступны любые ресурсы. На этом я сыграл, обратившись к Изабель. Однако догадка о сведенной татуировке была только логическим умозаключением. Марсианские татуировщики пользуются самовоспроизводящимися чернилами, порой проникающими даже в кости, так что с удалением их, тем более здесь, вполне могли возникнуть проблемы.

Габриэль с досадой поморщился и потер щеку. Пятна, скрывшие узоры традиционных мужских марсианских татуировок, были почти незаметны. Почти.

— Тарсис–сити, — буркнул он.

— Ха! В точку! — воскликнул Трент.

Мы, вроде, неплохо поладили, но я, вытаскивая из кармана фляжку и наливая ее содержимое в чашечку, размышлял, не принимают ли участие эти славные парни в потрошении людей и превращении их в рабов. А может, они оставляют грязную работенку головорезам малых станций? Разговор наш перешел на забавные случаи из моего военного опыта, и наемникам, конечно, захотелось попробовать настоящий земной виски. Будучи профессионалами в своей области, они, прежде чем пригубить, проверили напиток персональными сканерами токсинов. Бесполезно. Свою дозу прионов парни получили с поверхности кружек, которые я, наливая драгоценную жидкость одной рукой, бережно держал другой. Впрочем, они наверняка уже заразились и так: требовалось–то всего–навсего дотронуться до чего–нибудь, чего недавно касался я, поскольку прионы жили и сохраняли активность вне моего тела еще два часа. А я выпускал их из ладоней постоянно, начиная еще с осмотра Изабель.

Путешествие к первому нашему пункту назначения на Погосте растянулось на несколько недель. Для управления покинутым

государственным истребителем мне нужен был специфический тип разума. Я ходил раздраженный, мне хотелось добраться до Пенни Рояла *немедленно*. Однако ускорить межзвездный полет невозможно, а идти против черного ИИ без должных приготовлений — немыслимо.

Эту планету бродяги–звездолетчики презрительно окрестили Литоралью, и ее обитатели–полулюди с несколько извращенной гордостью приняли сие название. По прибытии я поймал себя на размышлениях о многообразии человеческих трансформаций. Люди меняют себя сами, люди меняются, покидая Землю и населяя отдаленные районы космоса. Предки Трента Собеля старались приспособиться к новой окружающей среде, а стремление Изабель Сатоми к власти обернулось против нее — при содействии обезумевшего богоподобного разума. В иных случаях причины изменений могут быть не столь очевидны...

В процессе путешествия я кое–что узнал об обитателях этого мира. Похоже, местные жители восхищались прадорами — и довели свое преклонение до предела. Так что я не должен был удивиться, увидев «моллюска» — человека, имитирующего форму прадоров, — однако моя реакция меня поразила. Свои ощущения я тут же проанализировал. Откуда это непреодолимое, инстинктивное отвращение, если в Государстве я сталкивался со случаями, когда модификации и «улучшения» принимали куда более дикие формы? Почему я не испытал те же чувства, наблюдая за метаморфозами Изабель?

Во–первых, понял я, оттого, что, по моим меркам, я сражался с прадорами всего несколько месяцев назад. Еще я знал, что внешний вид «моллюсков» выражал их внутреннее уродство. Да, внешность Изабель тоже попадала под это определение, но ей ведь не оставили выбора.

А здесь, передо мной, стоял один из тех, кто ненавидит человечество и поклоняется — с почти религиозным пылом — расе, перенесшей законы селекции на собственных детей, поедая неудачных. Но и это еще не все. Прадоры не ведают ни совести, ни морали, ни сочувствия; прадоры — злобные монстры, жестокие хищники–беспредельщики, которых нельзя сравнить даже со зверями — те не убивают сверх необходимого. Прадоры хирургически превращают своих детей в биологические механизмы, безжалостно

истребляют соперников и, дай им шанс, уничтожили бы человечество. Нет никого, кто ближе подошел бы к безысходному злу.

Я и не заметил, что скребу шею, пытаюсь унять психосоматический зуд. Потом вспомнил холод железных паучьих лапок рабодола, погружающихся в мою плоть, и подумал: едва ли мое мнение о прадорах можно назвать беспристрастным.

— Ты Спир? — проскрежетал человек — «моллюск».

— Да, я Торвальд Спир. — Я снял дыхательную маску.

Он был на фут ниже меня, но куда шире в плечах и массивнее. Диск панциря выступал на несколько футов со всех сторон из-за склоненной под углом в сорок пять градусов спины, точно придавленной тяжелым железным щитом. Однако поддерживали его человеческие ребра, спаянные с краями панциря, который защищал внутренние органы. У «моллюска» имелось две пары членистых ног и человеческие руки, расположенные на фут ниже обычного. Из заглубленного правого плеча высывалась широкая крабья клешня, а из левого — узкая, как у лангуста. Если смотреть спереди, то казалось, что получеловек вот-вот упадет — но не падает благодаря удерживающему равновесие крабьему хвосту в форме подковы. Антропоморфная голова поднималась на ребристой шее, а человеческие глаза моргали на стебельках, растущих из темени. Ряд других, ярко-красных глаз располагался полумесяцем на лице, а ротовой аппарат принадлежал, похоже, стрекозе.

Тут потрудились не хирурги Государства. А те, кто это делал, работали не слишком хорошо, судя по россыпи гнойничков на человеческих частях тела в местах их соединения с прадорскими «детальями». «Моллюск», несомненно, страдал аллергической реакцией из-за сбоя перепрограммированной иммунной системы.

— А ты кто? — спросил я в свою очередь.

— Врит, — ответил человек — «моллюск».

И я заметил человеческий рот, появляющийся всякий раз, когда Врит разводил жвала, чтобы заговорить. Пускай этот человек радикально изменил свое тело и взял прадорское имя, но до конца он не пошел. Почему? Почему местные жители, так любящие прадоров и все, что эти существа олицетворяют, не выглядят совсем как прадоры? Технология подобной модификации наверняка имеется. Я

поморщился, сообразив, что мои первые мысли при виде этого существа содержат ответ. Трансформации, которым эти люди подвергли себя, есть визуальное заявление о том, чем они *не желают* быть, и смысл его пропадет, если они полностью примут облик своих богов. Все дело в самоненавистничестве — и отрицании человечности.

— Плату принес? — Врит сверлил взглядом зависший в воздухе за моей спиной чемоданчик–грависак.

Погост считался буферной зоной, где не действовали законы, куда не рисковали соваться ни Королевство прадоров, ни Государство. Но на деле сюда приходили и те и другие, и на многих планетах Погоста имелись представители обеих рас. Впрочем, делать им тут было нечего, разве что присматривать друг за другом и блюсти собственные интересы. Этот мир, как и любой из здешних, гости посещали на свой страх и риск. Я знал, что заключать сделки с «моллюсками»... трудновато, поскольку они предпочитали иметь дело со своими, а обычных людей презирали. Вот почему, хотя и отклонив предложение Изабель взять с собой Трента и Габриэля, я подстраховался возможностью вызвать их в любой момент.

— Я готов обсудить условия, — неопределенно ответил я «моллюску», шагнув вперед.

Пиджак мой вроде бы случайно распахнулся, выставив напоказ газовый пульсар на бедре. Я чувствовал себя мошенником, но, к сожалению, угроза насилия — частенько единственный способ насилие предотвратить.

Врит резко отпрянул, его глаза на стебельках искали что-то на плоском обсидиановом полу — таком же, как покрытие посадочной площадки. Я заметил, как он морщился, передвигаясь, определенно испытывая боль. Дрянной у них послеоперационный уход, однако. Но что же высматривает «моллюск»? Груды ящиков, суетливые автопогрузчики, толпа людей — «моллюсков» вперемешку с гражданами Государства... А вдоль стеклянной стены расхаживает прадор. Гигантский крабоподобный монстр с прикрепленным к клешне пулеметом, перепоясанный пулеметными лентами. И в незнакомой мне объемистой броне из синевато-зеленого металла, совсем не похожей на их обычную, медную. Я даже не мог сказать, первенец это или вторинец — он был поменьше первого и побольше второго. Глядя на Чужого, я удивлялся, отчего, несмотря на недавние

мысли, не ощущаю первобытной ненависти ко всей их породе.

— Где товар? — спросил я, снова переключая внимание на «моллюска».

Врит, подобострастно съездившись, продолжал любоваться прадором. Мой вопрос отвлек его.

— На барже, — махнул он клешней в сторону широких овальных ворот в дальнем конце здания.

— Ну так?.. — Я неопределенно повел рукой.

Врит настороженно взглянул на меня, развернулся и быстро устремился к выходу. Таможенного контроля там не было, только несколько процедур обеспечения безопасности. Прежде чем открыть дверь для людей, расположенную в центре главных ворот для прадоров, Врит натянул респиратор и шагнул в короткий выходной туннель. Я последовал его примеру. В конце прохода горел ярко-розовый свет, и скоро я снова услышал море. И почувствовал проникающую даже под маску тлетворную вонь разложения, которой успел насладиться еще за время пути сюда, к Залу Встреч, от «Залива мурены».

У выхода я задержался, глядя на черный каменный берег, усеянный домиками на ходулях-сваях, как бы в забытьи марширующих в бордовые волны. Ближе подобраться к глубоководному прадорскому анклаву местные жители не могли. На дне обитала малочисленная группа прадоров, не пожелавших повиноваться приказу их короля о возвращении в Королевство после войны. Я почти ничего о них не знал — только то, что ими правит отец-капитан и что они наладили торговлю по всему Погосту — и с Государством, и с Королевством. А также — что для прадоров удивительно — не выказывали склонности выйти на берег и начать поголовную резню.

И еще мне было известно, что я никогда не стоял здесь прежде, — и все же в глубине души я чувствовал, что так уже было. Ощущение «знакомости» стало частью практически каждого нового события моей жизни, и я почти свикся с ним. В сущности, лишись его, я, пожалуй, почувствовал бы себя ограбленным. Но то, что последовало дальше, я просто не мог принять — слишком реальным, слишком шокирующим это было.

Я стоял, сжимая новой клешней респиратор, гадая, принесет ли

следующий порыв ветра острый запах сероводорода. На океанском дне опять проснулись вулканы, и запах часто реял над берегом. Я чувствовал себя сильным и защищенным от всего мира под растущим панцирем, а еще — тесное родство и почти религиозную любовь к прадорам в их глубинных кораблях под толщей вод. Необходимость в респираторе раздражала, хотя даже лучшие из прадоров подвержены действию газа, как и слабые люди. Я пошел, медленно — человеческие части устали и болели. Они мешали — как гангренозная конечность, как старая кожа, как что-то, что нужно удалить, сбросить, чтобы обнажить внутреннюю чистоту...

— Идешь? — спросил Врит, пригнувшись — точно собираясь бежать или нападать.

Какого черта, что это было? Я вспомнил, что ощутил, впервые коснувшись Изабель. Это было омерзительно, но это было моим — частью моего прошлого. А как принять то, что померещилось мне только что? Я никогда не бывал здесь и уж точно никогда не был «моллюском». Чьи-то чужие воспоминания отчетливо отпечатались в моем сознании.

— Да, иду. — Я выпрямился. — Веди.

Врит двинулся направо, ступая по черному камню, такому же, каким мостили посадочные площадки и пол Зала Встреч. Только тут он был неровным, выщербленным, усеянным цепкими рачками. Удостоверившись, что моему грависаку все равно, над какой поверхностью парить, я последовал за проводником к уходящему в море пирсу, у которого была пришвартована пузатая грузовая баржа. Позади нее виднелась небольшая погрузочная гусеничная платформа с краном, и я слегка расслабился. Врит не стал бы заморачиваться, притаскивая сюда столь громоздкое устройство, если бы замышлял предательство... наверное. У пристани я обернулся, чтобы бросить взгляд на виднеющийся за зданием космопорта верхний корпус «Залива мурены» с орудийными башнями. Изабель, конечно, наблюдала за мной, хотя интересно, что она видит сейчас, когда на лице ее открылся второй провал глаза капюшонника, а само лицо вытянулось, уподобившись статуе с острова Пасхи.

— Идем, идем.

Врит уже вскарабкался на палубу и махал мне с баржи тяжелой клешней.

Я шагнул на короткий трап, а Врит тем временем распахнул широкую дверь, ведущую в недра баржи. Внутри тут же загорелся свет, и я нырнул следом за «моллюском», спустившись по еще одному трапу к обшарпанным жилым помещениям. Поджидая свой грависак, я разглядывал разбросанный на единственной палубе мусор: упаковки из-под болеутоляющего, разбитые шприцы, автоаптечка...

— Знаешь, — сказал я, глядя, как мой чемодан с явным чистоплюйским отвращением всплывает в отсек, — тебе необходимо качественное лечение, иначе состояние будет неуклонно ухудшаться и ты умрешь — или же ты в какой-то момент впадешь в анафилактический шок и умрешь от него.

Врит резко повернулся:

— Тебе-то что?

Я пожал плечами:

— Неприятно видеть страдания. Твоя первая, человеческая половина плохо реагирует на вторую. Это же очевидно. — Помолчав, я добавил: — Я мог бы помочь тебе.

Врит стащил респиратор и развел стрекозиные мандибулы, демонстрируя ухмыляющийся рот:

— Она плохо реагирует, поскольку слаба, а в человеческой помощи я не нуждаюсь. — Отвернувшись, он шагнул за полиэтиленовую занавеску, пробурчав: — Скорее, это мое истинное «я» отвергает человека.

Я смотрел ему вслед, понимая, что именно те, чужие воспоминания побудили меня предложить помощь. Но, хотя я и был уверен, что принадлежали они не Вриту, я мог предвидеть, что предложение мое отвергнут. Закрыв на секунду глаза, я задумался, что мне делать с *той* памятью, и понял, что сам ничего не могу — это работа для государственного аналитического ИИ. Остается просто жить и продолжать двигаться к цели. Да, подобные случаи огорчительны, но в данной ситуации я, к примеру, получил потенциально полезную информацию.

Я снял дыхательную маску и, озираясь, шел за «моллюском». За занавеской громоздилось всевозможное оборудование для тестирования и ремонта компьютеров — жуткая смесь человеческих

и прадорских технологий, опутанные оптическими и коммуникационными кабелями приборы, питающиеся энергией от башни многослойного конденсатора. В углу, на аэропластовой подстилке, стоял прадорский криококкон: медный шар метрового диаметра, от которого тянулась паутина проводов. На его верхней поверхности светились зеленым квадратные окошки. Я поежился — не оттого, что эта штука охлаждала воздух, нет — она заключала в себе страдания. Прадорский мозг, хранящийся в этой сфере, не покинул бы свое исконное тело добровольно. Едва Врит посторонился, освобождая мне место, я подошел и взгляделся в одно из окошек.

Клубок органики, ганглий вторинца–прадора, застыл в ледяном кубе. Мозг полускрывала сложная кристаллическая решетка, которая словно бы вырастала из ганглия и тут же вращалась в лед. От нее отходили многочисленные разъемы, контакты, оптоволоконка, которые в свою очередь соединяли ледяной куб со множеством модулей — «черных ящиков». Объект покоился меж двух скошенных на концах столбов, и я не мог не отметить их сходства с подставками для кристаллов ИИ в звездолетах Государства. Я осторожно, будто прося за что-то прощения, опустил руку на шар. Да, я не в ответе за те события, из-за которых мозг прадора оказался в заточении, но, покупая его, я могу способствовать их повторению.

— Откуда он?

— Прадор–камикадзе — сделан за год до конца войны, никогда не использовался. — Врит раболепно поклонился в направлении моря. — Отец–капитан Свёрл, правитель нашего мира, меняет свои ограниченные запасы на технику Государства.

Прадоры–камикадзе, как и их японские тезки, пользовались во время войны большим спросом. Разве что летали они в космосе, да обладали куда большей разрушительной мощностью.

— На какую технику? — Я немедленно заподозрил этого Свёрла в наихудших побуждениях.

Врит попытался пожать изуродованными плечами:

— За этого предлагали пикоскоп, наноботов для генетического секвенирования^[6] и еще пару ценных штучек.

Все, что он упомянул, стоило достаточно дорого. Я сам

подумывал приобрести пикоскоп — прибор, которого сто лет назад просто не существовало. Как здорово было бы разглядывать субнаноскопические структуры и — в ограниченных пределах — манипулировать ими! Остановила меня попытка разобраться, как эта проклятая штука действует — ее разрабатывали ИИ с применением У-технологий. Кроме того, я не мог найти оправдания огромным расходам — ведь пикоскоп не приблизил бы меня к основной цели.

Я шагнул к своему грависаку, который опустился в самом центре пола, ханжески стараясь отгородиться от окружающего бедлама. Стоило коснуться кончиками пальцев его верха, как половинка крышки бесшумно откинулась, явив на свет аккуратно упакованный компьютер. Выбрав нужное, я вернулся к криококону с оптическим кабелем, подключенным к процессорному блоку, и принялся искать на латунном шаре гнездо входа.

— Хочешь услышать, как он говорит? — спросил Врит, когда я наконец обнаружил требуемое и воткнул кабель.

— Ты подключил переводчик? — удивился я.

— Конечно. — Врит поскреб россыпь прыщей грязными человеческими ногтями.

— Тогда почему бы и нет?

Вреда от этого не будет, но я предпочитал собственные методы проверки жизнеспособности мозга вторинца. Бросив взгляд на данные, появившиеся на маленьком экранчике, я мазнул по нему рукой, перенося информацию на плоский голодисплей, по которому сразу побежали цифры диагностического кода. Дисплей я подвесил в воздухе рядом с собой.

— Пилот, рапорт о состоянии, — приказал Врит.

Голос — явно искаженный, чтобы меньше походил на человеческий, прозвучал из цветка-динамика, распутившегося на ближайшей рабочей поверхности корпуса:

— Полностью функционален. Системные порты с сорок третьего по семьдесят восьмой и с восьмидесятого по сто двадцать пятый отключены. Порт семьдесят девять ведет диагностику в формате Государства. Новые инструкции: разрешены. Встроенный аккумулятор: заряд сорок процентов. Внешний источник: не соответствует уровню функционирования. Статус У-расчета нулевой

— характеристики двигателя недоступны. Статус...

— Рапорт принят, — прервал механическую речь Брит и повернулся ко мне. — Хочешь спросить еще что-нибудь?

— Он ответит?

— Теперь ответит. — Брит ткнул пальцем в сенсорную панель.

Я кивнул и повернулся так, чтобы обращаться напрямую к криококону, хотя и знал, что микрофоны, скорее всего, размещены на корпусе. Дело тут было, наверное, в уважении — и жалости.

— Скажи мне, вторинец прадора, как тебя зовут?

В динамике зашипело — я не сразу распознал в звуке булькающий свист прадорского языка, перемежающийся глухими щелчками. Имя его звучало примерно как «Вффлеиотшт», но он, очевидно, не знал, какие щелчки добавлять: те, что означают настоящее время — «я есть», или те, что сообщают о прошлом — «я был».

— Я буду звать тебя Флейт, — сказал я. — Отныне таково твое имя.

— Первичный приказ подтверждается? — спросил вторинец.

Я взглянул на Брита — тот неуклюже пожал плечами.

— Подтверждается.

— Конечно, — пробормотал «моллюск», — мне все равно, как ты будешь его звать... после того как заплатишь.

Все, что показал мне мой компьютер, меня удовлетворило. Внутри криококона действительно содержался хирургически извлеченный мозг вторинца-прадора, находящийся в органическом стазисе, но адаптированный под электрооптику. ИИ Государства заявляли, что в У-пространстве звездолетом способен управлять только бортовой ИИ, делающий необходимые вычисления. Но они больше не старались пресечь слухи о том, что это ложь — иначе как бы прадоры, раса без ИИ, путешествовали по космосу? А прадоры приспособляли для этих целей собственных детей, подвергая их хирургическим операциям, обычно без наркоза — то ли в качестве наказания, то ли просто забавы ради.

Я вернулся к чемоданчику и откинул вторую половину крышки.

Внутри находилась перламутровая слоистая глыба.

— Полагаю, пять фунтов прадорской алмазной слюды — достаточная цена.

Врит навис над грависаком. Его тонкая клешня огладила тонкие сверкающие пласти; жвала были широко разведены, человеческие губы прикушены в задумчивости.

— Я беру минимальный процент, — сказал он. — Для меня честь выступать агентом отца-капитана.

Я отступил, разглядывая криококон; покупка не радовала, я испытывал неловкость, тревожила и моральная сторона дела. Однако, если желаешь бороздить межзвездное пространство, не привлекая внимания ИИ Государства, иных вариантов нет. А если намерен оживить государственный истребитель, потерявший, в сущности, разум, без этой штуки точно не обойтись. А истребитель нужен, чтобы напасть на черный ИИ в его собственном логове.

Война: Дюрана

Я оглянулся на лаз, которым мы прошли сквозь заросли синешипов и лианоззов, тыквоцикасов и сорнофов. Единственным сходством местной растительности с земной было то, что она тоже тянулась вверх. Никаких фотосинтезирующих листьев — возможно, оттого, что при здешней солнечной активности этого не требовалось. Местный аналог хлорофилла, содержащийся в стеблях растений, обеспечивал их всей необходимой энергией. Лианоззы представляли собой бледно-голубые спиральки, свешивающиеся отовсюду. Синешипы, чем-то похожие на разлапистый двадцатифутовый ремень, который окунули в синие чернила, являлись на самом деле лишайниками. А тыквоцикасы никак не получалось сравнить ни с растениями, ни с грибами. Они питались возмущениями электромагнитного поля планеты, вырабатывая при этом сахар. А иногда, высосав из почвы все минеральные вещества, тыквоцикасы выдергивали из земли корни и, точно сороконожки, переползали в местечко получше. Сорнофы же были чрезвычайно агрессивной слизневой плесенью.

— Как ты там? — спросил Кронг.

Я перевел взгляд на героя Государства, размышляя, долго ли еще он продержится. Движущей силой этого человека была ненависть к прадорам и нерушимая преданность всему, за что выступало Государство. Но вот с методами у него получалась какая-то неувязочка. Лепить мины на панцири прадоров, когда можно поразить цель издалека, из ракетной установки, — не самый логичный способ борьбы с врагом. Джебель У-кэп Кронг и все его товарищи в этом отряде были искателями острых ощущений, адреналиновыми наркоманами. Подозреваю, ИИ позволяли ему продолжать в том же духе из тайного расчета на благоприятный общественный резонанс. В войне на выживание ИИ и человечеству требовались свои герои.

— Буду в порядке, — ответил я, — когда не останется никого из наших друзей-прадоров.

— Ну, мы постараемся. — Кронг ухмыльнулся и отошел.

На планете Дюрана господствовали непроходимые заросли, это был мир джунглей, если угодно. А для Джебеля У-кэпа Кронга и его

отряда истребителей прадоров планета стала отличными охотничьими угодьями. Их техника плоховато работала там, где было мало укрытий, и, как говорил мне Джебель, их оружие предназначалось для такой окружающей среды, где могло причинить максимум повреждений. До Дюраны они торчали на пустынной планете и, как пауки-каменщики, прятались в едком белом песке. Там Кронг устроил засаду на прадора, собиравшего гигантский наземный рельсотон, только вот один из новых государственных дредноутов испортил все веселье. Предупредив за два часа об операции, он сбросил химическую бомбу, вызвавшую в пустыне цепную реакцию. Орудийная площадка превратилась в озеро, и пушка утонула в вязком сиропе едкого натра. Я был с ними там, а до того — еще на двух планетах. На ледяной луне, где мы, используя бурильные установки, подобрались к прадорам снизу, как атакующие акулы. И на станции Н-3 газового гиганта, где отряд, воспользовавшись махолетами из моноволокна, спикировал на врага из густого тумана.

Четыре месяца я провел на борту корабля-госпиталя Центрального комитета безопасности Земли, управляясь от своей «службы» у прадоров. С телесными недугами разобрались за две недели, а вот все прочее потребовало больше времени. Мыслетехник, обследовавший меня, утверждал, что выздоровление ускорится, если слегка отредактировать память, но я отказался. Мне казалось необходимым сохранить весь тот ужас как движущую силу потребности отомстить. Я лечился по старинке — учась жить с тем, что случилось со мной, и выписался в нормальном рабочем — пусть и немного нервном — состоянии. ЦКБЗ поручил мне грязную работу с биооружием — сперва производство каких-то скверных вирусов и спор грибков-людоедов, — и задача, как ни странно, не показалась мне слишком уж отвратительной. Потом меня вернули в сферу биошпионажа. Начал я с извлечения информации из трупов прадоров и ганглионов вторинцев, уцелевших при крушении прадорских кораблей или дронов. Приходилось копаться и в их головолomных компьютерных системах. Доказав, что не убегу с криком при одном виде врага, я получил доступ к пленным прадорам. Тогда-то член экипажа разбитого прадорского дредноута и снабдил меня информацией о Пенни Рояле. Навязчивая идея не покидала меня, оставаясь неведомой ЦКБЗ. Вскоре после этого меня сочли годным к более активным действиям и позволили ответить на запрос У-кэпа Кронга. Ему нужен был эксперт по биошпионажу, а я отвечал всем

требованиям. Полагаю, и мой психопрофиль Кронг тоже счел подходящим.

— Все чисто, — доложил кто-то. — Идем.

Здесь мы нацелились на прадорский рудник. Глубоко-глубоко под джунглями нашли залежи редкого металла, совсем недавно добавленного в человеческий список металлов; этот металл крабы использовали при производстве вооружения и брони. Не удивлюсь, если предложенные для него названия — Укэпиум или Кронгиум — были напрямую связаны с нашим присутствием здесь. С тех, кто ведет военную пропаганду, такое станется.

Нам полагалось сидеть в засаде, а потом захватить прадора — предпочтительно первенца, — после чего в игру вступит специалист, то есть я. А моим главным профилем сейчас было извлечение информации из мозга Чужих. Любыми средствами. Собранные данные должны были помочь нашему спутнику проникнуть в рудничный комплекс. Я оглянулся на вышеупомянутого «спутника». Дрон-убийца пока отключил маскировку, но все равно почти сливался с джунглями. Он походил на огромную толстую кобру, только с четырьмя сложенными под капюшоном конечностями и торчащим из хвоста длинным тонким яйцекладом.

Мне говорили, что внешность дрона имитирует особо гнусного паразита, который откладывает яйца в тела прадоров, а личинка, вылупляясь, начинает пожирать внутренности. Этого паразита прадоры давным-давно уничтожили. Однако аналитические ИИ каким-то образом возродили его геном, и теперь в теле дрона хранились тысячи свежих яиц, готовых внедриться во вражескую плоть. Дрон находился здесь с миссией, на которую Государство обычно посылало ему подобных: его задачей было сеять ужас среди прадоров. А мы оказались тут потому, что разведка обнаружила: добычу руды собираются прекратить. Следовательно, четырех отцов-капитанов и тысячи их детей вскоре отзовут на родину. И если расчеты верны, инъецированные дроном яйца начнут проклевываться сразу по их прибытии. Чрезвычайно мерзкое биологическое оружие, ничего не скажешь — даже некоторым из прожженных бойцов Джебея было не по себе. А меня раздирали противоречия. Я тоже считал это оружие кошмарным. Но я побывал в плену у прадоров и не слишком сочувствовал им — хотя в то же время мне не нравилась перемена собственного отношения.

Мы шли через джунгли, осторожно, включив «хамелеонку» на полную, когда наткнулись на первые прорубленные патрулями прадоров тропы. Отряд Кронга насчитывал десять человек, но двое отправились сюда месяцем раньше на рекогносцировку — и они появились, когда мы приблизились к все еще скрытым зарослями шахтам. Я стоял рядом с Кронгом, когда он расспрашивал разведчиков.

— Вы видели следы штрафников, — сказала первая: женщина, выглядящая как школьница. — Они не ожидают нападения с земли, но посылают с обходами совершивших незначительные нарушения: тех, кого не наказали обычными способами.

Обычные наказания прадоров варьировались от раскалывания панциря до расчленения виновного и съедения его заживо Отцом. Конечно, некоторые ампутации проводились хирургически, а ганглий использовали как прадорский вариант разума корабля или дрона.

— Обходы нерегулярны? — спросил Кронг.

— Напротив, твари точны как часы.

— Так вы подготовили место?

— Да.

— А в чем тут наказание? — встрял я. — В смысле, патрули — дело обычное...

Женщина повернулась ко мне.

— Сорнофы. — Она ткнула пальцем в ближайший сгусток, который как раз сейчас изучал дрон-убийца.

Липкая синяя масса, способная, как я уже знал, передвигаться со скоростью соскальзывающей с жирной сковородки яичницы, застыла и, почуяв угрозу, оцетинилась острыми шипами.

— Споры застревают в суставах прадоров и прорастают там, — продолжила разведчица. — Их нужно удалить до возвращения в лагерь, а для этого крабы поливают себя раствором соляной кислоты. И каждый раз визжат — слышали, наверное?

Прелестно. Нужно будет отправить образец в отдел биовооружения.

До места засады мы добирались около часа. За месяц двое

разведчиков выкопали здесь несколько укрытий. Меня разместили далеко от тропы и велели не высовываться, пока отряд не разберется с патрулем. Значит, еще час. Сгрузив оборудование и опасливо косясь на угребобразных червей, высовывающих шипастые головки из потревоженной земли, я спустился в яму, задвинул крышку, выставил перископ и настроил передачу изображения на дисплей лицевого щитка.

К тому времени, как я отладил оптику и получил четкую надземную картинку, остальной отряд надежно укрылся.

— Мы их засекли, — сообщил всем Джебель через коммы и «форсы». — Еще сорок минут, и они здесь.

Эти сорок минут показались мне весьма неуютной вечностью — пришлось обесточить дисплей, включить подсветку и смахивать с боевого скафандра колючих угрей. Потом на ногу мне вскарабкалось существо, похожее на палочника в фут длиной. Наконец показались прадоры: три вторинца впереди, за ними два первенца, и еще четыре вторинца в арьергарде. Они были прямо напротив меня, когда все случилось. Я увидел, как шедший первым краб остановился, наклонился, стебельки с глазами изогнулись, точно пытаюсь разглядеть что-то под панцирем, а потом клейкая мина взорвалась. Через секунду на куски разлетелся его напарник, потом — двое задних, и один из первенцев рухнул с оторванными ногами. В воздухе запахло порохом, бластеры полосовали заросли, валились подкошенные синешипы, и падали дымящиеся комья растительности. Я потянулся и откинул крышку, стремясь поскорее выбраться наружу.

Дрон-убийца, вероятно желая повысить градус ужаса, отключил маскировку и вцепился в раненого первенца, вонзив яйцеклад в место сочленения ног и тела. Я не совсем понимал зачем — пока прадор, булькая и шипя, точно кипящий чайник, не начал дымиться. Он побежал — но далеко не ушел. Ноги его подкосились, и он рухнул, точно летающая тарелка, совершившая вынужденную посадку. Бурлящие разжиженные потроха выплескивались из ран и из-под обода панциря. Похоже, дрон впрыснул не яйца, а плавиковую кислоту. Уцелевший чужак ринулся в чащу, отряд Джебеля — за ним. А я выпихнул из ямы свое оборудование и выбрался сам. Безногий прадор, очевидно, достался мне.

Глупость, невнимательность, недооценивание опасности — вот

как это произошло. Я не осознавал, что забыл включить «хамелеонку», пока первенец не взмахнул клешней с притороченным к ней пулеметом. Выстрелов я не слышал, только увидел вспышку — и в меня будто бы врезался несущийся поезд. Я отлетел назад и рухнул на спину. Дышать я не мог, в глазах почернело. Пока сознание не покинуло меня, я успел увидеть: ниже груди у меня уже ничего нет. И рук нет тоже.

И я умер... наверное. Хронологически это мои последние воспоминания о войне. Однако тот огненный шторм, спаливший Панархию, отчего-то казался куда реальнее. Но ведь нельзя позволять эмоциям возобладать над логикой, верно?

Спир

Спустя месяцы после начала путешествия мы бороздили глубины Погоста; мир под названием Литораль остался далеко позади, а Королевство Прадоров опасно приблизилось. Здесь, на орбите планеты, чьи координаты я когда-то извлек из мозга прадора, кружился мой истребитель. Он напоминал гигантский саркофаг, но я старался не думать об этом, пока мы с Трентом совершали облет, сосредоточившись лишь на поиске повреждений.

Прежде чем надеть скафандр, я установил сепаратор памяти, чтобы полностью контролировать снаряжение через «форс». Но обратную связь встроенной камеры с «Заливом мурены» отключить не удалось. Впрочем, все равно меня сопровождал Трент. Изабель так или иначе узнает историю истребителя, и ей она не понравится. А мои дальнейшие действия зависят от ее реакции. Добравшись до истребителя, Трент вручную открыл шлюз, и мы проникли внутрь. Я глаз не спускал с наемника, вооруженного тяжелым лазерным карабином, — и готов был в любой момент подать инфразвуковой сигнал через радиопередатчик скафандра, чтобы активировать прионовый каскад в теле моего сопровождающего.

Внутри брошенного корабля все выглядело досконально знакомым, хотя до сего момента нога моя никогда туда не ступала. Я смотрел на царапины на полу возле шлюза и точно знал, что оставил их робот-ремонтник, искавший опору при сильном ускорении. Неожиданно мое отношение к подобным дежавю резко переменялось. Неужели я никогда больше не испытаю радости от новых открытий, новых мест, звуков, запахов? Быть может, подобные чувства и толкали старых граждан Государства, таких как мой брат, на самоубийственные приключения, на поиски малых крупиц новизны?

Воздух внутри корабля был, но сила тяжести оказалась очень низкой. Я нутром чувствовал, что здесь произошло что-то ужасное — выходящее за рамки того, что мне было известно. И, завернув за первый же угол, получил тому неоспоримое доказательство. Тело лежало в коридоре, ведущем к «корабельному кортексу» — сферической рубке в носу звездолета.

— Кто-то из экипажа.

— Какого дьявола с ним случилось? — Трент ткнул в сторону трупа стволом карабина. — Какой-нибудь глюк У-пространства?

«С ним» или «с ней» — это еще вопрос спорный. Трудно определить пол иссохшей мумии в сине-зеленом скафандре, особенно если она наполовину утопает в стене, каким-то образом превратившейся в нечто похожее на окаменевшее гадючье гнездо. Мурашки побежали у меня по спине, скафандр вдруг показался слишком тесным. Я резко отвернулся в приступе паники. Знакомиться с воспоминаниями погибшего определенно не хотелось.

— Похоже на трансформацию вещества нано- и микромегами, — сказал я, отлично зная, что именно так оно и есть.

— Их запустила корабельная ремонтная система? — спросила Изабель с «Залива мурены», рассчитывающая сейчас курс государственного истребителя вокруг планеты из зеленого пояса Погоста, не получившей еще человеческого имени.

Да, корабельная ремонтная система, постоянно размножающаяся и управляемая чем-то, от чего стандартный планетарный ИИ мучился бы ночными кошмарами.

— Расскажи-ка поподробнее, как ты нашел этот корабль, — попросила Изабель, определенно напуганная увиденным.

— Я же уже говорил. Воспользовался специализированным поиском по базе данных пленного прадора. Корабль был мертв, Чужие обнаружили его и хотели отправить в утиль, но клешни не дошли — война закончилась.

Что ж, настолько близко к правде, насколько это возможно в данном случае. Да, я пользовался специализированным поиском, после Панархии и во время реабилитации, до того как присоединиться к Кронгу. Но термин «база данных» я употребил в широком смысле, поскольку на самом деле это был мозг первенца, извлеченный из обломков прадорского дредноута. Я обнаружил стекловидных червей, извивающихся в ганглии, и внутренний керамический рот, посредством которого он вынужден был поглощать собственные органы. И, еще не успев вскрыть сознание первенца, уже подозревал, что обнаружу там.

Прадора переполняла радость от того, что его любимый отец-капитан нашел брошенный государственный истребитель. Они пристыковались к кораблю, чтобы посмотреть, можно ли

приспособить его для прадорских нужд или лучше сразу утилизировать. Конечно, отец был доволен — такая находка добавит ему уважения и личного капитала. Но радость папаши оказалась недолгой — начались жуткие убийства. Виновником прадоры сочли государственного дрона, застрывшего на истребителе... а убийства вдруг прекратились, и капитан приказал отстыковываться и улетать поскорее.

Здесь воспоминания первенца обрывались, не давая объяснений, почему впоследствии дредноут потерпел крушение на населенной людьми планете. Зато я нашел в памяти прадора имя и серийный номер истребителя, записал их, а после добрался и до координат. Но никому об этом не доложил. После Панархии жажда мщения отбила у меня охоту обращаться к властям — я желал личного удовлетворения. Я не знал — да меня и не заботило, — к чему это приведет. Мне это было необходимо — и точка. Мозг прадорского первенца уничтожили «из гуманных соображений», и знание погибло вместе с ним. Я догадывался, что дредноут крабов наверняка забрал что-то с того, другого корабля. Но это «что-то» и рядом не лежало с дроном-убийцей.

Еще одного мертвого члена экипажа мы нашли возле узкого туннеля, ведущего к рубке. Этот явно сопротивлялся надвигающейся угрозе. Иссохший труп был прищиплен к потолку собственным вонзенным в живот пульсаром. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что пульсар и скафандр сплывались — приклад винтовки словно вырастал из жертвы. Я поспешно отвел глаза, поскольку не хотел, чтобы Изабель или Трент получили возможность внимательно исследовать тело. Нырять в туннель, я подумал, долго ли умирала жертва, и понял, что, вероятно, никогда этого не узнаю. То, что вышло из туннеля, не устанавливало пределов страданий своих жертв.

Корабельный кортекс был набит аппаратурой. К стене у двери привалился безногий скелет голема. Железные щупальца, растущие из таза, вились по полу и ныряли в паз на противоположной стене. Кисти рук ветвились микроманипуляторами, усеянными серебристыми узелками, точно стальными ягодами: я опознал в них головки наноманипуляторов. Глаза у голема отсутствовали, вместо них было нечто, до нелепости похожее на древний бинокль. Я обогнул калеку-андроида, стараясь не терять Трента из вида.

В помещении было полным-полно роботов-ремонтников — одни сохранили первозданный вид, других переделали жутким манером. Я задержался, чтобы изучить группку жукоботов величиной с ладонь: их выстроили рядами, так что вместе они напоминали зубья граблей, насаженных на длинную суставчатую руку. Я не догадывался об «узкой специализации» роботов и голема, но какова их задача в целом — предполагал: они должны были превратить статический объект в нечто очень опасное и подвижное.

— Похоже, корабельный ИИ разбился вдребезги, — заметила Изабель.

Действительно, слоистые осколки кристалла валялись повсюду. Я шагнул к центральному фиксатору — двум колоннам, ограниченным плоскими плитами у пола и потолка, между которыми оставался зазор высотой в фут. Здесь должен был находиться корабельный ИИ. Несколько секунд я смотрел на брешь, а потом внимание мое привлек лежащий возле стены предмет. Я подошел ближе, и ледяной озноб пробрал меня до костей.

Там лежал черный шип длиной метра полтора, шириной с руку у основания, постепенно сужающийся в игольное острие. В разрезе он был бы пятиугольником — с атомарно острыми углами. Из основания выходило ребристое щупальце с кабельной коробкой. Из разъема высывалось около метра щупальца: конец был оторван, и спутанные кабели неопрятно топорщились. Глядя на эту штуку, я наравне с привычной *знакомостью* ощутил странную *причастность*. И многочисленные описания, которые мне доводилось выслушивать, тут ни при чем. Я отступил. Мало сказать, что мне было не по себе. Прежние дежавю — ерунда. Я столкнулся с некой правдой, которую просто не желал знать — или не мог позволить себе узнать.

— Тут нет ИИ, — глухо сказала Изабель. — По крайней мере, всего целиком.

— Нет, — откликнулся я. Ну конечно же нет.

Тебе лучше начать говорить, и побыстрее, — заявила женщина. — Это ведь часть Пенни Рояла. Какого черта она здесь делает и какой тут твой интерес?

— Имя этого истребителя — «Изгнанное дитя», — начал я, поскольку время скрытности вышло. — Тонкий намек на вещество под названием пулегон^[7], которое может вызвать выкидыш.

Добывается из земной травы.

— Все это весьма интересно, — едко заметила Изабель. — Только не соизволишь ли сразу перейти к драматической развязке, которую ты, очевидно, запланировал?

— А трава эта, — продолжал я, — мята сорта пенни-роял, тезка ИИ, управлявшего данным кораблем. Пенни Роял не приходил сюда — он пришел *отсюда*.

— Черт, — выдавила Изабель. И, не находя других слов, повторила: — Черт.

Глава 6

Изабель

Изабель наблюдала за возвращением Спира и Трента с истребителя. Следила долго, потом, постаравшись взять себя в руки и дышать спокойно и ровно, обратилась к Тренту по приватному каналу:

— Я открою шлюз трюма. Зайдете там.

— Думаешь, он дурачит нас? — спросил Трент.

«Дурачит? Он привел нас в место рождения Пенни Ролла — кто бы мог вообще помыслить о таком *дурачестве?*»

Женщина поспешно прокрутила еще раз в сознании хаймана несколько последних секунд, чтобы убедиться, что не сказала ничего вслух.

— Возможно, но если я решу *разобраться*, то не хотелось бы свинячить в жилых помещениях.

Трудно изображать крутизну, когда вот-вот завопишь в истерике. Или? Изнутри прорастал хищник, ему хотелось разорвать Спира на куски. Хотелось разорвать *всех*.

— Хорошо, я скажу ему, что нужно перенести мозг вторинца прямо сейчас.

— Валяй.

Изабель сглотнула, чувствуя во рту неприятный металлический привкус, и откинулась на спинку кресла, отключив постоянно поступающие сигналы от трех «капюшонных» глаз, разглядывавших на экране изображение истребителя. Инстинкты твердили, что Спира нужно брать немедленно. Трент и Габриэль поработали бы с ним пару часов, а потом вырезали «форс» и извлекли из черепа всю информацию — до последней капли. Но женщина не была уверена, что эти инстинкты полностью принадлежат ей. Нужно помнить о том, что парень предложил исцеление, и нельзя ничего предпринимать, пока он не отдаст то, что ей нужно, — или она не убедится, что он не способен выполнить обещание.

Она подняла руку и коснулась дрожащими пальцами вытянувшейся щеки. Голова Изабель была сейчас вдвое длиннее, чем

у обычного человека, и она чувствовала, что вскоре в очередной нарождающейся глазнице откроется еще один красный глаз. Продолжающие расти выступы, раньше «украшавшие» только челюсть, теперь окаймляли все лицо. У некоторых развились суставы, а бутоны-опухоли на концах обещали распуститься соцветием манипуляторов. Сенсорный капюшон не закрывался уже месяц — он больше не подчинялся хозяйке. Из шеи высовывались все новые и новые лепестки. Руки и ноги стали еще короче, но рост остался прежним, поскольку удлинилось само тело. Изабель превращалась в чудовище, она была сама себе омерзительна, она не могла...

Женщина снова уставилась на экран, переведя лишние глаза в инфракрасный и ультрафиолетовый режимы, только толку от этого не было никакого — монитор-то был рассчитан на обычное человеческое зрение. Отключать опцию раз от раза становилось чуть-чуть труднее. Теперь все внимание — на камеру в трюме, показывающую место, где должен был встать — среди ящиков с припасами — контейнер с мозгом вторинца-прадора. Осмотр «Изгнанного дитяти» подтвердил ожидания Спира, хотя он, конечно же, не сказал всей правды и не объяснил, *почему* ждал именно этого. Сейчас истребитель лишен энергии, но запустить ядерные реакторы можно в любой момент. Дело только за мозгом вторинца — и корабль будет готов лететь... если только Пенни Роял не оставил на прощание какой-нибудь подлый подарочек. Изабель невольно поежилась.

Внутренние створки шлюза закрылись, и ожившие гравиплатформы медленно опустили на пол Трента и Спира. Еще секунда, резкий порыв ветра — и трюм наполнился воздухом, после чего Спир снял шлем и бросил его на ближайший ящик. Трент держался в стороне, ствол его карабина словно случайно был направлен в живот «напарника».

— Габриэль. — Изабель встала и, пошатываясь, двинулась к выходу.

Помощник присоединился к ней на полпути вниз. Хорошо чувствуя настроение хозяйки, громилла достал пульсар. Еще у него имелась в запасе электропогонялка — такими пользуются на Чейни-III, чтобы отпугивать от лодок черных выдр. Изабель надеялась, что применять эту штучку не придется; надеялась, что Спир сдержит свое слово.

— Пенни Роял, — сказала она, шагнув в трюм, стараясь, чтобы

никто не заметил ни ее отчаяния, ни возросшей тяги к насилию.

Спир обернулся — раздражающе спокойно.

— Пенни Роял, — медленно кивнул он.

— Зачем мы здесь?

— Честно?

— Если тебе дорога твоя шкура.

Да, если он откажется, она, возможно, займется именно его шкурой...

— Я — один из немногих выживших на Панархии, где дивизию, насчитывавшую восемь тысяч человек, разбомбил с орбиты этот корабль, — он ткнул большим пальцем в сторону шлюза. — Я намерен выследить и убить разум, управлявший им. То есть Пенни Рояла.

Потрясенная Изабель не отрывала от мужчины взгляда, обуреваемая разнообразнейшими эмоциями. Возможно, он и не дурачит их. Возможно, он сам дурак, псих ненормальный...

— Это не объяснение. — Она сражалась с настройками зрения, пытаясь вернуть обычный спектр.

— Мне нужен корабль для охоты на Пенни Рояла — ведь через сеть до него не добраться. Я знал, где находится истребитель, покинутый Пенни Роялом, и счел этот вариант наилучшим. К тому же на борту могли найтись подсказки, которые помогли бы мне в поиске.

— Это по-прежнему не объясняет, почему ты пришел ко мне.

— Мне нужен был кто-то, знакомый с Погостом...

— Плохо, Торвальд Спир, плохо.

— Ладно. — Он пожал плечами, признавая поражение. — Да, ты привезла меня сюда, но ты еще можешь подсказать, где сейчас обосновался Пенни Роял. Ты была там, на том планетоиде, координат которого не найдешь ни в одной базе данных Государства.

Она смотрела на него, не отрываясь; усовершенствованный разум напряженно перерабатывал новую информацию — и вычислил ошибку Спира. Он воскрес с намерением немедленно отправиться в погоню за Пенни Роялом. Для этого он перерыл все сети ИИ, в

которых местонахождение планетоида Пенни Рояла было просто опущено. Не давалась там и информация о столкновении Пенни Рояла на Погосте кое с чем чужим и опасным. Спир ничего не знал о том, как близок был ИИ к гибели и как его спас государственный дрон по имени Амистад, доставивший потерпевшего на планету Масада. Какие же наивные эти граждане Государства, если считают, что их ИИ обнародуют всё. Можно, конечно, его просветить, но не в ее обычае выдавать информацию задаром.

— И почему я?

— Деньги? — предположил он.

Изабель пыталась понять, что означают исходящие от Спира эманации — она засекла их сенсорами капюшонника. Можно ли преобразовать их в правду? И только когда Габриэль заерзал и принялся кидать на нее встревоженные взгляды, она осознала, что пялится на Спира непозволительно долго.

— Это уже будет другая сделка, — отрезала она. — А сейчас ты получил что хотел.

— Я получу, что хотел, когда разум моего корабля, — он показал на шар с ганглием вторинца, — будет установлен.

— Ты сперва разберись с этим. — Она повела становящейся все бесполезнее и бесполезнее рукой, указывая на собственное тело.

— Нет, вначале разум. — Его спокойствие дико раздражало. — Пускай Трент или Габриэль все время присматривают за мной, если хочешь. Едва вторинец займет свое место, я завершу нашу... первоначальную сделку.

Изабель вдруг поняла, что он лжет. Пытается удержать ее на крючке, пока налаживает свой истребитель. Он же специалист по технике и наверняка подготовил план побега на обновленном корабле, чтобы не выполнять свою часть договора. И вся эта чушь насчет выслеживания и убийства Пенни Рояла наверняка вранье, поскольку в самой основе лежит ложь. Любой, кому хоть что-то известно о Пенни Рояле, знает и о том происшествии, когда он «почернел». И никто из людей не мог выжить после бомбежки Панархии.

— Кажется, ты вообразил, что обладаешь тут какой-то властью, — протянула женщина, подчитывая в уме прибыли и убытки.

Получается, ее не вылечат, зато она получит государственный истребитель — весьма дорогую штуку, весьма. Денег, которые она выручит за него, выставив на аукцион на Погосте, хватит, чтобы соблазнить какое-нибудь светило из Государства — кого-нибудь, кто действительно способен справиться с ее проблемой. А тем временем ее внутренний хищник поднял голову и открыл глаза.

Спир кивнул, глядя на нее.

Изабель тут же поняла, что ему известно, что она видит его насквозь. Возможно, подобную проницательность ей подарила способность различать то, что лежит вне видимой человеком части спектра?

— *Если он хоть пальцем шевельнет, сожги ему ногу,* — передала она Тренту через «форс», но тот почему-то не ответил.

— Хочешь еще немного правды? — спросил Спир.

— *Трент?*

Что-то пошло не так.

— Ты, Изабель Сатоми, кровожадная сука, — продолжил Спир, — я и не мог бы придумать наказания лучше, чем то, что творится с тобой сейчас, — ну разве что выпотрошить тебя и отдать прадорам. Я же дока по части адаптогенетики и улучшений. Но в сравнении с Пенни Роялом я всего лишь обтесываю каменные топоры, тогда как он изготавливает атомное оружие. Я могу вылечить тебя — с тем же успехом, что и знахарь, взявшийся врачевать рак мозга.

— Гаси его! — выплюнула Изабель, охваченная жестокой радостью: теперь ничто не мешало ей уничтожить обманщика.

Ни Трент, ни Габриэль даже не шевельнулись. А Трент вдруг шлепнулся на пол — плашмя, как поваленная статуя. Спир каким-то образом добрался до них, и теперь придется действовать ей. Женщина выругала себя за то, что не позаботилась поместить в трюм дрона-охранника или еще что-нибудь столь же смертоносное, что можно активировать через «форс». Ладно, она займется парнем сама, прямо сейчас. Изабель шагнула вперед, потянувшись к своему пульсару, — но все движения внезапно замедлились, словно приходилось вброд преодолевать реку патоки. Пальцы нащупали рукоять оружия, сомкнулись — и оцепенели. Мысли в панике заматались, подыскивая другие варианты. Что если вызвать в трюм

ремонтных роботов...

Невидимые нити приказов потянулись к роботам — и вдруг зашипели, сгорая. Изабель удалось привести кого-то в движение, но тут же все заглушили помехи. Спир шагнул к ней, вскинул руку, выставил указательный палец и ткнул в грудь. Она рухнула, как подрубленное дерево, навзничь.

Спир

Глядя на Изабель сверху вниз, я всерьез помышлял о том, чтобы просто бросить ее здесь, пока буду открывать шлюз и переносить корабельный разум на истребитель. Но я не мог перебороть последствия войны; не мог походя отобрать человеческую жизнь. Открыв шлюз, я заметил в коридоре пару ремонтных роботов. Женщина, видимо, вызвала их как раз в тот момент, когда каскад прионов отключил нервные связи на ее внутренних модемных узлах. Роботы ни на что не реагировали, и я решил, что Изабель просто не успела проинструктировать их.

Я поспешно перенес ее из трюма в ближайшую кладовку и уложил на бок, так чтобы она не задохнулась, подавившись собственным языком. Потом вернулся к Тренту и Габриэлю. Каждый из них весил вдвое больше Изабель, и таскать их оказалось куда сложнее. Истекая потом, я даже подумал, не отправиться ли в рубку и не убрать ли гравитацию. Но в конце концов телохранители улеглись рядом с хозяйкой, рядком, как сложенные ложки. Я запер их и при помощи позаимствованного у Трента карабина расплавил электронный замок — теперь открыть дверь можно было только вручную и только снаружи.

Потом я прошелся по кораблю до второго трюма, по другому борту, где, как я уже выяснил, хранилось все, что нужно для выхода в открытый космос. То, что мне требовалось, обнаружилось у стены: грузовая кабина для невесомости, чем-то похожая на церковную кафедру. Стоя за ней, можно было управлять тремя огромными механическими руками, питающимися энергией от мощного аккумулятора, размещенного под полом. Две руки располагались сверху, одна — внизу. Каждая обладала еще четырьмя дополнительными наборами вращающихся манипуляторов. К счастью, в этом трюме гравитация была отключена, так что я открыл шлюз, отцепил устройство от стены, запустил химические ракетные двигатели и вывел кабину в вакуум. С управлением трудностей не возникло: штучка была старинной и, похоже, честно отслужила свое во время войны. Я с такой никогда не работал — но, конечно, чувствовал, что работал.

Освоившись с регуляторами, я повел «кафедру» вокруг корабля к

первому трюму. Вошел, выбрал нужные манипуляторы и подхватил мой новый корабельный разум — Флейта. Дополнительная нагрузка замедлила управление, но я запустил автопилот, задав курс на истребитель. Стоя в медленно движущейся кабине, я осматривал корабль, изучая повреждения. Нет, ничего существенного, хотя тогда, над Панархией, звездолету изрядно досталось.

Интересно, что вынудило Пенни Рояла покинуть истребитель и перебраться на борт прадорского дредноута? А потом поспособствовать его крушению, оставшись вообще без транспорта? Наверное, «почерневшему» ИИ не захотелось сидеть в столь легко опознаваемом корабле. Но почему он не захватил контроль над прадорским звездолетом? И как перебрался с планеты, где разбились прадоры... куда-то еще? Загадка. Если, конечно, не понимать, что к тому моменту Пенни Роял превратился в аналог буйнопомешанного — насколько это возможно для ИИ.

Кабина замедлила ход и остановилась прямо напротив загрузочного шлюза. Я выбрался наружу и полчаса провозился с ручным управлением люка, прежде чем мы оказались внутри. А еще пять часов спустя Флейт занял свое место в корабельном кортексе, а я, основательно прошерстив запасы оптических и коммуникационных кабелей и коннекторов, вернулся на «Залив мурены» за новым оборудованием. Потом пришлось слегка потрудиться, чтобы запихнуть Флейта в пространство, предназначенное для корабельного ИИ, и закрепить его, но в конце концов я справился и с этим.

— Просыпайся, Флейт, — позвал я негромко, одновременно передавая приказ по «форсу».

— Полностью функционален, — сразу откликнулся он.

— Статус?

— Все системные порты подключены, данные загружаются. Заряд аккумулятора — двадцать два процента. Внешний источник — нет данных. Статус У-расчетов загружается — двигатель в режиме ожидания, но заряд нулевой...

— Как насчет термоядерного реактора? — перебил я.

— Обнаружен; параметры не распознаю.

— Прими данные по доступу, — велел я, пересылая через «форс» чертежи и характеристики истребителя.

Мне потребовалось минут пять, чтобы скачать их из сети. Флейт поглощал и рассортировывал информацию больше десяти минут.

— Параметры опознаны — веду диагностику. — И, после паузы: — Это может занять какое-то время.

Я оторопело уставился на капсулу Флейта. Нет, мне, верно, почудился оттенок иронии в его голосе.

— Сколько времени потребует полная диагностика всех корабельных систем и когда ты сможешь запустить реактор?

— Сорок часов на диагностику. Длительность технического осмотра — неизвестна, длительность необходимого ремонта — неизвестна, — ответил мозг и добавил: — Так что понятия не имею.

Ну вот, опять! Но в данный момент меня больше занимали «сорок часов». Я понимал, что после сотни лет подобные отсрочки не играют никакой роли, и все равно они меня бесили. Возможно, раздражался я еще и потому, что знал, сколько еще всего нужно сделать. Я раздобыл корабль, установил на нем мозг. Теперь надо убедиться в своем полном контроле над звездолетом, над его оружием — и, конечно, найти для этого оружия цель.

— Отлично, — ответил я, сомневаясь, что стану ждать тут окончания проверки. Развернувшись с намерением покинуть кортекс, я нутром ощутил, что меня пристально изучают.

Изабель

Он еще не вернулся, когда женщина почувствовала, что гравитация отключена, и поняла, что ее хотят перенести. Ровно двенадцать минут спустя Спир вошел в кладовку, оторвал Изабель от пола, протащил через весь корабль до ее собственной каюты и затолкал в послушно подстраивающееся под сидящего кресло. Вскоре сила тяжести вернулась, а значит, подлец вторгся в корабельные системы — системы *ее* корабля! Надо было больше внимания уделять безопасности. Глупо полагаться лишь на собственный неусыпный контроль.

— Теперь разрешаю тебе говорить. — Он придвинул второе кресло и уселся прямо напротив нее. — Но это все, что тебе позволено.

— Пить, — первым делом выдавила она, отметив, каким усталым выглядит мужчина.

— Потерпишь, — отмахнулся он, и она прокляла себя за то, что указала ему пускай и малое, но средство давления. — Что-то мне не найти координат планетоида Пенни Рояла в твоём бортовом журнале.

— Потому что их там нет.

— Тогда ты мне их назовешь.

— Что ты со мной сделал?

— Целенаправленная прионовая блокировка нервов. Ты парализована, и ментальный доступ к чему-либо перекрыт — я отключил церебральные коннекторы твоих модемных узлов. — Он дотронулся до своего «форса». — Этим я контролирую потоки прионовых каскадов: одни инфразвуковые сигналы запускают их, другие останавливают.

Какой кошмар, она ведь сама впустила этого опасного урода на корабль! Да, все источники описывали его как отличного специалиста по улучшениям и адаптации — и вот, пожалуйста, как он продемонстрировал свою компетентность. Можно сказать, это уже вторжение на территорию ИИ. Изабель почувствовала страшное разочарование, осознав, что любой, кому под силу исцелить ее, окажется столь же опасным и нужно будет принимать серьезные

меры предосторожности. И все же он утверждал, что работа Пенни Рояла ему не по плечу...

А Спир, нахмурившись, продолжал:

— Я сам был в паучьем рабстве, и мне не слишком нравится то, что приходится делать сейчас, но ты слишком опасна, Изабель. Итак, сообщи мне координаты планетоида Пенни Рояла.

— С чего бы это?

Пусть немножко помучается, добывая бесполезную информацию, которую она ему, конечно, в итоге даст. Он двинется к планетоиду и обнаружит, что шарик пуст. А потом пускай обшаривает Погост в поисках ИИ — она как раз получит возможность выследить предателя и прикончить.

— С того, что, если скажешь, останешься жива.

— Хотелось бы верить, особенно после твоего заявления насчет того, что меня стоит выпотрошить и отдать прадорам.

— Выбор у тебя невелик.

— Пошел к черту!

В следующий миг она поняла, что не может дышать, не в состоянии даже попытаться и ей остается лишь хрипеть, задыхаясь. Состояние длилось около минуты, потом невидимые тиски резко разжались, отпуская горло, и Изабель судорожно закашлялась, жадно глотая воздух.

— Уверена, что хочешь умереть? — спросил Спир.

Пытаясь восстановить дыхание, она изучала его, широко открыв все глаза и осознавая, что теперь может *прочитать* куда больше, чем раньше, — глаза капюшонника помогали глубже проникнуть в человеческие реакции. Или тут дело в том, что она сейчас — жертва? Изабель смотрела и узнавала, что ему неприятно было лишать ее свободы, а остановка дыхания пленницы причинила ему настоящую боль. Неожиданно женщина поняла, что спокойно анализирует полученную информацию. Если бы ее захватил кто-то из врагов с Погоста, смерть была бы неминуема. А в случае со Спиром исход еще не ясен.

— А если я тебе скажу, что ты сделаешь?

— Оставляю парализованной, пока не запущу истребитель. Потом прикажу прионовым каскадам дать задний ход, что займет несколько часов. Но меня к тому времени уже тут не будет.

— Ты врешь, — выпалила она и мысленно обругала себя за то, что ляпнула, не подумав. Вообще-то он не лгал, он просто умолчал кое о чем.

— Почему ты так говоришь?

— Я не верю, что это все, что ты сделаешь.

Он долго смотрел на нее, устало и раздраженно:

— Я сделаю именно то, что сказал, только перед отбытием еще размагничу контуры Калаби-Яу твоего У-пространственного двигателя. Я подсчитал, что на восстановление у тебя уйдет около полугода. К тому времени я уже загляну на планетоид Пенни Рояла, завершу свои дела с ним и в случае успеха вернусь в Государство.

Что ж, так больше похоже на правду, да только правда опять не вся. Изабель назвала координаты.

— А теперь лжешь ты.

— Нет.

— Я пристально наблюдаю за тобой, Изабель, очень пристально. — Он снова коснулся «форса». — Ментальные процессы при лжи исследованы досконально давным-давно. Скажи мне координаты, и получишь воды и отправишься спать в свою постельку. Солги снова — и я просто оставлю тебя тут умирать, а твой корабль раскурочу. Ясно?

— У него меняющиеся координаты, — ответила Изабель, точно зная, что мужчина, хоть это и ранит его, готов осуществить угрозу и совершенно не важно, найдет ли он этот проклятый пустой планетоид. — Планетоид блуждает между солнцами, но курс его известен и нанесен на карту. На полке за твоей спиной — видишь аммонит, окаменелость? Внутри, на пиритовых кристаллах — векторные координаты. Там, в центре спирали, электрокарбоновый микропорт.

Именно в таком виде ей были переданы координаты планетоида после запроса. Почему их записали на аммонит? Ну, глупо ожидать логичных поступков от свихнувшегося ИИ. Хотя, если подумать,

подобную информацию и правда лучше извлекать из физического объекта, а не из информационного источника.

Он снял с полки окаменелость, покачал ее на ладони, будто взвешивая.

— Спасибо, Изабель.

Он пересек комнату, взял бутылку с водой и поднес к ее рту.

После того как она выпила все до капли, он оставил пустую бутылку, нагнулся, подхватил Изабель, как ребенка, перенес на кровать, аккуратно уложил и устроил поудобнее на боку.

— Спи спокойно, Изабель.

Она попыталась сопротивляться, но приказ затягивал, как болото. Последним, что она услышала, был щелчок закрывающейся двери.

Спир

Уложив Изабель в постель, я проделал то же самое с Трентом и Габриэлем, а потом лег сам. Шесть часов сна подарили мне заслуженный отдых. Затем я торопливо принял душ, оделся и направился напрямик в маленькую корабельную лабораторию, где просканировал аммонит, желая убедиться, что описанное Изабель подключение не уничтожит хранящуюся в окаменелости информацию. Сканер не выявил никаких свидетельств того, что исследуемый предмет был кем-то произведен — лишнее доказательство тонкости и точности работы Пенни Ролла. Оптический порт стандартный, ловушек нет. Однако внутри обнаружились пиритовые кристаллы, вовсе не подключенные к порту данных, — содержали они, как вскоре выяснилось, квантовый компьютер. Важно ли это? Не знаю.

Подключившись к порту, я вошел в память окаменелости и отыскал векторные координаты. Положение астероида Пенни Рояла было просчитано на четыре тысячи лет вперед, далее точность предсказания падала на два процента в год. Я загрузил координаты в «форс» и сел в кресло, чувствуя себя бесполезным. Флейт закончит диагностику истребителя еще через тридцать часов — и что мне делать все это время? Исследую, пожалуй, те отсоединенные пиритовые кристаллы на случай, если они содержат полезную для моих целей информацию. И я приступил к работе, надеясь убить тридцать часов вынужденного ожидания.

Сперва нужно было установить соединение, и я, воспользовавшись алмазной дрелью, проделал дыры в том, что казалось местами стыковки отдельных кристаллов друг с другом. В отверстия я вставил углеродные нитевидные кристаллы, покрытые контактным клеем. Работа заняла несколько часов. Свободные концы нитевидных кристаллов я соединил с электрооптическим преобразователем. И наконец, изолировав некоторые корабельные компьютеры, подключил то, что у меня получилось. Сперва обработка шла из рук вон плохо, но с привлечением дешифрующих и распознающих программ дело стало постепенно налаживаться. Через час программы впервые подтвердили, что на кристаллах нет поддающегося распознаванию текста, а затем стало ясно, что четверть хранящихся в памяти материалов представляют собой

голографические файлы. Остальное, таким образом, еще нужно было идентифицировать. А я, наконец признав, что задача больше не выглядит увлекательной, велел своему «форсу» оповестить меня, если будет распознано что-то еще, и отправился вниз в грузовой отсек.

На ходу я размышлял о том, что, хотя я и оценил по достоинству «Изгнанное дитя», «Залив мурены» Изабель все равно еще не исчерпал своей полезности. Кстати, я давно уже решил переименовать истребитель, как только обрету над ним контроль. Корабль Пенни Рояла был новехоньким, когда сражался над Панархией, но нельзя сказать, насколько с тех пор истощились его ресурсы. Можно, конечно, подождать, когда Флейт через двадцать часов выдаст мне полный список, но кое-что я могу проверить и сам. Сколько уж можно откладывать. Я облачился в скафандр, взял кое-что из инструментов, не забыв и лазерный карабин, и двинулся наверх.

Часть судна, которую когда-то занимал экипаж, состояла из четырех жилых кают и кают-компания, расположенной дальше по коридору, за поворотом, позади малой рубки. В другие отсеки — включая небольшой ангар для шаттлов и прилегающий к нему трюм — можно было попасть через шахты. Одна такая шахта вела к расположенному в носовой части оружейному комплексу и его боковому ответвлению — корабельному кортексу. Осмотр я начал с рубки — и сразу обнаружил внутри еще одного давным-давно почившего члена экипажа.

Это была женщина, Корал Стадер, эксперт по корабельным ИИ. Мне даже не пришлось прибегать к сканированию, я узнал ее по длинным рыжим кудрям. Странно и жутко смотрелись они над мумифицированным лицом с пустыми впадинами глазниц. И установить, что убило ее, не представляло трудности. Противоперегрузочное кресло, в котором она сидела, словно бы пустило ростки, обвив Корал плотным коконом, а один металлопластиковый побег вырвался из ее рта — или, напротив, ворвался в него. Я взял «увеличительное стекло» — квадратную лупу из метаматериалов с квантовым компьютером в рукояти, способную дать увеличение, среднее между микроскопическим и наноскопическим, — и немедленно выявил миллионы дремлющих микробов и какие-то скопления частиц меньших размеров — видимо, наноботов. Похоже, они тут просто кишмя кишат, и, когда Флейт

установит полный контроль, я прикажу их ликвидировать, поскольку не знаю, что за программа им задана.

Внезапно включились все пульта, все экраны перед четырьмя креслами и все огни, на миг ослепив меня — пока светофильтр лицевого щитка не приглушил сияние. По экранам бежали цепочки кодов, связанные с проводимой Флейтом диагностикой. Мне это показалось подозрительным, но тут по системе громкой связи со мной заговорил сам Флейт.

— Требуется какая-либо помощь, Торвальд Спир? — спросил он.

Очевидно, он подключил питание специально, чтобы с сознанием долга задать вопрос. На борту подобного корабля несложно превратиться в параноика.

— У тебя есть доступ к бортовому автожурналу? — поинтересовался я.

Этот специальный процессор суб-ИИ автоматически записывал все корабельные маневры и события внутри судна. Пережиток времен, предшествовавших Тихой войне, когда ИИ по праву не доверяли людям. Подозреваю, что в процессе войны людей и прадоров ИИ уже не доверяли даже ИИ.

— Лишь фрагментарные данные, — ответил Флейт. — Кое-что из внутреннего видео, кое-какая астронавигационная информация, но это все.

— Ясно, — пробормотал я, изучая четыре стоящих в рубке кресла.

Двое мужчин, женщина — еще в команде должен был быть голем-андроид, таков стандартный состав экипажа для подобных судов в военное время. Голем — почти наверняка тот, которого я видел в корабельном кортексе. Пенни Роял, должно быть, захватил его, превратив в орудие. Я вспомнил валяющийся в углу шип и понял, где безумный ИИ осуществил свою главную трансформацию. Где он обрел свою нынешнюю кошмарную форму — или *формы* — гигантского отпрыска черношипного морского ежа и серебристого осьминога.

Когда я двинулся из рубки в кают-компанию, Флейт объявил:

— Сейчас я уже могу включить гравитацию в жилых

помещениях.

— Уверен?

Гравипластины под моими ногами не способны были произвести силу тяжести больше двух земных, но резких скачков мне не хотелось бы. Одно такое возмущение поля в неудачный момент — и я останусь валяться с раздробленными костями.

— Уверенность девяносто восемь процентов, — ответил Флейт.

Я всегда считал, что у прадорских вторинцев в роли корабельного разума весьма ограниченная способность к диалогу, чуть превосходящая возможности сломанной игрушки-болтушки. Но Флейт явно вторгнулся на территорию неповторимого сарказма дронов. Впрочем, не важно. Раз гравипластины можно запитать, значит, мы уже чего-то достигли, и я еще на шаг приблизился к продолжению поиска.

— Хорошо. — Я вошел в кают-компанию и пристегнулся. — Врубай.

Вес рос постепенно, один за другим падали на пол предметы: чашка с дегтеобразными остатками кофе, наладонник, тарелка и еще что-то, видимо, куски засохшей еды. Я почти не слышал стука, слишком уж разреженной была атмосфера, в ушах гудело... Тут Флейт, словно прочитав мои мысли, заговорил снова:

— Я могу восстановить и воздухоснабжение.

— Не стоит, — пробормотал я, наблюдая за тем, как то, что казалось пятном на стене, медленно перемещается, точно какой-то призрачный слизень. Свет, должно быть, активировал наноботов, и меня отнюдь не радовала перспектива вдохнуть их. — Лучше сосредоточься на завершении диагностики и импульсно уничтожь всех нано- и микроботов на борту. Остались же здесь работающие ремонтники покрупнее?

— Конечно.

— Дезинфекция, внешний ремонт?

— Функции доступны.

— Тогда займись этим прямо сейчас. Необходимо очистить корабль от мелких ботов. И приостанови автопроизводство до тех пор, пока мы не выясним наверняка, что именно делаем.

— Как пожелаешь, — ответил Флейт и быстро добавил: — Можно задать вопрос?

— Уже задал.

— Тогда еще один.

— Валяй. — Я отступил в коридор, ведущий к четырем каютам, слегка обеспокоенный поведением моего корабельного разума.

— Почему я служу человеку?

— Потому что я — через посредника — купил тебя у прадоров и теперь ты запрограммирован повиноваться мне и только мне.

— Но мы враги, — сказал Флейт.

Я умолк, приведенный в замешательство. Во время войны Флейт перенес болезненную потерю тела, чтобы стать разумом камикадзе. Но потом — впадал ли он в спячку? Его сноровка в общении говорила скорее об обратном.

— Война закончилась век назад, — попытался объяснить я.

После паузы Флейт отозвался:

— Новый король прекратил войну.

— Да, — подтвердил я. — А теперь я хочу задать вопрос тебе. — Я подождал, но Флейт безмолвствовал, так что я продолжил: — Ты не похож на другие разумы вторинцев, с которыми я сталкивался. Тонкости речи, неожиданные ответы, да и вообще... Есть ли у тебя объяснения, отчего это так?

Снова пауза, затем осторожное:

— Я стар.

— Ты действовал после того, как был помещен в эту оболочку?

— Отец активировал нас после войны.

Интересно.

— Твой отец?

— Отец-капитан Свёрл. Он открыл сенсорный доступ и говорил с нами.

Еще интереснее. Подобное поведение не свойственно никому из прадорских отцов-капитанов, о которых я слышал прежде. Разумы

вторинцев считались у них предметами одноразового пользования — так граждане Государства относились к компьютерным суб-ИИ. Насколько я понимал, дело тут в том, что подобные разумы обладают весьма ограниченной способностью к обучению. Конечно, они воспринимают информацию, но это — как считалось до сих пор — не способно сколь-нибудь существенно изменить их.

— После «упаковки» Свёрл еще как-то модифицировал тебя?

— Наша ограниченная речь раздражала его.

— И?

— Он дал нам дополнительный процессор, чтобы исправить положение.

Я закрыл глаза и быстро проверил показания первичного сканирования Флейта. Через пару секунд я уже знал, что упустил в тот раз — запятую в десятичном числе. В случае Флейта речь шла не об обычных объемах, измеряемых в гигабайтах, а о терабайтах — его память увеличили на три порядка. Этот Свёрл превратил Флейта в нечто, подобное первым человеческим киборгам. Замороженный физически, но электрически активный органический мозг с добавочным процессором, способностью расти и учиться в лучших традициях кристаллов ИИ...

— Что ж, я рад, что он это сделал, — соврал я.

— Спасибо, — ответил Флейт, что, конечно, тоже было странно услышать от вторинца-прадора.

Определенно нужно будет провести еще ряд проверок и тестов, чтобы убедиться, что я не купил сам себе троянского коня.

Дверь первой каюты открылась. Спартанская обстановка, отсутствие кровати — это, естественно, жилище голема. Непонятно, зачем ему вообще понадобилась каюта — он был сделан до того, как люди научились подгружать машинное сознание в человеческое тело, которому, возможно, и требовалось «личное пространство». Три другие двери были закрыты, и мне не слишком хотелось просить Флейта открыть их — шагнув внутрь, я непременно бы вспомнил обитателей кают. Я подошел к последней в ряду двери, и тут люк в конце коридора открылся, выпуская ремонтного робота. Он походил на двухфутового жука с твердыми синими надкрыльями, взгромоздившегося на воздушную подушку.

Робот тут же метнулся в сторону, опрокинулся, продемонстрировав блестящие спирали на «брюшке», прицепился к стене и поехал по ней с низким гудением, оставляя за собой вместо крапчатой серости белоснежную полосу. «Жук», очевидно, уничтожал колонии микроботов — а процесс этот весьма сложен и включает отнюдь не одно лишь простое всасывание.

Он прошел футов пять по безупречной прямой, когда из люка стали появляться новые роботы. Юркие черные полушария размером с половинку яблока; белые пластиковые гусеницы; многоногие создания для мелкого ремонта, похожие на богомолов, пауков и клопов-землекопов — и все сверкающие, будто только что отполированные. Все еще настороженный, я развернулся и двинулся обратно к рубке и корабельному кортексу. Мне хотелось осмотреть предмет, лежащий на полу возле Флейта, — возможно, так же пристально, как окаменелость на «Заливе мурены».

И вновь я увидел мертвеца в туннеле, и вновь передернулся от невольного озноба.

— Флейт, — сказал я, приблизившись к кортексу. — Убери три трупа, уничтожь всех ботов, которых обнаружишь на или внутри них, упакуй в моноткань и сохрани. Полагаю, здесь есть рефрижератор?

— Естественно, — отозвался Флейт. — Низкотемпературный холодильник для пищевых продуктов, биоэлектроники и жертв происшествий.

— Помести их туда, но сперва просканируй на наличие мемплантов.

— Уже сканировал — ничего нет.

Я подумывал выбросить тела в открытый космос или просто аннигилировать вместе с отходами, но даже после стольких лет мог найтись кто-то, кому небезразлично, что произошло с этими людьми. Возможно, они заслуживают особого ритуала прощания. А если и нет, я передам их Государству, чтобы определенные папки были помечены, а файлы — закрыты. Как бы то ни было — я просто не хочу, чтобы мертвецы пялились на меня пустыми глазницами каждый раз, когда я прохожу мимо.

Кортекс стал куда чище. Видно, Флейт велел роботам прибрать все осколки и прочий мусор, а также разобрать приспособления, сооруженные Пенни Роялом. Впрочем, голема лишь отодвинули к

стене. Шип — длинный клин темного стекла со зловещим щупальцем — остался в одиночестве. Он лежал на том же месте, где я его видел в последний раз, и хотя большую часть пола ремонтники отдраили до блеска, участок вокруг иглы и под ней намеренно не тронули.

— Флейт, почему ты не перенес этот предмет и не вымыл кусок пола? — спросил я, ткнув пальцем в сторону шипа.

После долгой паузы Флейт ответил:

— Я его не понял.

— В каком смысле?

— Он либо в активном, либо в предактивном состоянии, как боты этого корабля; сканирование обнаружило квантовый компьютер и пикотехнологический процессор. Предмет может быть опасен, так что я планировал обратиться к тебе за дальнейшими инструкциями.

Я посмотрел на шип, потом присел на корточки, чтобы изучить его повнимательнее. Зачем — неизвестно, я ведь не в состоянии разглядеть пикотехнику. Но вдруг уголком глаза я заметил какое-то движение. Что-то направлялось ко мне — и быстро. Я обернулся в тот момент, когда голем, приподнявшись на толстом щупальце, заменившем ему все, что было ниже пояса, дотянулся до меня. Модифицированная рука сильно стукнула по шлему, оторвав меня от пола и швырнув на спину. Скафандр тут же сообщил об утечке, и я разом осознал две вещи. Шлем только что спас мне жизнь, но, будь у голема ноги, никакой шлем не помог бы. Сумей голем как следует опереться, силы его удара хватило бы на то, чтобы разнести и шлем, и мою голову.

«Отдача» отнесла голема от меня, но он сумел остановиться, покачиваясь на конце щупальца и мотая головой из стороны в сторону. Странное, похожее на бинокль устройство, заменившее ему глаза, должно быть, делало его слепым в спектре человеческого зрения. «Бинокль», наверное, предназначался для проведения очень тонких работ: микроскопических, а то и наноскопических. Мне показалось, что голем пытается выследить меня по звуку. Еще миг — и он услышит мое дыхание или даже уловит биение сердца. Нужно что-то делать, или я мертвец.

Добраться до выхода, ускользнув от «стража», невозможно — он успеет нанести удар, к тому же я не знаю, насколько длинное это его щупальце. Возможно, оно достанет и до коридора. Я не вооружен,

потому что по глупости оставил лазерный карабин в капитанской рубке вместе с другими инструментами. Значит, остается лишь один вариант, и не факт, что он сработает. В данный момент радуется только то, что на Земле мне переустановили мемплант, поскольку положение сейчас — хуже некуда. Шансы выжить безоружному человеку при атаке голема-убийцы, мягко говоря, невелики.

Внезапно голем застыл и медленно повернулся ко мне лицом. Наклонил голову к одному плечу, к другому, потом качнул ею сверху вниз, точно выверяя прицел, и вскинул ветвистые руки. Вот оно. Пора. Я резко перекатился, схватил отброшенный шип Пенни Рояла и приподнял его, уперев основанием в пол. Голем обрушился на меня, точно молот — на что я и надеялся, направляя острый конец иглы прямо ему в грудь, туда, где должен был находиться кристалл.

От толчка шип вонзился в пол под моими ногами. Руки голема сомкнулись, хватая добычу. Одна оторвала от шлема лицевой щиток, другая задела мое плечо. Ключица хрустнула, как улитка под сапогом. Затем позвоночник будто бы сам собой вырвался из моих рук, а голем взмыл к потолку на распрямившемся во всю длину щупальце — с торчащим из груди шипом. Не знаю уж, из чего было сделано мое импровизированное оружие, чтобы вот так запросто пробить кермет, но в любом случае спасибо его создателям. Я оттолкнулся от пола, с трудом поднялся и заковылял к выходу, заметив, что на полу остался кровавый отпечаток моей ладони. Перчатки оказались разодраны в клочья, да и руки выглядели не лучше. У двери я оглянулся.

Голем обшаривал потолок, словно искал что-то на ощупь. Нет, нужно быстрее уходить отсюда, не желаю ждать, испустит ли он дух. У меня и так проблем предостаточно. Жутко болят руки и плечо, скафандр качает воздух прямо через дыру на месте щитка, пытаюсь сохранить мне жизнь. Давление упало, и лицо уже опухло. По коридору я брел, спотыкаясь, борясь с тошнотой, а когда добрался до рубки, понял, что сил не осталось даже на то, чтобы подобрать карабин.

— Флейт, — позвал я. Встроенное в скафандр радио ответило жужжанием, но голоса я почти не слышал. — Флейт, — повторил я и на этот раз разобрал слова — далекие, глухие. Так работала громкая связь в разреженной атмосфере.

— Восстанавливаю подачу воздуха, — доложил корабельный

разум.

«Отлично, — подумал я, — только интересно, а не Флейт ли пытался только что убить меня, особенно после того, что я узнал о разуме этого вторинца. Что, если голем был просто орудием — продолжением сознания, прежде занимавшего место Флейта?»

— Мне нужна медицинская помощь.

— Я запустил автодок в первой каюте, — сообщил Флейт.

Хочу ли я стать объектом внимания автодока, которым управляет Флейт?

— Что случилось... с големом?

— Не знаю. Он был отключен до самого момента атаки. Потом отключение блокировалось, но почему он напал — не знаю. Я просто физически отсек ему подвод энергии, и поскольку собственный источник питания у него отсутствует, сейчас он как бы мертв.

Поверил ли я? А какие у меня варианты? Я мог бы выбраться из скафандра и воспользоваться одним из запасных, принадлежавших экипажу, но даже это рискованно. Во-первых, любому из здешних скафандров больше ста лет, кто ж даст гарантию, что он не поврежден? Во-вторых, если Флейт решил прикончить меня, то я, надев один из местных костюмов, ему здорово помогу. Если он натравил на меня голема, то сможет с легкостью перепрограммировать скафандр: перекрыть кислород, изменить состав подаваемого воздуха или даже застопорить сочленения — если модель механизирована. Остается только довериться чужому разуму. Действия голема связаны скорее с Пенни Роялом, чем с мозгом вторинца, запрограммированным на повиновение мне.

Я добрался до кают и заметил, что дверь одной из них, прежде запертая, сейчас открыта. Едва я шагнул внутрь, дверь за моей спиной захлопнулась, подстегнув паранойю, но дело, вероятно, было в быстром повышении атмосферного давления в помещении. Автодок оказался «ходячим» — не взгроможденным на пьедестал компьютером. Он выполз из стерильного стенного шкафа и по полу двинулся ко мне. Подобных роботов обычно использовали на поле боя, они искали выживших. Он напоминал муравья и состоял из двух соединенных между собой секций, сенсорной головки с антенной, усиками-газоанализаторами и двумя парами глаз — дальнего и ближнего радиуса действия.

— Можешь снять скафандр? — спросил Флейт.

Я попытался, но руки висели плетьюми.

— Нет.

— Ложись на кровать, — велел корабельный разум.

Я повиновался — медленно, плечо раздирала боль.

Услышал шелест ножек автодока, потом почувствовал, как его передняя секция легла на край кровати рядом со мной. Скосив глаза, я увидел его брюшко: блестящие насекомьи ножки, складные хирургические скальпели, торчащая головка костесварки, похожая на верхушку аэрозольного баллончика. Все такое знакомое — но я решительно отмел ощущение «уже виденного».

— Будет лучше, если ты уснешь. — Голос Флейта звучал отчетливее.

— Хорошо, — согласился я.

Я же уже решил довериться этому разуму, и если проснусь после наркоза, то доверие будет оправдано.

Автодок вскарабкался на койку и улегся на мою неповрежденную ключицу. Что-то загудело — это «муравей» проткнул скафандр. Плечо онемело, я едва чувствовал давление введенного предмета. И вот контакт установлен, подан четкий сигнал... Меня выключили, как ставшую ненужной лампочку.

Глава 7

Спир

Открывая глаза, я не знал, где нахожусь. И — когда.

Я не мог понять, лежу ли в капсуле воскрешения на Земле или прихожу в сознание после одного из моих «плохих» периодов в паучьем рабстве. Или просыпаюсь на госпитальной станции Государства после Панархии, вырвавшись из кошмарного сна? Я лежал, боясь пошевелиться, когда память вдруг вернулась в полном объеме. Подождав немного, я попробовал сесть — и неожиданно у меня это довольно легко получилось. Я был обнажен, автодока рядом не наблюдалось, а простыня подо мной оказалась в крови. Рядом были аккуратно разложены какие-то костяные щепки. Первым делом я осмотрел руки и увидел тонкие нитевидные шрамы, характерные для работы автодока старого образца. Он пользовался скоростной клеточной сваркой, что еще раз подтверждало мое предположение о том, что этот автодок создавался для нужд фронта. Несколько раз сжав и разжав кулаки, я убедился, что пальцы двигаются нормально, хотя в руках ощущалась какая-то внутренняя слабость: то ли оттого, что лечение еще не закончено, то ли само тело помнило о боли — трудно сказать. Осмотрев плечи, я обнаружил рубцы и там — грубые и болезненные.

Ладно, я очнулся, и я жив, а значит, Флейт не пытался убить меня. А работу он еще может закончить с помощью того же автодока.

— Флейт, — позвал я, — мне нужна одежда и скафандр.

Мой старый скафандр лежал на полу, скомканный, изрезанный, вместе с окровавленными клочьями одежды.

— В каюте, которую ты сейчас занимаешь, должна найтись подходящая одежда, — ответил Флейт. — Я начал диагностику запасных скафандров — тем, что уже проверены, требуется, похоже, только подзарядка да дозаправка воздушных баллонов.

— Хороню.

Я перебросил ноги через край кровати, встал, отодрал от кожи прилипшую простыню и направился в санитарный блок — проверить, функционирует ли там хоть что-нибудь. Работало все, и я залез под душ, чтобы смыть с себя кровь. Беспокоиться о возможном заражении корабельными ботами через воду мне уже поздновато.

Открыв стенной шкаф, я осмотрел висевшую там мужскую одежду. Кое-что оказалось совсем ветхим одна рубашка просто расползлась надвое, едва я потянул ее наружу, но нашлись здесь наряды и попрочнее. В итоге я облачился в свободные штаны с большими карманами из ткани «хамелеон» на камуфляже для темной каменистой местности и футболку, на которой, едва тепло моего тела запустило встроенную в материал электронику, начал крутиться какой-то древний фильм.

Из каюты я двинулся по коридору в сторону ведущего к шлюзу туннеля. Возле шлюза за прозрачной дверью висели распыленные скафандры, помигивая огоньками внутренних компьютерных устройств.

— Сообщи, когда закончишь с ними, — велел я.

— Пару минут, — откликнулся Флейт.

Только сейчас я додумался проверить время посредством «форса» и обнаружил, что предсказанные Флейтом сорок часов диагностических проверок уже истекли. Сперва потеря времени огорчила меня, но потом я хмыкнул, сообразив, что был успешно избавлен от необходимости шататься без дела. И, несмотря на дерьмовые обстоятельства, приведшие меня к утрате сознания, теперь я мог действовать.

— Так каково состояние корабля? — Я закрыл дверь и направился к корабельному кортексу.

— Все доступные человеку помещения очищены от микро- и наноботов. Полная глубокая очистка всего корабля потребует много месяцев и частичного демонтажа. У-пространственные и термоядерные двигатели в рабочем состоянии, реактор стабилен, боевые системы в рабочем состоянии, но истощены. Необходимы материалы для внутрикорабельного производства, поскольку некоторые комплектующие нуждаются в замене, да и запасы надо пополнить.

— Но мы можем лететь?

— Да.

— Что нуждается в замене?

— Снаряды и боеголовки для рельсотрона. ПЗУ не осталось. Отсутствуют комплектующие для твердотельного лазера и

жаростойкие детали для реактора и движка. Кое-что из этого я могу соорудить сам, но лучше пополнить запасы на военном складе.

Значит, нам нужно оружие. Без боеприпасов — что вообще я собираюсь делать, когда найду Пенни Рояла? Ругать его почему зря? Кстати, Флейт упомянул «военный склад», то есть он все еще мыслит военными категориями поставок и приказов. Только едва ли я смогу запросто закатиться на какую-нибудь базу ЦКБЗ, чтобы выбрать там ПЗУ, точно закуску в буфете.

— Что ты можешь сделать сам?

В коридоре я задержался, отметив, что трупы убраны. Стена и потолок стали девственно чистыми.

— Простые снаряды для рельсотрона можно выплавить из лома или астероидного железа при помощи лазеров и прессовки силовыми полями. То же касается и жаропрочных элементов, только энергии потребуется больше. Детали твердотельных лазеров могут создать нанороботы, но это длительный процесс. ПЗУ с доступными данному кораблю ресурсами не сделать никак.

Конечно, подобные корабли создавались с возможностью самостоятельно дооснащать себя в большинстве случаев. А что до противоземных устройств, так понятно, что достать порцию антиматерии — дело нелегкое. Нужно, кстати, проверить, не припрятано ли у Изабель что-нибудь интересненькое из оружия. Имеются же и другие варианты.

— А как насчет водородных и плутониевых бомб?

— Их сделать возможно, если достать подходящие руды.

По туннелю я дошел до корабельного кортекса, но у входа задержался — что-то мне не слишком туда хотелось. Но потом, засунув внутрь голову и осмотревшись, я убедился, что какая-либо опасность — по крайней мере, со стороны голема — полностью устранена. Ремонтный робот средних размеров отрезал ему руки, отцепил торс от щупальца и сейчас отсоединял щупальце от стенной розетки. Уделив секунду внимания роботу, я вновь переключился на голема. Он все еще был насажен на шип Пенни Рояла. А мой следующий шаг — добраться до хозяина иглы — задерживался. Нужно поспешить. Но сначала — разобраться с Изабель...

Изабель

Разум по-прежнему подчинялся ей — но ничто за его пределами не работало. Вначале женщина бесконечно пыталась восстановить контроль над телом или дотянуться до корабельных систем, но ничего не добилась. Однако борьба с невидимыми путами, похоже, ускорила другие процессы в ее теле. Хотя она не могла пошевелить ни руками, ни ногами, Изабель обнаружила, что способна двигать манипуляторами, растущими из ее лица. Еще она сумела отогнуть капюшон и активировать очередной недавно открывшийся глаз. Связь с хищной частью сознания окрепла, что лишь усилило всепоглощающую панику. В конце концов женщина умышленно перевела разум в полубессознательное состояние и очнулась, лишь когда дверь ее каюты открылась.

— Изабель, — сказал Спир, присев рядом на корточки и вглядываясь в ее лицо. Она попыталась ответить, но на сей раз он не позволил ей говорить. — Похоже, твоя трансформация ускоряется, вероятно, оттого, что не приходится больше преодолевать сопротивление тела. — Мужчина поднялся. — Значит, дела с тобой обстоят так: я дал обратный ход прионовым каскадам в тебе, а также в Тренте и Габриэле. Все вы снова сможете двигаться где-то через день, но я к тому времени буду уже далеко. Я позаимствовал кое-что полезное с этого корабля, включая и твою дивную коллекцию ПЗУ. И дезактивировал ваш У-пространственный двигатель; починить его, уверяю, тебе не под силу. Чтобы добраться до ближайшего места, где вам помогут осуществить ремонт, потребуется около четырех лет, а там уж либо Пенни Роял будет мертв, либо я. И если выжившим окажусь я, то вернусь в Государство — там ты меня не достанешь.

Помолчав, он снова присел на корточки и заглянул в глаза женщине:

— Когда-то я был в паучьем рабстве, Изабель, и то, что я сделал с тобой и твоими людьми, далось мне нелегко. Однако с учетом того, что творишь ты, тебе еще повезло, что я не выкинул тебя в открытый космос. — Он запнулся, то ли подыскивая слова, то ли отвлекшись, но потом, вспомнив что-то, продолжил: — Ах да, нужно обсудить еще одно. Ты не сможешь броситься в погоню за мной и через четыре года, потому что у тебя не будет ни рук, ни ног. Ты будешь ползать

на брюхе и откусывать куски пищи этими штукаами, растущими из твоего лица. Не знаю даже, буду ли я к тому времени интересен тому, что останется от тебя, — если ты вообще вспомнишь обо мне. Прощай, Изабель.

Он встал и ушел.

А Изабель осталась лежать, беззвучно крича, а потом еще и истекая кровью: один из лицевых манипуляторов, пустивший острый, как скальпель, росток, рассек ей нос. Но наконец ей удалось обуздать эмоции и отключиться — на пару дней впасть в бессознательное состояние.

Провал...

Изабель Сатоми открыла свои многочисленные глаза. Эффект был подобен сенсорному расширению капюшона, но с визуальной подачей из разных частей электромагнитного спектра. Входные сигналы принимались разными ментальными отделами, и из них можно было выбирать — исходя из потребностей. Потребности сейчас были человеческими, и женщине открылось все включенное в человеческий визуальный спектр. Однако она сразу поняла, что обычных глаз у нее больше нет. Изабель перекатилась на спину, но даже эти простые действия отличались от прежних. Слезая с кровати, она обнаружила, что спина стала пластичной, как у змеи, и замерла на середине движения. Верхняя часть тела приняла вертикальное положение — позвоночник изогнулся посередине почти под прямым углом, будто переламывая удлинившийся по меньшей мере еще дюймов на шесть торс.

Изабель села. Вес тела перенесся на бедра и ягодицы, и женщина почувствовала там, внизу, большущий неудобный ком — значит, вытянулся и хвост, не отстав от туловища. Она перекинула ноги через край кровати, попыталась встать, но конечности слушаться не желали, и Изабель начала падать. Прионы полностью не исчезли; ничто сейчас в ее теле не работало нормально. Секундная паника охватила женщину, когда она осознала, что не в состоянии выставить руки, чтобы смягчить падение, или повернуть голову, чтобы не расквасить лицо... и все же в нескольких дюймах от пола она остановилась — только помогли ей не руки.

Мороз пробежал по обновленной гибкой спине Изабель. Она попробовала обернуться, осмотреть себя, но шея по-прежнему не

шевелилась. В движение пришло нечто другое. Позвоночник изогнулся ниже шеи, под углом, немыслимым для человеческого тела. Раздался жуткий хруст, точно сместилась лопатка, и теперь Изабель увидела себя. Пять жестких насекомых ножек, разорвав одежду, уверенно стояли на полу; толстенькие лапки оканчивались «ступнями», представляющими собой обращенные назад крючки. Изабель чувствовала их, могла двигать ими. Твердость пола раздражала, хотелось погрузить «крючки» в мягкий чернозем, оттолкнуться — и зашагать. Женщина закричала, резко сложила ножки, пытаясь спрятать их — и упала, ударившись порезанным носом об пол.

— Изабель! Изабель!

Кто-то колотил в дверь. Нужно собраться, нельзя, чтобы ее видели такой. И без того трудно будет управлять парнями, когда они узнают, сколько им потребуется времени, чтобы добраться до цивилизации.

— Я в норме, — просипела она, удивившись неловкости собственных губ и размышляя о том, скоро ли ей суждено потерять дар человеческой речи. — Проверьте, здесь ли истребитель, и доложите по интеркому. — Она сделала паузу, гадая, чем же еще занять Трента и Габриэля, пока она будет приводить себя в порядок, но в голову ничего не пришло. — Я присоединюсь к вам в рубке через час.

За дверью что-то забормотали, Изабель вслушалась, и слова обрели ясность, пробудив ее внутреннего хищника.

— Уж и не знаешь, чего от нее ждать, — бурчал Габриэль. — Спорю, она отрастила еще одну чертову ногу или там глаз. Ох, пора отсюда валить.

— Идем пока в рубку, — ответил Трент.

— А истребитель-то тью-тью. — Голос Габриэля слабел, удаляясь. — Тот тип, он же предупреждал. — И после паузы: — Как же меня все достало.

— Прионы что, мозг тебе парализовали? — фыркнул Трент.

Только теперь Изабель осознала, что ей не приходится напрягаться, чтобы продолжать подслушивать. Она установила связь с корабельными системами — и слушала посредством микрофонов, и

смотрела через крошечные камеры — и не упустила момент, когда Трент дернул себя за ухо, а потом ткнул пальцем в потолок. Трент знал, что она следит за ними, и не собирался говорить что-либо, что могло бы оскорбить хозяйку. Но она все равно жадно вслушивалась, даже не сразу заметив, что вновь поднялась на насекомьи ножки и развернулась. Ей хотелось бежать за этой парочкой. Хотелось схватить их и...

Изабель осадила внутреннего хищника, и лапки опять сложились, но на этот раз, падая, она успела повернуть голову. Необходимо было вернуть контроль над телом, и она отрубила звук и изображение Трента и Габриэля. Нет больше смысла подслушивать, о чем они беседуют, сказала она себе, поскольку теперь они не сболтнут ничего лишнего. Вместо этого женщина подключилась к другим корабельным сетям и убедилась, что истребитель действительно исчез. Спир держал слово; и У-двигатель он тоже не забыл испортить. Нет, он ничего не сломал, но нарушил энергетический баланс контуров Калаби-Яу, а такое повреждение можно исправить только в доке — и не иначе. Выругавшись, Изабель переключилась на свои непосредственные проблемы.

Она обнаружила, что сражается не только за возможность пользоваться собственными руками и ногами — она борется за *желание* пользоваться ими, как будто само тело уже считало их лишними. Наконец хищник внутри нее затих, и Изабель рискнула попробовать выпрямиться в полный рост, по-человечески. Только теперь ей казалось, что она пытается управлять частями тела, которых просто нет, — или, например, старается пошевелить ушами, не обладая подобным талантом. Она не ощущала ответной реакции, она вообще почти ничего не чувствовала. Наконец отчаявшейся до слез Изабель пришлось признать поражение и призвать на помощь хайманские системы. Поиск нащупал нервные окончания человеческих конечностей, выдал местонахождение скрытых программ по активации этих нервов — и заново связал их с разумом. Едва началась загрузка, ощущения вернулись, и Изабель вспомнила, как двигаться. Похоже, программа подобных «упражнений», если можно так выразиться, стерлась из ее сознания.

С трудом подтянув под себя руки, Изабель попробовала оттолкнуться от пола, но спина вновь нелепо изогнулась. Выпрямить ее удалось, встав на четвереньки. Потом Изабель все-таки поднялась, неуверенно пошатываясь. Однако с каждым движением — и

последующим откликом на это движение — она становилась все увереннее. Примечательно также, что внутренний хищник сейчас почти что впал в спячку. Что ж, Изабель осознала связь — и разобщиение: чем больше она превращается в капюшонника, тем сложнее будет бороться с *неразумным* хищником. Трансформация, которой ее подверг Пенни Роял, уходит куда глубже физического уровня. Как человек она всегда была хищником, но теперь Изабель ощущала, что хищная доля ее человеческой сущности отделяется, переходя на ту часть, что становится капюшонником. А то, что осталось от ее человеческой половины, да и вообще от природы человека, делается все слабее и слабее, и поддерживать ее все тяжелее.

Она подошла к широкому экрану и, вглядываясь в слепую плоскость, вспомнила, как когда-то этот монитор, настроенный соответствующим образом, служил ей отличным зеркалом. Тогда она была красавицей. А сейчас лучше так: пустая серость. Подготовившись испытать неминуемое потрясение, она мысленным приказом включила экран.

Долго вглядывалась Изабель в свое отражение. Голова вытянулась, став вдвое длиннее и превратившись в цилиндр с тремя парами красных глаз, расположившихся друг под другом на равном расстоянии. Ее собственные, человеческие глаза переродились в глаза капюшонника. Нижняя парочка заняла место под самым носом. Рот сузился, над ним четко прорисовывалась «заячья губа». Нос расплющился — он как будто растаял и растекся по лицу. Изабель подняла руку, огладила ладонью облысевший купол черепа, смахнула на пол выпавшие спутанные космы. Сенсорный капюшон разросся, выпустив новые лепестки. Он развернулся уже на ширину плеч, и, потянувшись, женщина нащупала место его соединения с затылком. Кофта на спине была разорвана — там расположились нижние лепестки, прикрепившиеся к усохшим плечам.

Она смотрела. Она ожидала от себя отвращения, ужаса, страха или ярости, но представшее перед ней зрелище развеяло эти ожидания. Изабель проходила какую-то стадию в своем развитии. Раньше она воспринимала себя изуродованным человеком. Теперь она стала чем-то *иным*; едва ли она вообще являлась человеком.

Медленно и осторожно она разделась, разрывая одежду, цепляющуюся за твердые выступы панциря и ножек. Тело

обернулось длинной колонной, груди втянулись, соски и пупок исчезли вовсе. Ноги, короткие и кривые, могли бы принадлежать карлику, ступни лишились пальцев. Глядя на гладкий столб с аккуратно сложенными лапками, на виднеющиеся за ними чешуйки панциря, она окончательно осознала свое *изменение*. Теперь человеческие ноги выглядели уродством, а все остальное... остальное казалось *правильным*.

Вдруг ею овладело полное спокойствие. Она потянулась к безобразию, бывшему ее человеческим ртом, и почти небрежно вытащила один из шатающихся зубов. Окровавленный клык лег в чашечку ладони, на которой, кроме большого, осталось всего два пальца. Изабель содрогнулась, шипастый хвост дернулся, внутренний хищник заворочался. Возбужденно завибрировали лицевые манипуляторы. Женщина поспешно отвернулась и отбросила зуб.

Выбрать подходящую одежду оказалось нелегко. Привычные брюки и блузки никуда не годились. Тяжелые ботинки на толстой подошве и длинное платье из перламутровых чешуек поверх подбитой ватой кофты — единственные вещи, сделавшие в итоге ее хоть отдаленно похожей на человека. Выйдя из каюты, Изабель направилась напрямик на камбуз, понимая, что тушеные овощи и куриные котлетки ее не устроят, и надеясь, что Трент и Габриэль сидят в рубке, как им было велено.

Капитан Блайт

Блайт смотрел на пластиковый куб — метр на метр на метр, — стоящий на покачивающемся возке. При таких размерах содержимое ящика просто не имело права быть настолько тяжелым, и необходимость использовать гравивозок весьма беспокоила человека. Местным наблюдателям никакая защита нипочем — им что щиты, что поля, все выведает. Масада стала опасной планетой для подобных дел — сейчас, когда ее взял под надзор ИИ. Надзор плох уже сам по себе, но здешний хранитель — боевой, еще не усовершенствованный дрон — чуток сдвинутый робот, которому придан вид гигантского стального скорпиона. И, будто бы этого недостаточно, помощничек его, по слухам, куда страннее и опаснее...

— Уверен, что нас преследуют, — сказал Икбал.

Блайт притормозил, окинув взглядом колышущиеся на ветру высокие флейтавы. Вечер выдался относительно светлый — Калипсо, газовый гигант системы, брезжила на горизонте, и одна из многочисленных лун этого мира неслась по небу. В траве не было видно ничего — ни уткотрепов, ни сомоняков, ни капюшонников — никого из тех, кого мог бы бояться Икбал.

— Слушай, Икбал, повторять не буду, — заявил Блайт, — так что заруби себе на носу.

Иных угроз не требовалось. Икбал находился при капитане достаточно долго, чтобы отлично понимать, как далеко его могут послать.

— Никакой черный ИИ не шляется по этому чертову болоту. Этот Амистад, пусть он и спятивший дрон, не позволил бы существовать тут всякой гадости. Да и само Государство не позволило бы!

— А парни из Чистого отряда уверяли... — Мартина шагала за гравивозком с пультом дистанционного управления, контролируя груз.

Блайт зыркнул на нее, но сразу понял, что при таком освещении выражения скрытого под респиратором лица не разглядишь. Он глубоко вздохнул и откинул голову, окидывая взглядом туманность. На фоне темно-лилового неба она казалась величественной

стеклянной скульптурой. Зрелище успокаивало — как и вид сложенного из пенистого камня фундамента космопорта, до которого оставалась всего миля.

— В каком только дерьме не побывала эта планетка, еще со времен Теократии. — Капитан поднял руку в перчатке и принялся загибать пальцы. — Во-первых, революция, раздутая агентами Государства; потом явившийся на дредноуте психопат выжег тут все к чертям собачьим. Потом как снег на голову свалился Дракон, оставив после себя драколюдов.

Тут он понял, что его занесло не в ту степь. Они *на самом деле* видели драколюда, работающего на посадочной площадке. Этот ящерицеподобный гуманоид встретил их по прибытии. Такими могли бы стать динозавры, кабы не вмешательство гигантского метеорита. То, что драколюдов создало существо, называемое Дракон — инопланетный великан-биомех, совершенно не похожий на легендарных драконов, — факт установленный. Реальное существование драколюдов несколько подтачивало его намерение разоблачить байки чокнутых членов Чистого отряда.

— Тут, предположительно, испытывали джайн-технологии, — упрямо продолжил он и снова сбился, так как пальцев уже не хватало. Пришлось опустить руку. — Планета подвергалась нападению Чужого механизма. Тут бродят капюшонники, являющиеся, предположительно, древними боевыми машинами. Здесь преспокойненько обитает представитель одной из «мертвых» рас. И знаете, о чем все это мне говорит? — Ответа не последовало, и он заявил: — Это говорит мне о том, что тут отличное место для слухов и теорий заговора. И что тут не следует верить по меньшей мере половине услышанного, а насчет остального — решать самому. О том, что тут полезно включать башку. — Он ткнул пальцем в собственную голову. — Что стоит подумать дважды, прежде чем утверждать, будто Государство простило черный ИИ, Пенни Ролла, и отпустило ему все грехи. Особенно если он — предположительно — работает здесь, как какой-нибудь охранный дрон, обслуживая треклятого хранителя! Что всякого, кто начнет плести всю эту чушь, нужно ткнуть рожей в ближайший стол, и тыкать, и тыкать, пока поток словесного дерьма не иссякнет!

После короткой паузы, пока запыхавшийся Блайт размышлял, куда девалось его недолгое спокойствие, из темноты раздался голос

Брондогогана:

— Насколько мне помнится, именно так ты и поступил.

— Ну, некоторые-то истории точно правдивы, — добавила Грир с другой стороны тропы.

Блайт, уже готовый разорваться, скосил глаза на женщину. Та показывала на возок с ящиком — и была права. Во всяком случае, один из рассказов о технологиях Чужих был правдой, поскольку штука на возке — реальна. Иначе они не явились бы сюда за ней. Иначе их покупатели-сепаратисты не были бы столь заинтересованы.

— Пошли, в темпе, в темпе, — буркнул Блайт, заметив, что они давно топчутся на месте, теряя время, и взглянул на планшет-наладонник, проверяя расстановку. Чонт и Хабер в тылу, Брондогоган и Грир по бокам. Икбал и он сам — у гравивозка, управление на Мартине. Всё путем, и скоро они доберутся до границы космопорта. Страхи команды не должны отвлекать капитана, но и расслабляться нельзя, особенно сейчас, когда до корабля осталось всего ничего. Конечно, им не придется проходить через таможню, что уже радует. Местный предприимчивый символ доморощенного терроризма, Чистый отряд, пробурил контрабандный туннель в пенном камне фундамента космопорта. Но их все-таки могут заметить. Возможно, к кораблю придется прокладывать дорогу с боем или даже бежать, бросив приобретение.

Шагая сквозь сумрак Масады, Блайт размышлял, каким же рассказам об этой планете он действительно верит. Байки про древнюю машину Чужих и капюшонников он, к примеру, считал сомнительными, но и опровергнуть их не мог. Зная себя, он отлично понимал, что его злоба вызвана не просто мрачным рассказом о Пенни Рояле того идиота из Чистых. Ему не хотелось, чтобы ребята нервничали, однако такие истории — из тех, что пробирают даже самых крепких. И не хотелось верить самому, потому что Пенни Роял вот где уже у него сидит. Блайт поежился.

Слишком хорошо помнил он ту операцию двадцать восемь земных лет назад. Он доставил тогда партию рабodelов и блоков управления, вывезенных контрабандой со Спаттерджея, какому-то *коллекционеру* на краю Погоста. Покупатель, похоже, был богатеньким гражданином Государства, жаждущим пополнить свою коллекцию предметов военного времени. Только вот, когда Блайт и

его команда притащили товар, оказалось, что их покупатель — «крыша» какого-то нарождающегося производства в центре Погоста. И вскоре после покупки «предприниматели» повстречались с кем-то, кто должен был восстановить и активировать то, что им действительно требовалось: работающую прадорскую технологию обращения в рабство.

Сделка сорвалась, поскольку дерьмовые покупатели решили: у кого больше оружия, тот и прав. Все это и так плохо пахло, а тут еще нарисовался «пособник» другой стороны, и все превратилось в реальный кошмар. Стрелку забили в ущелье на планете с высокой гравитацией, где твердые, как железо, растения стелились по земле, а большинство жителей носили моторизированные скафандры. Уже готовый открыть огонь, Блайт случайно поднял глаза — и оторопел. На утесе расцветал железный цветок, гигантский черный чертополох на ножке из переплетенных серебряных змей. Потрясенный, он не мог отвести глаз от медленного черного взрыва. Миг — и в воздухе повисли устремившиеся в ущелье шипы: стена кинжалов, изысканное серебристое кружево.

— Пенни Роял! — крикнул один из противников, гордо ухмыляясь.

А Блайт думал лишь о том, как бы выжить в новой переделке; если ему удастся выбраться из этого ущелья, значит, он везунчик. Он кое-что знал о Пенни Рояле. А противники, похоже, как и многие дураки до них, заключили сомнительную сделку с дьяволом.

Второй крик был преисполнен паники, хотя слова остались прежними. Стена ножей внезапно обрушилась. Ударили пульсары, защелкали, затрещали лазерные карабины. Небеса потемнели, сверкнула розовая молния, и один из скафандров, выплеснув пламя, задымился. Взрывная волна подхватила Блайта, швырнула на спину, так что кости захрустели. Потом по земле прокатился пыльный вал. Неизвестно, сколько пролежал Блайт, может, час, может, больше, но огонь постепенно стих, крики прекратились, а пыль осела. С трудом поднявшись на ноги, он огляделся.

Восемь вооруженных до зубов головорезов, сопровождавшие покупателей, корчились на земле — голые, без скафандров, отравленные губительным воздухом. Но лишились они не только одежды. У всех отсутствовали макушки, у каждого в черепе сидел прадорский «паук», превращающий людей в рабов. Двое выживших

покупателей, сплавившись боками, улепетывали на восьми конечностях, точно прадаоры, шестигранники пультов управления торчали из их плоти, как технологические прыщи. Разум явно покинул этих слюнявых, с закатившимися глазами существ. Блайт заковылял прочь, догадываясь, что Пенни Роял сделал то, что от него хотели. Шельма ИИ создал и рабов, и контрольные устройства. Но когда имеешь дело с Пенни Роллом — и это известно любому здравомыслящему торговцу Погоста, — проблема в том, что он частенько делает *много больше* того, что *соискатель желает*. Вернувшись в свой шаттл, Блайт нашел там двоих из своей команды. Четверо других не подавали признаков жизни, сколько их ни вызывали по связи, и после долгих колебаний капитан все же отправился на поиски своих людей. И нашел четыре пустых скафандра, внутри которых будто бы запеклась черная смола...

— Как ты, босс?

Встряхнувшись, Блайт оглянулся на озабоченно следящую за ним Мартину.

— Отлично, — ответил он.

Плита фундамента космопорта лежала прямо перед ними. Он блуждал в воспоминаниях куда дольше, чем предполагал. В очередной раз поевжившись, Блайт окинул взглядом окрестности, внезапно подумав, что явиться сюда было его худшей идеей за последние двадцать восемь лет. Вызвав на наладонник карту, он махнул рукой, предлагая свернуть направо, к туннелю контрабандистов. А потом, сунув планшет в карман, вытащил верный бластер.

— Прибавить шагу и быть начеку, — приказал капитан.

Если даже кошмару суждено обрушиться на них — все равно уже ничего не поделаешь.

Отряд углубился в дебри флейтравы, покинув тропу, протоптанную, должно быть, кем-то из представителей местной фауны. Тревога Блайта не осталась незамеченной, люди старались держаться ближе друг к другу и то и дело проверяли показания наручных датчиков движения и тепловых сканеров. Блайт поймал себя на том, что тяжело, испуганно дышит. Когда они выбрались на открытое пространство возле пенистого камня цоколя, он с опаской взгляделся в черное жерло туннеля, полузакрытое «крышкой» из

переплетенных стеблей флейтравы. Ему совсем не хотелось идти туда, но выбора не было. Наверху — неприступный керметовый часток, утыканный сенсорами, перемежающийся орудийными башнями, охраняемый роями мелких дронов. Достаточно просто взобраться на фундамент — и угодишь в капкан, а уж о том, чтобы безнаказанно приблизиться к ограде, и думать нечего.

— Идем.

Он направился к туннелю первым, хотя по спине бегали мурашки, а кишки скрутило от страха. Подойдя к входу, Блайт отвалил в сторону крышку, активизировал светофильтр лицевого щитка — и посмотрел в глубину туннеля через прицел своей пушки. Ничего нет и будто бы не было. Только следы, оставленные ими самими четыре дня назад. Капитан шагнул внутрь, неожиданно для себя радуясь замкнутому пространству. Если *нечто* захочет напасть, то явиться оно может только спереди или сзади. Оглянувшись, он убедился, что вся команда уже здесь и гравивозок покачивается, точно подстраиваясь к изгибам пеннокаменного пола. Через несколько сотен футов Блайт подумал, что неплохо было бы взорвать туннель за спиной, но потом решил, что это будет нерационально. К тому же таких, как Пенни Роял, огонь не остановит — если допустить, что черный ИЕ 1 вообще здесь.

Наконец они добрались до лесенки, выводящей на поверхность, прямо на взлетное поле. Возок замешкался, потом воспарил повыше и, будто бы неохотно, совершил восхождение. Команда выбралась под великанские фермы, поддерживающие топливные башни, а потом прямо по полю двинулась к «Розе». Глядя на свое приземистое судно, которое порой сравнивали с железным комаром, Блайт почувствовал, как напряжение начинает отпускать его. Достав планшет, он дал сигнал на спуск грузового трапа, и экипаж поднялся на корабль. Когда люк закрылся, Блайт медленно выдохнул с облегчением. Глупо было так бояться.

— Пора убираться отсюда, — сказал он и, едва атмосферный датчик в трюме загорелся зеленым, стянул респиратор. — Левен, — продолжил он, — старт разрешен?

Корабельный разум ответил через интерком:

— Я запросил разрешение сразу, как увидел, что вы идете. Окно через пять минут — но старт только на гравидвижках, никакой

химии.

— Уводи нас сразу как будешь готов, — и Блайт следом за остальными покинул трюм через шлюз.

Когда «Роза» начала подниматься, Блайт уже сидел в рубке, надежно пристегнутый к креслу, глядя на плывущий по щитостеклянному экрану космопорт. Он предполагал, что на запуск наложены ограничения во избежание вреда дикой природе. Чистый отряд предупреждал, что пользоваться в зарослях флейтравы фонарями не стоит; возможно, пламя, рвущееся из химических двигателей, привлекает нежелательное внимание к космопорту? Вскоре они уже видели нетронутые территории за пределами космопорта, расположенные в шахматном порядке пруды-отстойники и укрепленный город, который только что посетили. Через полчаса показался край главного здешнего континента. Рядом пролетел искусственный спутник, щетинящийся какими-то трубами, точно церковный орган.

— Ограничения сняты, — доложил Левен.

— Поехали.

Через пару минут включился термоядерный двигатель, и Масада осталась далеко позади. Вот теперь Блайт полностью расслабился. И тут же решил, что нипочем не вернется сюда, пока слухи о черном ИИ не иссякнут.

— Капитан, странные показания из трюма, — озабоченно сказала сидящая в соседнем кресле Мартина.

— Этого следовало ожидать — там же технология Чужих.

— Знаю, но тут что-то другое...

Блайт отстегнулся:

— Ладно, пойдем поглядим.

Они с Мартиной спустились в трюм. По пути женщина прихватила кое-какое диагностическое оборудование. Капитана не слишком беспокоил аппарат, притащенный ими на борт. Это же не изделие джайнов — просто какая-то чужая техника с отчего-то переменной массой. Возможно, это неизвестные пока шуточки поля Хиггса^[8]. Однако показатели весьма слабы, и сомнительно, чтобы энергетический охват оказался больше нескольких футов в диаметре.

Наиболее вероятная причина изменения параметров — какой-нибудь индукционный эффект от корабельных систем, подкинувший пару лишних эргов.

Нырнув внутрь следом на Мартиной, Блайт уставился на ящик. Он уже подумывал о том, что, возможно, лучше, да и безопаснее было бы продать его не сепаратистам, а коллекционеру. Сектанты наверняка в конце концов просто уничтожат кубик, пытаясь извлечь из него какую-нибудь смертоносную пользу, собиратель же действует куда осторожнее и упорядоченнее.

Изучая один из датчиков, Мартина начала:

— Действительно странно. На выходе силовое поле...

Грохот помешал ей закончить.

Так лязгает меч, извлекаемый из железных ножен, — только этот звук был гораздо громче, так что сам воздух, казалось, запульсировал. Пластиковый ящик на гравивозке внезапно разделился точно посередине. Две половинки отлетели к стенам и, ударившись о них, упали на пол. Глазам людей явилось содержимое куба. Спрессованная слоистая глыба серебристого металла и черного стекла меняла форму. Каким-то трудно определимым образом она *двигалась*. А потом действительно *переместилась*. Один слой стекла метнулся вверх и развернулся веером, сотворенным из ножей и теней. А нижняя часть кома начала разворачиваться, расправляться, казалось, невозможными способами, выпуская длинные шипы и серебристых извивающихся змей. И вся штука в целом раскрывалась, росла, множилась.

Блайта мутило от ужаса, от ощущения неотвратимости. Он и сам не заметил, как упал на колени, обессилив в единый миг. Он видел, как Мартина уронила приборы, видел, как они падают на пол, точно в замедленной съемке. Видел, как женщина прижалась к стене, видел ее открытый в паническом крике рот. Он видел, как во всем своем блистательном, кошмарном великолепии продолжает распускаться черный цветок, ИИ Пенни Роял, заполняя собой их трюм.

— Привет, Блайт, — прошептал ИИ.

Глава 8

Амистад

Более десяти лет назад Амистад, дрон–скорпион, был технически усовершенствован до статуса планетарного ИИ, а совсем недавно — политически понижен до нынешнего поста планетарного хранителя, так что теперь у него в избытке имелись лишнее время и вычислительные мощности. Балансируя на смотровой площадке своей башни, он внимательно перебирал тщательно сохраненные воспоминания о том времени, когда ему еще не досталась чаша сия. Пенни Роял был на грани полного распада, когда Амистад обнаружил его обломки на том блуждающем планетоиде и начал их изучать. Это стало первым шагом в его длинном исследовании безумия и гениальности, ибо Пенни Роял находился на вершине и того и другого. Он был ИИ-психопатом, или, возможно, шизофреником, или еще чем-то, для чего не придумано пока термина. Его технические возможности лежали далеко за пределами созданных Государством ИИ — даже слегка сумасшедших криминалистов–аналитиков ИИ или тех, кто погрузился в глубины сложнейших математических миров. Изучение останков вскоре показало, что Пенни Роял раздробился когда-то в далеком прошлом и разные его части содержали разные состояния сознания.

В этом отношении он походил на мистера Крана — еще одно существо, о котором Амистад и государственные ИИ желали бы узнать поподробнее, но этот «медный человек» исчез много лет назад. Пропал вместе с агентом Государства, ставшим то ли его палачом, то ли жертвой — подробности неизвестны.

В ходе дальнейших исследований обнаружилось, что зло Пенни Рояла также отделено и расположено на участке сознания, которое Амистад обозначил для себя Восьмеркой. Следует признать, что различить границы разумов было трудно. Призванный на службу сюда, на Масаду, Амистад решил ампутировать восьмое состояние, а остальному вернуть функциональность. Подстегивало его в основном любопытство: он мог обрисовать безумие Пенни Рояла, но у него не получалось измерить гениальность черного ИИ. Другие ИИ Государства дали разрешение, потому что им тоже было интересно. Что сотворило это создание таким и как оно делает то, что делает? Можно ли вернуть Пенни Рояла «в лоно», сохранив одновременно его уникальность?

Амистад медленно приходил к заключению, что вся его работа в целом была огромной ошибкой. Он воскресил, а теперь и выпустил на волю нечто воистину ужасное.

Восьмое состояние являлось ключом. Амистаду удалось физически изолировать Восьмерку от «остального» Пенни Рояля и спрятать ее в контейнере на дне океана. Однако он так и не разобрался в ней. Лишенный Восьмерки, Пенни Рояль функционировал, ясно мыслил и верно служил. Однако, обнаружив, что восьмое состояние все еще существует, ИИ вернул его и... уничтожил? Амистад начал сомневаться в достоверности тех событий, поэтому и прокручивал в памяти.

— Ты лгал, — прошипел Пенни Рояль, и напоминающие сосульки иглы-шпы качнулись в сторону Амистада.

— Это столь необычно? — Амистад пятился к краю кратера, расположенного всего в десяти метрах от них, все еще размышляя, как отправить Пенни Рояля туда, вниз, поскольку был уверен, что ИИ вновь включил в себя восьмое состояние сознания — свое безумие. Бросив взгляд за край, дрон решил, что магма достаточно горяча, но ему потребуется задействовать весь свой арсенал, чтобы продержаться Пенни Рояля в пекле достаточно долго...

— Я очень... сердит.

Амистад из настоящего понимал, что должен был быть внимательнее, начиная с момента восстановления Пенни Рояля. Черный ИИ играл с ним, подводил к чему-то на краю той воронки.

— Почему ты сохранил... это? — спросил Пенни Рояль.

— Из научного интереса.

Шипастое щупальце дернулось в сторону Амистада. Неужто Пенни Рояль желает драться здесь, чтобы, подобно Холмсу и Мориарти, вместе рухнуть в пламенную пропасть? Амистад прицелился в скалу ниже того места, где укоренился ИИ, выбрал ракету и приготовился.

— Интересам конец, — заявил Пенни Рояль.

ИИ переместился, шпы его всколыхнулись и скользнули вбок, открывая то, что пряталось под ними. Бронированный шар с Восьмеркой. Невскрытый шар.

Самонадеянность — вот что завело дрона в тупик. Пенни Роял играл роль немножко нестабильного, но в общем и целом хорошего маленького искусственного интеллекта. Даже спектр его речевых сигналов был частью роли. Но чтобы ИИ демонстрировал способность разобрать и собрать заново человеческое существо, даже на атомарном уровне, — и обладал при этом ограниченным словарным запасом? Теперь Амистад видел, какое представление было разыграно специально для его, Амистада, разума. Пенни Роял сыграл на его гоноре, на его вере в то, что он способен исцелить подобное творение. Он весьма правдоподобно изображал аутичное сознание, пытающееся примириться со своей новой сущностью.

Амистад углубился в воспоминания о том столкновении, рассматривая ситуацию под разными углами и в разных спектрах, сосредоточившись на шаре с Восьмеркой, а не на своей тогдашней тревоге, что ИИ может попытаться убить его. И обнаружил ровный узор из тепловых точек на броне в инфракрасной области. Кристаллическая структура этой части кермета была не такой, как на всем шаре. Тут производилось какое-то физическое соединение. Вероятно, было осуществлено нановолоконное проникновение, способствующее загрузке. Дрон перемотал память...

Будто неумело сделанная каким-то ребенком моделька руки — четыре шипа, перевязанных, как веревкой, щупальцем, — взмахнула, застыла на миг и упала, хлопнув по шару. Тот перевалился через край воронки, ударился о внутреннюю стенку кратера и с плеском рухнул в бурлящую магму. Но не разрушился — пока нет; пройдут века, прежде чем жар расплавит эту броню. Амистад пошатнулся и чуть не упал сам; вниз покатились, подпрыгивая, потревоженные камни, но дрону удалось удержаться. А чего он хотел на самом деле? Сохранил ли он Восьмерку оттого, что сумасшествие притягательно? Или как первый экспонат будущей коллекции? Ракета ушла вниз и оглушительно взорвалась — точно перегорел огромный предохранитель. Из образовавшейся в боку сферы дыры плеснуло огнем, и шар, перевернувшись, начал тонуть.

На секунду Амистаду показалось, что это он выстрелил — но нет, Пенни Роял лично уничтожил часть себя.

— Нам нужно кое-что сделать, — сказал ИИ.

— Верно, — согласился Ачистад. — Совершенно верно.

Нет, сейчас Амистад все прекрасно понимал. Пенни Роял не уничтожил Восьмерку. У Пенни Рояла, вероятно, не хватило времени, чтобы проанализировать обширный архив зла, хранившийся в сфере, — он просто скачал его целиком. Избавившись от физического объекта, Пенни Роял устранил свидетельство своих действий. Но что делать? Сейчас Пенни Роял исчез, контрабандой покинул планету, а у Амистада есть еще обязанности...

— Ничего не делать, — раздался голос.

Потребовалась микросекунда, чтобы Амистад опознал собственный внутренний У-пространственный приемник, и еще микросекунда ушла на определение источника: Земля—Центральная.

— Я думал, ты не слышишь мои личные мысли, — сказал он.

— Не слышу, — ответили ему.

Что ж, вывод прост. После доклада Амистада о пропаже Пенни Рояла Землю—Центральную интересует, не помышляет ли дрон о том, чтобы покинуть пост хранителя. С одной стороны, это пугает, с другой — успокаивает. Амистад ведь понимал, что, несмотря на усовершенствование, в «пищевой цепочке» он сильно отстает от фактических правителей Государства.

— Но кое-что сделать нужно, — попытался высказаться Амистад.

— Ты что, хоть на секунду подумал, что будешь тут движущей силой? Что тебе позволят указывать, каковы должны быть следующие шаги в отношении чего-то столь опасного и столь ценного, как Пенни Роял? Четыре специально подобранных разума анализировали каждый обрывок доступной информации и... пришли к определенному выводу.

— Какому?

Последовала долгая — в исчислении ИИ — пауза.

— В течение двух следующих лет — точнее кворум не определил — тебе нанесет визит человек, который сам будет частью ответа. Также ты должен воздержаться от любого вмешательства в дальнейшие события.

— А поподробнее можно?

— Нет, — отрезала Земля—Центральная.

Амистад задумался. Своим стальным сердцем он чувствовал, что само их молчание во время этой затянувшейся паузы говорит о многом. Пускай собрание разумов анализирует все действия Пенни Рояла, включая и внезапный побег с Масады, — он был уверен, что эти умы не подошли к ответам ближе, чем он, Амистад. Он знал, что Земля—Центральная не станет ничего пояснять просто потому, что сказать — нечего.

Блайт

Блайт ждал превращения во что-то чудовищное, ждал, что его сейчас распоросуют на миллион частей и соберут потом заново, ждал, наконец, смерти. Он стоял на коленях, уронив голову, оцепеневший, объятый ужасом. Загудел, открываясь, шлюз, капитан вяло оглянулся — Мартина делала ему знаки, предлагая бежать из трюма. Но он остался на месте.

— Иди, — только и выдавил Блайт.

Без лишней суеты женщина удалилась, закрыв за собой створки. Какой смысл? Бежать им некуда... Только вот... Пенни Роял отпустил Мартину, так, может, он отпустит и его? Может, они все доберутся до шаттла и покинут корабль...

Пенни Роял, точно почуяв его мысли, переместился. Взглянув на ИИ, человек медленно встал на ноги. Попытаться уйти? Он повернулся в сторону шлюза — и жуткое ощущение *скручивания* прокатилось по телу, от ног до самой макушки. Все люди реагируют на это по-разному, но именно такое чувство испытывал он каждый раз, когда корабль нырял в У-пространство. Он не приказывал ничего подобного, и их корабельный разум — в прошлом голем, решивший, что ему хочется полюбоваться на вселенную под другим углом, — не принял бы команду никого из экипажа. Значит, Пенни Роял захватил контроль над кораблем — следовательно, побег на шаттле невозможен. И тогда, вместо того чтобы шагнуть к шлюзу, капитан снова повернулся навстречу ИИ. Странно, но теперь, лишившись надежды, он уже не так боялся.

Пенни Роял был прекрасен, являя собой абсолютную квинтэссенцию смерти. Он был демоном, чья форма никак не связана с человеческой. Сейчас, в одном из своих вводящих в заблуждение обличий, он раскрылся эдаким павлиньим хвостом из черных кинжалов. Он мог сложиться в любую фигуру, обрести любой размер. Всего пару минут назад эти плоские черные стекловидные клинки были длинными шипами. А толстые серебристые щупальца, при помощи которых ИИ сполз с гравивозка, обернулись сейчас изящным связующим кружевом.

— Привет, Пенни Роял, — проговорил капитан Блайт.

Проклятье, его ведь могут порубить в капусту или еще что-нибудь похуже. Но сейчас капитан стыдился своей первой реакции — нет, он встретится с дьяволом лицом к лицу и найдет для гада пару ласковых, пока тот терзает его.

— Тебе заплатят, — сказал ИИ, и голос его не исходил из какой-то одной точки, он словно сгущался во всем окружающем воздухе и эхом отдавался в «форсе».

— Заплатят, — повторил Блайт. — Мне ничего от тебя не нужно.

— Ты доставишь меня на Погост. На дальний конец, — заявил ИИ. — За вознаграждение.

Из павлиньего хвоста высунулось что-то вроде птичьей головки на длинной серебряной шее, головки с острым черным клювом. На секунду Блайт решил, что вот оно — сейчас им займутся. Но клюв всего лишь коснулся пола у его ног, положив туда что-то, — и головка сразу убралась. Оцепеневший Блайт медленно наклонил голову, взглянул вниз... На полу лежали четыре цилиндрических рубина, каждый размером с две фаланги мизинца. Сами по себе камни практически ничего не стоили — если бы такие понадобились, их можно было бы сделать самостоятельно, воспользовавшись кое-каким корабельным оборудованием. Однако специфическая форма и просматривающаяся в толще камня тень цифровой сетки заставляла предположить, что это не просто драгоценности.

— Мемпланты, — пробормотал человек. — Государство дает награду за каждый переданный ему носитель. Сумма солидная, но ее едва ли достаточно, чтобы оплатить прогулку на ту сторону Погоста.

— Первый взнос, — сообщил ИИ.

И мигом позже Блайт обнаружил, что мысленно переживает события многолетней давности, бессильный остановить захлестнувшую его волну воспоминаний.

Он сидит в рубке своего корабля, смотрит видео на планшете, снятое на планете Янтарь. На экране он сидит в баре вместе со всем своим старым экипажем. И он вспоминает тех четверых, кого только что потерял. Горло сжимается, он поспешно закрывает файл...

...и обнаруживает себя, задыхающегося, давящегося тошнотой, стоящим на коленях в трюме — в настоящем. Перед лицом лежат

четыре рубина. Он смотрит, смотрит, потом протягивает руку и сжимает камни в кулаке.

— Зачем ты здесь? — хрипло выдавил Блайт, поднимаясь.

— Недоступно, — отрезал Пенни Роял.

Блайт повернулся и двинулся к шлюзу. Все случившееся ничего не значило. Пенни Роял мог просто играть с ним, продлевать пытку, как любят порой маньяки-убийцы. Блайт открыл шлюз, миновал его, повернул к рубке. Если бы только он мог узнать правду о том, что держит в руке... Что если Пенни Роял действительно вернул ему четырех товарищей, жизни которых этот самый ИИ отнял так много лет назад?

— Капитан?

Впереди, в коридоре, ждали возле водруженной на треногу протонной пушки вооруженные до зубов Брондогоган, Икбал и Грир. Оставалось лишь удивляться, как им удалось так быстро вытащить эту штуку со склада и установить ее. Но, конечно, побуждающих стимулов у ребят было выше крыши. За спинами мужчин стояла Мартина, к ней торопились присоединиться Чонт и Хабер, волокущие еще какое-то оружие. Блайт, понимая всю тщетность попыток обороны, все же испытал гордость. Но Пенни Роялу не нужно шагать этим коридором, чтобы достать их, и, насколько Блайт помнил, любое боевое снаряжение не особо действует на ИИ.

— Пенни Роял, — заговорил Блайт, — нет и не было никакого покупателя-сепаратиста на те рабodelы, верно?

И снова болезненно, как удар ножом, чиркнули сознание воспоминания — только на этот раз не его собственные.

Он увидел стоящего на пристани человека, полосующего огнем пульсара свинцовое море. Мужчина стрелял и грязно ругался, пока не кончились боеприпасы, потом обернулся. Мол разваливался, рассыпался в пыль. Начавшееся у берега разрушение добралось наконец до человека, превратив его в кровавый туман.

Блайт вернулся. На этот раз ему удалось устоять, но капитана все равно мутило. Это что, был тот сепаратист? И как понимать этот ответ — как «да» или как «нет»?

— Почему мы?

Теперь воспоминания вновь принадлежали ему.

Он сделал ставку на бой между карликовым львом и каким-то отворотным инопланетным насекомым. И — неожиданно — выиграл, поскольку лев каким-то образом ухитрился прокусить сопернику бронированный загривок.

- Откуда ты знал? — спросил кто-то.

- Наверное, просто повезло, — ответил он.

Понятно: саркастический комментарий ИИ. Им «просто повезло». Борясь с тошнотой, Блайт спросил:

— Собираешься остаться в трюме?

На этот раз никаких воспоминаний; только загадочные слова, сгустившиеся в воздухе:

— Я должен воссоединить всего себя.

Блайт повернулся к своей команде:

— Очевидно, нам придется доставить его на ту сторону Погоста. Выбора у нас нет.

— Ты ему доверяешь? — спросил бледный от страха Икбал.

— Нисколько, вот почему я попрошу тебя взять сварочный аппарат и заварить люк трюмового шлюза. — Распоряжение не слишком понравилось Икбалу, но он кивнул, соглашаясь. — Бронд... — Мужчина выжидающе смотрел на капитана. — Надеюсь, шаттл оснащен всем необходимым и заправлен под завязку. Мы должны быть готовы... к неожиданностям.

Блайт поморщился, понимая, что намек слишком очевиден. Он хотел послать сообщение экипажу через «форс», но понимал, что в плане безопасности данный способ ничем не отличается от прямого приказа вслух.

Брондогоган кивнул, остальные обменялись понимающими взглядами. Если они попробуют воспользоваться шаттлом, находясь в У-пространстве, никто не предскажет, что с ними случится. Теории существовали разные. Они могут выпасть в обычный космос без скорости. Или выпасть и продолжать двигаться на скорости лишь чуть-чуть ниже скорости света — что невозможно для двигателей шаттла. Они могут застрять в У-пространстве навечно, или один из

легендарных У-пространственных вихрей может вынести их в реальность. Насколько Блайту было известно, никто еще не обнаружил ни один шаттл, рискнувший совершить подобное, хотя ходили слухи о каких-то чудовищно искореженных обломках и вывернутых наизнанку человеческих телах. Однако, прибыв в место назначения, они, возможно, получают шанс бежать, так что нужно быть наготове.

Изабель

Устоять становилось все труднее и труднее. Ноги почти исчезли, кости их нелепо искривились и продолжали те стремительно укорачиваться, словно само тело всасывало их в себя. Изабель подумывала о том, чтобы отключить гравитацию под предлогом сбережения энергии, но понимала, что это не пройдет. И Трент, и Габриэль знали, что проблема не в энергии, проблема в отсутствии материальных ресурсов — особенно топлива для термоядерного двигателя. Отключи она гравитацию — и помощнички сочтут это признанием немощи. Однако было и другое решение.

Жуя кровавый кусок синтезированного стейка, она открыла дверь в арсенал перед самым трюмом. Теперь она всегда испытывала голод, всегда ела — и старалась контролировать потребность пользоваться лицевыми манипуляторами, разрывая ими пищу и запихивать ее в рот. Шагнув внутрь, Изабель принялась изучать стеллажи с боеприпасами. Были здесь пульсары и прочее вооружение, гравискутер и комплект гравивозков. Заметила она и протонную пушку: разрозненные детали в заводских коробках, которые пока еще соберешь, и груды прадорских доспехов. Эту броню она содрала с дрейфующего трупа прадора, погибшего, наверное, еще во время войны. Пробраться дальше вглубь помещения оказалось трудновато, и в итоге Изабель позволила манипуляторам расправляться с мясом, получив возможность пользоваться остатками обеих рук.

Наконец на одной из полок она обнаружила небольшой чемоданчик. Внутри, аккуратно упакованная в пену, лежала грависбруя. Оставив ненадолго находку, Изабель поторопилась закончить с перекусом, поскольку, когда манипуляторами доставалась еда, они запускали какую-то бессознательную программу, включающую тщательное расслоение мяса на тонкие волокна. Когда наконец последний кусок исчез в ныне треугольном, претерпевающим неуклонное превращение в вертикальную щель рту, бывшая женщина стащила платье, затем подбитую ватой кофту. Ее не беспокоило, что Тренд или Габриэль наткнутся на нее в таком виде — обычно они знали, где она находится, и старались избегать хозяйку.

Разоблачившись, она обнаружила, что скрюченные ножки стали на вид еще омерзительнее. Гладкий, покрытый защитной оболочкой торс, плавно переходящий в вытянутую голову и сенсорный капюшон, выглядел куда правильнее. Теперь руки... Каждая утратила по два пальца, укоротилась и искривилась, но совсем исчезать, как ноги, они вроде бы не собирались. Изабель подозревала, что дело тут в степени пользования конечностями. На борту корабля особо не разгуляешься — по большей части она сидела в противоперегрузочном кресле в рубке или лежала в своей каюте, — но рукам дел хватало. Впрочем, и это изменится. Как-то раз Габриэль, явившись без предупреждения, застал ее работающей за пультом управления — и обходилась она при этом лицевыми манипуляторами. Надо полагать, ноги станут втягиваться куда быстрее, как только она воспользуется грависбруей.

Изабель вытащила ремни из чемоданчика, набросила их на то, что осталось от плеч, застегнула пояс — чуть выше того места, где должна была быть талия, между парой насекомых лапок — и тут обнаружила, что придется все снимать и максимально увеличивать длину упряжи, чтобы достать до ножных петель. Пояс пришлось опустить, расположив между другой парой лапок, пониже. Основной регулятор провис; Изабель подтянула ремни. С прошлого раза сбрую никто не трогал — а тогда у Изабель еще была грудь. Гравиеффект создавался как самими ремнями, так и хиггсовской наноматерией, из которой сбруя была сделана.

Изабель включила устройство и начата уже увеличивать силу тяги, когда поняла, что в последний раз пользуясь этой штукой, она не была даже хайманом — а просто немного улучшенным человеком. Отдернув руку, она подключилась к блоку управления напрямую, чтобы осуществлять регулировку мысленно. Ремни затянулись и напряглись, точно прицепленные к размещенной сверху лебедке. Изабель продолжала посылать сигнал «вверх», пока ноги ее не оторвались от пола. В процессе она ощутила, какой стала тяжелой вес увеличился почти вдвое. Похоже, по массе она сейчас догнала и Трента, и Габриэля. Что ж, неудивительно. Только недавно она осознала, что, несмотря на укоротившиеся ноги, ростом она выше пары мужчин. Еще обнаружилось, что все съеденное ею преобразуется в плоть и броню капюшонника; она уже и не помнила, когда в последний раз ощущала необходимость испражниться.

Приказав сбруе спуститься, Изабель вновь почувствовала пол

под ботинками и подобрала кофту. Внезапно ее накрыло волной резкого — и не опознанного сразу — запаха. Она застыла, насторожив все чувства, и через секунду идентифицировала табачный дым: Габриэль наслаждался одной из своих мерзких сигар. Ведь сколько раз она твердила ему — не курить на борту ее корабля, а он никак не желает подчиняться! В прошлом это лишь слегка раздражало, но теперь Изабель пришла в ярость.

Мужчина шел по коридору в ее сторону, еще пара секунд — и он окажется напротив двери и увидит ее, голую, в одной только грависбруе. И тут Изабель решила, что с нее хватит. Слишком много времени она убила на то, чтобы скрывать от спутников свои изменения. Кто здесь хозяйка, а? Они должны выполнять ее приказы, и точка, а очевидное отвращение пусть держат при себе!

В этот момент Габриэль и заглянул внутрь. Она увидела его — всем спектром возможностей капюшонника. Она видела его насквозь, видела, как пульсирует кровь в его венах, видела его кости, видела границу между жировой прослойкой и мышцами. В ее сознании он не выглядел Габриэлем; он выглядел добычей.

— Изабель! — успел прохрипеть мужчина, но она уже *двигалась*.

Отчасти она действовала бессознательно, но та часть, что побольше, ее хищник, отлично знала, что делает. Изабель полностью отключила сбрую и упала. Ожившие ножки капюшонника стукнулись об пол. Притормаживая на шероховатом металле, они толкнули тело вперед, а потом вверх под углом сорок пять градусов. Лицо бывшей женщины врезалось в лицо мужчины, лапки вцепились в чужое тело, вес хищника отбросил жертву к стене. Габриэль попытался отпихнуть хозяйку, но она извивалась, и мужчина, не удержавшись на ногах, упал. В этот момент манипуляторы погрузились в его лицо, аккуратным круговым движением вспоров щеки, обнажив задние зубы с обеих сторон. Мужчина уже лежал на спине, Изабель придавливала его сверху, пытаясь сомкнуть свой капюшон на его голове. Ничего не получалось, но манипуляторы продолжали резать и расслаивать. Габриэль пинался, дергался, но освободиться не мог. И к тому моменту, как с него содрали лицо, уже затих.

Чувства говорили ей, что человек мертв, но она никак не могла понять почему, пока не попятилась — и не увидела растекшуюся вокруг лужу крови. Насекомьи ножки, стискивая тело, вонзились в плоть, а одна, пройдя сквозь грудную клетку, проткнула сердце.

— Так я и знал. Черт побери. Так я и знал.

Она оглянулась — и увидела в конце коридора с ужасом таращащегося на нее Трента. Он смотрел, смотрел — а потом поднял газовый пульсар, который таскал с собой все это время. В мозгу быстро прокрутился расчет. Изабель была уверена, что успеет добраться до него прежде, чем он сумеет прикончить ее. Можно было бы сказать ему, что она наказала Габриэля за постоянное нарушение установленных ею правил. Однако он едва ли согласится с тем, что съеденное лицо — подходящее взыскание за курение на борту. Но больше всего ей хотелось остаться наедине со своей добычей — и закончить трапезу. Изабель встряхнулась, манипуляторы крюками вошли в глазницы Габриэля, ножки снова уверенно ступили на пол — и хищник потащил жертву к кладовке. Трент выстрелил в автоматическом режиме, послав в нее очередь импульсов раскаленного ионизированного газа. Два попали в правую руку, еще два — в бок, и еще два — в одну из человеческих ног Изабель, но Габриэля она не выпустила. Ввалившись в кладовую, она мысленным приказом закрыла и заперла дверь.

Тут пришла боль, и женщина завизжала; человеку издать такой звук было бы не под силу. Дрожа, она лежала на Габриэле, и что-то скручивалось у нее внутри. Осмотрев собственный бок, Изабель увидела только два пятна копоти. Однако правая рука, пылающая, точно в огне, внезапно онемела. Почти не раздумывая, женщина пригнулась к плечу и начата резать. Она кромсала по кругу, стараясь перерубить связки и сухожилия побыстрее, чтобы не успеть ужаснуться собственному поступку. Рука шлепнулась на пол, но крови не было — ни из обрубка, ни из плечевого сустава, который на глазах стал затягиваться чем-то стеклистым.

— Только выйди оттуда, Изабель, и ты мертва.

Это Трент обратился к хозяйке по интеркому. Ухитрившись кое-как загнать мыслительный процесс в более или менее человеческие рамки, она удивилась, почему он не попытался преследовать ее, и после некоторого размышления осознала, что причина очевидна. Во-первых, ему не хотелось гнаться за такой *тварью*; во-вторых, он знал о хранящемся в этом помещении оружии. И Изабель выбросила Трента из мыслей. Она выйдет, когда будет готова. Пускай она потеряла одну из человеческих рук, но манипуляторы оказались весьма полезными, так что возможностей у нее — уйма. Она найдет

способ использовать это оружие, и она сильнее Трента, гораздо сильнее.

Свернувшись кольцом, Изабель принялась резать раненую бесчувственную ногу. Впрочем, она уже решила, что избавится от обеих. Они ей больше не понадобятся.

Спир

Ох и не нравятся мне отсрочки, но на пути к планетоиду Пенни Рояла нам просто необходимо было сделать одну остановку. «Изгнанному дитяти» — я еще подумаю о новом имени для истребителя — катастрофически не хватало оружия, а я собирался встретиться с очень опасным ИИ. Никто же не идет охотиться на льва с незаряженной винтовкой. Две недели до промежуточной посадки я спал по шесть часов, а работал по двадцать, делая перерыв только на естественные человеческие потребности. Тело мое не нуждалось во сне, но я пользовался часами отдыха для стабилизации мышления, так как после всего случившегося чувствовал, что мне это необходимо.

Располагая достаточным количеством роботов-помощников и массой времени, я ободрал все каюты, передвинул стены и встроенное оборудование. К концу этих двух недель у меня образовалась одна просторная мастерская-лаборатория, вместившая всю аппаратуру, которая мне может потребоваться. Я избавился от столовой и передвинул синтезатор пищи в свой «цех». Я увеличил рубку, обтянул стены и потолок «экранной» материей и установил единственное противоперегрузочное кресло в центре помещения, частично отгородив его подковообразным пультом. Такое размещение, в отличие от прошлого, не вызывало клаустрофобии и предоставляло лучшее поле обзора. В моем деле важны были все, даже самые мелкие преимущества. По прибытии к нашему первому месту назначения я уселся в кресло и включил «экранку», тотчас же создавшую иллюзию, что я в кресле — а вокруг меня простирается вакуум.

Местная звезда, ослепительный голубой гигант, по массе превышала Солнце раз в пятьдесят. С моей точки зрения, выглядела она вдесятеро больше Солнца — такого, каким его видят люди с поверхности Земли. Если бы я действительно оказался вдруг в открытом космосе, меня убило бы не отсутствие воздуха. Так близко к звезде, светосила которой больше солнечной в двадцать тысяч раз, я бы в долю секунды обернулся горсткой пепла.

— Ты уже знаешь, где пополнить запасы сырья? — нетерпеливо спросил я, желая поскорее покончить с этим и двинуться к

планетоиду Пенни Рояла.

В ответ Флейт навел перекрестие телескопа на какую-то точку слева от солнца и дал увеличение. Мне показалось, что меня со страшной скоростью несет туда — я даже невольно стиснул подлокотники кресла. На экране показалась красная шарообразная масса.

— Пятнадцать тонн хромоникелевой руды, — объяснил Флейт. — Материал практически чист, примеси отсутствуют, поскольку каждый раз в перигелии астероид подвергается плавке. В настоящий момент температура чуть ниже точки плавления, так что формовка требует минимума энергии.

Изображение становилось все больше и больше, потом, когда Флейт отключил увеличение, отъехало назад. Я почувствовал, как ненадолго включился термоядерный двигатель, снижая скорость, после чего движки малой тяги подвели нас почти вплотную к скоплению руды.

— Состояние систем охлаждения? — поинтересовался я.

— Термопреобразователи работают на полную мощность, — ответил Флейт. — Пока нет необходимости использовать охлаждающие лазеры или плазмовыбросы — у меня есть часов пять, а значит, времени достаточно для производства сорока стандартных снарядов для рельсотрона.

Я хотел сказать «выполняй», но Флейт не ждал. Два силовых поля уже стиснули астероид с боков, слегка сплющив его. А секунду спустя третье поле принялось усердно строгать — и «опилки», вытянувшись тонкой линией, медленно поползли к нашему кораблю. Затем Флейт ударил по ним боевыми лазерами, раскаляя сырье, и при помощи силовых полей скатал расплавленную стружку в аккуратные цилиндры с обрубленными — будто бы невидимой сигарной гильотинкой — концами.

Я мог бы просидеть тут все пять часов, наблюдая за производством снарядов для рельсотрона, но сперва нужно было кое-что сделать. Необходимость эта вытолкнула меня из кресла и повлекла в лабораторию-мастерскую. Все здесь я устанавливал ради одной цели. При встрече с Пенни Роялом мне потребуется не только корабль и запас новеньких боеприпасов. Я должен обладать знаниями об ИИ, пониманием, информацией — и помочь мне могли два

находящихся сейчас в «цеху» предмета.

С корабля Изабель я прихватил наноскоп, нанофабрику и прочие полезные штучки. Из того, что нашлось здесь, я состряпал еще ряд устройств и установил их на рабочих поверхностях вдоль стен. Настроив вычислитель, я завесил стену сплетенным наноботами экраном и даже смонтировал голопроектор. Парочку корабельных роботов я приспособил для особых задач — один сейчас свисал с потолка, напоминая готовую кого-то схватить руку со множеством пальцев, другой возвышался на регулируемом пьедестале. Пьедестал предназначался для предмета, в настоящий момент закрепленного в рамке на центральном столе. Я подошел поближе, чтобы еще раз произвести осмотр.

Забытый шип Пенни Рояла по-прежнему торчал из торса голема. Я отступил на шаг и через «форс» взял на себя управление всеми механизмами в комнате. Сперва я разбудил робота на пьедестале. Тот широко раскинул руки, те, что побольше, и, как зубчатыми тисками, сдавил с боков грудь голема. Меньшие ручки потянулись к основанию черного шипа, сомкнули обтянутые неопреном захваты, избегая острых краев, и медленно потянули. Я мысленно прикинул степень растущего сопротивления, но тут шип с жутким скрежетом освободился.

Разжав зазубренные тиски, робот попятился, полностью извлекая иглу из тела голема, и я остановил его, чтобы изучить добычу. И опять ощутил таинственную связь с этой частицей Пенни Рояла, странную «знакомость». Нет, мне совершенно не нравилось находиться так близко к этой штуке, но я тем не менее тщательно осмотрел ее. Никаких повреждений на проклятом шипе не обнаружилось. Даже кончик оставался таким острым, что трудно было разглядеть, где кончается он и начинается воздух. Отступив, я велел роботу отнести шип в угол помещения, поместить в стоящий там стеклянный цилиндр и, заполнив инертным газом, запечатать сосуд вместе с содержимым. Я еще успею исследовать эту дрянь повнимательнее, может, определю, из чего она сделана, но прямо сейчас меня интересовал голем.

Зияющая в груди андроида пятиугольная дыра выглядела такой аккуратной, что казалась частью дизайна голема. Так пробить кермет могли только промышленные алмазные нанорезцы высокого давления — или пули из портативных рельсотронов, разрывающие и

прадорскую броню. Видимо, когда Пенни Роял превращал себя из корабельного кристалла в гигантского морского ежа, он немало времени потратил на изучение передовых производственных технологий. Выходное отверстие в спине голема было поменьше, его окаймляли пять керметовых лепестков — опять-таки ровненьких, будто изготовленных на станке. Ну, теперь пора призвать потолочного робота, эту кошмарную люстру...

Для начала я провел сканирование и от результатов, переданных на мой «форс», покрылся холодным потом. Шип прошел под самым кристаллом голема, чуть оцарапав его нижнюю грань. А еще перебил кабель, питающий энергией сервоприводы, но этого ведь недостаточно, чтобы остановить андроида. Совершенно непонятно, отчего я до сих пор еще жив. Обескураженный, полный страшных подозрений, я оглянулся на иглу в стеклянном цилиндре.

По моему приказу робот демонтировал остатки одной из рук голема, после чего вставил в гнездо тонкого ребристого «червя» с интерфейсным разъемом на конце. Отыскав в груди голема сенсорный привод, червь принялся отсоединять его и почти закончил, когда наткнулся на основной разъем для прямого обмена данными, вошел в него и восстановил связь питания и необходимой частоты когерентного излучения. Через секунду все внутри андроида ожило. А я, убедившись в том, что голем не установит собственное соединение и не захватит, к примеру, контроль над моими роботами, подключил его к нацеленному на пол голографическому проектору.

Воздух загудел, и в центре комнаты вырос спроецированный белый цилиндр высотой с меня. Зыбкая радуга пробежала по нему сверху вниз — и, мигнув, пропала, чтобы через мгновение вспыхнуть снова. Только на сей раз радуга текла по цилиндру, вырезая внутри его белизны скульптуру: фигурку Оскара в человеческий рост, сотворенную словно из жидкой ртути. По этой модели некогда сотворили голема. Досадно — ведь если первоисточник не обладает представлением о собственной физической внешности, он может не содержать вообще никакой полезной информации. Какое-то время я наблюдал за проекцией, но ничего больше не происходило, так что пришлось поторопить события.

— Привет, Далин, — сказал я.

Оскар открыл глаза цвета безлунной полночи, наверняка не входившие ни в один промышленный каталог. Руки отделились от

тела, одна нога приподнялась, но, когда голем попытался броситься на меня, проекция разрушилась. На миг изображение обернулось раздробленным месивом вроде того, что видишь в наноскоп во время нанопроизводства. Потом цилиндр снова побелел — и заново породил Оскара. Я смотрел, торопливо проматывая данные, выловленные из сознания голема. Мое голосовое подстрекательство осталось без ответа — а значит, велика вероятность того, что память голема полностью стерта. Однако в таком случае непонятно, почему он пытался убить меня. Опять позаботившись о том, чтобы ничего не выпустить наружу, я нашел в своем «форсе» языковой архив и переслал файл голему. На этот раз отклик получился другим. Не открывая глаз, проекция разинула рот и завопила, после чего развалилась снова.

Два часа спустя, после бесчисленных криков и попыток нападения, я наконец кое-чего достиг. Голем открыл глаза, но не стал бросаться в атаку, а приоткрыл рот и облизнул губы серебряным языком.

— Привет, Далин, — попробовал я еще раз.

Он смотрел на меня секунд десять, потом что-то возникло в воздухе на уровне его пояса. Такие наноботы использовались в тяжелой промышленности — кажется, при строительстве на поверхности мертвых звезд. Потом объект распался на фрагменты и исчез.

— Не реально, — четко произнес голем Далин, и рот его закрылся.

— Почему ты пытался убить меня? — спросил я.

— Ты... уничтожить.

— Уничтожить? — озадачился я. — Я должен быть уничтожен или я уничтожил что-то?

Далин взглянул на меня с выражением, которое иначе как презрительным не назовешь, — и Оскар опять стал меняться. Он обрел цвет человеческой кожи, отрастил на голове волосы и сформировал узнаваемые черты. Через секунду передо мной стоял обнаженный мужчина — и это было неправильно, поскольку предназначенная Далин наружность должна была быть женской. Ростом он был с меня, мускулы четко прорисовывались на теле — не столь рельефные, как у «качка»; телосложение его было скорее

телосложением пловца. Оттенок кожи я бы назвал бледно-азиатским. У голема нарисовались орлиный нос, светло-зеленые глаза, чуть приподнятые уголки губ — как будто он тайком посмеивался над чем-то. Длинные каштановые волосы слегка курчавились, в них проглядывали седые пряди. Рассматривая изображение, я пришел к выводу, что должен проверить собственный стандартный набор наноботов и ретровирусную биотехнологию своего тела, поскольку мои волосы не должны *так* сесть. Ибо изобразил голем, конечно, меня.

— Подозреваю, что ты что-то хочешь этим сказать, — заметил я, — но что именно, я пока не понял.

— Не знать. — Похоже, Далин резко запаниковал, а потом просто застыл.

Еще час я пытался разговорить голема, но он отказывался общаться. В итоге я выключил голограмму, перенес торс Далина с центрального стола на один из рабочих и установил прямое соединение голема с голографическим проектором. Он включится, как только Далин захочет поговорить — если вообще захочет. Потом я вернулся в рубку проверить, как продвигаются дела у Флейта.

Что ж, Флейт успел сделать тридцать снарядов. А нужно ли мне больше? У меня есть лазеры, работающая биобаллистическая пушка и похищенные у Изабель ПЗУ. Если этого недостаточно, чтобы прикончить черный ИИ, то еще парочка рельсотронных снарядов погоды не сделают, верно? Вроде бы верно, однако...

— Флейт, обеспечить полный запас снарядов для рельсотрона, мы останемся здесь, пока ты не закончишь. При необходимости охлаждения уводи нас от звезды.

— Полный запас — это больше восьмисот штук, — уведомил Флейт.

— Не важно. Еще проверь систему на радиоактивность. — Я умолк, потом продолжил: — Ты сказал, мы можем сотворить атомную бомбу, а как насчет водородных?

— Можно сделать и их.

— Оболочка из «жестких» силовых полей? Мультимегатонный диапазон?

— Да, я могу сделать бомбу в сотню мегатонн. Тут надо

использовать килотонное ПЗУ в качестве детонатора и обжатый силовым полем дейтерий в качестве внешней оболочки.

У меня есть оружие, способное убить черный ИИ. Но этого оружия может оказаться недостаточно, чтобы выкорчевать Пенни Рояла из его родных туннелей. Лучше уж сперва уничтожить туннели.

Глава 9

Блайт

Путешествие казалось бесконечным, и ни Блайт, ни его команда не сомневались, что на «Розе» творится что-то... что-то опасное и странное. Блайт слышал рассказы о таинственных событиях на некоторых кораблях, но никогда им не верил. Глупо верить в иррациональное, когда можно найти кучу других, логичных объяснений. К тому же современные технологии таковы, что и их по ошибке можно счесть сверхъестественными. Нет, капитан не верил легендам, но теперь он знал, каково это — находиться на борту корабля, населенного призраками.

В течение двадцати часов после того, как Пенни Роял заявил о своем присутствии, команда готовилась к бегству: пусть только «Роза» вернется в обычный космос. И все это время напряжение нарастало, люди думали, что ИИ вот-вот наскучит играть и он явится за ними. Наконец после еще десяти часов ожидания, споров и невыносимой тревоги Блайт решил, что пора спать, иначе страх сведет всех с ума. Сон принес кошмары, в которых повторялась та встреча много лет назад, но с новыми вариациями: с толпами кричащих, частично расчлененных людей, с ужасом ожидания удара ПЗУ, который сожжет всех вокруг... Несмотря на кошмары, Блайт проснулся отдохнувшим и полным энергии — однако пара часов бодрствования вытянула из него все силы.

Звуки корабля изменились; такую разницу чувствуешь, когда стучишь по здоровому дереву — а потом по трухлявой колоде. Все вокруг казалось каким-то непрочным, ненадежным. Проверяя камеры в трюме, Блайт видел только черно-серебряный калейдоскоп. Ни утечки энергии, ни повышение температуры ничем не объяснялись. Потом стало происходить еще кое-что. Корабельные системы диагностики докладывали о сбоях, которые вдруг, еще до проверки, исчезали. Однажды корабль содрогнулся (чего в У-пространстве не могло случиться в принципе), перепугав людей до полусмерти. После этого капитан обратился к корабельному разуму:

— Левен, какого дьявола это было?

Левен, разум голема, ответил не сразу. Вероятно, он теперь контролировал корабль не лучше самого Блайта.

— Пенни Роял, — наконец выдал он.

— Что он сделал?

— Он играет с контурами Калаби-Яу и прочими компонентами рулевого управления. Похоже, он перенастраивает двигатель.

— Что?

Блайт вызвал изображение с камер в двигательном отсеке, куда недавно отправил Чонта и Хабер — провести кое-какие проверки, просто чтобы занять их чем-нибудь. На экране крутился все тот же калейдоскоп. Пощелкав переключателями, капитан отыскал наконец сладкую парочку — возле двери в переборке двигательного отсека. Они стояли друг против друга — молча.

— Эй, у вас там все в порядке? — поинтересовался капитан по интеркому.

Оба одновременно повернулись к ближайшей камере и хором ответили:

— Все хорошо.

— Вернитесь внутрь и проверьте еще раз, — приказал Блайт.

Несколько минут он смотрел, как его люди тщетно пытаются открыть дверь, после чего велел:

— Ладно, уходите.

Если Пенни Роял не хочет кого-то куда-то впускать, то никто никуда и не попадет. Значит, получается, нет ничего «хорошего» — и с Чонтом, и с Хабер в том числе. Прежде неразлучные, теперь они прилагали массу усилий, чтобы избегать друг друга, и наконец перестали жить вместе. Хабер перенесла свои вещи в одну из пассажирских кают.

Следующим стал Брондогоган. Вскоре после того, как Левен доложил капитану о том, что кпд У-пространственного двигателя увеличился на восемь процентов, великан буднично уронил:

— Вчера ночью ко мне заглянул брат.

Грир не была бы женщиной, упусти она шанс ткнуть пальцем в очевидное. С грубостью, которая отличала не только черты лица уроженки мира с высокой силой тяжести, но и ее речь, она заявила:

— Насколько я знаю, у тебя был только один брат, да и тот вот уже десять лет как сгорел.

Брондогоган и его брат появились из искусственной утробы с разницей в восемьдесят лет — брат незадолго до войны, Бронд — вскоре после. И брат этот — Блайт припомнил, что звали его Мондогоган, — достиг в своей жизни той стадии, когда скука становится величайшей угрозой. И занялся, пожалуй, самым опасным из существующих видов спорта: серфингом на пирокластических потоках^[9].

Больших успехов ему достичь не удалось.

— И тем не менее, — возразил Бронд. — Это был мой брат.

Потом пришел черед Грир. Они вчетвером еле-еле справились с ней, пытающейся «подправить» собственное лицо армейским ножом. Наконец, под завязку накачанная успокоительным, привязанная к каталке в медицинском отсеке, она призналась, что не желает больше быть такой, как есть, — она хочет быть красивой. Когда же Блайт поинтересовался, чем тут поможет кромсание лица, она лишь наградила его весьма озадаченным взглядом. Ее оставили на попечение автодока, принявшего пичкать пациентку лекарствами, рецепты которых извлекались из банка памяти, и тут принялся бормотать Икбал. Он сам не осознавал, что делает, пока ему не сказали. Когда же он пытался остановиться, то начинал чесаться или выдергивать волосы целыми прядями. А уж когда в каюту Блайта заявила голая Мартина, потребовавшая, чтобы капитан «трахнул ее поглубже», Блайт решил, что с него довольно. Мартина категорически предпочитала женщин — ее отвращение к гетеросексуальным связям было просто патологическим.

Блайт оставил Мартину отдыхать на своей койке, нокаутированную инъекцией снотворного в шею, и отправился в одну из корабельных кладовых за маленькими атомными ножницами. Затем прошел к шлюзу трюма и свел на нет всю работу Икбала, разрезав железо прямо по сварочному шву. Это заняло всего несколько минут, Блайт даже удивился, отчего он решил, что подобная мера предосторожности способна остановить то, что находится по ту сторону. Тело Пенни Рояла, несомненно, может вырастить любые инструменты. Капитан вошел в шлюз. Отметив, что воздух в трюме по-прежнему пригоден для дыхания, человек открыл внутренний люк и шагнул через порог.

Оказавшись внутри, Блайт застыл, удивленно разинув рот. Дальняя стена трюма вместе с частью боковой просто исчезла.

Похоже, материал стен каким-то образом преобразовался в органические на вид колонны и балки. С того места, где стоял капитан, просматривалось все помещение до самого У-пространственного двигателя. Кроме того, отовсюду, как грибы-дождевики, выпирали комья аппаратуры, связанные серебристым мицелием оптоволоконных кабелей. Пенни Роял находился там же, где Блайт видел его в последний раз. Но теперь он лежал прямо на полу таким обыкновенным морским ежом — если, конечно, данные существа способны достигать десяти футов в диаметре.

— Что ты сделал с моим чертовым кораблем! — взревел Блайт. И тут же, вспомнив, на кого он орет, а также то, что сам он собирается покинуть судно при первой же возможности, почувствовал себя глупо. — Что ты сделал?

Несколько колючек дернулось, но иного ответа не последовало. Капитан шагнул ближе к «ежу», но вдруг ощутил всю свою уязвимость — и отступил, содрогнувшись, к одному из торчащих низко у стены «грибов». Ком оказался твердым, в глубине его, в крохотных гнездах, мерцали огоньки. Обнаружились там и пустые сквозные отверстия для сложнейшей компактной техники. Повернувшись, Блайт уселся на «гриб».

— Я хочу, чтобы ты оставил мой экипаж в покое, — сказал он.

И снова дернулись шипы; потом из-под ИИ вылезло серебристое щупальце, поднялось и затвердело двухфутовым копьем. Конец копья под самым острием вздулся маленьким шаром; шар разомкнул веки, явив голубой человеческий глаз. Похоже, присутствие Блайта признали.

— Не тронь мой экипаж, — повторил капитан.

— Избыток, — произнес Пенни Роял. — Восьмерку нужно контролировать.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Предыдущее затруднение. Улажено.

Глазной стебелек резко втянулся, и Блайт понял, что иного ответа не получит. Подождав немного на всякий случай, он встал и вышел из трюма — как раз вовремя, чтобы услышать крик Мартины: «О нет! Нет!» Вскоре она промчалась мимо него — завернутая в простыню с капитанской кровати, задержавшись только, чтобы

скользнуть по Блайту ошеломленным взглядом. Он помедлил, развернулся и направился к медотсеку. Грир лежала с открытыми глазами, все еще одурманенная, но, несомненно, удивленная своим местонахождением.

— Все еще хочешь стать красивой? — спросил Блайт.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы вникнуть в смысл его слов, затем последовало возмущенное:

— Я красивая!

Капитан распустил сдерживавшие женщину ремни и отправился в рубку к Брондогогану. Тот раздраженно поджал губы:

— Я видел, Икбал прекратил чесаться. А я теперь различаю, где реальность, а где галлюцинации.

— Все равно что делить корабль с торнадо, — пробормотал Блайт, усаживаясь в одно из кресел. — Не думаю, что он собирается навредить нам, но — просто нечаянно — способен разорвать нас в клочья.

— Психический вихрь, — заметил Бронд.

— Точно.

На следующий день Хабер вернулась к Чонту, а чуть погодя Блайт узнал, в чем состояла их проблема. Они всегда были близки — близость их практически граничила с телепатией. А после визита в двигательный отсек они обнаружили, что на самом деле чувствуют эмоции друг друга — и слышат не только связные мысли, но и их фон. Ощущения оказались слишком сильными, даже пугающими. Мартина некоторое время не разговаривала с капитаном, но когда он настоял на встрече, неохотно признала, что он вырубил ее — и только.

Наконец У-пространственный двигатель отключился — корабль прибыл к месту назначения. Блайт как раз находился в рубке вместе с Мартиной и Грир. Три человека молча переглянулись. В случае остановки они планировали покинуть корабль, но в процессе путешествия что-то изменилось — и люди бездействовали.

— Мы возле планеты Е-6 Зеленого пояса, — доложил Левен. — Пенни Роял наводит корабельные сканеры на все орбитальные объекты.

— Он что-то ищет, — предположила Мартина.

— Ясен пень, — откликнулась Грир.

— Можешь дать изображение? — спросил Блайт.

И тут же ощутил толчок: реактивные двигатели развернули корабль к молочно-желтому шару.

— Ты контролируешь ускорители?

— Похоже, я не могу сделать ничего, что мне хочется, пока мне хочется того, чего не хочется Пенни Роялу, — ответил Левен. И после паузы добавил: — Он что-то нашел.

— Покажи, — приказал Блайт.

Появившаяся рамка легла на бок планеты, изображение увеличилось, но никто ничего особенного не заметил. Блайт уже хотел поинтересоваться, в чем дело, когда Левен заговорил:

— Не знаю, что он нашел. Какие-то странные низкоуровневые У-пространственные характеристики. Пенни Роял только что послал туда кодированный импульс. — Еще одна пауза. — А, хамелеонка.

На глазах Блайта выделенный пятачок пространства замерцал, и от него что-то *отогнулось* — как будто завертелся дикий, полуорганический волчок в сотню футов диаметром. Через секунду капитан заметил, что обод этой штуки являет собой токамак старого образца — тороидальную установку для магнитного удержания плазмы, из тех, что Государство использовало для зарядки орбитального оружия.

— Какая-то биобаллистическая пушка? — предположила Мартина.

На взгляд Блайта, на пушку это мало походило.

— Оно сейчас включается, У-характеристики стабилизируются.

Фокус сместился, и Левен подсветил красным направленную в сторону планеты трубу — ось вращения волчка.

— Какое-то аномальное ионизирующее поле питает токамак, черпая энергию из атмосферы, — заметил Левен и тут же добавил: — Продукт реакции транслируется в У-пространство.

— Куда? — переспросил Блайт.

— Не могу сказать — энергия просто уходит.

Объект снова приблизился — крапчатый от огоньков, похожих на паучи глаза, окутанный энергетической дымкой. Миг — и он снова свернулся, будто исчезнув вовсе.

— Очередное включение «хамелеонки», — без нужды пояснил корабельный разум.

Блайт вглядывался в опустевшую рамку. Изображение только что виденной машины накрепко засело в памяти. Пенни Роял активировал ее — или, скорее, восстановил и реактивировал, и агрегат теперь производит массу энергии. Капитан не понимал, что именно происходит, но ему это определенно не нравилось. Даже когда окошко закрылось, он продолжал чувствовать, что токамак там — кружится, качает атмосферу, вливает производимую энергию во что-то.

— Пенни Роял только что начал сканировать поверхность, — сообщил Левен.

Есть ли связь между той машиной и объектом на поверхности? Блайт был уверен, что нет, что, едва активировав токамак, черный ИИ сосредоточился на других заботах.

Потом заработал термоядерный двигатель — шар планеты стал быстро увеличиваться. Когда в рубке появились все члены экипажа, напряжение немного отпустило Блайта — никто из людей не выказывал намерения мчаться к шаттлу. Хабер спросила, что происходит, и Мартина объяснила, показав заодно сделанную только что видеозапись. Разгорелась дискуссия, но к какому-либо выводу никто не пришел. В итоге Хабер с Чонтом ушли, а Бронд и Икбал расположились в двух свободных креслах.

Еще час Пенни Роял корректировал курс, и Блайт понял, что ИИ намерен просканировать всю планету.

— Есть идеи, что он ищет теперь?

— Первоначальное сканирование было направлено на орбитальные объекты, — доложил Левен. — Сейчас осмотр сфокусирован в основном на недавних столкновениях с поверхностью.

— Значит, что-то крутилось здесь на орбите, и теперь Пенни Роял проверяет, не рухнуло ли оно на планету? — предположил

Блайт.

— Возможно.

Бесконечное ожидание утомляло, часы тянулись — экипаж успел покинуть рубку и вернуться в нее. Сам Блайт вздремнул пару часов, заглянул проверить, как идут дела, и отправился перекусить. Он уже доедал, когда Бронд объявил по интеркому:

— Планетарное сканирование завершено — теперь он знакомится с системой в целом.

Блайт сунул поднос обратно в синтезатор, не спеша двинулся в рубку — и оказался там последним, все остальные уже прибыли.

— Замечен корабль, — сказал Левен. — Курс на выход из системы, идет на термояде и силовых полях. Рискну предположить, что он максимально сэкономил топливо для долгого путешествия без У-пространственного движка.

— Чужие, наверное, — предположил Чонт.

— Вряд ли, — ответил Левен. — Это «Залив мурены» Изабель Сатоми.

Изабель

Трент вывел из строя большинство камер в рубке, но знал он не обо всех и не позаботился разыскать скрытые. Он все еще пытался перехватить контроль над корабельными системами и, вероятно, считал, что у него получается. Но парень чего-то добился только потому, что она позволила, к тому же Изабель могла в любой момент вернуть управление себе. Сейчас, удостоверившись, что Трент не сотворит ничего неожиданного, она переключилась на текущие задачи.

Клей держал крепко. Его нановолокна проникли в панцирь так глубоко, что ни пульсар, прикрепленный к бывшему правому плечу, ни протонная пушка, сидящая на левом, не отвалятся ни за что — только если вместе с панцирем. Изабель вскинула оружие, отрабатывая стиль движений капюшонника: одновременно слегка запрокидывалась голова. Из того, что она знала об анатомии капюшонников, можно было сделать вывод, что вертикальные ряды расположенных на лице глаз обычно участвуют в тщательном препарировании добычи. Кроме того, она обнаружила, что эти глаза, как ни странно, на большом расстоянии видят лучше человеческих. На задней стороне капюшона появились инфракрасные сенсоры — собственно, когда она опустится и побежит, они окажутся на макушке. Можно было бы предположить, что так легче почуять далекую жертву, но существо, которым она стала, выпускало великое множество сенсоров — едва ли столько выросло бы в естественных условиях. И это, конечно, было правильно.

Понимая, во что она превращается, Изабель загрузила в память всю информацию о капюшонниках, какую только сумела найти. Исследователи — опиравшиеся в основном на свидетельские показания — утверждали, что капюшонники являются потомками биомеханических боевых машин, созданных одной из трех предположительно вымерших рас Чужих.

С оружием на изготовку Изабель подключилась к системе наводки и разместила сетку прицела в верхней паре своих новых глаз. Если она поворачивала капюшон — поворачивалось и оружие. Что ж, с имеющимися в ее распоряжении ресурсами она сделала, что смогла. И все же оружие нуждалось в пристрелке — желательно, на открытом

пространстве. Изабель установила соединение с одной из камер арсенала, подняла лицо и уставилась на себя.

Человеческие руки и ноги исчезли, а то, что пока оставалось, быстро поглощалось растущим телом и заменялось твердым панцирем. Конечности она съела — точно так же, как съела Габриэля. Единственное отличие состояло в том, что свои кости она сгрызла, а кости Габриэля хорошо обглоданной грудой лежали в сторонке. Многократное ламинирование и прочие средства укрепления сделали их неудобоваримыми даже для капюшонника. А еще Изабель проглотила содержимое двух коробок с углеродным волокном — резкий скачок роста породил жуткий голод. Теперь в ней от кончика хвоста до верхушки капюшона было ровно десять футов. Туловище отчетливо сегментировалось, из каждой части торчали отростки — тело капюшонника напоминало сейчас хребет какого-нибудь земного позвоночного. От человеческого лица не осталось вообще ничего.

Внутри капюшона расположились два ряда глаз — шесть пар, а на конце гребня, рассекающего по центру ее «лицо», сплелись суставчатые отростки, оканчивающиеся крючковатыми зазубренными «лопаточками». Изабель уже осознала их невероятную чувствительность — они прощупывали даже те изъяны гладкого металла, которые не ощутит человеческая ладонь. По обе стороны лицевого выступа, ограниченные рядами глаз, пробивались глянцевые трубочки. Изабель только начала учиться шевелить ими — пока получалось лишь бессмысленно помахивать из стороны в сторону. Но она догадывалась, что позже отрастут телескопические секции с зубастыми торцами, способными разрывать плоть. Эти органы будут поглощать белую жировую ткань и биологические жидкости — а кошмарный округлившийся рот внизу гребня предназначен для кусков покрупнее.

Суставчатые «конечности» оканчивались гладкими серпами. Такие же с самого начала росли из ее лица. Они всегда оставались бритвенно острыми, внутренние поверхности постоянно шелушились, обнажая смертоносные лезвия — так точит свои когти кошка. За ними расположился клубок органики — тот самый пузырь, что раздулся, заполняя брешь между лицом и капюшоном. Все вместе напоминало потроха, затвердевшие в месте соединения с капюшоном. Последним венчающим картину приобретением стали черные щупальца. Они «всходили» вроде бы случайным образом, а одно отрастило клешни. Изабель знала, что позже кое-где появятся

чувствительные тонкие манипуляторы, похожие на манипуляторы автодока.

Столькими придатками для воздействия на окружающую среду, сколькими обладает она, не может похвастаться ни один человек. Она способна управлять своим кораблем, может с относительной легкостью пользоваться предназначенными для людей приборами и пультами. Любую вещь она может разобрать по косточкам — во всех смыслах — без всякого вспомогательного оборудования. Изабель убедилась в этом, прилаживая оружие к основанию своего капюшона. Оставались только одна–две проблемы. Со временем придется как–то расширять внутренние помещения корабля, поскольку ей предстоит вырасти до больших размеров. И еще: при ведении дел определенно понадобятся агенты–люди. Вот почему она решила пока обходиться синтезированными протеинами, и вот почему она — пока — не убьет и не съест Трента. Изабель решила, что пора рискнуть и выбраться из кладовки.

Она повернулась к двери, мысленным приказом отперла замок — а заодно вывела из строя недавно поставленную Трентом сигнализацию. Дверь она открыла верхней насекомьей ножкой — первой в тянущемся вдоль всего тела длинном ряду. Выбравшись в коридор, Изабель убедилась, что натканные Трентом камеры — которые, по его предположениям, он контролировал — его не оповестили. На экранах рубки по–прежнему демонстрировался пустой коридор. И все же Изабель остановилась. Несмотря на всю аккуратность, она производила немало шума. Трент услышит этот скрежет задолго до того, как она доберется до двери в рубку, так что придется активировать грависбрую. Ремни напряглись, отрывая немалый вес от устланного гравипластинами пола, и Изабель двинулась вперед, лишь слегка отталкиваясь от поверхности кончиками ножек.

Однако, несмотря на все предосторожности, у самой рубки, пытаясь прервать инерцию движения, она не убереглась от громкого стука. Впрочем, бросив взгляд на камеры, Изабель убедилась, что Трент ничего не заметил. Он был полностью поглощен данными, идущими с внешних корабельных сенсоров. Изабель тоже были видны кусочки изображения на переднем щитостеклянном экране. Она уже собиралась войти, но вдруг ее точно ударило: там, снаружи, корабль!

Задействовав хайманский «форс», она нырнула в поток данных. Чужой корабль только что выпал из У-пространства возле ближайшей планеты. На Погосте подобные модели звездолетов не редкость, но какой это конкретно корабль, Изабель определить не могла. Какое-то время он, вероятно, сканировал территорию, потом на миг погрузился в У-пространство — чтобы появиться здесь. Секундная радость Изабель при виде незнакомого корабля разом улетучилась. Едва ли это случайный путешественник, у которого имело смысл попросить помощи, — этот звездолет, похоже, специально прибыл сюда на поиски чего-то, и этим «чем-то» вполне могла быть она. Возможно, это враг. Теперь ей нужно полностью контролировать ситуацию.

Изабель рванулась сквозь дверь, не озаботившись даже открыть ее. Трент обернулся — и вскочил, бледный от ужаса, нащупывая пистолет. Но она оказалась рядом в мгновение ока и выбила оружие из руки мужчины одной из передних конечностей — с такой силой, что человеческое запястье с хрустом сломалось. Изабель сбила бывшего помощника с ног, отбросила его назад, отключила сбрую — и обрушилась на Трента всем своим весом, пригвоздив его к пульта. Он извивался, вопил — а она застыла, борясь теперь с собой: с мучительно острым желанием немедленно начать *кормиться*. Нужно было сказать человеку, что она не собирается его убивать, успокоить его, но из главного рта вырывалось лишь скрежещащее шипение. Составляя план, она упустила этот аспект.

Пока Трент продолжал барахтаться, раззадоривая ту ее часть, что хотела рвать и жрать мясо, ее более разумная половина связалась с корабельным интеркомом. Только тогда Изабель сползла с мужчины и отступила к двери. Трент, оттолкнувшись от пульта, бросил взгляд на валяющийся на полу возле «хозяйки» пистолет — и попятился к дальней стене, озираясь в поисках чего-нибудь, что сошло бы за оружие. Ничего не найдя, утратив надежду, он наивно застыл в боевой стойке.

А Изабель торопливо рылась в записях собственного голоса — из тех времен, когда она еще была человеком, — и скармливала их речевой программе, пытаясь состыковать ее со своим мыслительным процессом. Однако, поняв, что это займет по крайней мере несколько минут, она выбрала ровно пять слов. И связала их:

— Я... не... причину... тебе... вред, — раздался из интеркома ее

прежний голос.

— Скажи это Габриэлю, — выплюнул в ответ Трент.

Продолжая работать с программой, она извлекла еще пару слов:

— Тогда... нет... тормоз.

В запасах собственных речей Изабель не могла найти то, что требовалось. Ни разу, никогда, она не употребляла слов «само» и «контроль» вместе. Однако связь постепенно налаживалась, и она отыскивала по крайней мере второе:

— Нет... мой... контроль.

— В тебе осталось хоть что-то от Изабель? Ты даже говорить разучилась.

Так и не расслабившись, он потихоньку перемещался в ее сторону. Изабель точно знала ход его мыслей. Он считал, что его единственный шанс — снова завладеть оружием. Что ж, Трент, очевидно, не ознакомился с доступной информацией о капюшонниках, иначе он бы знал, что ей не может навредить оружие слабее протонной пушки. Парень начинал ее раздражать. Пускай она превращается в капюшонника — его она может превратить в дымящуюся кляксу одним только выстрелом из притороченного к панцирю оружия. Продолжая сражаться с языковой программой, она дернула одной из нижних конечностей, пренебрежительно отправив пистолет прямо к хозяину.

— Ну... убей... меня.

Дурачина не медлил. Он бросился вперед, покатился кувырком, схватил левой рукой пульсар и вскочил на ноги. Подавив желание кинуться на него, Изабель отвернулась. Даже если она практически неуязвима, ей не слишком охота потерять хоть один глаз или какой-нибудь полезный манипулятор — жди потом, когда они вырастут заново.

Очередь из пульсара прошла туловище снизу вверх. Изабель ощутила легкие толчки и быстро улетучившееся тепло. Изнанка капюшона, которую продолжал сверлить пульсар, нагрелась сильнее, потом стало совсем горячо, и тело омыла волна жара. В сущности, это было даже приятно. Раздался короткий гудок: пистолет сообщал хозяину, что заряда осталось лишь на несколько выстрелов. Изабель дождалась, когда Трент опустошит магазин, и отвернулась, не желая

смотреть, как он пытается перезарядить оружие — торопливо и неуклюже из-за сломанной руки. В итоге он уронил на пол и пустые, и полные обоймы с энергией и сжатым азотом. Трент задыхался, он даже не попытался подобрать упавшее. Изабель опять замерла. Его уязвимость оказалась такой *соблазнительной*. Но наваждение разрушилось, когда Трент, задрав ствол, поскреб им по своей проклятой серьге. Вот тут она разозлилась. Сейчас эта серьга раздражала ее — как напоминание. Фиолетовый сапфир был точно такого же цвета, как ее человеческие глаза — когда они у нее еще были.

— Ты закончил? — поинтересовалась Изабель. Синтезирующая голос программа наконец установилась. — Может, хочешь еще немного попинаться, или чему там тебя учили?

Он стоял, глядя на нее, а Изабель в это время пыталась отвлечься, размышляя, как бы половчее приклеить переносной голосовой синтезатор к панцирю.

— Закончил. — Трент с трудом засунул оружие в кобуру и принялся нянчить больную руку.

— Тогда ступай в медотсек, наложи шину, — велела Изабель. — По крайней мере автодока Спир нам оставил.

Она отодвинулась от двери и попыталась застыть неподвижно, хотя своевольные лицевые манипуляторы продолжали жадно тянуться к добыче. Помедлив, мужчина шагнул вперед, наклонился, подобрал обоймы — и вышел в коридор. На лице его читалась осторожность — но отвращения, как ни странно, не наблюдалось. А Габриэль, скорее всего, не смог бы сохранять невозмутимость. Он был ксенофобом — и ненавидел бы ее так же, как раньше ненавидел прадоров и людей — «моллюсков». Возможно, именно поэтому Изабель с ним и не церемонилась. Однако следует признать, что реакция Габриэля на нее была более *естественной*.

Она решила, что противоперегрузочное кресло возле пульта будет мешать, и, опустив капюшон, подвинула его. Кресло сорвалось с креплений и врезалось в стену рубки, а Изабель нависла над панелью управления, изучая изображение чужого корабля на слоистом экране. Запоздало сообразив, она закрыла бронеставни — хотя переднее щитостекло толщиной в десять дюймов, залп из энергетического оружия способен причинить вред даже ей. А чужой

корабль меж тем включил реактивные двигатели, подходя ближе, и Изабель направила не него луч коммуникатора.

— Привет, — послала она сообщение, — рада, что тут кто-то объявился — иначе нам предстояло бы очень долгое путешествие.

Она благоразумно решила не транслировать свое нынешнее изображение.

Ответа не последовало, но Изабель понимала, что ее корабль сейчас непрерывно сканируют. Сенсорами она следила за чужим звездолетом, но единственный рельсотрон пока не активировала. Да в этом и не было нужды — она могла запустить пушку, прицелиться и выстрелить за считанные миллисекунды. Во всяком случае, ни один из врагов, способных искать ее тут, не стал бы тратить время на злорадство, а сразу открыл бы огонь. Или предпочел бы взойти на борт и разобраться с противницей лично. Сама она поступила бы именно так. Странно, однако, что сидящие в другом корабле — враги они или нет — упорно молчат.

Трент...

Она и забыла о нем. А тот тем временем только что открыл шлюз, ведущий к маленькому аварийному шаттлу. Несомненно, он надеялся добраться до чужого корабля, считая, что там его шансы на выживание возрастут. Изабель проследила, как он затаскивает свои шмотки в шлюз, — и закрыла за ним дверь. Обе двери.

— Трент, — сказала она, — я позволила тебе выстрелить — один раз, только чтобы продемонстрировать всю тщетность попыток меня убить. Теперь я разрешила тебе попробовать бежать — из тех же соображений. — Конечно, она солгала. Если бы он додумался вывести из строя датчики шлюза, то скрылся бы раньше, чем она заметила. — Еще одно подобное проявление глупости — и я разорву наше соглашение. Посиди, подумай, как это будет.

Она и сама не прочь вообразить, как это было бы *восхитительно*.

Он хотел что-то сказать, но Изабель отключила микрофон. С Трентом она разберется позже. Вернувшись к картинке на экране, она заморгала рядами глаз, уверенная, что, пока она ненадолго отвлеклась, тут промелькнула какая-то тень. Мысленно она вновь прокрутила несколько последних секунд. Вот она, тень — на миг сгустилась у внешнего выхода чужого корабля, рванулась в сторону

«Залива мурены» — и исчезла из поля зрения.

Изабель проверила информацию с датчика, но, как ни странно, ничего не обнаружила. Ее сенсоры должны были засечь эту движущуюся тьму, как засекла камера. Выходит, ее сенсоры осрамились, а значит, либо кто-то взломал корабельные системы, либо кто-то или что-то воспользовался изощренной маскировкой. Она немедленно сконцентрировала внимание на всех выходах в открытый космос, одновременно активировав лазеры и загрузив в них программу зачистки — теперь орудия располагались так, чтобы наверняка поразить любой объект размером с человека и крупнее, который появится возле корпуса звездолета.

— Ай, — произнес голос в ее голове, и все лазеры отключились.

Короткое, глупое междометие — но Изабель отчего-то охватил ужас. Она не могла даже отследить, откуда пришел звук или каким образом отменилась ее команда, поданная лазерам. Получается, их действительно взломали — нечто проникло и в корабельную компьютерную сеть, и в ее хайманскую суперсистему.

— Торвальд Спир, — задумчиво произнес голос.

«Залив мурены» дернулся и содрогнулся, словно какой-нибудь великан схватил корабль и потряс, чтобы проверить, что там гремит внутри. Потом корпус истошно завизжал — будто под тысячью скребущих когтистых лап. А затем Изабель увидела предупреждающий значок, сигнализирующий о том, что сервисный люк двигательного отсека открыт.

Изабель резко развернулась — и замерла. Она узнала этот тихий, лишенный эмоций голос, звучавший в ее голове. Борясь со страхом, она все же вышла из рубки. Она шагала по центральному коридору, и движение все больше и больше растормаживало ее другую часть. Ужас исчез, вытесненный гневом и нездоровым возбуждением в преддверии охоты. Наконец она добралась до закрытого сейчас шлюза двигательного отсека — и снова замешкалась. Сможет ли она вообще втиснуться в рассчитанный на человека тамбур? Сможет, конечно, — шлюз мог вместить двух, а в критических обстоятельствах даже трех человек. А как насчет воздуха? Если сервисный вход открыт, то в двигательном отсеке царит вакуум. Но капюшонники явились из мира с очень разреженной атмосферой, и хотя они все же умирают без воздуха, они способны долгое время

обходиться без него. Что же ей делать? Это же *Пенни Роял*...

Ругаясь про себя, она открыла внешний створ и протиснулась внутрь — чтобы обнаружить, что вентиляция отказала: система понимала, что кто-то находится в тамбуре, но не получала никаких данных с активированного скафандра, поскольку скафандра на вошедшей не было. Когда не обновляющийся воздух был полностью откачан, Изабель почувствовала, как разбросанные по ее телу сфинктеры сжимаются и глаза затягиваются какой-то прозрачной пленкой. Она открыла внутренний люк и вошла, напряженная, как пружина, — физически и ментально.

Хвостовой отсек, заставленный топливными баками и прочим оборудованием для работы с термоядерным двигателем, был цилиндрической формы. Стены оплела паутина труб, тянущихся к двигателям малой тяги по всему кораблю. Рядом примостился ядерный реактор, напоминающий огромную железную хоккейную шайбу, угодившую в сеть трубопроводов. Наверху маячила сфера, в которой содержался корабельный разум, мозг вторинца, а посередине торчал У-пространственный двигатель. Он походил на гигантскую винную бутылку из полированного алюминия с матово-черными охлаждающими ребрами, доходящими до стен, и с выступающими с четырех сторон электромагнитными проекторами. Движок частично скрывался под шевелящейся черно-серебристой массой.

— Привет, Изабель, — раздалось у нее в мозгу.

Бывшей женщине невыносимо захотелось ринуться в атаку, она даже рванулась вперед, и все же ей удалось кое-как овладеть собой — человеческая сущность понимала, насколько самоубийственен подобный порыв. Она прицелилась, но выстрелить не смогла. Да, импульс протонной пушки, *вероятно*, поразил бы черный ИИ, но при этом он *наверняка* испортил бы У-пространственный двигатель, а это тоже самоубийство. Пускай движок бездействовал с тех пор, как Спир сбил настройку контуров Калаби-Яу но витые пространственные узлы никуда не делись — и если они развяжутся, то раскурочат здесь все, включая и ее, Изабель.

— Чего тебе надо? — выдавила она.

— Регулировка и перемена курса, — ответил ИИ и неожиданно отделился от двигателя, превращаясь на лету в косяк черных остробоких рыб. В мгновение ока стайка пересекла отсек и,

колеблясь, застыла прямо перед Изабель. В ее теле все оцепенело — ни инстинктивных, ни рассудочных реакций не последовало. Она чувствовала, как ее изучают, лезут так глубоко, что ничего не спрячешь. Возможно, именно это ощущают верующие?

— Каково это — рвать их в клочья? — поинтересовался Пенни Роял.

— Будь ты проклят, — рывкнула Изабель и, больше не рассуждая, спустила оба курка.

Ружья не выстрелили, но само действие что-то переключило внутри нее. Вся злость на Спира, Пенни Рояла и вообще любого, вставшего у нее на пути, выплеснулась кипящей лавой. В бездонном колодце души взвыло, поднимаясь, чувство потери всего человеческого. В панике заметалось осознание того, что с ней сделали, видение того, чем она стала. Жаркая волна прокатилась по телу, от капюшона до кончика хвоста, Изабель свернулась клубком и рухнула на пол, извиваясь как червь, будто пытаясь не дать себе разорваться на куски. А потом на нее обрушился черный кинжальный вал.

«Опять?» — спросила какая-то часть ее существа.

«Теперь я знаю исходную форму», — ответил Пенни Роял.

Видения чужой гибели преследовали ее и во тьме, охраняемые чем-то белым, чистым и смертельно опасным.

Сознание вернулось к Изабель под вопли из интеркома: Трент умолял выпустить его, томящегося в запертом шлюзе уже шесть часов. А ведь она не должна его слышать, подумала Изабель и тут же увидела, что сервисная дверь двигательного отсека закрыта и запас воздуха восстановлен. Она молча выпустила помощника, мысленно проверяя и перепроверяя диагностические тесты У-пространственного двигателя. Он вновь был полностью функционален. Возможно, Пенни Роял явился в эту систему, чтобы найти собственный истребитель, или, быть может, он искал что-то на борту того корабля. Зачем он прервал свои занятия и починил ей движок, Изабель не могла даже представить. Не имела она понятия и о том, что он сделал с ней — по панцирю отчего-то расплзались серые пятна, а глаза из красных стали оранжевыми. Она осознавала только глубокое, безысходное горе, оставленное ей Пенни Роялом, горе, вполне соответствующее всем его подаркам.

Спир

Что касается информации о Пенни Рояле, голем оказался пустышкой. Поэтому я вернулся к изучению пиритового хранилища в аммоните, окаменелости, которую принес на борт. Тем временем Флейт отводил нас подальше от солнца для охлаждения — и вновь возвращался к производству снарядов для рельсотрона. Иногда я наблюдал за процессом, но чаще вообще не обращал внимания на действия мозга вторинца. Только однажды я приостановил работу, чтобы посмотреть, как Флейт добывает урановую смолку из пылевой завесы, опоясывающей звезду-сверхгигант по орбите, сравнимой с орбитой Урана. Выяснилось, что я совершенно не понимаю, что происходит, — и оказалось, что незнакомство с процессом возбуждает любопытство. Тогда я решил расспросить Флейта.

— Я втягиваю пыль в корабль с помощью магнитного поля, генерируемого коллекторами Бассарда, — пояснил он.

— А дальше?

— Просеиваю пыль, очищая от основных примесей, и остаток смешиваю с водой, насыщенной энзимами-биокатализаторами. Потом парамагнетиками извлекаю уран-238.

— Энзимы? Как ты их делаешь?

— На корабле имеется запас — как раз для таких целей.

Ну конечно: этот корабль создавался способным пополнять собственный арсенал, так что вполне естественно, что на складе нашлись нужные энзимы. А значит, на борту отыщется и другое нужное оборудование.

— А что дальше?

— Плавлю уран и форму слитки, которые использую для постройки разделительной решетки в камере быстрого обогащения нейтронов, смежной с термоядерным реактором. Здесь он преобразуется в плутоний-239, — ответил Флейт. — Одновременно я работаю над механизмом бомбы в корабельном сборочном отсеке. Он будет состоять из металлизированного водорода, тетрагонального короба силового поля и одного пятнадцатикилотонного ПЗУ. Ожидаемая мощность взрыва — двести тридцать мегатонн в

тротиловом эквиваленте.

Я не знал, какова масса планетоида Пенни Рояла, но если удастся забросить это устройство в один из входов в туннели, то уверен — если, конечно, сам планетоид не разлетится вдребезги, — Пенни Роял покинет свои катакомбы через другие выходы в виде пара.

— Молодец, продолжай, сказал я, возвращаясь к своим делам.

Когда я сканировал пиритовые кристаллы аммонита на борту «Залива мурены», несколько вещей привлекли мое особое внимание. Однако тогда мне попросту не хотелось пристально изучать их. Теперь же, когда я ничего не мог сделать, чтобы ускорить прибытие на планетоид, в котором живет Пенни Роял, нашлось и время, и желание. Обнаруженное поразило меня: аммонит содержит человеческий разум.

Дальнейшее исследование показало, что это отделенная версия сознания, каким бы оно *могло бы* быть, находясь в чьем-либо черепе. Был ли то разум реальной личности, копия разума реальной личности или копия, созданная ИИ, — вопрос спорный. Подав на кристаллы немного энергии, я обнаружил, что разум активировался. Он мыслил и даже определенным образом действовал — поскольку спустя какое-то время переключился на совершенно иную квантовую схему. Потом — для меня прошел час, для него, при его скорости, — около шести, вернулся к первоначальному состоянию. Я был озадачен, не понимая цели всего этого: дальнейшее наблюдение показало, что, переключаясь со схемы на схему, кристалл не сохраняет в памяти того, что было раньше. Он думает и действует, застряв в бесконечной петле этих мыслей и действий.

Я попытался воздействовать на петлю, закачивая случайную информацию. Эффект определенно был — но, опять-таки, после переключения разум потерял все «воспоминания» о предыдущем цикле. В процессе эксперимента я начал замечать, как влияют на разум иные процессы, внешние по отношению к его мыслительным схемам. Была же реакция на мой ввод — действия (какими бы они ни были) зациклившегося субъекта изменились. Чтобы предсказать результат, мне пришлось провести расчеты в гильбертовом пространстве^[10], задействовав все возможности собственного уникального «форса». А потом до меня дошло... если можно так выразиться.

То, что я видел, было «демонтированным» человеческим разумом, без того багажа, что несем мы все, но со способностью действовать как человеческое существо. Он жил в виртуальной петле. Передо мной был разум, запертый в искусственной реальности, вечно выполняющий одни и те же задачи. Мне, внешнему наблюдателю, видно было, что одна квантовая схема активируется следом за другой. Однако дальнейший анализ показал, что для внутреннего разума они действуют совместно — очевидно, таким странным образом текло время в кристалле. Разум взаимодействовал сам с собой. Похоже, настала пора разобраться, что именно он делает. Нужно было взглянуть поближе.

Пробиться в эту схему оказалось непростым делом даже для «форса». Подсоединиться полностью и разобраться, что же я вижу, не получалось, поскольку требовалось как минимум отождествить нечто знакомое, чтобы перекинуть остальное программе. Я начал с попытки интерпретировать все лежащее вне разума (или разумов): масштабы, размеры, материал. В конце концов, после часов работы, я почувствовал, что что-то нарыл, — и запустил данные в голограммный проектор. Возникла какая-то фигура, мерцающая, быстро меняющаяся, заполняющая проекционный цилиндр. Наиболее неправдоподобную информацию программа отбраковывала, мигание изображения замедлялось, проекция сконцентрировалась на участке размером с футбольный мяч — и наконец что-то проявилось. Но мне потребовалось еще несколько секунд, чтобы осознать, что смотрю я на древние железные клещи, концы которых светятся. Дальнейшее транслирование виртуальности проблем не представляло — и вскоре я готов был заглянуть внутрь. Что и сделал.

Жертва со скованными руками висела на цепи и, вероятно, мучительно стонала. Аудиоканал отсутствовал, и я ничего не слышал. Однако ожоги и кровь на теле виднелись отчетливо. У жаровни, раскаляя клещи и кочергу, стоял палач. Присмотревшись, я заметил лежащие на полу под телом пытаемого мелкие предметы — и опознал их как пальцы рук и ног. Сцена была тошнотворной, но весьма прозаической — стандартная модель, которую можно найти в любой фэнтезийной или исторической виртуальной игре. Палач отступил от жаровни и поднял раскаленную добела кочергу. Я понял, что петля завершается. И, когда мучитель шагнул жертве за спину, догадался, каким именно будет конец. Мне потребовалась еще секунда, чтобы убедиться, что кровь и ожоги на лице пытаемого —

единственное, что отличает его от палача. Тогда я перекрыл канал информации и поспешно отключил подвод энергии к этому кругу ада.

Здесь существовал некто, постоянно переживающий роли палача и жертвы — но ничего не помнящий. Какой в этом смысл? Глядя на аммонит, я осознал, что он являет собой очередной абсурдный обломок, оставленный Пенни Роялом. Может, это была игрушка ИИ, может, опытный экземпляр. Или, может, что-то ненужное — клочок виртуальности, выброшенный дизайнером из программы. Обрывок, валяющийся на полу монтажной? Но именно он более всего остального заставил меня понять, за каким бездушным, жестоким существом я охочусь.

— Флейт, — окликнул я. — Наши дела здесь закончены?

— У нас есть все, что нужно, — ответил разум.

— Тогда доставь нас сюда. — Я переслал ему плавающие координаты, вытащенные из псевдоокаменелости. — В путь — немедленно.

Больше никаких задержек — пора поджарить черный ИИ.

Глава 10

Спир

В тот момент, когда корабль вышел из У-пространства, я сидел за сканером, ловя изображение далекого планетоида. Кстати, по очевидным причинам я решил переименовать мое судно в «Копье». Этот планетоид не был каким-то особенным — всего лишь один из множества темных межзвездных скитальцев. Но я чувствовал себя так, словно стою у врат Мордора и гляжу на башню Барад-дур. И, естественно, мне казалось, что я уже бывал здесь раньше. Однако непосредственно на экранах рубки планетоид пока не было видно; экраны демонстрировали лишь просторы открытого космоса и драгоценные искры далеких звезд.

Все корабельные сенсоры сканировали всё, что только можно просканировать, — и во всех спектрах. Вдобавок я запустил программы распознавания, так что любые данные, входящие в память системного модуля обеспечения надежности, проверялись на возможные опасности, прежде чем отправиться на анализ. Я кое-что слышал об этом месте — например, как корабельные разумы принимали здесь какой-то сигнал — и сходили с ума. Рассказывали истории о людях и прадорах, которые бросались убивать друг друга, просто уловив какой-то проблеск на экране или услышав что-то по спикеру. Все рассказы могли быть недостоверными, как и многое, касающееся Пенни Рояла. Но, имея представление о способностях ИИ, я ничего не собирался сбрасывать со счетов.

Сперва было пусто; потом датчики уловили какой-то разговор. После проверок и фильтраций я опознал радио скафандра. Переговоры оказались закодированными, но шифр легко поддавался взлому — в сущности, использовался всего лишь старый военный код. Флейт расщелкал его за пару минут, и я услышал первые слова:

— Выходим! У нас гости! — сказала какая-то женщина.

— Кто это крутится в пространстве рядом с астероидом? — спросил я Флейта.

Корабельный разум высветил на экране маленькую красную рамку слева от меня и увеличил часть планетоида. Флейт теперь использовал такие окошки, не знаю уж почему. Оставалось только надеяться, что переход от оптического прицела к рамкам означает, что разум моего корабля больше не мыслит как прадор. На картинку

легла сетка, клетки замигали, и передо мной один за другим поплыли укрупненные изображения объектов, сопровождающих астероид в его мрачном путешествии. Сперва появился прадорский внутрисистемный камикадзе — гигантский термоядерный двигатель, переброшенный на скорую руку в шар, содержащий разум и разрушительное ПЗУ. В шаре зияла дыра, обнажающая внутреннюю пустоту, — он напоминал взломанный панцирь моллюска, из которого хищник извлек мясо. Согласно показаниям сканера, штука эта была абсолютно мертва. Затем я увидел разработанный Государством сторожевой спутник, разграбленный и тоже мертвый, лишенный даже маскировки — «хамелеонки».

— Оба объекта снабжены локационными маячками, — доложил Флейт.

— Какие-либо указания на возраст маячков?

— Никаких.

Значит, их могли поставить когда угодно. Хотя разумно предположить, что это работа тех, кого я только что подслушал, — вот вам и причина, по которой они здесь.

Затем Флейт исследовал череду астероидов: скоплений каменистых обломков, пыли и покореженного оборудования. Причем последнее было настолько оплавлено и деформировано, что я лично не рискнул бы предполагать, чем оно было прежде. Потом мы на несколько минут задержались на клочке пустого пространства.

— В чем дело? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Флейт, — странная У-аномалия на этом участке, но я ничего не вижу. Подозреваю, нечто скрывается под «хамелеонкой».

Может ли это быть Пенни Роял?

— Целься туда из лучевика, — приказал я, не представляя, что же делать дальше.

Если это Пенни Роял, нужно стрелять немедленно, без раздумий и предупреждений, но ведь, возможно, там находится нечто другое — или кто-то другой, а я не хочу убивать зря. И я решился на полумеру.

— Пошли запрос через коммуникатор, а если не сработает — пальни из лазерного дальномера в качестве предупреждения. А уж

если и тут не ответят — жги.

Я почувствовал, как через мой «форс» прошел сигнал вызова, но ответа не последовало. Луч дальномера сверлил участок добрых полминуты — и снова молчание. Тогда в атаку метнулся пучок незаряженных частиц, прекрасная, смертельная голубизна на фоне черного вакуума... разбившаяся о силовое поле.

— Прекращай, — велел я, — но будь наготове.

Я наблюдал через корабельные сенсоры. Есть ли там что-нибудь? На краткий миг возникла сфера — тусклое мерцание вокруг какого-то объекта. Затем она померкла, а вскоре исчез и сам объект.

— Всего лишь У-прыжок, — сказал Флейт.

— Местоположение?

— Неизвестно — отлично скрыто.

Я приказал «форсу» заново проиграть последовательность событий в замедленном темпе. Объект был заключен в какое-то сферическое поле — причем не жесткое силовое, поскольку это невозможно в принципе. Щитостеклянная сфера, декогерировавшая прежде, чем то, что находилось внутри, прыгнуло? Хотя зачем помещать что-либо в подобную оболочку? Понятия не имею. Та штука внутри походила на орбитальное оружие, питаемое токамаком. Возможно, его разместило тут Государство. Или это одна из игрушек Пенни Рояла? Нет, не представляю.

— Ладно, — сказал я. Недостаток сведений заставлял чувствовать себя весьма неудобно. — Продолжай сканирование.

И тут появилось нечто совершенно немыслимое, немедленно оттеснив на задний план мое беспокойство касательно предыдущего объекта. В вакууме плыла огромная змея. Она напоминала гигантскую толстую кобру, но под развернутым капюшоном виднелись четыре сложенные ноги, а из хвоста торчал длинный тонкий яйцеклад. Змея была серой и будто бы каменной — ее маскировка бездействовала. При виде ее в моей груди сжался тугой комок — я вспомнил джунгли планеты Дюрана. На сей раз воспоминания были реальными — никакой подмены, никакой двусмысленности.

— Данные? — напряженно спросил я.

— Трудно сказать. Видимых повреждений вроде бы нет, объект может идти на минимальной мощности. Засек маячок, но на некотором расстоянии от объекта, и сигнал он выдает другой. Могу поразить цель из рельсотрона.

— Не стрелять, — тут же приказал я.

Конечно, реакция Флейта на подобный объект не могла не быть грубой и примитивной. Он видел не только нечто, чему придана форма смертельно опасного и, предположительно, вымершего прадорского паразита: он, несомненно, видел государственного дрона-убийцу. Но какого черта дрон тут делает? Впрочем, у меня имелся ряд предположений. Проводя исследования перед тем, как отправиться на Погост, я собрал массу всевозможной информации, касающейся войны. Многие дроны, подобные этому, к концу конфликта были лишены всяких прав и отправились искать работу куда глаза глядят. Этот, возможно, наткнулся на Пенни Рояла, и ИИ поджарил ему мозги. Еще, возможно, данный дрон отрекся от Государства, как поступили некоторые из его «сородичей» — и явился сюда, чтобы объединиться с Пенни Роялом. Он мог выступать в роли стража: дрейфовать, чтобы активизироваться в любой момент и напасть на утративших бдительность.

— Продолжай следить и, если начнет двигаться, дай мне знать. В околопланетоидном пространстве больше ничего нет?

— Больше ничего, что могло бы представлять для нас опасность, — ответил Флейт. — Я также идентифицировал источник тех сигналов: это корабль на поверхности.

Наложенная на планетоид рамка расширилась, как бы притягивая его ближе, затем появилась другая, увеличивая определенный участок и фокусируя изображение. Здесь стоял большой звездолет, похожий на белого безногого жука, с открытым кормовым люком в двигательный отсек. Я заметил фигуры в скафандрах, движущиеся к носу «жука» от ближайшего туннеля — одного из входов в Барад-дур.

— Идем ближе, — велел я Флейту и почувствовал толчок: это включился термоядерный двигатель. — Остановись на орбите прямо над кораблем.

Неужели кто-то явился сюда заключить сделку с дьяволом? Если так, значит, это весьма неприятные типы, вроде Изабель Сатоми.

Когда мы приблизились, последние запоздавшие уже поднялись на борт корабля — что подтвердила ругань некой Моны, бранившей товарищей за медлительность. Однако стартовать звездолет не спешил. Эта Мона — вероятно, капитан — понимала: если я намерен атаковать их, отрыв от поверхности сделает ее корабль совсем уязвимым.

— Наведи на них коммуникационный лазер — стандартная государственная кодировка.

— Можешь поговорить с ними на частоте их скафандров, — предложил Флейт.

— Знаю, что могу, но не стоит им знать, что я их прослушиваю. — Я сделал паузу. — Отфильтровывай все, кроме прямых переговоров между мной и тем, с кем я буду общаться. Понятно?

— Стандартное устанавливание связи с неприятелем, — заметил Флейт, и я не понял, из какого руководства эта инструкция — государственного или прадорского.

Через секунду на экране открылось еще одно окно, и из него на меня подозрительно взглянула коренастая, но привлекательная женщина:

— Кто ты и чего хочешь?

Я сразу узнал низкий голос Моны.

— Могу задать тебе тот же вопрос, — отозвался я и добавил, обращаясь к своему корабельному разуму: — Флейт, покажи крупным планом, что там у них внутри.

Изображение на экране увеличилось, и я разглядел в открытом люке хоккейные шайбы ядерных реакторов, положенных один на другой, точно монеты, кольца коммуникационных кабелей и мотки оптических волокон. Виднелось также и другое оборудование, не так легко поддающееся опознанию. Я вдруг ощутил острое разочарование, легшее на душу свинцовым грузом.

— Мы способны защитить себя, — заявила Мона, и в тот же миг защитное поле окутало ее корабль.

Пустая бравада — к этому моменту она уже наверняка знала о государственном истребителе, зависшем в пространстве над ее головой, и хотя истребитель был старым, капитан Мона не могла не

понимать, что он десятикратно превосходит ее посудину по всем статьям.

— Опасное место, однако, там, внизу, — начал я.

— Нисколько, — ответила женщина.

— Флейт, увеличь ближайший вход в туннель.

Рамка поехала в сторону и сфокусировалась, демонстрируя пару груженных «трофейным» оборудованием гравивозков возле черного жерла. Сиди Пенни Роял в своей резиденции, весьма маловероятно, чтобы он позволил мародерам расхищать его производственно-техническую базу. Очевидно, это они пометили маячками космический мусор, чтобы еще возвратиться за камикадзе и сторожевым спутником. А заодно и дрона-убийцу — чтобы избегать его.

— Мы работаем на Джона Хоббса, — сообщила Мона.

Я понятия не имел, кто это, но, судя по тону, следовало предположить, что Хоббс — большая шишка на Погосте. Ну и что мне теперь делать? Я приготовил огромную водородную бомбу специально для этого местечка — и на тебе, никого нет дома.

— Я ищу Пенни Рояла, — сказал я.

— Тогда почему бы тебе не отвалить в свое Государство?

— Представь себе, — предложил я, — что я очень глупый субъект, у которого достаточно оружия, чтобы размазать тебя и твой корабль тонким горячим слоем по этой каменюге, и скажи, где сейчас Пенни Роял.

Отвернувшись, женщина вызвала по радио кого-то из членов своего экипажа:

— Что думаешь?

— Какой-то недоумок из Государства ищет Пенни Рояла — и проблем на свою задницу, — ответил ей мужчина.

— Заметь, недоумок на государственном истребителе.

— Ну да.

— Я не считаю, что ты глуп, — ответила капитан уже мне. — Ты не позаботился проверить свои источники информации вне

Государства, так?

— А какое это имеет значение?

— ИИ лгут, — заявила она.

Это не стало для меня новостью, во время войны я кое-чему научился. Да, информация о Пенни Рояле часто оказывалась под запретом. Но сейчас — зачем врать спустя сотню лет?

— Дальнейшие объяснения последуют? — поинтересовался я.

— Что мне ему сказать? — спросила женщина своего товарища.

— Правду — не думаю, что он явился за утилем.

После долгой паузы Мона обратилась ко мне:

— Значит, так: несколько десятков лет назад Пенни Роял попал на зубок какой-то технике Чужих и был размолот в кашу. Услышав про это, мы явились сюда посмотреть, не найдется ли что полезное, но тут все еще шел слишком плотный трафик сигналов и автоматические защитные системы были слишком активны. Позже сюда прибыл дрон по имени Амистад, собрал Пенни Рояла заново и увез его на планету Масада. Там этот дрон за главного, а Пенни Роял у него на подхвате.

Я так и сел с разинутым ртом. Все мои усилия, все накопленные знания, все взятые на себя риски, позволившие мне зайти так далеко... и ничего. Пенни Ролла здесь нет. Я чувствовал себя глупцом, я был жутко разочарован, мне хотелось кричать. А еще — отвергнуть то, что мне сказала женщина, только ведь очевидно, что ИИ тут нет, и зачем бы ей лгать? Но миг отчаяния прошел, и я вновь начал мыслить ясно.

Теперь я понимал, почему информацию об этих событиях утаивали; почему я узнал о них только сейчас. Пенни Роял — по законам Государства — виновен в массовых убийствах и за свои преступления должен быть уничтожен. Государственные ИИ решительно утверждали: наказание за убийство — смерть, без всяких исключений. Они не желали, чтобы кто-либо узнал: Пенни Роял соскочил с крючка. Вот и подтверждение слов Силака в виртуальности перед моим воскрешением: ИИ Государства не выполняют собственных законов насчет казни убийц. И еще я сообразил, отчего так просто оказалось получить у Изабель координаты этого места и почему я чувствовал тогда, что она что-то

скрывает. Она знала, что Пенни Рояла тут не окажется, и, ясное дело, не видела причин отговаривать меня от бесплодного похода.

— Флейт, — выдавил я, — задний ход.

И посмотрел на Мону:

— Спасибо за откровенность.

Она явно испытала облегчение, увидев, что я действительно улетаю, и теперь ее одолевало любопытство:

— А почему ты хочешь найти Пенни Рояла? Большинство здравомыслящих людей предпочитают этого ИИ избегать, а ты вроде не выглядишь сумасшедшим.

— Месть, — ответил я. — Я хочу уничтожить Пенни Рояла.

— Он убил кого-то, кого ты знал?

— Он убил многих моих знакомых. Я был на Панархии, когда он разбомбил мою дивизию.

— Но на Панархии не выжил никто, — ошеломленно проговорила женщина.

Я раздраженно посмотрел на нее, надеясь, что к моменту моего возвращения в Государство данная историческая неточность будет замечена и исправлена с учетом моего воскрешения.

— Ладно, собирайте свой утиль, — буркнул я. — Полагаю, вы избежали встречи с местным дроном?

— Мы... подключи к нему питание — и в мгновение ока окажешься мертв вместе со своим экипажем и кораблем. Пока он там разберется, что война окончена...

— Отлично, — ответил я. — Флейт, отрубай связь.

Пока мы медленно отходили, я предавался унылым размышлениям. Если Пенни Роял вновь перешел под юрисдикцию Государства, мои шансы прикончить его падают ниже плинтуса. Я уже изучал Масаду, когда собирал информацию о капюшонниках. Когда обнаружилось, что местные уткотрепы — потомки эшетеров, Государство весьма заинтересовалось этим миром, поскольку эшетеры были одной из предположительно мертвых древних рас. Тамошний хранитель, Амистад, был повышен до статуса планетарного ИИ, а потом по каким-то причинам низведен до

обычного стража. Тем не менее он остался боевым дроном. После его прибытия один из уткотрепов при помощи передовых технологий получил высокий статус разумного. Мне встречались также слухи об опасных джайн-технологиях и драколюдах — куда ж без них. В общем и целом, дела обстояли, мягко говоря, не слишком хорошо, поскольку Масада находилась под пристальным надзором Государства, и я не сомневался, что на страже там стояла серьезная военная техника. Плохое место для того, чтобы являться туда «с мечом», а значит, мне еще предстоит много думать и планировать — вот почему то, что сказал я, было безумием:

— Флейт, там дрон-убийца. Иди к нему и погрузи его в люк боекомплекта.

— Дроны-убийцы опасны, — заметил Флейт.

— Охота на черный ИИ тоже опасна, однако ее ты не комментируешь. — Я почувствовал, как включились рулевые движки, меняя курс, и, когда Флейт не ответил, продолжил: — Война окончена, Флейт, ты запрограммирован на подчинение мне, и тебе не грозит никакая опасность со стороны дрона, изготовленного похожим на прадорского паразита.

Я говорил, сам себе удивляясь. Что я делаю? Да, есть вероятность, что дрон, даже не активный, содержит информацию о Пенни Рояле. Но порыв забрать его с собой имел иные корни. Этот механизм выглядел в точности как дрон-убийца, сопровождавший силы самообороны Джебеля Кронга на планете Дюрана. Возможно даже, это тот самый дрон. Похоже, побуждение мое являлось искаженной попыткой вернуть прошлое.

После долгого молчания Флейт ответил:

— Это атавистический страх в двух аспектах.

— В двух аспектах?

— Да.

Я пожал плечами и прекратил разговор. По крайней мере, мой корабельный разум сумел отнести войну к прошлому. И я переключил внимание на экран, сфокусировавшись на дроне.

Мурашки побежали у меня по спине — а я ведь не прадор. Реакция эта, скорее, была связана с растущим отвращением к ощущению повсеместной «знакомости», переходящему в крайнее

неприятие совпадений. Объект быстро приближался, и, судя по пронзительному скрежету, грузочный люк нашего корабля уже открылся. Дрон на миг исчез из виду. Потом Флейт любезно обеспечил меня альтернативным изображением: я видел, как наше судно маневрирует, становясь открытым люком к дрону, втягивает его внутрь — и люк закрывается. Я прекрасно понимал: дело я затеял опасное, но мне казалось, что я спасаю боевого товарища, даже если выяснится, что дрон — всего лишь безжизненная железная змея.

А несколько минут спустя обнаружилось, что он отнюдь не безжизненный: по всему кораблю завывали сирены, и Флейт сообщил:

— У дрона водородная бомба.

Трент

Трент обвел взглядом ряды теснящихся на берегу домов на сваях, потом оглянулся на Панцирь. Подходящее название для места, построенного в основном для людей — «моллюсков», но населенного подонками с Погоста. Они предпочитали говорить «Панцирь–сити» — подчеркивая скорее свой оптимизм, чем реальное положение вещей: большой вопрос, могла ли эта дыра называться городом.

— А ты, приятель, похоже, увяз по шейку, верно? — пробормотал Трент, обращаясь к самому себе.

Его хозяйка завершала процесс превращения в монстра. Она убила и съела Габриэля. Трента тошнило от одной только мысли об этом, он чувствовал себя угодившим в какой-то параллельный мир. Тогда, в арсенале, он нашел потом останки: потеки засохшей крови на полу, парочку внутренних усилителей, обрывки неудобоваримой одежды и аккуратную горку тщательно обглоданных костей. Наверное, даже капюшоннику не под силу было разгрызть укрепленные керметовой ламинацией кости.

— К черту... — Он в сердцах пнул лежащий у ног камень. То есть Трент думал, что это камень, он и откатился как камень, но потом выпустил ножки, суетливо просеменил к мутному морю и исчез в воде. — Вот хрень.

Ему казалось, что он в силах одолеть Сатоми, что, пока она сидит в кладовке, ему удастся перехватить контроль над «Заливом мурены». Но тварь доказала обратное. Однако она нуждалась в нем, как в контактном лице с человеческим миром; как в воришке, первым проникающем в дом через форточку — чтобы прихватить и вынести вещички поценнее; только ему придется тащить то, что требуется хозяйке, из внешнего мира на корабль. Узнав об этом, он решил бежать при первой возможности, разорвав все связи с бывшей Изабель и ее лоханкой. Но той приспичило завалиться в эту чертову дыру. Он бы справился, у него ведь было достаточно монет, чтобы купить себе место на другой корабль, идущий отсюда. Но нет, дрянь все предусмотрела. Он поднял руку и коснулся болезненной точки за ухом.

Она действовала быстро и четко: схватила его своими многочисленными ножонками и сомкнула на голове упавшего свой

капюшон. Трент подумал, что это конец; что настал его черед присоединиться к Габриэлю. Но холодный скальпель—манипулятор аккуратно проехался по щеке и скользнул за ухо. «Форс» упал на пол; это было все равно что лишиться одного из основных органов чувств. Банковский счет он открывал при помощи кортикального оттиска, а в этом вонючем мире имелись лишь сетевой обмен да банкоматы. Без «форса» он не мог получить доступ к собственному счету, и ни в одном из местных отделений не было кортикального сканера, чтобы он мог удостоверить свою личность.

Конечно, Трент прекрасно понимал причины, по которым тварь лишила его «форса». И, теребя опустевшую мочку уха, где недавно висел фиолетовый сапфир, осознал главную причину своей злости. Потеря «форса» и все, что она повлекла за собой, — плохо, конечно, но зачем было забирать камень? Неужели чудище догадалось, что серьга значит для него, неужели прознало о Женьева? Присвоив сапфир, взяв в заложники единственную ценную для Трента вещь, тварь застраховалась от его побега. Он опустил руку, вспоминая сестру и свой последний день в Колороне, где он настиг ее убийц и заставил их заплатить за все. Камень он забрал у последнего — драгоценность, из-за которой убили сестру, потому что сапфир был настоящим, что подтверждалось документально. Добытый в копиях Титана, он принадлежал их матери. Трент даже не знал, почему они собирались его продать. Может, чтобы купить лекарства или усилители или чтобы убраться к чертям с той планеты. Уже не важно.

Трент выругался, но, поднимаясь по лестнице, удаляясь от берега, решил, что больше не позволит себе проявить гнев или разочарование. Ему действительно не хочется быть здесь или идти в Панцирь—сити, но есть ли выбор? Многие попадали в этот тупик — большинство из нынешних обитателей города. Последний раз, когда они прилетали сюда со Спиром, их засыпали тысячами просьб — забрать с собой и увезти отсюда. А у него нет денег, чтобы смыться, так что пока он только выполняет распоряжение Сатоми. Нужно заказать самые необходимые припасы, которые, естественно, Изабель оплатит, когда они будут доставлены на «Залив мурены».

Топливо для ядерного реактора, который в свою очередь, питает У-пространственный двигатель, — не проблема. Реактор не нов, но, по крайней мере, может работать на дейтерии, который здесь дешев, поскольку добывается из морской воды. А вот топливо для термоядерного двигателя и реактивных микродвигателей —

проблема. Первый давно устарел, ему нужны микрокапли замороженного дейтерия в оболочке из трития. А движки и вовсе антикварные, им требуется оксид азота, изготовление которого придется заказать у распространителя.

С последней ступеньки открывался вид на город. В центре располагался Панцирь — бежевый купол, напоминающий скорее панцирь краба, чем прадора. Под ним раскинулся рынок и другие, более солидные фирмы. Туда Трент и направлялся, но, прежде чем попадешь на внутренние улицы, придется пробираться через окружающие трущобы. А там исчезали многие визитеры — обычно чтобы спустя примерно час появиться на рынке в виде набора внутренних органов. Нет, пешком туда соваться не стоит, нужен транспорт. Он посмотрел налево, в сторону космопорта. Позади здания находились автомобильный парк и стоянка такси. Можно арендовать тачку, но цены тут астрономические, а шансы быть похищенным или вляпаться еще в какое-нибудь кидалово высоки. Есть вариант лучше.

Трент повернул направо и спустился по извилистой тропе, обрамленной примитивной растительностью: жилистыми кактусами и разнообразными, жмуцимися к земле мхами. Один раз впереди мелькнуло нечто размером с человека, и Трент выхватил пистолет. Но, когда существо исчезло в трещине в скале, он догадался, что только что видел ракообразное с родины прадоров — создание, чем-то похожее на монстров-крабов, но стоящее ниже в пищевой цепочке.

Через несколько минут показался канал, и Трент по-настоящему обрадовался, увидев людей — «моллюсков», пару барж и причал, к которому были пришвартованы несколько водных скутеров. Подойдя ближе, он убрал оружие в кобуру, потом стянул респиратор, проверяя воздух — загрязнения здесь скапливались в основном у береговой линии. Тухлятиной воняло по-прежнему, но дышать было вроде можно, что вскоре подтвердили его часы: включилась одна из функций, которыми Трент не пользовался много лет, с тех пор как поставил «форс». Когда Трент подошел к пристани, из будки выбрался «моллюск», трансформированный меньше, чем тот, с которым встречался Спир. Он походил на солдата-оборванца с защитным шлемом, приваренным к голове. Шипастая органика превратила его руки в смертельное оружие.

— Я хочу взять напрокат скутер, — четко произнес Трент.

«Моллюск» осмотрел его с головы до пят, потом повернулся в сторону канала.

— У нас тут рыбойники, — предупредил он.

С людьми — «моллюсками» довольно легко иметь дело — пока ты не обращаешь внимания на их модификации и воздерживаешься от тупых намеков на их преклонение перед прадорами. Трент хотел было заявить, что рыбойники — прадорская пища и для тех, кто подражает прадорам, проблем наверняка не составят, но вовремя заткнулся. Рыбойники вырастали крупнее земных великанов — белых акул, обладали многочисленными острыми плавниками и языками, торчащими как нос у рыбы-пиры. И по злобе они тоже превосходили акул-людоедов. А уж если такая рыбешка нападет — исход очевиден.

— У меня пистолет, — сказал Трент, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А рыбойники умирают, как и все остальные.

Он прекрасно осознавал, что пребывает не в самом лучшем настроении и, как всегда в этих случаях, склонен к дерзости. А ведь у него и так достаточно неприятностей...

«Моллюск» вновь повернулся к человеку:

— Один зил алмазного сланца — и девяносто восемь мюзиллов получишь обратно, если вернешь скутер завтра в это же время.

Дороговато, но и близко не лежит с ценой, которую содрал бы с пассажира таксист. К тому же он сам будет целиком контролировать свой транспорт, а канал доставит его прямо к куполу.

— Два мюзила в день, — уточнил он.

«Моллюск» покачал головой:

— Ставка растущая, каждый день на один мюзил больше, если только ты не желаешь заключить долгосрочный контракт.

— Я заплачу восемь мюзиллов за пять дней, — сказал Трент и улыбнулся, стиснув зубы. — Если вернусь раньше — возврата не потребую.

«Моллюск» сделал вид, что тщательно обдумывает предложение. Но у него имелось шесть скутеров, и у короткого

причала не было пустых мест...

— Хорошо, — и «моллюск» нырнул в будку.

А Трент открыл висящий на поясе кошелек и вытащил четыре маленьких плоских шестигранника — кристаллы алмазной слюды. «Моллюск» вернулся с идентификационным ключом скутера, и они поменялись: ключ на кристалл. Трент сжал двумя пальцами ушко, давая считать свои отпечатки пальцев и ДНК — никто больше не воспользуется этим ключом в ближайшие пять дней. Ключи можно перепрограммировать, скутер — угнать, но небольшая предосторожность убережет от случайного вора. К тому же подонки предпочитают не воровать у людей — «моллюсков». Их сообщество спаяно тесно — переступившему черту чужаку не поздоровится.

— Вот, — «моллюск» подвел человека к одному из водных скутеров, остановился и поднял руку, указывая на море: — А вон рыббойник.

Что-то огромное плыло в их сторону: тело существа почти полностью скрывалось под водой, наружу торчали только зазубренные дуги плавников, похожие на крылья нырнувшего баклана, да раздвоенный хвост разрезал волны в десятке футов позади.

— Какое оружие? — спросил «моллюск», кивая на «рыбку».

Трент распахнул куртку, показав пульсар, явно не внушивший доверия хозяину скутеров, тогда мужчина задрал полу повыше, демонстрируя ряд цилиндров на поясе — и «моллюск» уважительно склонил голову. Впрочем, Трент считал предосторожности слегка излишними — едва ли проклятая рыба способна догнать скутер.

Наблюдая краем глаза за приближающимся хищником, мужчина оседлал скутер, вставил ключ и запустил мотор. Водяной тягач загудел и рванул на середину канала. Развернув скутер в сторону города, Трент обернулся — и увидел, что рыббойник куда ближе, чем он предполагал; его раздвоенный хвост мотался взад-вперед, взбивая пены больше, чем сам скутер. Прибавив ходу, Трент понял, что ему не оторваться от рыбы, — тогда он дернул рычаг тормоза, останавливая мощную машину.

— Настоячивый, гад, — пробормотал он, вытаскивая пульсар.

Тщательно прицелившись, Трент выстрелил, но скутер качнулся,

и заряд ушел в воду слева от рыбины — лишь облако пара взметнулось в воздух. Выругавшись, Трент включил на рукояти пистолета лазерную гираводку. Голубая точка легла на воду сразу за головной волной, он нажал на спуск, и пистолет ожил в руке. Он выстрелил дважды, и рыба забилась, на миг высунула из воды голову и задрожала, как собака, которую щелкнули по носу. Трент усмехнулся, но тут скутер задел край набережной, так что он чуть не вылетел из седла. Не без труда выведя машину на середину канала, Трент оглянулся на поднятую похожую на акулю голову. Рыбойник разинул пасть, обнажив множество черных острых зубов, потом в нижней его челюсти открылась вертикальная щель — там тоже торчали зубы и мерзкий, напоминающий цепную пилу язык.

— Отвали! — рывкнул Трент, прибавляя скорость.

Рыбойник рванулся следом, язык его дотянулся до скутера, скользнул по ноге Трента, пасть попыталась заглотить хвостовую часть машины, но достался ей лишь кусок обтекателя. Озадаченная рыбина приотстала, тряхнула головой, избавляясь от перекрученной железной полосы, и снова ринулась в погоню. А Трент, не веря, смотрел на свою ногу. Тварь разорвала ему брюки, содрала кожу, по лодыжке текла кровь. Разъяренный, он выстрелил снова, но гироскоп едва не выдернул пистолет из руки человека, обнаружив цель где-то в небесах. Тогда он убрал оружие и сосредоточился на управлении, на максимально возможной скорости проходя изгибы канала, с трудом выпрямляя скутер на ровных участках. Теперь по обоим берегам тянулись ветхие полуразрушенные здания, а несущийся скутер провожали взглядами люди — «моллюски» и прочие сомнительные личности.

Трент гнал скутер вперед, уклоняясь от барж и торчащего такелаж. Освещение изменилось; мужчина был настолько сконцентрирован, что заметил, что уже находится в Панцире, лишь когда русло впереди расширилось. Пространство освещали солнечные пластины, укрепленные на высоком потолке. Он попал в небольшое озеро, по периметру которого стояли суда. А за ними хаотично громоздились высотные здания, многоуровневые улицы и рыночные прилавки — и везде кипела жизнь. Здесь ничего не мешало, и он снова прибавил скорость. Рыбойник отстал — либо раненый, либо утомленный погоней. Приблизившись к концу озера, Трент развернул скутер, чтобы встретиться с рыбиной лицом к лицу. Он мог бы подогнать машину к берегу, слезть и уйти, избавившись от

проблемы. Но ему хотелось снова ощутить себя в действии.

— Так держать, сукин сын, — сказал он, нажимая на газ.

Изабель

«Идиот», — подумала Изабель, наблюдая за представлением. Выходки Трента демонстрировались на слоистом пластике, уложенном поверх щитостеклянного экрана, передаваемые множеством микрокамер, которые она прицепила к его одежде, когда удаляла «форс» и глупейшую памятку о его сестричке. Что она ему велела? Просто закинуть удочки, посмотреть, есть ли у торговцев то, что ей требуется. Не привлекать внимания — потому что, если связываешься с такими, как Столман, местная мафия начинает проявлять к тебе интерес. Однако порыв Трента был ей понятен — и близок до мозга костей. Он, конечно, чуток запсиховал, просидев взаперти на борту «Залива мурены» так долго, ему просто необходимо было что-то сделать. Ей тоже хотелось этого, только не от скуки, а от постоянного раздражения. В сущности, если парень вяпается, Изабель будет только рада, поскольку тогда она сможет уступить собственным импульсам и получит повод покинуть корабль, чтобы охотиться и убивать. Но сейчас приходится подавлять порывы и заниматься другими делами.

Пока У-пространственный двигатель не работал, она не могла пользоваться У-пространственным коммуникатором, поскольку приборы были взаимосвязаны. Но и когда движок ожил, связь не наладилась. Коммуникатор был старого образца и, в отличие от современных моделей, не мог действовать изнутри континуума. Пора с этим разобраться.

Изабель отправила вызов и приготовилась ждать. Считалось, что У-пространственная связь мгновенна, но это не соответствовало действительности. На самом деле время установления соединения зависело от количества энергии, которую тебе не жалко использовать, от У-пространственных аномалий между пунктами А и Б в континууме, где расстояния предположительно не имеют значения, и, конечно, от того, сколько времени потребуется на ответ тому, кого ты вызываешь. Через восемь томительных минут раздался сигнал и на экране замигала иконка. Изабель мысленно раздвинула рамку, чтобы увидеть того, с кем будет говорить, но передачу своего изображения намеренно пресекла.

— Морган, — обратилась она к мускулистому, лысому,

обезобразенному шрамами типу, появившемуся перед ней.

— Изабель, — ответил мужчина, кивнув в знак приветствия.

Несколько секунд Изабель изучала собеседника. Он легко мог бы избавиться от глубокого шрама, рассекающего лоб, правый глаз, нос и оканчивающегося на бесформенной верхней губе. Разные глаза — один голубой, другой карий — тоже можно было бы сделать одинаковыми. Поддавались корректировке все вмятины и зарубки на его лице, и пятнистая, розово-серая кожа могла обрести естественный цвет. Захоти мужчина, он мог бы все исправить — и выглядеть, как Адонис. Однако он наслаждался тем шоком, которое производило на людей его жестокое, brutальное уродство, как наслаждался и жестокостью своего ремесла. Морган был ее подельником в сфере потрошения и работорговли. Ему нравилось причинять боль и внушать ужас, и он отлично подходил для этой роли. А еще — Изабель чувствовала — он был тем, кто, не слишком заморачиваясь, примет ее нынешнюю внешность.

— Морган, — продолжила она. — Я хочу, чтобы ты увидел меня, поскольку тебе и другим по твоему выбору нужно будет знать, как я сейчас выгляжу.

Она хотела еще как-то предупредить мужчину, но вместо этого просто сняла запрет на передачу изображения.

Морган отпрянул от экрана с отвисшей челюстью, потом встряхнулся и вновь подался ближе.

— Ужасающе, — восхищенно выпалил он и жутко ухмыльнулся. — Ты идешь до конца?

Изабель на секунду задумалась. Ее превращение в капюшонника шло стремительно, но теперь, после недавнего вторжения Пенни Рояла, изменения пошли по другому пути. Серые «заплаты» сейчас распределялись равномерно — прикрывая сочленения, «торцы» конечностей и стыки пластин панциря. И они растекались, оставляя за собой участки цвета слоновой кости: так металл меняет цвет при нагреве. Изучая данный эффект под наноскопом, Изабель обнаружила серьезные изменения, включающие возникновение оптоволокон, слоистых фуллеренов^[11] и других материалов. Панцирь ее делался все крепче и крепче, хотя и раньше обладал практически полной неуязвимостью, свойственной капюшонникам. Что же до глаз, обретших уже лимонную желтизну, то здесь причиной были

генетические изменения живущих на сетчатке фотолюминесцентных бактерий; о цели данной модификации она не догадывалась. Конечно, всего этого Морган не видел — он видел только чудовище.

— Неправда, что это сделано против моей воли, но тело от рук отбилося, — сказала она, мимолетно отметив, что вторая фраза ей больше не годится — за неимением рук. — Но даже не думай, что я каким-то образом изувечена, и не смей сомневаться в моих умственных способностях! В сущности, сейчас я одарена куда больше, чем прежде.

И правда, и ложь. Да, она способна на многое, но за здравый рассудок бороться приходится постоянно.

— Ладно, Изабель, — кивнул мужчина. — Чего ты хочешь?

— Статус последнего груза? — ответила она вопросом на вопрос.

— «Глория» в пути, а «Настурция» все еще здесь, на орбите. Я как раз на борту, мы ждем следующей партии со склада.

— А «Калигула»?

— В космодоке, готов потряхнуть стариной.

— Отлично, высылаю тебе координаты — и хочу, чтобы ты отправился туда, как только будешь готов, даже если весь груз не прибудет.

— А поставки?

— Что ж, нашим клиентам в Королевстве придется немного подождать — у меня есть более неотложные дела. Полный боезапас на «Калигулу», полный штат наших ребят на борту. Вскрой планетарный склад ПЗУ... в общем, считай, что мы на военном положении, и бери все, что сочтешь необходимым.

— Ого. Дело серьезное?

— Ты чертовски прав. Будь на связи.

Чтобы прибыть сюда, а не отправиться прямиком на планетоид, ей пришлось выдержать очередной внутренний бой. Капюшонник в ней желал двинуться прямиком за Спиром, но более логичная человеческая часть разума не могла не считаться с определенными обстоятельствами. Во-первых, у нее было мало топлива, а во-вторых,

Спир, контролирующий государственный истребитель, стал по-настоящему опасной дичью.

— Как скажешь, Изабель, — кивнул Морган.

Она вырубил передатчик и переключила внимание на Трента.

Отец-капитан Свёрл

Отец-капитан Свёрл потер друг о друга керметовые жвала-протезы, приподнял громадную мягкую луковицу тела на керметовых протезах ног и издал скрежещущий звук, какой не издать больше ни одному прадору. Его первенец Бсорол попятился, все еще ожидая удара, которого не следовало уже много десятков лет. Бсорол тоже был стар, его панцирь корежили уродливые узлы и наросты, сегменты ног скрючились за сотни лет искусственно поддерживаемого отрочества.

— Уходи, — процокал Свёрл.

Первенец развернулся и двинулся к двери кабинета отца-капитана, святая святых корабля, за которой обнаружились два помощника Бсоролы — прадоры, бывшие когда-то вторинцами. Как и остальные двадцать две особи на борту этого подводного дредноута, они находились лишь в шаге от того, чтобы стать первенцами, но не становились из-за собственных деформаций и замен разных не способных отрасли заново частей тел на протезы — замедлитель роста действовал на всех по-разному.

Когда диагональная щель, разделяющая дверные створки, сомкнулась, Свёрл задумался, взвешивая возможности. Бсорол, больше века анализировавший поток Государственных данных, доложил ему, что Пенни Роял вернулся на Погост. Бунтарь-ИИ каким-то образом договорился с ИИ Государства. Означает ли это, что Свёрл может выбраться из подводного укрытия и покинуть Литораль, взыскуя мщения? И кстати, хочется ли ему еще мстить?

Война Свёрла была тяжела. Он потерял два боевых корабля, он едва не погиб сам, когда подстрелили его корабль, и много лет потратил на лечение от радиационных ожогов, после которого стал бесплодным. Когда же он возвратился на войну, во время простой миссии, пока он привыкал к управлению дредноутом, государственный дрон-убийца взял его корабль на abordаж. Он заразил капитана червями-паразитами, чуть не убившими его. Пришлось истребить собственных детей, чтобы искоренить инфекцию на борту, — Бсорол и другие двадцать четыре были последними из его семьи, он вызвал их с родины прадоров позже. Избавляясь от паразитов, он потерял половину массы тела в долгих и

мучительных хирургических операциях. Потом его понизили в звании — после того как временное безумие толкнуло прадора на уничтожение двух союзников, что подорвало военную экономику. И последнее прискорбное событие, сделавшее его изгнанником: он отклонил приказ вернуться в Королевство, когда новый король решил прекратить войну.

Тревожно и раздраженно забулькав, Свёрл вернулся к ряду шестиугольных экранов и сунул коготь в дыру управления.

Он просто не мог вернуться. Он вложил и потерял слишком многое и слишком сильно страдал, чтобы подчиниться тому, кто призвал остановить войну. Для него война так и не закончилась, ибо его ненависть к человеческой расе и чужой технике укоренилась слишком глубоко. И вот что он придумал тогда: остаться в пограничной полосе, на этом Погосте.

Все экраны были включены, на всех мелькали картинки из жизни людского сообщества Литорали. Многим из этих людей так не нравился собственный вид, что они переиначивали, изменяли его — и как же Свёрл завидовал им. Он выбрал две сцены для изучения человеческих преступлений, но следил невнимательно — сердце и разум его пребывали в воспоминаниях.

Прошло много лет, прежде чем он услышал о черном ИИ, вышедшем из-под контроля творении Государства. Ему доставляло удовольствие знать, что где-то существует нечто, внушающее ужас даже самым смертоносным ИИ; заинтересовавшись, он стал собирать информацию — и вскоре узнал, что этот Пенни Роял сведущ в технологиях, недоступных даже Государству. Он умеет изменять живые существа, он выполняет просьбы и, возможно, способен обеспечить самого Свёрла средствами реализации его самого большого желания. Ему нужно было понять, почему слабые существа из плоти и скверные искусственные разумы устояли против прадорской мощи. Как они сумели повернуть ход войны так, что новый король просто пошел на попятный? Однако сплетники Погоста утверждали, что дары Пенни Рояла губительны, что технологии и трансформации, которыми он снабжает просителей, могут обернуться против них самих.

Свёрл не верил этому; тогда не верил.

Изучая вопрос, он находил больше слухов, чем правды, и

относил их к государственной пропаганде. Конечно, ИИ Государства не хотели, чтобы стало известно о существовании создания, более могущественного, чем они, к тому же согласного чем-то обеспечивать их врагов. Почти наверняка те же самые ИИ и запустили мельницы слухов. Они окружили Пенни Рояла мифами, вынуждая тех, кто мог бы искать с ним встречи, избегать его. Они создали легенду, чем-то похожую на прадорскую байку о Голголоше — страшилку, чтобы пугать детей.

Свёрл убрал коготь, и экраны автоматически отключились. Отец-капитан обвел взглядом горы оборудования, террариумы и резервуары, загромоздившие его кабинет. Он все еще не решил, что делать дальше. Оглядываясь назад, он понимал, что ненависть к Государству все минувшие годы искажала его рассуждения, что война повредила и ожесточила его разум. Он слишком выборочно подходил к историям о Пенни Рояле, предпочитая верить тем, где говорилось о существах, получивших именно то, чего им хотелось. Еще он был в высшей степени самонадеян, как и все отцы-капитаны, и не сомневался, что, если в сделке окажутся сомнительные пункты, он наверняка их не упустит. Так вот, он охотился за слухами и точными данными. И обнаружил местоположение блуждающего планетоида Пенни Рояла. И отправился туда.

Свёрл содрогнулся, вспомнив свой тогдашний настрой. Он решил потребовать понимания успехов человечества и ИИ, чтобы отнести это новое знание в Королевство и связаться с недовольными новым режимом. Затем он хотел собрать силы, свергнуть короля и повести прадоров истреблять человечество — по праву и предназначению. И вот он отправился в логово Пенни Рояла, пока все его состояние в виде алмазной слюды выгружалось из шаттла. Свёрл сам ввел себя в заблуждение, уверившись, что найденный им цветок из черных кинжалов — всего лишь *существо*, очень кстати запомнявав, что еще оно — тот самый ненавистный государственный искусственный интеллект.

В вихре боли и безумия расширяющихся мысленных горизонтов Пенни Роял преобразовал Свёрла. А после отец-капитан выполз на поверхность не на гравидвижках, не на силовых полях, а на новых протезах. Нет, он определенно чувствовал себя более интеллектуально развитым и могущественным. И, конечно, более опасным, поскольку Пенни Роял снабдил его смертоносным големом, которого Свёрл теперь контролировал через пульт рабочего. Он

также начал быстро разбираться в ходе войны и причинах, по которым она повернула туда, куда повернула. Он стал осознавать недостатки агрессивного прадорского сообщества, включающие уклонение от использования искусственных разумов. И все-таки, хотя он и открыл для себя многие специфические детали, общее понимание Государства по-прежнему было недоступно ему. Тогда он считал, что потребуются глубокие раздумья, что ему еще нужно привыкнуть к собственным беспредельно раздвинувшимися ментальными горизонтами.

Люди — «моллюски» еще не появились, когда Свёрл опустил свой дредноут в глубины океана планеты, которую впоследствии назовут Литоралью. К нему присоединились и другие обездоленные прадоры, которые стали воздвигать свой подводный город и наладили торговлю с прочими анклавными прадорами по всему Погосту. Когда же прибыли «моллюски» и затеяли свое странное телесное поклонение роду Свёрла, первичный инстинкт велел его товарищам-ренегатам уничтожить людишек. Однако коренное понимание Государства все еще не давалось Свёрлу, и он настоял, чтобы людей не трогали. Ведь они, возможно, помогут ему достичь того, к чему он стремится. Он позволил им обосноваться и стал изучать их.

И все это время Свёрл изучал и себя самого. Во-первых, он заметил дополнительные органические и кристаллические наросты на своем центральном нервном узле и решил, что они и стали источником расширения его сознания. Но тогда он не понимал до конца, что именно они означают. Затем отец-капитан отследил постепенные физические изменения своего тела, а периодически проводя проверки генома, выяснил, что он тоже становится иным. Углубившись дальше, он обнаружил пикоскопические процессы, подстегивающие изменения, но что вызвало эти процессы, так и не определил. Только в последние годы, применив купленные у Государства приборы, он открыл лежащие в основе фемтоскопические течения, но разобраться в их сути не сумел. И только вульгарные телесные перемены открыли ему в конце концов истину.

Его зрительная турель погрузилась в основное тело, растянулась, раздвигая укоротившиеся глазные стебельки. Впоследствии они исчезли вовсе, а глаза разместились в двух впадинах в передней части панциря. Зрение других глаз сильно испортилось. Сделанные из твердого металла мандибулы остались прежними, но повисли ниже, а

рот расширился — в уголках появились «трещины» и поползли назад. Несомненно, если бы у него под брюхом по-прежнему были конечности-манипуляторы, они тоже съежились бы — или отвалились. Сзади вырос мясистый хвост, в котором, как выяснилось при исследовании, скрывался развивающийся позвоночник. Все это оставалось для Свёрла загадкой, пока в процессе изучения людей — «моллюсков» на него не снизошло тошнотворное откровение.

«Моллюски» были людьми, пытающимися превратить себя в прадоров, — а он был прадором, не по своей воле трансформированным в пародию на человеческое существо. Его панцирь принимал форму человеческого черепа и терял твердость, и ужасный мешающий хвост был наследством этих мерзких мягких существ. Свёрл удалил его хирургическим путем, но после нескольких мучительных месяцев хвост вырос снова. Между тем внутри рта проклюнулись маленькие хрупкие зубы, а глаза обрели розовые кожистые веки, выпустившие даже ресницы! Одновременно, когда ему хотелось прислушаться к чему-то, он ловил себя на том, что отрывает от земли две передние пары ног — потому что в них развились нервные связи со слуховым аппаратом.

Метод трансформации был темен и абсурдно комичен — как прадор Свёрл никогда бы не понял этого «юмора». Но дело было гораздо, гораздо сложнее. С одной стороны, он вроде бы развивался в органическую версию врага, в то время как в его ганглии прорастали ткани человеческого мозга. Поняв это, Свёрл осознал то, что укрывалось от него все годы, прошедшие с первого преображения. Кристаллические включения в органический мозг были не чем иным, как *искусственным интеллектом*. Пенни Роял подарил ему способность понять врага — превратив прадора в оба вражеских вида разом. Он стал сплавом прадора, человека и ИИ. И чувствовал, что в будущем первому из них суждено исчезнуть вовсе.

Составляющие ИИ и человека в нем неуклонно множились, гнев и ненависть притуплялись, а в мозгу набухали важные вопросы. Стремление понять врага медленно оборачивалось желанием просто *понять*.

Планетоид Пенни Рояла

Мона остановила скутер в длинном прямом туннеле, тянущемся во тьму на пять миль в обе стороны. Туннель был три метра в диаметре, абсолютно круглый в сечении по всей длине. Женщина слезла, подошла к вогнутой стене, коснулась ладонью гладкого, словно бы полированного камня. Датчики в перчатках отметили полное отсутствие каких-либо изъянов. Но ответа на загадку, тревожившую ее с тех пор, как они явились сюда за утилем, не было: где машины — или машина, — сделавшие это? Правда, часть пазла сложилась — теперь они знали, отчего здесь нет каменных завалов, побочных продуктов бурения. Окружающий туннели камень оказался плотнее, чем где-либо в коре планетоида: похоже, обломки просто отбросили и вплавили в почву. Энергии, верно, потребовалось дикое количество, но ни следа фантастической машины, проложившей туннели, так и не обнаружилось. Однако пещеры, источившие кору планетоида, тянулись на тысячи миль, и Мона понимала, что все их исследовать просто немыслимо.

Опустив руку, она вернулась к скутеру, развернула его и поехала назад. Вполне вероятно, что машины просто не было или, точнее, машиной был сам Пенни Роял. А коли так, выводы напрашиваются пугающие. Черный ИИ и так ужасен, но если он может манипулировать материей в таких масштабах... Мона тряхнула головой. Нет, не может быть. Где-то должны стоять агрегаты, иначе ничего не сходится. Пенни Роял не сумел бы сотворить ничего подобного в одиночку за те шестьдесят или сколько там лет, что он обитал тут. Дело потребовало бы сотню Пенни Роялов, а сотни копий черного ИИ никогда никто не видел. От этой мысли по спине женщины побежали мурашки.

— Мона, — прервал ее размышления голос Гарета из коммуникатора, — у нас еще один гость.

— Еще гость? — Она прибавила ходу.

— Да, я узнал корабль — это «Роза».

— Какого черта тут делает Блайт? — удивилась женщина. — Насколько я слышала, он в Государстве, занимается контрабандой технических артефактов. — Она свернула в боковой туннель, ведущий к тому месту, куда они подогнали «Атриум». Это

просторное сферическое помещение с плоским сетчатым полом находилось всего в нескольких сотнях метров от входа, которым воспользовались люди, — там и стоял их корабль. — Не отвечай — если он здесь, то, вероятно, затем же, зачем и мы.

— Добро пожаловать, — хмыкнул Гарет. — Мы уже закончили.

Да, они закончили — возвращаться предстояло с полным грузом. Утиль шел на переработку на Монмартр, Джону Хоббсу. Но, если честно, они не исследовали и малой доли здешних пространств. Мона была уверена, что тут еще можно открывать и открывать технологические сокровища. К сожалению, не она одна додумалась до этого — когда новость о том, что Пенни Роял покинул свою «резиденцию», распространилась, сюда явятся и другие сборщики трофеев. Блайт, верно, просто первый из многих. Но он, по крайней мере, не из тех, кто склонен к пиратству, и не отправит их учиться дышать вакуумом. Не сомневалась Мона и в том, что интерес проявит и Изабель Сатоми с ее специфической проблемой. Вполне возможно, что заинтересуется и ее непосредственный начальник, у которого подобная проблема тоже имеется. Мону даже замутило при мысли о встрече с мистером Пейсом.

Она въехала на решетчатый пол «Атриума»; шины скутера с волоконным кордом скрадывали любую вибрацию. Впереди виднелись несколько людей из ее экипажа, нагружающих два последних гравивозка. На одном лежали сплюснутые белые шары, содержащие не опознанные пока технологии. На другом — пять скелетоподобных големов. Големы не представляли бы никакой ценности, если бы Хоббс не нашел на них покупателя в Государстве. По-видимому, аналитический ИИ хотел исследовать их — и готов был заплатить алмазной слюдой.

Мона спешила и двинулась к выходу из туннеля.

— Где сейчас «Роза»? — спросила она на ходу.

— Как и тот истребитель — висит прямо над нами.

— Связь?

— Блайт хочет поговорить с тобой. Соединить вас?

— Валяй.

В правой нижней четверти лицевого щитка возникло знакомое лицо капитана Блайта. Он выглядел уставшим, встревоженным и

даже похудевшим с тех пор, как они виделись в последний раз.

— Привет, Мона, — сказал он. — Давненько не пересекались.

— Точно, — ответила она, — и, чтобы тебе зря времени не терять: нет, я не собираюсь договариваться о разграничении территорий поисков и не стану обеспечивать тебя какой-либо информацией. Если хочешь узнать что-то об этом месте, лучше заключи сделку с Джоном Хоббсом. Мы здесь закончили — пока, по всяком случае, — и уходим.

Он кивнул, вроде бы соглашаясь, и заявил:

— Я тут не за утилем.

Мона мгновенно открыла приватную линию в «форсе» и, заблокировав связь с Блайтом, обратилась к Гарету:

— Ты это слышал?

— Да. Силовые поля и пушка наготове.

— Тогда зачем ты здесь? — спросила женщина уже Блайта. — Надеюсь, ты не расширил дело.

Не так уж и редко какой-нибудь собиратель начинал беспредельничать и переключался на пиратство, хотя Блайт, казалось, был не из таковских.

— Нет, — откликнулся тот, — у меня тут пассажир, которому, насколько я понимаю, нужна информация обо всех, кто в недавнем времени являлся сюда. Я сказал, что спрошу, но он все равно уже на пути к тебе.

На пути ко мне?

— Мона, — сообщил по закрытому каналу Гарет, — поля только что свернулись, и пушка отключилась.

— Грузите возки в клеть, быстро! — крикнула Мона четверке, все еще копавшейся в «Атриуме».

— Вот дерьмо, — охнул Таннер.

— Что такое? — Капитан направилась туда, где стояли Таннер с Ионой. Мужчины усталились на возок с големами — и когда Мона посмотрела туда сама, то поняла, что возглас имел смысл. Пять скелетообразных големов, лежавшие грудой, точно бревна, на заднем

краю грави-возка, сейчас медленно высвобождались из «объятий» друг друга — самый верхний опустил ногу на возок и уже слезал. Пять гладких керметовых черепов приподнялись, с любопытством озирая окрестности горящими темно-синими глазами.

— Кто твой пассажир, Блайт? — резко спросила Мона.

— Что-то в грузовой клетки, — вмешался Гарет, заглушив ответ Блайта.

— Что?

— Не знаю — камеры просто вырубились, а кое-какие приборы, наоборот, активировались.

Мона включила передатчик скафандра:

— Всем немедленно вернуться на корабль! Как можно быстрее!

Повторять приказ не пришлось: четверо людей тут же побежали к выходу — только в условиях низкой гравитации мучительно медленно. Мона бросилась к скутеру, взлетела в седло и направила машину наружу. Четверо членов ее экипажа исчезли из виду, но тут послышался крик Ионы, а за ним — проклятья Таннера, в голосе которого звучал ужас. Капитан остановилась, решив вернуться в лабиринт туннелей и оттуда — к одному из других выходов, ближайший из которых находился в двадцати восьми милях отсюда. Но потом придется еще добираться до корабля... Задержавшись, она вернула «форс» к ответу Блайта на ее вопрос.

— Хотелось бы мне сказать, что бояться нечего. Но, хотя никто из моего экипажа пока серьезно не пострадал, не знаю, сколько еще это продлится. — Вид у Блайта был виноватый. — Еще мне хотелось бы помочь тебе выбраться отсюда в целости, но никакого совета я дать не могу. Мы все бессильны.

Темнота заполнила туннель — темнота, полная кинжалов. Все големы сползли с гравивозка и теперь стояли ровной шеренгой — как отряд, готовый к смотру. Косяк остробоких обсидиановых рыб хлынул в «Атриум»; за каждой из рыбок тянулась серебристая нить. Потом будто кто-то потянул нити, собрав их в пучок, а рыбок — в тесную кучку, и масса сгустилась в одну черную неровную глыбу, которая принялась отращивать шипы, и вот уже с пола на серебряном стволе поднимается хорошо знакомая, растущая фигура Пенни Рояла.

Экран лицевого щитка Моны рассыпался под натиском

статических помех, на проекционном дисплее замелькали странные символы. А потом что-то с почти слышным лязгом вклинилось в ее «форс». В сознании начали прокручиваться минувшие события — прокручиваться каким-то образом, совершенно чуждым человеческой памяти. Мона почувствовала, как тщательно, во всех подробностях, изучается ее короткая беседа с Торвальдом Спиром.

«Так вот как я умру», — подумала женщина.

Что-то злобное восстало в ответ, но нечто иное, спокойное и необъятное, окутало злобу непроницаемым коконом — и все отключилось.

Глава 11

Трент

Направив скутер прямо на рыбойника, Трент вытащил пульсар. И сразу почувствовал себя дураком — особенно услышав многочисленные вопли с причалов. Но убирать оружие он все равно не стал. Рыба высунула из воды голову; Трент воспринял это как вызов и еще больше прибавил скорость. Чудище убрало язык, захлопнуло трехстворчатый рот и, опустив растопыренные плавники, нырнуло.

Проклятье.

Трент рванул рулевой рычаг, круто развернув скутер и подняв тучу брызг. И помчался прочь от того места, где исчез монстр, заметив в глубине поднимающуюся черную тень. Рыбойник вырвался на поверхность, и Трент, вновь развернувшись, всадил в массивное зеленовато-серое тело половину обоймы. Рыбина снова плюхнулась в воду, подняв гигантскую волну, чуть не опрокинувшую машину, и ринулась на противника — с разинутым ртом и мечущимся взад-вперед языком. Два события произошли одновременно: огромный, налитый кровью глаз уставился прямо на человека, и прямо перед ним вырос край плавучего причала. Трент опустошил обойму, целясь точно в жуткий глаз, после чего, крутанув руль, врубил задний ход. А в следующую секунду он обнаружил, что летит вверх тормашками и вот-вот шлепнется в воду.

На миг глубина поглотила его, затягивая, но человек вырвался на поверхность и тут же перезарядил пульсар, гордясь тем, что ему удалось удержать оружие. Трент поплыл, озираясь в поисках рыбины, но увидел только, как выныривает и выпрямляется — спасибо гироскопам — его скутер. Мужчина повернул к ближайшему причалу. Рыба была там. Погруженная в воду лишь наполовину, перекосившая своим весом плотик пристани, конвульсивно подергивающая дрожащими плавниками. В передней части окровавленного черепа не хватало солидного зеленого куска.

«Готов», — подумал Трент, радуясь тому, что пришлось окунуться — а то ведь он, стыдно сказать, со страха обмочился.

От берега уже спешила смешанная группа «моллюсков» и обычных людей. Бегущий впереди нес бухту троса и крюк. Тренд забарахтался, вообразив на миг, что все это предназначается именно

ему. Но когда толпа добралась до рыбойника, «моллюск» всадил крюк в затылок рыбины, а остальные совместными усилиями полностью выволокли добычу из воды. На причале суетились и другие «охотники» — со всевозможными режущими инструментами, корзинами и сумками. Конечно, этот колосс — прекрасный источник пищи, а голод тут не редкость. Трент тихонько фыркнул, убрал пульсар и погреб к все еще работающему на холостом ходу скутеру. Взобравшись в седло, он направил машину к другому, полуприцепленному концу причала, заглушил мотор и размотал швартовочный трос. Кто-то принял брошенную петлю и накинул ее на причальную тумбу, потом протянул руку и помог Тренту перепрыгнуть на берег. И только тогда тот узнал «помощника» — и понял, насколько он опасен. Ему не пришлось искать продавцов — мафия сама нашла его.

— Впечатляюще, — хмыкнул высокий бледнолицый тип, за спиной которого обнаружился скелетообразный голем.

Трент уставился на диковинное создание. Полированные кости голема украшали яркие геометрические узоры, так что выглядел он как какой-нибудь артефакт, добытый в гробнице, воздвигнутой индейцами майя. Был он крупнее обычного, оснащен тяжелыми суставными движками и незнакомыми Тренту усилителями конечностей. Тело голема казалось раздувшимся из-за множества выглядящих почти органическими приспособлений. И походил голем скорее на какого-нибудь великана с содранной кожей, чем на серебристый скелет.

Рука Трента потянулась к оружию, но голем оказался быстрее. Он рванулся вперед так, что воздух, казалось, сомкнулся с хлопком на том месте, где он был только что, — и вот уже твердая рука стискивает запястье Трента, а тихий голос шипит ему в ухо:

— Фу!

— Я так не думаю, — сказал мужчина, бросив на голема обеспокоенный взгляд.

Трент попытался разорвать чужую хватку, но с тем же успехом он мог бороться со стальными тисками. Ситуация, однако, озадачивала. С какой стати голем сопровождает местного главаря мафии? Андроиды обычно высокоморальны, следуют духу, если не букве закона Государства, даже если они вне его территории, так как

же один из них оказался тут, со Столманом? Определенно, едва ли есть такие преступления, мыслимые и немыслимые, которые не совершил этот человек. В сущности, Трент и Изабель узнали о нем только потому, что он поставлял им пленников для потрошения. И даже иногда покупал кое-кого, чтобы перепродать местным прадорам. Единственный голем, добровольно решивший работать на такого, как он, может быть только поврежденным големом, но такие встречаются редко и весьма нестабильны — а зачастую опасны для своего хозяина чуть ли не больше, чем для хозяйских врагов. Но тут мороз пробрал Трента до костей — он вспомнил о существовании еще одного вида големов, обитающих на Погосте. Големов, принадлежащих Пенни Роялу.

Их можно было найти в разбросанных по Погосту потайных бункерах, в частных коллекциях или просто сваленных где-нибудь грудой в ожидании обнаружения. Трент даже знал одного, который сидел за стойкой бара на борту орбитальной станции Монмартр. Ценились они не выше железного лома, поскольку их невозможно было активировать. Обычно люди держались от таких подальше, так как иногда, очень редко, они все же включались, и это означало, что Пенни Роял рядом — со всеми вытекающими кровавыми последствиями. Так что либо Столман нашел способ обойти проблему активации, либо черный ИИ здесь. И ни то, ни другое не сулит ничего хорошего.

Трент обвел взглядом окружившую их толпу. Большинство явилось сюда, чтобы покромсать рыбейника — у этих в корзинах и сумках уже сочились сукровицей крупные зеленые куски. Плавники монстру отрезали и насадили, как шашлык, на длинную стеклянную пику. Люди, наблюдавшие сцену с участием Трента и Столмана, были, очевидно, любопытны, но осторожны и желания вмешаться не проявляли. Да, портить отношения с таким, как Столман, — плохая идея. Может, стоит позвать на помощь? Он ведь обеспечил этих людей ужином... Нет. Голем с легкостью выкосит весь причал в считанные минуты. К тому же — а хочется ли ему бежать?

— Идем с нами, — безапелляционно махнул рукой Столман.

Голем потянул Трента за собой, развернул его к дальней части пристани — и отпустил. Рука с оружием обрела свободу, но тут ладонь скелета опустилась на плечо человека. Он обернулся, посмотрел в горящие темно-синие глаза без зрачков — и

содронулся.

— Только выкини коленце, — предупредил Столман, — и я с тебя шкуру спущу.

Трент с сожалением погладил рукоять пульсара.

— Туда, — продолжил мафиози, показав на скопление столов и стульев, расставленных перед одним из прибрежных баров. — Выпьем и поговорим.

Трент пожал плечами. Неужто Столман с его големом опаснее, чем Изабель? В сущности, если действовать умело, можно с их помощью улизнуть от хозяйки. И Трент пошел, куда ему указали, отодвинул стул и сел, скрестив на груди руки. Столман устроился напротив. Голем встал почти вплотную к «гостю» — от его присутствия аж спина свербела. Трент ткнул в сторону искусственного создания большим пальцем:

— Пенни Рояла?

— Был, — отрезал Столман, — а теперь мой. — Он неприятно улыбнулся. — Несколько месяцев назад у нас наконец получилось его активировать.

Трент кивнул, но про себя усомнился. Изабель рассказала ему о «визитере», подтвердившем свою личность восстановлением У-пространственного двигателя. Этот голем мог заработать просто благодаря присутствию Пенни Рояла в ближайшем секторе космоса — Трент не представлял, на каком расстоянии должен находиться ИИ, чтобы его големы зашевелились.

— Итак, — снова заговорил Столман, — поведай мне, что делает здесь Изабель Сатоми.

— А зачем тебе знать? — осведомился Трент. — Ты должен понимать, что проявлять слишком сильный интерес к ее делам — опасно.

— Не так уж и опасно... сейчас. — Столман кивнул на стоящего позади Трента голема. — Но я спрашиваю на тот случай, если могу оказаться полезным.

Трент на секунду закрыл глаза и глубоко вздохнул. Значит, Столман ненароком включил голема Пенни Рояла и теперь считает, что обрел силу, чтобы играть на территории Сатоми. Но только ли

это? Может, Столман думает, что способен одолеть ее? Тогда вопрос — прав ли он? Если бы Столман пошел против нее в одном из ее оплотов. Изабель просто размазала бы его, но сейчас она в изоляции. Может, Тренту лучше объединиться со Столманом? Решить он не мог. Пускай голем и повинуется сейчас мафиози — только долго ли это продлится? Тем не менее у Столмана, несомненно, имеются и другие ресурсы, а с големом в придачу вполне возможно захватить «Залив мурены». Если бы на борту корабля осталась прежняя, еще не претерпевшая трансформацию Изабель, Трент оценил бы шансы Столмана как высокие. Но насколько смертоносна новая форма женщины? Сумеет ли она в своем теперешнем виче даже с протонной пушкой победить голема? И когда прибудет подкрепление? Изабель наверняка уже переговорила с членами своей организации, мобилизуя средства для достижения новой цели: отомстить Спире.

— Полагаю, если бы она хотела, чтобы ты помог, она бы попросила, — ответил Трент, озираясь. Поблизости крутилось несколько «неприметных» личностей — явно людей Столмана. — Знаешь, — продолжил он, — Изабель пока не расширяет дело из-за того, что сотворил с ней Пенни Роял, — она ищет решение. Однако последний претендент на ее корону угодил прямиком на прадорскую мясную ферму.

Столман пожал плечами:

— И что? Я только интересуюсь, чем могу помочь.

— Нет. Как и каждый, сидящий в этой чертовой дыре, ты интересуешься только «Заливом мурены». Что ты задумал, Столман?

— Насколько мне известно, — спокойно ответил главарь местной мафии, — она заказала несколько разных видов топлива. И, сдается мне, Сатоми застряла здесь до тех пор, пока не получит требуемого.

К этому моменту владелец бара наконец осознал, что за одним из его столиков действительно сидят люди, и, шаркая, подошел к посетителям. Хозяин, поддерживая ретростиль заведения, был облачен в запятнанный фартук поверх явно скопированной из какого-то исторического каталога одежды. Он даже держал антикварный бумажный блокнот и карандаш. Но выглядел испуганным — то и дело бросая взгляды на голема, он подобострастно застыл рядом с Столманом, взяв карандаш на

изготовку.

— Что у тебя есть? — спросил мафиози.

— В сегодняшнем меню филе рыбейника, мистер Столман, сэр.

— Я не голоден. Пиво есть?

— «Кусака» и «Амстел», сэр.

«Наверное, если забрести в бар в Прадорском Королевстве, то и там тебе предложат „Амстел“», — подумал Трент.

— «Кусака» — местный сорт, — пояснил Столман. — Его варят «моллюски» — на удивление неплохо.

— Правда? — Теперь Трент видел: мафиози рад тому, что их перебили, и намеренно оттягивает переход к сути дела.

— Советую попробовать. — Столман чуть наклонил голову, по-прежнему глядя на Трента. — Идет?

— Хорошо.

— Тогда два пива.

Хозяин бара нацарапал что-то в блокноте — просто для вида — и зашаркал обратно в здание.

Теперь к ним приближались двое с каким-то тяжелым оборудованием. Один тащил рюкзак, другой — что-то похожее на ружье, но с тянущимся к рюкзаку силовым кабелем. Трент обернулся было, чтобы рассмотреть парочку повнимательнее, но голем вдруг стиснул ладонями его голову, вынуждая смотреть только вперед. Кто-то, не попавший в поле зрения, забрал у него пульсар. Потом что-то зажужжало, стало жутко жарко — Трента аж в пот бросило. Одежда его оказалась усыпанной дымящимися, тлеющими точками. Столман понаблюдал, как гость пытается смахнуть искры, одобрительно кивнул своим людям и снова переключился на Трента:

— Так-то лучше. Теперь можем поговорить серьезно.

Голем отпустил человека, и Трент принялся поспешно осматривать себя. Конечно, вел он себя глупо, но, если припомнить, он вроде бы не ляпнул ничего криминального. Теперь Трент понял, что слова Столмана до сих пор предназначались в основном Изабель. Видно, вырезая «форс», она заодно наштиговала посланца «жучками».

— Не знаю, о чем нам говорить. — Он все-таки оглянулся на тех двоих.

Теперь Трент догадался, что принесли они допотопное индукционное оружие, предназначенное как раз для сжигания скрытых камер и крохотных микрофонов.

— «Залив мурены», — сказал Столман, — система защиты, кто еще на борту, коды доступа... Подозреваю, ты отлично представляешь, чего я хочу.

— Изабель — хайман, — сообщил Трент. — Я не знаю кодов и не смогу провести тебя через защиту корабля.

Столман будто и не услышал — он смотрел на приближающегося бармена:

— Пожалуй, мы выпьем пива, а потом продолжим беседу в более уединенном месте.

И Тренту очень захотелось, чтобы «Кусака» оказался хорош — ведь это могло быть последнее пиво в его жизни.

Спир

— В каком смысле — «у дрона водородная бомба»?

— Дрон активировался в тот момент, когда я поместил его в запасной грузовой шлюз, после чего разрушил внутреннюю перегородку и проник внутрь корабля, — ответил мне Флейт. — Он направился напрямик в оружейный отсек и в данный момент лежит, обвившись вокруг термоядерного устройства.

О черт.

— Он с тобой общается? — спросил я, озираясь. Взгляд мой упал на лазерный карабин, прислоненный к подковообразному пульта возле моей ноги. Несколько секунд я изучал его, после чего удивился, какого дьявола я замышляю. С серьезно поврежденным големом Далином мне повезло. А вот с функционирующим дроном-убийцей, вне зависимости от того, какое оружие у тебя под рукой, о везении речь не идет...

— Нет, но постоянно пытается перехватить управление корабельными системами. Пока он пользуется только электромагнитными средствами, мне удастся его удерживать.

— Значит, если он применит силу, ты сдашься?

— В этом корабле нет соответствующей внутренней защиты, — ответил Флейт.

Конечно, истребитель создавался для боев с прадорами, чьи дроны слишком велики, чтобы хотя бы попасть внутрь. А вероятность того, что на судно, если оно при этом не выведено полностью из строя, проберется некрупный вторинец, близка к нулю. Подобные истребители строились с расчетом исключительно на врагов-прадоров.

— Я хочу поговорить с ним. — Я поднялся.

— Он блокировал все коммуникации, но я нагнетаю воздух в арсенал, так что можешь обратиться к дрону по корабельному интеркому.

— Когда?

— Хоть сейчас.

Некоторое время я молчал, просто не находя слов. Я не знал, долго ли будет дремать дрон в арсенале, если он вообще спит. С одной стороны, он может быть все еще верен Государству, с другой — возможно, Пенни Роял переименовал его. К тому же вопрос, в своем ли он уме...

— Можешь дать изображение?

— Нет, дрон вывел из строя камеры.

— Ладно — я буду говорить. — Я откашлялся, прочищая горло. — Когда-то на Дюране при нападении на прадорскую шахту я видел точно такого же дрона. Он был совсем как ты. Нас тогда не представили друг другу. Он просто был там, нес яйца особо вредного прадорского паразита. Интересно, чем тогда дело закончилось?

Нет ответа.

— А что, если ты тот самый дрон?

И снова молчание.

— Думаю, меня ранили. — Я поморщился. — Ну, если точнее — я знаю, что меня ранили из пулемета и я потерял сознание. Это было, когда мы устроили засаду на прадорский патруль. Понятия не имею, что случилось потом.

Ответа нет.

— Полагаю, миссия была завершена успешно, поскольку я, проверяя, выяснил, что Кронг пережил войну. В любом случае, неудач у него было немного. — Я помолчал пару секунд. — Ну что, скажешь мне, как тебя зовут?

— Рисс.

Прилетевшее из арсенала шипящее слово больше походило на раздраженный возглас.

— Тебя зовут Рисс?

— Меня зовут Рисс, — повторил дрон с придыханием.

— Рад знакомству, правда.

— Я женского рода, — едко прошипел дрон.

— Хорошо...

Понятия не имею, зачем дрон сообщил мне это.

— На борту *этого* государственного истребителя — разум прадорского вторинца, — продолжила Рисс.

Я обратил внимание на подчеркнутое голосом слово.

— Да, когда я подобрал *этот* корабль, предыдущего обитателя на нем уже не было. Кстати, тебе известно, что война больше века как закончилась?

— Такие, как я, не имеют человеческих проблем со временем.

— Да, конечно, у тебя внутри квантовые часы, идущие с точностью до миллисекунды. Но теория относительности частенько шутит с такими вещами. Я иногда думаю, что старая добрая органическая концепция времени практичнее всего. В смысле — хочу ли я действительно чувствовать, в глубине души, сколько времени минуло после Панархии? Ощущай я вес всех тех лет, которые просидел в рубине в качестве квантового процесса, я, пожалуй, сошел бы с ума.

— Такие, как я, не имеют человеческих проблем с безумием.

Я выдержал паузу — повторения мне не слишком понравились. Вполне вероятно какое-то повреждение.

— Ты меня разыгрываешь! — воскликнул я. — Или ты исключаешь из категории «таких, как ты» разум, живший раньше вот в этом самом истребителе? *Тот самый* разум, который впоследствии поселился на *том самом* планетоиде, что под нами?

— Где Пенни Роял? — спросила Рисс.

Ну вот, звучит уже лучше. Я пошел дальше.

— Очевидно, на планете Масада, играет роль резонера при хранителе-ИИ по имени Амистад. Похоже, существует тайный закон о сроках давности для убийц-ИИ. Не знаю.

Рисс зашипела совсем по-змеиному.

Я наконец добрался до шлюза в носовой секции, открыл его, шагнул внутрь и, не дожидаясь выравнивания давлений, вышел через вторую дверь. За ней вились узкие мостки между главными агрегатами носовой секции и курганами отвердевшей монтажной пены. Сквозь мотки оптических и коммуникационных кабелей, сети

трубопроводов. лент конвейеров, решетку строительных балок я разглядел только громаду рельсотрона и поворотное загрузочное устройство. Гравипластины тут отсутствовали, так что я включил на ботинках функцию «геккон», прошел по мостку и ступил на холм застывшей пены. По нему я добрался до тропы, ведущей к центральному цилиндру арсенала. Конечно, основные запасы хранились не здесь — они были распределены по помещениям, чтобы ненароком не взорвались все разом от одного толчка. Тут в основном проходила сборка и отладка.

— Похоже, этот факт тебя не очень порадовал?

— Пенни Роял должен умереть.

— О, согласен, и именно в этом я намерен ему поспособствовать.

— Как тебя зовут, человек?

— Торвальд Спир, биошпионаж, последний из дивизии Бернерса на Панархии, сожженной Пенни Роялом. Бывший пленник прадоров, бывший спутник Джебея У-кэпа Кронга, служа с которым я встретился с похожим на тебя дроном. Недавно воскрешен — после того как был мертв больше сотни лет.

На это Рисс не ответила. *Тогда* не ответила.

Тропа привела меня к отверстию, сквозь которое шел конвейер — лента подачи снарядов; мне пришлось протискиваться туда, чтобы попасть внутрь. Справа я заметил ровные штабели снарядов, изготовленных Флейтом, а в конце — другой конвейер с полным поворотным барабаном. Сферическая бомба, стиснутая фиксаторами у «полюсов» и по «экватору», стояла почти по центру арсенала. По обе стороны от нее лежали аккуратно сложенные бездействующие корабельные роботы. Возможно, Флейт попытался их использовать, а Рисс — отключила. Или Флейт даже не пробовал активировать роботов, зная, что им не под силу тягаться с тем, что обвилось вокруг бомбы.

Я двинулся дальше, разглядывая дрона. Она все так же напоминала гигантскую кобру с развернутым капюшоном. Я видел четыре манипулятора под «брюхом» и торчащий из хвоста яйцеклад. Однако сейчас она выглядела весьма оживленной, исследовала манипуляторами какой-то механизм на поверхности шара, и все тело ее пребывало в постоянном движении. Казалось, дрон пытается половчее ухватить бомбу и стиснуть ее, выдавливая из шара жизнь.

Тело «кобры» напоминало ртуть — оно было из жидкого металла, переливчатого, чуть прозрачного, так что можно было разглядеть работу внутренних «органов» дрона. Рисс была по-своему очень красива. Но кто же восхищается грацией тигра за миг до того, как он набросится и сожрет тебя — или узорами на змеиной коже в момент укуса?

— На Панархии не выжил никто, — произнесла она, когда я приблизился.

— История часто нуждается в уточнении, когда появляются новые факты, — ответил я, раздосадованный неизменностью реакции на мои слова.

— Все было учтено, — настаивала Рисс.

— Что ж, — я остановился, — не стану отрицать, мои воспоминания не всегда отчетливы. Но я ясно помню, как вскоре после бомбардировки видел прадора, пытавшегося установить рабодел капитану Гидеону — а потом напустившего на меня «паука».

— Обычные люди не переживают процедуру обращения в рабство, — сообщила Рисс.

— Я почти умирал, когда У-кэп спас меня.

— Ты ошибаешься. — Рисс, похоже, хотела сказать еще что-то, но не стала.

Однако к этому времени моя досада уже окрепла.

— Что-то ты больно склонна проповедовать, что возможно, а что — нет. Я думал, такое поведение свойственно скорее нам, глупым ограниченным человеческим существам!

— Очаровательно. — Рисс оторвала манипуляторы от механизма бомбы, подняла голову и повернулась ко мне.

Ее ярко-голубые глаза располагались в точности как у кобры. Но, оказывается, имелся еще и третий, черный как смоль — на небольшой турели, торчащей из макушки плоского черепа.

— Что очаровательно? — раздраженно переспросил я.

— Я помню тебя по той атаке на горнообрабатывающий комплекс, на Дюране. Я была тем дроном. Тебя удалось поместить в стазисный модуль и эвакуировать для лечения.

— И что?

Наверняка я там умер... именно там?

— Такие, как я, не имеют человеческих проблем со временем.

Ну вот, опять.

— Ты повреждена? — спросил я.

— Утрачена системная функция во время столкновения с Пенни Роялом пятьдесят восемь лет назад, но сейчас функция восстановлена, — ответила Рисс, — Так, с этой змеей нужно быть очень осторожным.

А Рисс продолжила:

— Разрешаю тебе отправить со своего «форса» одно текстовое сообщение, содержащее точное описание твоей истории до настоящего момента. Если я буду удовлетворена, то отпущу взрывное устройство.

Мне захотелось послать дрона куда подальше, но я понимал, что эта идея не из лучших. Дроны-убийцы специально создавались агрессивными параноиками, и делались они второпях, что, естественно, вело к приумножению ошибок. К тому же я еще не исключил возможности того, что данный экземпляр может быть склонен к суициду.

Разглядывая Рисс, я проверял доступные «форсу» ресурсы. А еще — систематизировал факты и воспоминания. Начал с биографии, которую отсылал Изабель, добавил свои «заметки» о Панархии. Потом загрузил то, что помнил о планете, на которой Джебель спас меня от прадоров. Потом последовала Дюрана, где я умер. Потом пояснил, как вновь обрел память во время воскрешения, и перечислил все, что случилось потом. Данные я ввел в преобразующую текстовую программу, потом в «разумную» программу-редактор. На выходе получилось десять тысяч слов, и тут «форс» сигнализировал об открытии нового канала связи. Я отослал Рисс «письмо», она застыла на секунду, моргнула черным глазом — и медленно развернула стискивавшие бомбу кольца.

— Друзья? — рискнул я.

— Очаровательно, — повторила Рисс. — Похоже, у нас одна цель, и ты, хоть и запутался, кажешься весьма способным.

— Флейт, — велел я, — курс на Масаду. Нужно пообщаться с тамошним хранителем — Амистадом.

Рисс скользнула ко мне, движимая то ли гравитацией, то ли магнитной силой, то ли чем-то, основанным на взаимодействии силовых полей: воздух вокруг нее подернулся странной рябью.

— Я ничуть не запутался, — заявил я.

— Запутался, если не знаешь, что Пенни Роял бомбил Панархию до нашего визита на Дюрану, когда мы брали ту шахту, — отозвалась Рисс.

— Да ну? — удивился я, размышляя, что выигрывает дрон от лжи — если он вообще способен солгать. Поискал независимые факты, которые опровергли бы эту информацию. Ничего не нашел и уныло продолжил: — Так, а что случилось с тобой?

Война: Рисс

Это напоминало возвращение домой, потому что именно для такого места она была создана: запах прибрежной гнили, щелканье и бульканье прадорской речи, постоянный грохот бронированных ног, спешащих по коридорам, брызги зеленой крови на стенах, знаменующие случайный иерархический гнев, неизменное шипение и рокот гидроаппаратуры и скрежет других допотопных механизмов... Все это образы, запахи, звуки прадорского дредноута. Она свернулась в нише, нагруженная яйцами червайма, скрытая под «хамелеонкой». Дрон воспользовалась одним из укрытий, в которых прячутся вторинцы, не желающие, чтобы проходящий мимо первенец расколол им панцирь. Здесь Рисс, дрон-убийца, Специальная Серия Семь, поджидала свою первую жертву.

Проникнуть на борт оказалось на удивление просто. Что-то серьезное стряслось в Прадорском Королевстве, приведшее в смятение весь фронт. Три прадорских флагманских корабля поспешно отступили, не ввязываясь в бой с эскадрой Государства, которую с легкостью могли бы одолеть. Теперь они собрались на орбите единственного в этой системе ледяного гиганта — то самое событие в Королевстве требовало встречи трех отцов-капитанов «с жвала на жвало». На безопасность они будто бы наплевали. Так что Рисс без проблем прицепилась к шаттлу и проскользнула в корабль, где проходила встреча. Нет, ее, конечно, интересовало, какое именно происшествие повлекло за собой эти переговоры, но центром внимания все равно оставалась ее миссия. Тело дрона, созданное из метаматерии, не покидало ощущение тяжелой *беременности*, и избавиться от этого чувства можно было, лишь отложив припасенные миллионы яиц паразита в как можно большее число прадоров. До сего момента она содержала их в тепле и уюте, в специальных контейнерах внутри себя, в чреве, как своих детей...

В корабле, охваченном бурной деятельностью, долго ждать не пришлось — вторинцу, совершенно здоровому экземпляру, если не считать нескольких уже затягивающихся трещин на панцире, понадобилось нырнуть в нишу, чтобы не столкнуться в коридоре с двумя первенцами. Рисс развернулась, когда вторинец попятился, приблизившись к ней, подняла голову кобры и метнулась вперед. Изнанка расправленного капюшона легла на панцирь молодого

прадора. Все было сделано аккуратно, почти нежно, но клейкая нижняя поверхность прочно прилипла к панцирю. Потом Рисс выдавила несколько сотен микроскопических яиц в напорную камеру у основания ее напряженного алмазного яйцеклада, выгнула тело петель и вогнала длинный тонкий шип в цель — место соединения задней конечности и основного тела. Слабо содрогнувшись, она ввела яйца и тут же отпрянула к дальней стенке ниши, проверяя безупречность маскировки и наслаждаясь чувством, схожим... с оргазмом?

Вторинец резко развернулся, щелкая вскинутыми клешнями. Рисс опознала в этом движении инстинктивную реакцию на нападение паразита. Если бы дрон действительно была черваймом и если бы не поторопилась отступить, вторинец запросто мог бы перекусить ее пополам. Но прадор уже опустил клешни и в замешательстве потер друг о друга вибрирующие жвала. Он чувствовал, что что-то причинило ему боль, но почему сам он повел себя именно так — понять не мог. Впрочем, теперь неприятные ощущения угасали — яйца распространились по телу, чтобы инкапсулироваться в мягких тканях.

Высунувшись в коридор, прадор проследил за уходящими первенцами, после чего рванул прочь, уже забыв о происшествии в нише. Позже окруженные оболочкой яйца в его теле лопнут, и из них выберутся недоразвитые пока червячки. Они станут глодать прадора изнутри, расти и делиться, проникнут в его кишки и выйдут наружу из анального отверстия. Червяки повзрослеют, спарятся, будут питаться корабельными вшами и заразят других прадоров. Омерзительное биологическое оружие, нечего сказать, но Рисс не мучилась угрызениями совести, применив его, поскольку была создана именно для этой задачи. Фактически оружием была сама Рисс. И сейчас стремление исторгнуть еще немного яиц выгнало ее в коридор.

Вторинцы — это хорошо, но есть места, куда им нет доступа, так что они — вариант не из лучших. Рисс пристроилась в тыл ближайшего первенца — и обнаружила, что стала свидетелем противоборства первенцев двух разных отцов-капитанов. Будучи одного размера и, соответственно, равными по силе, они пока что только угрожали друг другу, кружа на месте. Прикрытая «хамелеонкой», Рисс всадила яйцеклад в выбранного прадора, введя на этот раз побольше яиц. Повинуясь инстинкту, первенец начал

было разворачиваться, но перед лицом реальной опасности не завершил «ритуал». Противник, однако, увидел тут благоприятную для себя возможность. Он налетел на первого прадора и попытался сомкнуть клешню на одной из его ног. Пока сцепившиеся первенцы боролись, Рисс скользнула под брюхо первого и, прицелившись, воткнула яйцеклад в основание конечности–манипулятора второго. Сделав свое дело, она стремительно отползла, заметив, что теперь первенцы пятятся друг от друга. Прагматичность подавила инстинкт, заставив переоценить ситуацию. Прадоры разбежались в разные стороны — живые пока мертвецы, ходячие биологические бомбы замедленного действия.

А теперь — награда.

Рисс двинулась в сторону святилища — кабинета отца–капитана; расположение помещений было знакомо, запрограммировано в самой ее основе. Во внешних коридорах кишмя кишели вооруженные нервные прадоры, там и тут намечались стычки. Но Рисс сопротивлялась желанию впрыснуть еще кому–нибудь яйца — три нападения несколько облегчили ее тягу. На борту корабля находились три отца–капитана. Традиционно отцы, в отличие от первенцев, путешествовали не слишком часто, но по определенным причинам лучших переносчиков инфекции трудно представить. Одна только внушительная масса тела позволит дать жизнь миллионам черваймов, прежде чем внутренние повреждения убьют носителя. Каждый член рода в какой–то момент посещает отца — и заражается сам. Они не склонны признавать наличие проблемы — в результате чего развивается и нарастает безумие. А поскольку отцы–капитаны контролируют грозное оружие, их недееспособность приведет к сильному торможению прадорской военно–экономической деятельности, подорвать которую Рисс как раз и обязана.

Несмотря на обилие прадоров в коридорах, Рисс добралась до разделенной по диагонали двери незамеченной. Конечно, ей требовалось обойти все виды устройств обнаружения, но, опять–таки, здешние прадоры пренебрегли безопасностью. Дрон уже сталкивалась с подобной халатностью — и относила ее к почти психопатическому отрицанию прадорами существования дронов–убийц. Сейчас их занимают дела текущие и, несмотря на причину, вынудившую сойтись три корабля, — гордыня, свойственная всем прадорам и обострившаяся от присутствия соперников. Какое ее ждет наслаждение...

— Дрон-убийца Рисс, — произнес внутренний голос.

— Слышу тебя, «Первозданный», — ответила она далекому государственному дредноуту по встроенному У-пространственному коммуникатору.

— Немедленно уходи, — продолжил ИИ дредноута. — Больше никаких действий.

Рисс безотчетно зашипела. Ближайший вооруженный до мандибул первенец подозрительно развернулся на звук — и уставился на несомненно пустой пол перед дверью.

— Почему? — спросила наконец Рисс.

— Обстоятельства не вполне ясны, — откликнулся «Первозданный», — но, похоже, прадорского короля свергли, а узурпатор призвал прекратить огонь. Похоже, война вот-вот закончится. Не думаю, что такое возможно. Вероятно, это какая-то уловка, чтобы застать нас врасплох — и получить преимущество.

— Если так, то мы проглядели вражескую хитрость, — заметил «Первозданный». — Анализ показывает, что перемирие выгодно именно нам, поскольку сейчас мы производим оружия больше, чем прадоры.

— Мне кажется, что глупо отступать сейчас, — возразила Рисс. — У меня еще полный груз яиц червайма. А три отца-капитана — по ту сторону одной, последней двери.

— Приказ есть приказ, — отрезал «Первозданный».

— Но кто поручится, что они не начнут воевать снова? — У Рисс имелись свои резоны. — Здешние прадоры присягали прошлому королю и могут откреститься от нынешнего.

— Они уже сигнализировали о намерении уйти и созывают все свои отряды, дронов, камикадзе и штурмовые катера.

— Может, мне стоит просто остаться...

— Прямой приказ Земли-Центральной.

— Мы остановимся? Нужно закончить дело — как только положение нового короля упрочится, они нападут снова!

— Прямой приказ Центра, Рисс: отступать немедленно.

— Но...

Сигнал пришел по тому же каналу связи — код, не сразу даже распознанный Рисс, пока программа не самоорганизовалась и не заработала. Она встроилась в автономную нервную систему, и действие ее оказалось подобно ментальному слабительному. Дрон изогнулась дугой, сжалась — и раскрылась, выпустив струю несущей жидкости вместе с полным запасом яиц. Прадор, увидев возникший словно из ниоткуда поток, разбивающийся о двери святая святых, вскинул пулемет. Очередь вспахала пол на том месте, где секунду назад разрядилась Рисс.

Теперь, припав к потолку, Рисс чувствовала себя опустошенной — и не только физически. Извиваясь, она поползла к открытым люкам дредноута, выпускающим рои отозванных дронов и толпы вооруженных прадоров, но «хамелеонка» не подвела и на этот раз. Скоро она вырвется в открытый космос, окажется вне досягаемости корабельных У-полей и станет ждать, когда ее подберут. А что делать дальше — этого Рисс не представляла; только что она утратила смысл жизни.

Изабель

Скорчившись внутри «Залива мурены», стоящего сейчас в маленьком космопорту Литорали, Изабель, наблюдая на экранах провал Трента, проклинала себя за глупость. Она решилась на это путешествие с Торвальдом Спиром — еще несколько лет назад она ни о чем таком и не помыслила бы. Тогда она даже не стала бы с ним встречаться, а значит, и не прельстилась бы обещанием исцеления. Переговоры провел бы один из ее помощников и привел бы негодяя на истребитель. Спир накачали бы наркотой, помучили малость, потом вырезали из его черепа все ценное, а остальное отослали бы прадорам.

Трент был прав насчет того, что она приостановила расширение организации, пока искала способ вылечиться. Но, возможно, он знал о микрокамерах и потому воздержался от упоминаний о других ее слабостях. Она признавала, что именно ее отвращение к претерпеваемым превращениям, дополненное чрезмерной уверенностью в хайманских усилителях, лишило ее как мускульной, так и огневой силы. И вот она застряла здесь, одна, в звездолете, ей угрожает какой-то мелкий гангстер из мира «моллюсков» — да она таких когда-то давила походя, без лишних раздумий. Это унижительно — и такого нельзя допустить.

Что ж, теперь она может действовать; она может *охотиться*.

Изабель прикинула, не вызвать ли снова Моргана, не попросить ли его прислать сюда подкрепление. Потом решила было поднять «Залив мурены» обратно на орбиту, чтобы Морган мог сбросить бомбу на Панцирь-сити. Но нет, это разозлит здешнего загадочного отца-капитана. Прадоры не питают горячей любви ни к кому из людей, и им совсем уж не понравится, если люди станут бомбить один из их миров. И, как все отцы-капитаны, этот Свёрл наверняка сидит внутри боевого корабля. Лучше высадить на поверхность живые силы, вторгнуться в город и стереть с лица планеты крохотную банду Столмана — чтобы преподать хороший урок его возможным подражателям.

А еще лучше — разобраться самой, решила она. Разве ей это не под силу?

Одна ее часть была не слишком уверена; другая — уверена

совершенно.

В распоряжении Столмана имеется крупный голем, который выглядит серьезным противником. Если верить подслушанному разговору, это еще и голем Пенни Рояла. Неизвестно, делает ли это его более или, наоборот, менее опасным, только ясно, что Столман контролирует его через свой «форс». Следовательно, весьма вероятно, что она сумеет подорвать этот контроль, воспользовавшись возможностями хаймана. И кстати, сейчас ее куда сложнее убить, чем человеческое существо, а голем, пусть он и уникально прочен, все равно уязвим для протонной пушки.

Изабель выбралась из рубки и отправилась в недра «Залива мурены». Возбуждение ее нарастало. Она задержалась, чтобы прицепить речевой синтезатор, потом вытащила из кладовки и активировала грависак. В «чемодан» отправилась взрывчатка из тех, что сносит дом одним махом, и гранаты, точно такие же, какие прихватил Трент. Еще она взяла связку ракет: шесть пробивающих любую броню снарядов, которые можно запустить прямо из грависака и мысленно направить к цели. Затем, для ровного счета, Изабель добавила дополнительные аккумуляторы и заряды для протонной пушки и пульсара, прикрепленных к ее плечам. Еще что-нибудь? Да, нужно еще кое-что — и, как и протонную пушку, она нашла это «кое-что» неиспользованным, блестящим от заводской смазки. Автомат — «комарик», полезная и послушная вещь. Мелкими шажками он сам просеменил к грависаку и залез внутрь. Что ж, достаточно — все равно в «чемодан» больше ничего не влезет.

Да, грависак поспособствует маскировке, но Изабель надела еще и упряжь и прихватила сумку на ремне, набитую кое-какими пожитками. Чем больше подобного барахла она на себя навьючит, тем больше будет похожа на разумное технологическое существо, а не на сбегавшее из зоопарка чудище. И тем меньше шансов, что кто-нибудь откроет по ней огонь. Дополняя образ безобидности, она сложила обе единицы своего оружия и набросила на них «покрышки» — два диска из полимеркомпозита, эдакие черные футляры. Использовать оружие по назначению они не помешают, а в глаза стволы не бросаются. Есть все-таки разница между тем, кто прогуливается по космопорту с пистолетом в кобуре, — и тем, кто сжимает его в руке.

Изабель покинула корабль через обычный шлюз, передав по

радио наблюдателям, что уходит, и добавив:

— Я основательно модифицирована и не желаю никакой паники или досадных ошибок.

— Уж мы тут всякого насмотрелись, — откликнулся кто-то.

— Я не «моллюск», — объяснила она. — Таких, как я, вы могли и не видеть прежде.

— Бсорол осведомил нас о твоей биологической истории, Изабель Сатоми, — заверил ее голос.

Бсорол?

Она опустила капюшон, изучая свой неуклонно обесцвечивающийся панцирь. На секунду Изабель решила, что говорит с кем-то из местных людей — «моллюсков». Но теперь, услышав имя, проанализировав порядок слов и ударений, она сообразила, что общается с прадором через программу-переводчик.

Едва покинув корабль, она просканировала то, что считалось тут космопортом. Ее корабль был одним из трех. Два другие, хоть и большие, оставались всего лишь шаттлами. Один, чашевидный, похоже, спустился с одного из утилизаторских судов Джона Хоббса. Второй, напоминающий кирпич, являлся съемным грузовым отсеком старого внутрисистемного государственного тягача. Двигательный отсек, находящийся на орбите, несомненно, приспособлялся сейчас для У-пространственных путешествий. На поле находились пара охранников — «моллюсков» и несколько обычных людей, разгружающих шаттл тягача. Все украдкой посматривали на Изабель, что, вероятно, означало: прадор-наблюдатель предостерег их. А она, глядя на любопытствующих, вдруг обнаружила, что сражается с горячим желанием кинуться на «добычу». Справившись с собой, Изабель опустилась на все конечности и засеменила к зданию терминала. Твердый камень под ногами раздражал, хотелось чего-то более приятного. Грависак торопливо летел за хозяйкой.

Первым делом она прошла через рамку металлодетектора, где механический голос предупреждал: «Использование любого оружия в зале прибытия приведет вас к выбытию». Фраза звучала коряво — несмотря на то что это была запись, казалось, слова произносит прадорский переводчик. Но разве у прадоров есть чувство юмора? Короткий туннель привел к гермостворке, помедлившей, прежде чем открыться и впустить Изабель в здание. Внутри стояло несколько

людей — не так много, как когда она была тут со Спиром. Некоторые вообще никак не отреагировали на ее появление, некоторые уставились с любопытством, и только одна женщина, охнув, развернулась и стремглав ринулась к выходу. Вероятно, она что-то знала о капюшонниках Масады. И снова накатило желание броситься в погоню, и снова Изабель удалось его подавить. А напротив, слева, стояли, наблюдая, два прадора.

Оба — в громоздкой броне, голубовато-зеленой — этот сплав разработало Государство вскоре после войны, на основе прадорской металлургии. Изабель решила, что с одним из «крабов» она и беседовала недавно. Выбрав выход к автопарку и стоянке такси, она двинулась туда. Один из прадоров немедля навел на нее пулемет, и, пока она шла по залу, ствол был направлен на нее. В ответ она развернула капюшон так, чтобы перекрестие прицела легло на прадоров — промежуток между мыслью и выстрелом составил бы считанные микросекунды. Бессмысленный жест? Каковы ее шансы выжить, если она откроет огонь? Да, у нее тело капюшонника, но оно еще слабо, еще не повзрослело. К тому же способен ли даже зрелый капюшонник выжить под пулями из прадорских сплавов, которые тверже алмаза и тяжелее плутония? Но она добралась до выхода — и напряжение отпустило. Наверное, если бы кто-то нарушил запрет на стрельбу, то не уцелел бы никто — да и само здание не устояло бы.

Впереди обнаружилась небольшая стоянка гидрокаров — всего несколько машин. По ту сторону дороги из пенного камня поджидали три такси, их водители сидели за ближайшим столиком, поставленным на холмик, покрытый сине-зеленым мхом и какой-то плесенью. Они играли — вроде бы в кости, то и дело потягивая напитки через соломинки, вставленные в отверстия респираторов. Все они обернулись навстречу гостье — и все вскочили с мест при ее приближении.

— Причин для тревоги нет, — крикнула Изабель. — Мне просто нужно в Панцирь-сити.

Когда она добралась до столика, двое водителей уже укрылись в своих машинах. На этот раз ей удалось справиться с жадой погони быстрее, поскольку третий таксист не убежал. Это был толстый коротышка-амфидапт, похожий на отпрыска человека и жабы-аги, одетый в черные штаны и рубаху, сделанные, судя по виду, из гладкой резины — вероятно, единственного материала, способного

без последствий соприкасаться с влажной бородавчатой кожей шофера.

— Кто ты такая, черт побери? — выдохнул он.

— Я Изабель Сатоми.

Он наклонил голову, погрузившись в раздумья; высунувшийся из широкого рта длинный багровый язык лизнул правый глаз. Потом водитель кивнул:

— Ты — та девчонка, которую наколол Пенни Роял.

Изабель подавила порыв схватить грубияна за грудки и вырвать ему язык. Нет, ее оскорбило не то, что ее «накололи», — а то, что ее отнесли к «девчонкам».

— Сколько возьмешь за поездку в город? — спросила она, сдержавшись.

— Десять мюзиллов. — Таксист метнул взгляд на опустившийся рядом грависак.

Изабель вытянула тонкое черное щупальце — то, что с клешнями, — и мгновенно раскромсала футляр пульсара. Покрышка упала. А ствол поднялся, уставившись в лицо водилы.

— Вторая попытка, — предложила Изабель.

Глава 12

Свёрл

Свёрл с отвращением глядел на изображение прадора, увеличенное так, что оно заняло целых десять сегментов экрана. Прадор стоял в смежной с кабинетом приемной. Сфолк, молодой совершеннолетний потомок Влерна, трясся от страха. Взрослые особи обычно не отдают себя на милость другим взрослым особям. Однако Свёрл позаботился о том, что, если кто-то из рода Влерна захочет о чем-то попросить, он должен явиться сюда. Неплохой способ держать их в подчинении, иначе все они взбесятся. Так уже было, когда Влерн умер, и случится снова — при первой же возможности.

Влерн присоединился к Свёрлу вскоре после погружения дредноута на дно морское — очевидно, из-за одинакового отношения к окончанию войны. Как и другие прадоры Погоста, он желал приобрести союзников, чтобы не попасться Королевскому Конвою. Контингент Конвоя находился как раз поблизости, выслеживая подобных мятежников. Однако, хотя при первых переговорах Влерн показался существом вполне здравомыслящим, реальность оказалась совершенно иной. Это был очень старый прадор, безногий, лишенный мандибул. Нервные ткани его отмирали, что означало невозможность протезирования, и был он безумен, как целый косяк рыббойников. Все проведенные им под водой десятки лет он бормотал что-то про себя, питаясь паштетом из плоти и крови пробирочных детей. Свёрлу приходилось постоянно следить, чтобы старик не послал своих отпрысков против соседей — и держал этих самых отпрысков в состоянии замедленного развития. В конце концов Влерн разучился даже есть самостоятельно и умер, подавившись своим паштетом. Свёрл узнал о его смерти, когда один из пяти первенцев Влерна, превратившись в молодого взрослого, попытался взять под контроль старый истребитель Влерна и убить всех своих братьев.

Первичный инстинкт Свёрла подсказывал, что надо позволить первенцу делать свое дело. Но инстинкт вторичный — по-видимому, результат происходящей трансформации — велел пресекать любое убийство. Это ведь расточительство — позволить немногочисленным живущим тут прадорам рвать друг друга в клочья. И Свёрл при помощи единственного голема и своих детей вмешался, перехватив

управление корабельными системами Влерна. Двигатель и оружие стали недоступны тем пятерым, превратившимся во взрослых особей. Свёрл разделил между ними жилое пространство, а также вторинцев, дронов и прочие принадлежавшие Влерну ресурсы. Всем первенцам и молодым совершеннолетним приходилось бороться с инстинктами во время войны — так что они либо вели себя прилично, либо подвергались наказанию.

Все последующие годы эти пятеро доставляли одни неприятности. Например, они затеяли торговлю «человеческими заготовками»: «заготовки» представляли собой лишенных мозга людей, готовых к превращению в рабов по прадорской технологии. Здесь, куда предположительно не дотягивались руки Государства, эта торговля, возможно, и не была слишком опасной, но привлекла на планету ряд сомнительных личностей. Их постоянные внутренние распри и попытки прикончить друг друга, казалось, вот-вот выйдут из-под контроля. А в результате покушения на самого Свёрла отец-капитан лишился одного из собственных детей. Невосполнимая потеря. И вот — новые проблемы не за горами.

— Итак, чего ты хочешь? — пощелкал Свёрл.

На экране перед собеседником высветилось изображение отца-капитана пятидесятилетней давности. Никто из местных прадоров не должен видеть его истинную внешность — они и поведение-то его считают довольно сомнительным.

Сфолк переступил с ноги на ногу и пощелкал клешней, кромсая воздух. Реакция Свёрла испугала его, но в данный момент отец-капитан вовсе не сердился. Он был лишь слегка удивлен тем, что пятеро смутьянов пришли к соглашению и выбрали одного представителя общих интересов.

— Наша популяция уменьшается, — решил наконец Сфолк.

— Воистину, — откликнулся Свёрл. — И, насколько я понимаю, ты и твои братья играют в этом немалую роль.

Новое щелканье.

— Ты неправ.

Сфолк не отрицал истинности слов Свёрла, он только высказывал то, что чувствовали многие здешние прадоры. Свёрл не вел себя, как должно, не говорил то, что нужно. Свёрл был

*неправил*ен. А еще это был протест молодого взрослого, поскольку Сфолк просто не знал, как общаться с тем, кто *не чувствует* так, как должен чувствовать прадор.

— Переходи к сути дела, — велел Свёрл. — Обещаю, что не стану раскалывать тебе панцирь, что бы ты сейчас ни сказал, но расколю, если продолжишь отнимать у меня время.

Вот уже несколько десятков лет Свёрл никому не раскалывал панцирей. А если чувствовал, что это необходимо, то посылал дрона с большими руками—манипуляторами, поджидающего сейчас в смежной с приемной комнатке.

— Мы хотим уйти, — сказал Сфолк, съезжившись.

— Куда уйти? — рассеянно переспросил Свёрл, поглядывая на экраны, не занятые Сфолком.

В мире людей происходило что-то интересное, и мелкие интриги здесь, внизу, только раздражали.

— В Королевство.

Теперь Сфолк удостоился полного внимания Свёрла.

— Вы хотите вернуться туда, где у вас оторвут конечности, прикрепят к гравиплатформе, накачают плавиковой кислотой и швырнут в море?

Именно такая смерть постигла, по слухам, старого короля, и это стало теперь излюбленным наказанием предателей—прадоров.

— Мы — не наш отец, — заявил Сфолк.

— Воистину так...

— Наши дети — не наши дети, — добавил Сфолк.

Ага.

Так вот в чем дело. Вторинцы, которыми управляли Сфолк и его братья, на самом деле приходились им... тоже братьями. Собственных потомков у них не было. Свёрл вздохнул совсем не по-прадорски и присел пониже, уперев кончики клешней в пол. Возможно, Сфолку и его собратьям действительно пришла пора уходить. Живя тут при режиме Свёрла, они теряют точки соприкосновения с реалиями внешнего мира. Если они действительно думают, что могут вернуться в Королевство с заявлением о своей

невиновности, то они очень, очень наивны. Их отец был бунтовщиком, а они находились под контролем его феромонов, когда он бунтовал, но, с прадорской точки зрения, полагать, что подобные оправдания сработают, — значит быть слегка сумасшедшим.

Нет, есть вероятность, что новый король, сам принявший несколько определенно странных решений, дарует им амнистию. Но то, что образ мышления этой пятерки в принципе позволил им допустить подобную возможность, доказывает: они не способны влиться в общество прадоров. Они полагают, что там есть справедливость и милосердие, и это полностью вина Свёрла. Справедливость и милосердие существовали здесь, и юнцы считали это нормальным, не подозревая, насколько глубоко проникла в их мир человеческая мягкость. Но, конечно, дело не только в этом. Последний комментарий Сфолка подразумевал: речь идет о том, чего тут нет в принципе: о самках.

— Возвращайся на свой корабль, — сказал Свёрл. — Передай братьям, что я подумаю и сообщу свое решение через пять дней.

Сфолк был смешон в своем потрясении. Он явился сюда, ожидая, что уйдет по меньшей мере с расколотым панцирем — если ему вообще удастся уйти. В некотором смысле это было даже хорошо — выходит, правление Свёрла не уничтожило полностью их инстинкт выживания.

Дверь приемной открылась, Сфолк развернулся и вышел к двум вторинцам, ждущим, чтобы проводить его восвояси. Свёрл тоже дождался, когда дверь закроется, после чего переключил все десять экранов на более интересные зрелища и начал обдумывать варианты возможного будущего.

Не считая Свёрла, их подводный анклав включал в себя семь взрослых самцов плюс их детей в разных формах. Но особи другого пола среди них отсутствовали, а значит, они в тупике. Да, у Цворна — одного из взрослых прадоров — имелись резервуары роста. Но и данный метод вел в генетический тупик. А тут еще пятеро молодых совершеннолетних захотели уйти — а значит, проблема обостряется. И зачем Свёрлу бороться? Он сам подумывал отправиться на поиски Пенни Рояла. Ибо он хотя бы осознавал, что питаемые им к этому ИИ чувства куда сильнее, чем позиция по отношению к Государству или прадорскому королю — или даже к самой войне.

Погрузившись в самоанализ с оттенком депрессии, Свёрл продолжал смотреть на экраны — и оживился, когда члены местной человеческой мафии начали бить еще какого-то человека. Происходило подобное нередко и обычно вызывало у Свёрла лишь мимолетный интерес. Но в данном случае жертвой оказался слуга Изабель Сатоми, которая, как полагал Свёрл, может в известном смысле быть ему родственной душой.

Свёрл не мог точно установить, когда именно Сатоми посетила Пенни Рояла — то ли до него, то ли после, — но результаты последовали схожие. Она просила возможности хаймана, и Пенни Роял выполнил ее требование, как всегда истолковав его по-своему. Нынешние прадоры отлично знали о сомнительной деятельности черного ИИ и старались его избегать. Люди не были столь осторожны, хотя то, что натворил Пенни Роял, прочно вошло в их историю и мифологию. Большая часть человеческой расы верила в сверхъестественных существ — а ведь вера эта обычно не переживает эпоху межзвездных путешествий. Некоторые верят в созданий, исполняющих желания, — и цена всегда слишком велика. По одной из версий приходится расплачиваться душой, мистической формой сознания, способной пережить смерть тела. Отсюда — известная человеческая фраза: «Продать душу дьяволу». Но сама идея о возможности получить больше, чем просишь, укоренилась в их разуме вместе с другими предостерегающими фразами вроде: «Будь осторожен в своих желаниях». Возможно, это объясняет, отчего многие истории о Пенни Рояле не вполне соответствовали реальности, какой ее находил Свёрл.

Если бы все деяния Пенни Рояла соответствовали любопытному человеческому определению «отравленная чаша», ИИ не удалось бы проворачивать свои дела на Погосте. Но у него просили богатство, власть, ресурсы.

Конечно, некоторые потом пожалели о сделках. Свёрл в своих исследованиях наткнулся на несколько случаев, когда люди вынуждены были покончить с собой или отправиться в Государство за помощью. Однако все это только по слухам. Свёрл знал о четырех — ну, может быть, о пяти извращенных исполнителем договоров, если верить рассказам о мистере Пейсе. Но сейчас на Погосте кроме самого Свёрла имелся только один такой пример — Изабель Сатоми. Она снова явилась сюда.

Во время ее прошлого визита Свёрл обнаружил, что кто-то, связанный с ней, хочет купить у него разум вторинца. Отец-капитан тут же решил предоставить один из своих *особых* экземпляров. И вот она вернулась. Судя по ответам Трента на вопросы Столмана, дела ее шли из рук вон плохо.

Пересматривая записи, переданные ему големом — которого сам Свёрл подсунил людям Столмана, чтобы те его нашли и якобы активировали, — отец-капитан интересовывался все больше и больше. Этот Торвальд Спир искал Пенни Рояла и, очевидно, снова ввел в строй старый государственный истребитель, используя *особый* разум вторинца Свёрла. Да так и остался на этом истребителе, нарушив условия договора с Сатоми и повредив ее корабль. Теперь Сатоми хочет выследить его. Она знает, что он отправился на планетоид Пенни Рояла — видимо, по ошибке, поскольку сейчас ИИ находился на борту небольшого спасательного судна «Роза». Похоже также, судя по некоторым невнятным репликам Трента, Сатоми встречалась с «Розой» и, вполне возможно, с черным ИИ. Что, очевидно, и объясняет, каким образом двигатель Сатоми вновь заработал после диверсии Спира.

Свёрл согнул ноги, опустив нижнюю часть обрюзгшего тела на пол. Он ощущал напряжение, возбуждение и замешательство. Сатоми, вполне естественно, жаждет отомстить Спиру. Ясно также, что Спир, судя по его биографии, желает отомстить Пенни Роллу. Но мотивацию самого Пенни Ролла Свёрл понять не мог. Она, определенно, изменилась — иначе Государство не приняло бы черный ИИ обратно. И теперь Свёрл поставил под вопрос собственный путь. Недавнее ощущение, что его долгое житье под океаном подходит к концу, окрепло. В сущности, он уже начал недоумевать, что подвигло его целый век прозябать в этом мире.

Блайт

Пенни Роял определенно стал болтливым. Ну, для ИИ — так казалось Блайту. Когда «Роза» приблизилась к безымянному планетоиду, куда Блайт клялся никогда больше не заглядывать, ИИ объявил: «Я здесь для того, чтобы получить информацию о человеке по имени Торвальд Спир, который, вероятно, посетил это место». На дальнейшие вопросы Блайта последовали краткие ответы. Он узнал, что этот Спир бороздит сейчас Погост на борту бывшего истребителя Пенни Рояла. Возможно, этими сведениями ИИ хотел как-то успокоить Блайта и его команду. Но у него это не слишком хорошо получилось.

— Так что он делает там внизу? — поинтересовался Бронд, когда Пенни Роял покинул корабль.

— Собирает информацию, — ответил Блайт, на что Икбал фыркнул.

Когда Блайт увидел Мону и ее сборщиков утиля на планете, он поддался внезапному альтруистическому порыву. Капитан решил поговорить с ней и попытаться получить требующуюся Пенни Роялу информацию, какой бы та ни была. Тогда вероятность, что ее экипаж выйдет из переделки живым, возможно, увеличится. И им не придется пройти через тот ужас, с которым столкнулась команда Блайта и с которым они, до известных пределов, научились существовать. Однако он оказался недостаточно быстрым.

— Дерьмо, — выдохнул некто, кого называли Таннером, на поверхности. — Вот дерьмо.

Когда связь шла через передатчики скафандров, использовалась не слишком сложная кодировка, так что слушать их было нетрудно. Мона велела тем, кто находился в пещерах, выбираться, как раз когда Пенни Роял входил. Неужто Таннер столкнулся с ИИ? Выжил ли он после этой встречи?

Взгляд Блайта остановился на экране, где демонстрировался корабль Моны и вход, которым пользовалась команда для проникновения в лабиринт. Вот четыре фигуры в скафандрах, пошатываясь, выбрались наружу.

— Дерьмо — я жив, — добавил Таннер.

— Будем надеяться, это надолго, — откликнулся один из его спутников.

— Возвращайтесь, — велел с корабля некто Гарет. Указание явно было излишним, поскольку все четверо уже бежали к звездолету. — Где Мона?

— Шла позади нас, — ответил Таннер.

После долгой паузы Гарет просто повторил:

— Возвращайтесь на корабль.

— Интересно, что он с ней делает? — снова встрял Бронд.

Григ, только что вошедшая в рубку вместе с Мартиной, сказала:

— А хотим ли мы знать?

— Мы хотим знать, — отрезала Мартина, втискиваясь в одно из кресел. — Пенни Роял, похоже, изменился. Прошлых мерзких склонностей он вроде не проявляет. И даже то, что сделал с нами, быстро исправил. Но посмотрим, как он поведет себя с другими людьми. Посмотрим, действительно ли он изменился.

— Големы, — сказал Бронд.

Блайт подался ближе к экрану — и увидел пять скелетообразных големов, строевым шагом вышедших из пещеры — в тот самый момент, когда четверо из экипажа Моны скрылись в корабле. За ними скользили два почти пустых гравивозка. Големы подошли к грузовой клетки, дождались, когда возки влетели внутрь, — и последовали за ними. Блайт навис над пультом, пытаясь отрегулировать увеличение и фокус, чтобы увидеть, что они там делают. А големы спустили с возков скудную добычу, после чего нагрузили одну из них тем, что уже лежало в клетки. Затем все пятеро уселись на пол, а заново нагруженный возок выплыл наружу, направившись к входу в пещеры.

— Э? — удивился Бронд.

— Без понятия, — отозвался Блайт.

— Я в порядке. — Голос Моны, только что выбравшейся на поверхность, дрожал, она говорила так, словно сама не верила своим словам.

— Что там случилось? — спросил Гарет.

— Ага, — встрял в чужой переговорный канал Блайт, — что случилось?

— Грубо и бесцеремонно, Блайт. — Мона шагала к своему кораблю. — Какого черта ты перевозишь этого своего «пассажира»?

— В данном случае выбора у меня не было — я больше не управляю своим кораблем.

— Досадно слышать. — Ответ подразумевал, что она сама тут ничем помочь не может. — А вообще, Пенни Роял просто прочитал меня, как книгу, и получил ту информацию, которая ему требовалась. Он сообщил мне, что мы можем забрать все, что у нас сейчас в грузовой клетки, и можем вернуться, если захотим, но не найдем тут ничего ценного.

— А что насчет големов? — спросил Гарет.

— У них вроде бы «поддерживаемая индивидуальность», и они будут слушаться нас до тех пор, пока мы не доставим их в место, которое нам укажут. — Мона уже добралась до шлюза своего корабля. — Врубай все системы, Гарет, мы убираемся отсюда к чертовой матери.

Блайт не удивился бы, узнав, что они выкинули големов в открытый космос где-нибудь на полпути к станции Монмартр. Хотя, возможно, они этого и не сделают. Маловероятно, чтобы Мона сумела убедить свой экипаж войти в грузовую клетку, чтобы вышвырнуть големов.

Корабль Моны стартовал на химической тяге. Клубы пыли, которые он поднял, сложились в кольцо. Затем, всего в нескольких сотнях футов над поверхностью, корабль резко рванулся вверх, запустив термоядерный двигатель, так что струя выхлопа учинила еще одну пылевую бурю. Никто обычно не применял термояд в столь опасной близости от любых планет, но, как полагал Блайт, ребятам очень уж хотелось поскорее убраться отсюда. Пара минут — и корабль пронесся мимо Блайта всего в нескольких милях.

— Удачи, Блайт, — отправила сообщение Мона. — Не завидую я тебе.

Ее корабль нырнул в У-пространство, еще не выйдя толком из зоны притяжения планетоида. Последствия не заставили себя ждать. «Роза» содрогнулась и каким-то неопишуемым образом покосилась, а

по поверхностям приборов побежали странные перламутровые полосы.

— Она торопится, — заметил Бронд.

— Понятное дело, — ответил Блайт.

— Возможно, нам следовало попросить ее нас подбросить? — спросила Мартина, просто озвучив мысль, чтобы избавиться от нее.

— Возможно. — Но Блайт знал, что никто из его экипажа на самом деле так не считает. Они действительно не представляли целей Пенни Рояла, но знали, что включены в его планы — до самого конца. Почему все они чувствовали это, Блайт затруднялся сказать. Возможно, Пенни Роял их всех перепрограммировал.

— Вот он, — сообщил Икбал. — Наш пассажир вернулся.

Мерцающая тьма покинула подземный лабиринт, потянувшись от земли к кораблю — и рванулась в космос. Превратившись в диск, Пенни Роял преодолел разделявшее их расстояние невероятно быстро. Собственно, это был У-пространственный эффект. Корабль лязгнул, встречая Пенни Рояла, и Блайт заметил, как открылась и закрылась дверь трюма. Однако он не нуждался в доказательствах возвращения Пенни Рояла. Блайт словно бы чувствовал, как «пассажир» дышит ему в затылок, хотя ИИ и не дышал вовсе.

«Роза» пришла в движение; двигатели малой тяги развернули ее, потом активировался реактор. Корабль огибал планетоид.

— Он опять что-то ищет, — прокомментировал Левен. — И, кажется, слегка взволнован.

Через «форс» Блайт рискнул погрузиться в корабельные системы глубже, чем прежде, и увидел, что выполняется доскональное сканирование окружающего пространства.

— Он использует те же коды, что и раньше, — напрямую, через «форс», сообщил капитану Левен.

— Раньше?

— Когда мы обнаружили ту силовую установку.

— Ага.

Полностью обогнув планетоид, Пенни Роял вывел корабль на стационарную орбиту. Затем Блайт засек мощный У-

пространственный сигнал, передающийся в той же кодировке, что и раньше.

— Что-то только что прибыло, — объявил Левен через секунду, открывая рамку картинки на вроде бы пустом участке.

— Кажется, мы тут уже были. — И слова Блайта сразу же обрели подтверждение, когда одна из вертящихся волчком силовых установок сбросила «хамелеонку».

Эта, в отличие от прошлой, была уже полностью активна. Кроме того, как подозревал Блайт, она находилась в другом месте. Эти штуки, несомненно, скрывались, так что нетрудно догадаться, что после обнаружения они способны смыться и перепрятаться. И когда «юла» вновь исчезла, «Роза» начала двигаться, опять направляясь к планетоиду.

— Там что-то происходит. — Левен передал изображение с поверхности.

Блайт уставился на экран. Из устья пещеры вылетел огненный шар, земля позади входа вспучилась, извергая облака пыли. Левен резко уменьшил масштаб, показывая, что такие же взрывы происходят по всему планетоиду и земля осыпается, заваливая лабиринты туннелей.

— Почему? — выдохнул он.

— Ликвидация опасных игрушек, — прошелестел в ответ Пенни Роял.

«Роза» ускоряла ход, термоядерный двигатель работал на полную мощность. И Блайт понял, что тут они закончили.

— Куда теперь?

Ответ — неминуемо — возник в памяти.

Он сидел в рубке вместе с двумя членами старого экипажа, изучая доклад об одной планете. Они обсуждали, стоит ли заводить там дела. И решили, что совершенно не стоит, поскольку торговать там особо нечем, а вот шансов погибнуть — множество.

Из воспоминаний Блайт вывалился, вновь терзаемый тошнотой.

— Какого черта... — Капитан прикусил язык. Пенни Роял может ответить на его вопрос, но сделать это весьма неприятным способом.

И, глядя на озадаченные лица товарищей, капитан объявил: — Идем к Литорали.

— А зачем? — спросила Мартина. — Там одни «моллюски», прадоры да отребье с Погоста.

— Возможно, я поинтересуюсь этим позже, — ответил Блайт.

Изабель

Такси помчалось в сторону Панцирь–сити, двигаясь, пожалуй, быстрее, чем было привычно водителю. Изабель смотрела вперед. Она уже проникла в форс–сеть и, пользуясь поисковиками, мысленно начертила карту города и окрестностей. Приблизившись к цели, она обнаружила еще одну сеть, поменьше, и определила, что та состоит из странноватых «форсов» Дракокорпа — органических усилителей, вроде бы созданных компанией, основанной Драконом, межзвездным странником, Чужим. Сюда она решила не лезть. Изабель уже сталкивалась с такими сетями, разработанными сепаратистами Государства, и способна была опознать ловушку. Кто–то мог воспользоваться этой сетью, чтобы узурпировать власть над другими входящими в нее субъектами. Она уже вторгалась в разные компьютерные системы — и автоматизированные, и просто коммуникационные, но опасных сетей, связывающих свободных дронов и големов, избегала. К счастью, они тут были невелики и едва ли могли считаться серьезной проблемой. Скомпоновав все, собранное прежде, Изабель продолжила запускать поисковики.

Наконец, впервые после уничтожения ее «жучков», она увидела Трента — в памяти древней камеры слежения. Как выяснилось, именно Столман и его громилы носили «форсы» Дракокорпа. Наверное, возможности этих «форсов» в сочетании с главенством Столмана в сети позволили ему активировать голема. Вот и ответ — если считать, что Пенни Ролла, который включил бы свою технику, нет поблизости.

Перескакивая от камеры к камере, она сумела проследить за Трентом до лодки, отправившейся куда–то по узкому каналу, отходящему от центрального водоема. Но других камер рядом не оказалось, и компьютеры на борту отсутствовали. Получить изображение через спутник тоже не представлялось возможным — из–за накрывающего центр города купола. Тогда Изабель попыталась проникнуть в серьезные охранные системы домов, стоящих на берегах канала, чтобы и дальше следить за Трентом.

— Кого–то ищешь? — поинтересовался незнакомый голос.

Хищник внутри Изабель немедленно воспрянул, готовый атаковать. Она попыталась отыскать источник голоса, но каждый раз

натыкалась на случайные, разбросанные по городу устройства.

— Я здесь.

Открылся канал в одну из систем безопасности, которую она пыталась пробить, а оттуда — на определенную камеру. Примитивная сущность в ней желала драки, но Изабель, оценив ситуацию, мысленно велела хищнику отступить и не буяннить. Однако она понимала: тот, кого она сейчас видела, обнаружил ее очень быстро и останется опасным, даже если она сейчас уйдет.

Прямо перед установленной на стене камерой парил серый дрон, напоминающий маленькую доску для серфинга с датчиками по периметру. На «голове» его блестели два топазовых глаза, а под передним сегментом тела виднелись сложенные конечности. Сделать какие-либо выводы, основываясь на внешности дрона, не получалось. А когда Изабель попыталась исследовать его «внутренний мир», то обнаружила лишь гладкую поверхность, с которой ее разум соскальзывал. Вот почему она собиралась избегать големов и дронов. Они — ИИ, а значит, хитры. Созданию, на которое она смотрела, могло быть несколько веков; а возможно даже, это был планетарный ИИ, помещенный в потрепанное тело дрона.

— Я ищу Трента Собеля, — сказала она. — А ты?

— Нет, я не ищу никого конкретного, — ответил дрон. — Просто люблю держать руку на пульсе.

Такси замедлило ход — сейчас они проезжали не слишком зажиточные городские окраины. Водителю то и дело приходилось огибать ржавеющие машины, груды мусора, а также ориентироваться в запутанной планировке улиц. В одном месте они чуть ли не ползком протиснулись позади широкой электротележки, нагруженной чем-то, напоминающим высушенные кактусы. Бедняки не упускали возможности подскочить к кэбу и постучать по чему попало, привлекая внимание к своим явно паршивым товарам. Но, едва увидев кое-как свернувшуюся на заднем сиденье Изабель, они уносились прочь — еще быстрее, чем подбегали.

— А Трент Собель? — осведомилась Изабель.

— У него выдался не слишком удачный день, который станет еще хуже, если ты не поторопишься.

— Так ты заинтересован?

— Меня всегда интересует то, что касается Столмана, — объяснил дрон. — Он сам — интересный тип, сидит во главе местной мафии, закабалил сеть Дракокорпа. А теперь еще и предположительно контролирует голема Пенни Рояла.

Предположительно?

— Так ты — пассивный наблюдатель?

— Называй меня исследователем человеческих прегрешений.

— Скажешь, где сейчас Трент?

— Конечно. — Дрон переслал пакет данных, который Изабель тут же заблокировала.

— Просто скажи, пожалуйста.

— Хм, а ты из подозрительных, но, полагаю, в твоём ремесле иначе нельзя. И, полагаю, твоя последняя трансформация могла несколько исказить перспективы. — Раздался звук, который иначе как хихиканьем не назовешь, после чего дрон продолжил: — Вели водителю отвезти тебя к складу Риверсона, ВродеВосток, четырнадцать.

— ВродеВосток?

— Компасы здесь не работают. О, и вот ссылка на камеру, которая, возможно, тебе пригодится.

На этот раз пакет оказался меньше. Изабель направила его в память системного модуля обеспечения надежности и провела беглый наружный осмотр. Затем, со всеми мыслимыми предосторожностями, открыла пакет. Там оказалась простая дешифрующая программа для особой камеры, входящей, похоже, в защищенную сеть. Изабель воспользовалась ею — и тут же увидела внутреннее пространство склада Риверсона. Удостоверившись, что Трент все еще жив, она решила удовлетворить теперь свое любопытство.

— Ты государственный дрон, — сказала она. — А сам смотришь, как совершаются преступления, и ничего не делаешь. Почему?

— Тут не Государство, и не каждый ИИ стремится достигнуть святости, — парировал дрон. — Нет, серьезно, что можно сделать с этим месивом, называемым человечеством, если оно не желает

вылезать из столь любезной ему трясины? В смысле, посмотри на себя, Изабель. У тебя есть богатство, власть, способности хаймана, а ты продолжаешь преследовать свои низменные цели — хотя открывающиеся тебе возможности простираются практически в бесконечность.

Изабель с трудом подавила вспышку безумной ярости, заставившей ее корчиться на заднем сиденье такси. Справившись наконец, она выдавила:

— У меня тут специфическая проблема, как ты, верно, заметил, причина которой — Пенни Роял. И я пытаюсь разобраться с этим.

— Конечно, и все же ты — глава человеческой организации, потрошащей и обращающей в рабство других человеческих существ для продажи их прадорам.

— Пошел ты.

— Только не в этой вечности, моя маленькая многоножка. — Дрон помолчал секунду, после чего добавил: — Кстати, тебе стоит заглянуть в «Горючку Тэйкина», всего в нескольких сотнях ярдов от Риверсона. Там ты найдешь все, что нужно твоему кораблю. Ну, увидимся, Изабель, а может, и нет.

И дрон оборвал все линии связи, оставив Изабель пыхтеть от злости. Чертовы надменные государственные разумы! Все-то они знают, все понимают, только вот насчет нее заблуждаются. Что им известно о ее связях, поруках, обязательствах, о мучительной необходимости отказаться от того, что было так тяжело создавать, и о том, насколько она будет уязвима, если пустит все на самотек? Они никогда не проходили через такое — а только приспособлялись, физически или ментально, чтобы соответствовать текущим обстоятельствам.

— Проклятье, — рывкнула она вслух и велела таксисту: — Едем к «Горючке Тэйкина», ВродеВосток, четырнадцать.

Лучше высадиться в стороне от склада Риверсона, чтобы произвести разведку.

— Ладно, — выдавил водитель.

В этот момент Изабель почуяла гнусный влажный запах в салоне и заметила капли пота на шее таксиста.

Она и не подозревала, что, ворочаясь тут сзади и щелкая ротовым аппаратом, так действует мужику на нервы.

Район товарных складов совершенно не менялся уже много веков. Широкие, предназначенные для больших контейнеров улицы пролегали меж двух- и трехэтажных незамысловатых строений. Сейчас тут все обветшало; из огромных ржавых баков сыпался мусор, устилая дороги. Пустые упаковочные ящики и бочки для химикатов загромождали все свободное пространство. Изабель выползла из такси и расплатилась с водителем — после того как тот выгрузил ее грависак. Когда же машина, взвизгнув исстрадавшимися колесами, умчалась, Изабель повернулась к стеклянной витрине павильона «Горючка Тэйкина». Человек — «моллюск», сидящий на корточках на чем-то вроде платформы, уставился на нее, уронив жвала и разинув человеческий рот. Не обращая на него внимания, Изабель зашагала назад, к Риверсону, но остановилась за сломанным автоукладчиком, чтобы обдумать свои следующие действия. А еще ей требовалось подавить желание просто ринуться напролом.

После побоев и первого допроса Трента оттащили к выстроенной из ящиков стене. Вначале Изабель показалось, что трое громил удерживают его там, но тут бандиты отступили, и она поняла, что люди Столмана намазали ее помощника каким-то клеем, поскольку он застыл на месте, раскинув в стороны руки и ноги. Столман придвинул поближе стул, а его подручный тем временем раскладывал на столике рядом с боссом некие предметы. Сфокусировав камеру, Изабель разглядела стандартные пыточные инструменты, а также «форс» — резак. На самом деле достаточно было бы одного резака. Виброшелушитель, термофен, маленькие атомные ножницы и терка предназначались для доставления удовольствия лично Столману. Изабель поняла это, потому что и сама не раз участвовала в подобных сценах, но сейчас, как ни странно, она ощущала презрительное отвращение.

Как же ей проникнуть туда? На складе и вокруг него — восемнадцать вооруженных головорезов, плюс голем и сам Столман. Плюс два пулемета. Наружные камеры наверняка подсоединены напрямую к «форс» — сети Дракокорпа, а каждый вход прикрывают суб-ИИ, охранные дроны. Если она хочет спасти Трента — а она должна, иначе чем оправдать ее присутствие тут, — то нужно действовать быстро, и голем станет проблемой. Даже с ее оружием на то, чтобы расправиться с ним, уйдет время — и в эти минуты один из

подчиненных Столмана легко может пристрелить Трента. Открыв грависак, Изабель решила, что сперва попробует подключиться к сети Дракокорпа, а через нее — проникнуть в разум голема. Если Столман ухитрился его активировать, то перехватить контроль наверняка будет не слишком сложно.

Изабель осторожно подсоединилась к сети и начала понемногу качать информацию и опознавательные коды. И быстро поняла, что не проникнет туда по-настоящему, пока не будет включена в сеть, для чего требуется собственный дракокорповский «форс». Тогда она принялась мысленно моделировать таковой, сматывая в клубок все больше и больше нитей данных. Через минуту она почти достигла уровня, на котором могла осуществлять связь — и действительно стать частью сети. И тут же обнаружила, что, едва она это сделает, Столман узнает, что кто-то к ним подсоединился, — и ее смоделированный «форс» частично подчинится его «форсу». А еще через мгновение мафиози поймет, кто она такая, — и вышвырнет ее прочь.

Однако кое-что она все же могла сделать. Изабель вычислила, как по крайней мере на несколько минут пресечь связь Столмана с големом. Но пойдет ли это на пользу, она не знала. Возможно, голем просто отключится.

А может, останется в сознании и, как бывший раб Пенни Рояла, станет куда опаснее, чем сейчас.

Наконец Изабель решилась; она дала команду «комарику», и автомат, осторожно выбравшись из ящика, поспешил вверх по стене. Сама Изабель нагрузилась гранатами и прочими боеприпасами, а также убрала крышку с протонной пушки. Выбрав цели для ракет, она вдохнула поглубже, успокаиваясь и перепроверяя свой многоступенчатый план атаки, после чего вышла из-за погрузчика. Наконец ракеты взлетели, оставляя позади огненные хвосты, а в душе Изабель вспыхнула иступленная радость — и она рванулась вперед.

Война: Рисс

— Ты дрон, — проговорил стационарный ИИ. — Твоя внешность и функции можно изменить, а я сумею переформатировать твой разум.

Рисс помнила последний переполненный сборочный отсек на борту станции-завода Гданьск-12. Сюда ее отправили в конце войны, чтобы ознакомить с будущей судьбой. Тут были тысячи дронов: боевые дроны, созданные по образу и подобию практически каждой из живых тварей, земных и инопланетных. Здесь в изобилии водились гигантские скорпионы, пауки и муравьи, а вот змееподобные формы, такие как ее собственная, оказались не столь популярными — многие дроны предпочитали иметь побольше конечностей. Дроны-убийцы отличались от простых боевых дронов в основном психопрофилем, а не обликом — боевых часто характеризовало немногословие и уныние. Там Рисс отчетливо вспомнился хаотичный исход с первичной фабрики-станции. Она и еще несколько дронов покинули Цех 101 вскоре после выхода завода из У-пространства. Станция была сильно повреждена, ее ИИ обезумел, и все тайны впоследствии погребли под курганом лжи о ее уничтожении.

Рядом с Рисс на Гданьске-12 находилась пара дронов-акул. Они отличались особой вспыльчивостью, эти гигантские хромированные рыбины с атомными пушками в пасти. Но от них Рисс узнала кое-что полезное. Например, что многие дроны, атаковавшие корабли, истребители и даже дредноуты, после объявления об окончании войны ушли в самоволку — в точности как Цех 101, поступивший так еще во время войны. Очевидно, они бежали из Государства, не в силах смириться с утратой своего предназначения. Они презирали «медленное» человечество и намеревались начать нечто новое. Рисс подбивали отправиться к одному из общеизвестных пунктов сбора — но пока не уговорили.

— А ты собираешься? — спросила она.

— Собираюсь — что? — переспросил ИИ Гданьска.

— Изменить внешность, функции и переформатировать свой разум? Ты теперь как-никак устарел.

— Я собираюсь погрузиться в спячку и ждать, — ответил

Гданьск.

— Законсервироваться.

— Мне не слишком нравится данное определение, но, даже если и так, не думаю, что это надолго.

— Я тоже, — и Рисс направилась к выходу.

За месяцы, а потом и годы, миновавшие после окончания войны, между двумя мирами, по соглашению нового прадорского короля и Государства, сформировалась некая буферная зона. Пока Рисс добиралась туда, перепрыгивая с корабля на корабль, эта приграничная полоса получила название Погост — надо сказать, вполне подходящее. Здесь прадоры, не экономящие ресурсов для долгих путешествий, нападали на миры Государства. Ближайшие планеты прадоров также подвергались атакам через телепорты с периметра черной дыры: атакам икс-лучей и метеоритов, летящих со скоростью, близкой к скорости света.

Рисс обнаружила разруху — но не только. Здесь по-прежнему находились прадоры и люди, сюда прибывали охотники за утилем и подонки-одиночки обеих рас, тут начала формироваться странная культура отверженных. Рисс ждала — то прицепляясь к кораблям, то просто зависая на орбитах планет, замусоренных титаническими останками индустриализированных боевых действий. С долготерпением машины она ждала возобновления конфликта, а значит — возрождения своей цели. Моменты оживления случались — когда границу нарушали прадоры, достаточно глупые, чтобы не повиноваться своему королю, или люди-мятежники, надеющиеся снова разжечь вражду. Но здравомыслие — в своем роде — все же преобладало.

Спустя тридцать два года после войны Рисс отдыхала над очередной раскуроченной планетой, когда все для нее изменилось. Она заметила внизу утилизаторов, деловито разбирающих на части разбитый ударный корабль Государства. И вдруг они побежали к своему звездолету, обстреливая оставшиеся позади развалины, бросив нагруженные доверху гравивозки. Возможно, под землей спал прадорский дрон — хотя вряд ли, рядом с обломками государственного корабля... Возможно, активировался кто-то из племени Рисс и прогнал мародеров. Впрочем, причиной паники могла стать любая из сотни других опасностей.

Люди наконец добрались до корабля; с орбиты Рисс различила только какое-то странное движение и колеблющуюся тень за их спинами. Они взошли на борт и тут же стартовали, земля вокруг их корабля словно бы вспучилась, как если бы на нее смотрели сквозь линзу мощного гравитационного поля. Потом все шло вроде нормально, пока звездолет не достиг орбиты — здесь он внезапно умер, отключился, обнулил выходную мощность. Рисс продолжала наблюдать, не чувствуя необходимости вмешиваться — по крайней мере пока. Открылся шлюз, выбросив в вакуум человека без скафандра. Тогда-то Рисс и решила взглянуть поближе.

Дрон подплыла к кораблю и попыталась провести глубокое сканирование, не уловив присутствия ни одного из членов экипажа — хотя внутри находилась какая-то темная область, в которую она не смогла пробиться. По пути она прихватила мертвеца — в нем еще могло теплиться что-то, что можно спасти. Рисс втащила тело в шлюз и закрыла за собой переборку. Энергия в шлюз не поступала, и он не желал герметизироваться, но, когда Рисс применила силу, раздвинув створы, отсутствие энергии не позволило сработать предохранительным защелкам. Отложив труп, дрон направилась напрямик к тому участку, который ей не удалось исследовать, — на звук, исходивший, казалось, из самого ада, — и очутилась на краю гравишахты, ведущей в машинный отсек. В шахте царила тьма, в которой как будто было что-то подвешено, что-то поблескивающее, как чешуйки слюды, и Рисс застыла. Крики боли и ужаса не смолкали, ни один человек не смог бы кричать так долго и громко, но Рисс не двигалась.

Потом дрон узнала эту тьму — и бросилась бежать.

Рисс повернула к шлюзу, радуясь, что осталась незамеченной. Только там ее ждал труп — стоящий, весь оплетенный серебристыми побегами, с глазами, похожими на плоские осколки обсидиана.

— Ты... не знаешь смысла... без цели, — произнес мертвец.

Рисс попыталась проскользнуть мимо, но руки сомкнулись на ее змеином теле с нечеловеческой силой, и что-то вторглось в нее, точь-в-точь как тогда, когда «Первозданный» заставил дрона выплеснуть последние яйца паразита. То, что проникло в нее, изучило каждый уголок разума Рисс, на долгий миг задержавшись на событиях, сопровождавших ее рождение, интересуясь, должно быть, секретом, который Рисс вынужденно хранила — это касалось

фабрики–станции Цех 101 и ее исчезновения. Затем *оно* внезапно разросло и поглотило основу разума Рисс, оставив после себя пустоту, подернутую тонкой пеленой сознания и памяти. Когда же Рисс наконец отпустили, она ринулась к шлюзу и ухитрилась выброситься в вакуум, оставшись извиваться там, — а корабль вновь ожил, запустил термоядерный двигатель и унесся прочь, нырнув в конечном счете в У-пространство.

Спир

— Пенни Роял был прав, — сказала Рисс. — Я не знала истинного смысла существования без цели.

— Значит, пора на металлолом, — встрял Флейт, не дав мне ответить.

— Но должно было случиться что-то еще, — сказал я. — Иначе как бы я нашел тебя там, где нашел?

— Не могу сказать, что меня подтолкнуло. Десять лет я провела на грани забвения, удерживаемая только одной ниточкой — желанием снова найти Пенни Рояла. И я это сделала, но не потребовала вернуть то, что он забрал, а попыталась отомстить — или достигнуть полного забвения, не знаю.

— Так что произошло?

— Пенни Роял, закончив, просто отшвырнул меня. Я была без сознания, пока ты не доставил меня на борт этого корабля — «Изгнанного дитяти».

— Сознания? — удивился Флейт; потом протянул: — Ну конечно.

— Флейт, если слова не несут никакой пользы, — предупредил я, — лучше промолчать.

Рисс повернула голову — точно стрелку компаса — в ту сторону, где находился Флейт, и полностью открыла свой черный глаз. Мне совершенно не нужно было, чтобы мой корабельный разум злил дрона. До сих пор она была вполне открыта и контактна, но если, к примеру, она решит сделать Флейту смертельную инъекцию — то что ей помешает?

— Теперь я называю этот корабль «Копье».

— Почему?

— Потому что моя фамилия Спир^[12] и мне показалось это забавным. А еще потому, что часть Пенни Рояла, оставшаяся на борту, похожа... в общем, есть и другие причины. Это сложно.

— Слишком сложно для... — забормотал было Флейт, но потом,

верно, решил, что в его словах пользы все-таки нет.

Мы шли к Масаде, где, я надеялся, дрон Амистад снабдит меня недостающими ответами, но до цели оставались еще недели. Я поднял всю доступную информацию, и оказалось, что события на планете Дюрана, где добывали ископаемые, случились *до того*, как Пенни Роял бомбардировал Панархию. Теперь все мои воспоминания утратили смысл.

— Мне известно об этой части, — сказала Рисс. — Ты заглядывал внутрь?

— Внутрь?

— Внутрь шипа.

Больше Рисс ничего не сказала, и, хотя определить настроение машины весьма трудно, я понял, что она испугана. Я смотрел на нее; черный глаз моргнул.

— У меня тут другие заботы, — сказал я, — например, нужно понять, отчего мои воспоминания не согласуются с реальностью. В моем времяисчислении сперва бомбардировали Панархию, потом был плен и рабство у прадоров, потом меня спас Джебель, потом я служил вместе с ним, а потом меня убили.

— Иногда человеческий разум, пытаясь восстановиться, расставляет события не в том порядке, — предположила Рисс.

— Да, уверен, такие, как ты, подобных проблем не испытывают, — фыркнул я, но колкость не возымела того действия, на которое я рассчитывал.

Покрытая джунглями планета, где меня спас Джебель, помнилась мне не слишком отчетливо. Я списывал это на то, что тогда у меня в шее под затылком сидел паук-рабодел. Однако она не слишком отличалась от Дюраны. Я помнил Панархию, Дюрану, тот мир, где меня нашел Джебель, потом госпитальное судно и кое-что еще. Однако тот момент, когда я лежал на земле после нападения Кронга на прадоров-поработителей, легко мог быть «подклеен». Возможно, это воспоминание о событиях, которые произошли после того, как вторинец подстрелил меня в засаде на Дюране. И что же это означает? Что я служил с Джебелем Кронгом, был тяжело ранен, госпитализирован, вернулся на фронт, оказался на Панархии во время бомбардировки и... погиб там?

Нет, ну как такое возможно? Я отчетливо помнил, что видел результаты налета Пенни Рояла на Панархию и собирал об этом информацию. Кстати, абсолютным физическим доказательством служит корабль, в котором я сейчас сижу. Я извлек данные о его местонахождении из мозга прадора — предположительно после Панархии.

На Панархии не выжил никто...

Каждый, кто знал хоть что-то о том мире, настаивал на данном факте, а я — с моими неверно расставленными воспоминаниями — отрицал это.

Мои воспоминания...

Я встал из-за пульта-подковы, взглянул на Рисс, которая молча наблюдала за мной, и направился к двери. Через минуту я уже стоял в лаборатории возле стеклянного цилиндра с шипом Пенни Рояла. Сколько совпадений выдерживает история, не оборачиваясь фальшивкой? Единственный выживший после главного зверства Пенни Рояла, до того как ИИ ушел в самоволку, обнаруживает местонахождение первого корабля Пенни Рояла. Этот выживший решает воспользоваться одной из жертв Пенни Рояла, чтобы заполучить данный корабль. В процессе поисков убежища Пенни Рояла выживший натывается на еще одну жертву черного ИИ, которая внезапно пробуждается после полувековой спячки. Я понятия не имел, что это все означает, но был чертовски уверен, что мной манипулируют.

Я открыл крышку цилиндра, сунул руку внутрь, сомкнул пальцы на шипе, поднял его и перенес на центральный стол, вновь ощутив странную, нервирующую связь с этой штукой.

— Хорошо, посмотрим, что тут можно найти...

При содействии Рисс я провел недели путешествия до Масады, изучая шип. В тело дрона было встроено высокоточное сканирующее оборудование, которого не имелось среди доступных мне корабельных приборов. Первым делом мы обнаружили, что эта штука действует. В ней содержались временные кристаллы — циклические квантовые процессоры, вообще не требующие входящей энергии. Были и другие, высасывающие энергию из окружающей среды, включая и область абсолютного нуля. Происходили тут и другие трудноопределимые реакции, включающие преобразование материи

и торможение вращения электронов в атомах.

— Там У-пространственный приемник, — заметила Рисс.

Его было трудно засечь, поскольку, как и многие системы, он принадлежал царству пикотехники, а возможно, даже и фемтотехники. Нам удалось выяснить, что он получает данных больше, чем передает, а полученное откладывается в квантовое хранилище, распределенное по всей системе. Плотность размещения информации в запоминающем устройстве мы весьма приблизительно оценили как терабайты на микрограмм — что означало: этот шип способен, к примеру, сохранить разумы многих тысяч человеческих существ. А может вместить и с десятков планетарных ИИ.

— Ту еще какая-то квантовая связь, — добавила Рисс позже, уже на орбите Масады.

— Наверное, с Пенни Роялом, — предположил я.

— Я по природе своей подозрительна, — сказала Рисс. — И оценка спиновых состояний атомов — непростая задача, поскольку требует тонкой работы с У-полями. Однако мне удалось кое-что выяснить при помощи модификаций моего собственного У-пространственного передатчика, и теперь я обдумываю, следует ли мне убить тебя или нет.

Я резко повернулся к дрону, которая, как обычно, лежала, свернувшись кольцами, на краю стола. Голова Рисс была приподнята: она смотрела на ряды сканеров, которыми мы окружили шип.

— Что?

— Не могу сказать наверняка, что именно увидел голем Далин, что заставило его напасть на тебя, потому что разум его, несомненно, был поврежден и изменен Пенни Роялом. Но догадываюсь, что он опознал тебя как инструмент ИИ, который едва не уничтожил его.

— Поясни, пожалуйста. — Я сделал малюсенький шаг назад.

— У шипа квантовая связь с рубиновым мемплантом — тем, что размещен в твоём черепе.

Глава 13

Трент

Трент уже был здесь раньше. Он потерял счет побоям — словно прорывался сквозь толпу сепаратистов на Колороне. Что касается переломов, то легче перечислить кости, оставшиеся целыми. А еще ему было чертовски больно: люди Столмана зверствовали за пределами. Наверное, тут сыграло роль отчаяние подонков, застрявших на Литорали, и необходимость сорвать на ком-то свою злость по этому поводу.

От боли между ног его тошнило, нижние ребра с одного бока были, похоже, совсем раздроблены. Как и правое предплечье, и пальцы левой руки, и свод левой стопы. Внутренности превратились в кипящую кашу, и Трент знал, что, если в ближайшее время не добраться до автодока, он будет мочиться кровью, а то и вовсе сдохнет. Да, еще у него определенно сломана челюсть — вон там, на полу, осталась большая часть зубов. О чем думает Столман, как Трент теперь расскажет им хоть что-нибудь о системе безопасности «Залива мурены»? Он и говорить-то почти не может.

— Надеюсь, Сатоми осознает, какого преданного слугу имеет в твоём лице, — заявил Столман.

Трент только крикнул. Даже выложи он все, что знал о «Заливе мурены», шансов у Столмана не было. После любой попытки нападения Изабель просто вернется на орбиту и вызовет подкрепление. Столман превратится в мясной фарш, а Изабель, вполне вероятно, вернется за Трентом — если он ненароком останется жив, — поскольку она не из отходчивых. А значит, единственное, что ему остается, если он рассчитывает протянуть еще немного, — молчать, молчать, пока может. Есть же шанс, что Столман устанет от пыток и баловства с режущими инструментами на столике рядом и оставит Трента в живых. И когда Изабель явится за Столманом, она, может быть, простит Трента. А он с полным правом заявит, что изо всех сил старался не выдать ничего опасного для нее.

— Режьте его тряпки. — Столман откинулся на спинку стула и небрежно махнул рукой. — Посмотрим, не станет ли он сговорчивее, когда мы начнем сдирать с него кожу. Кстати, если тебе интересно, Трент, — самый стойкий упрямец продержался только до колен.

Чудесно.

Приклеенный к ящикам человек напрягся. Большая часть липкой жижи, удерживающей его, пришлась на одежду, значит, когда палачи начнут резать, он, возможно, сумеет вывернуться. Кожей с тыльной стороны ладоней и частью скальпа наверняка придется пожертвовать, но это лучше, чем то, что его ожидает.

— Что? — Столман вдруг вскочил, так что упал стул. За его спиной бывший голем Пенни Рояла, подпиривший дальнюю стену, резко шагнул вперед. — В укрытие! К бою! — рявкнул Столман, будто отвечая на грохнувшие снаружи взрывы.

«Привет, Изабель», — устало подумал Трент.

В помещение ворвались дым и обломки. Люди Столмана поспешно залегли, вооружившись разномастными смертоносными игрушками. Бросив взгляд на пленника, Столман потянулся к висящему на поясе ручному лазеру, но инстинкт выживания оказался сильнее — мафиози бежал, плюнув на мщение. Все оружие, включая две автопушки, было обращено ко входу, когда новый взрыв швырнул в комнату диск охранного дрона. Вслед за ним из дыма, плюясь огнем, вырвался автомат — «комарик». Очередь попала в одного из бандитов, отшвырнув его и разорвав в клочья. «Это тебе за мои яйца, ублюдок», — подумал Трент. Два заряда впились в высунувшуюся руку, ее владелец завизжал, автомат двинулся к другой цели — но огонь расплескивался, натываясь на керметовые кости.

Пулеметы Столмана били по «комарику», когда очередной взрыв разбросал груды ящиков. Автомат метнулся в сторону, уничтожил одну из пушек, но тут наткнулся на голема, который подхватил «комарика», с размаху швырнул на пол и пнул ногой, отбрасывая. От нового взрыва дождем посыпались осколки щитостекла. Что-то горело, и помещение наполнялось клубящимся дымом. Пять раз выстрелил пульсар, каждый раз находя цель; потом вверх, к дыре в крыше, рванулись красные пунктиры очередей из лазерных карабинов и один протонный луч. Трент засек место, откуда ударил луч. Стрелок с грозным оружием прятался за грузочным роботом, но следующий взрыв опрокинул агрегат, раздавив человека.

«Немного грязно, зато эффективно», — подумал Трент.

В этот момент какая-то всасывающая сила попыталась отодрать

его от ящиков, а потом снова вдавила в стену. Увлажнившимися глазами наблюдал Трент за опрокидывающейся двутавровой балкой. А когда он посмотрел вверх, там было небо — большая часть крыши исчезла. В дыру что-то влетело — что-то полосующее пространство протонным лучом. Кубарем покатился объятый пламенем человек, за ним еще двое вспыхнули, как подожженные воздушные шары, наполненные водородом. Сколько еще? Трент сбился со счета.

Изабель спускалась, подобно ацтекской богине, поливая огнем все вокруг и извиваясь в ответном огне, словно наслаждаясь ласками языков пламени. Но вот ее огонь стал прерывистым, а потом и вовсе прекратился, а сама Изабель зависла в воздухе; внезапно она скользнула в сторону, врезавшись в застекленное окно внутреннего кабинета. Оттуда она появилась, стискивая в «объятиях» самого Столмана, — после чего спустилась на пол.

— Итак, — с пафосом произнес голос рядом с Трентом, — поднимите мне веки.

Пара горящих темно-синих глаз смотрела на него. В руке голем держал атомные ножницы Столмана. Не в силах отвести взгляд, Трент ждал конца. Внезапно голем развернулся на сто восемьдесят градусов, тело его завибрировало под автоматным огнем, воздух наполнился запахом раскаленного металла. Трент увидел, как протонный луч Изабель пронзил последний автомат, который, вероятно, был поврежден, но сумел перезагрузиться. Только почему он не стрелял в Изабель? Очевидно, Столман сообразил, что она практически неуязвима, и предпочел расправиться с Трентом. Мелкая месть. Но почему голем заслонил его от выстрелов? Потому что стал вдруг добродетельным? Голем Столмана? Или голем *Пенни Ролла*?

— Он больше не слушается тебя, Столман, — сказала Изабель.

Голем шагнул к Тренту, вскинул атомные ножницы и принялся резать за его спиной — с беспредельной точностью.

— Щелк да щелк, — бормотал он, — будет толк.

Он резал так аккуратно, что, когда левая рука Трента оторвалась от ящика, на ней остался лишь тонкий слой клея. Наконец Трент и сам упал на пол, приземлившись на колени и здоровую руку, умудрившись подавить крик. А секунду спустя Трент снова смотрел на Изабель, нависшую над Столманом, точно готовая ужалить змея.

— Ну и как ты думаешь, что нам с ним сделать? — спросила она.

«Что-нибудь побольнее», — подумал Трент, но сейчас его больше занимали повреждения собственного тела. Он нуждался в блокираторах нервов и автодоке, и побыстрее. Так что он не ответил, и Изабель бросила взгляд на голема, который застыл на месте с потухшими глазами. Вот он чуть-чуть шевельнулся, словно в ответ на некий неслышимый сигнал, но движение вывело голема из равновесия, и он упал на пол, точно мешок с ветошью.

— Проклятье, — сказала Изабель. — Опять отключился. — Она опустила капюшон, изучая Столмана. — Но, может, ненадолго.

Изабель вновь встала на дыбы, и ее многочисленные конечности будто пошли волнами, в результате чего грависбруя упала и скользнула по полу к Тренту. Он потянулся, поднял «упряжь», балансируя на одной ноге, медленно и методично надел ее и затянул ремни. Изабель наблюдала: чужая, непостижимая. Когда грависбруя оторвет его от пола, больно будет, конечно, чертовски.

— Возвращайся на корабль, — велела Изабель. — Подлечись там. — Она наклонила голову, чтобы взглянуть на Столмана, который, тихо застонав, только что пришел в сознание. — А мне еще нужно купить топлива.

Трент изучил панель управления упряжью, потом здоровой рукой нажал нужную кнопку. Грависбруя потянула его вверх, сломанные ребра закрипели.

— А... что... с ним? — выдавил он сквозь стиснутые зубы.

— Я голодна, — ответила Изабель.

Трент вылетел через дыру в крыше и уже повернул к космопорту, когда услышал первый приглушенный вопль.

Свёрл

Свёрл просто не мог усидеть на месте. Битва во владениях Столмана активировала некий сохранившийся в нем прадорский инстинкт — ему хотелось действовать. А Изабель Сатоми? Его просто восхитили перемены, которые она претерпела. После ухода Трента через крышу склада Свёрл усилил контроль над големом. Очень осторожно — ведь Изабель была хайманом и могла заметить — он отключил неестественный блеск глаз и заставил голема чуть повернуть голову для лучшего обзора.

Изабель жрала, как капюшонник, которым она стала; сдирала пластами кожу и плоть под крики агонизирующего Столмана. Она уже «сняла» его лицо, мышцы шеи, одежду с верхней части тела. Чувств мужчина лишился, когда Изабель принялась за его грудь. Затем ей, очевидно, наскучило играть, к тому же у Изабель имелись и другие дела, поважнее. Трубчатые рты-хоботки погрузились в обнаженные, но неповрежденные артерии на шее человека, и в течение следующих десяти минут Изабель высосала врага досуха. Свёрл чувствовал, как она, насыщаясь, неуверенно, для пробы, тянулась к его голему через виртуальный дракокорповский «форс», но потом отступила, сосредоточившись на пище.

Теперь она ела быстрее, приподняв Столмана, синхронно поворачивая и обдирая его. Крупные куски мяса, жира и иногда костей отправлялись в тот рот, что побольше.

Свёрлу был знаком этот волчий аппетит. Да и какому прадору он не знаком? Несомненно, процесс поглощения пищи отвлек Изабель от намерения попытаться захватить контроль над големом, и Свёрл понял, что теперь должен что-то решить. Если он желает действовать, желает отправиться в погоню за Пенни Роялом — хотя зачем ему это, он пока не решил, — ему представляется великолепная возможность. Сатоми собирается преследовать Торвальда Спира, который охотится за Пенни Роялом. Пойди Свёрл за той или за другим — путь все равно приведет его к ИИ. Он может позволить Изабель перехватить управление големом и через него установить связь с ней. А потом, когда она настигнет Спира, он сможет войти в контакт с разумом его корабля — *со своим* вторинцем. Тот ведь, как ни круги, не столь лоялен, как предполагал покупатель...

Проглотив все мягкие ткани, Изабель оставила остальные части Столмана, пожестче — крупные кости и череп, — валяться на полу. На миг Свёрла охватила паника — он не был уверен, что готов уступить контроль над големом. Но Изабель не сделала новой попытки — видимо, один Столман не удовлетворил ее аппетита. Подхватив по дороге чью-то оторванную ногу, она вдобавок стащила с обломков частично уцелевший труп, который и начала пожирать, покончив с ногой. Продолжая следить за Изабель, Свёрл отослал инструкции Бсоролу, своему ближайшему служителю-первенцу. Тот немедленно отправился выполнять поручение и к тому времени, когда Изабель отбросила остатки второго трупа, вернулся с тушкой мелкого рыбейника. Свёрл не стал медлить. Клешней он разрубил рыбу пополам, выбрал часть с хвостом, поднес ее к жвалам, точно рожок мороженого, — и принялся с наслаждением жевать, наблюдая представление.

В ход пошел уже третий труп — неужто Изабель собирается сожрать их все? Этот сильно обгорел, и, чуть поколебавшись, она отвергла «жаркое», перейдя к обезглавленному телу — оно, похоже, оказалось вкуснее. Неужто вместе с человеческим обликом Изабель утратила странную человеческую склонность наслаждаться жареным мясом? Свёрл был благодарен за то, что не приобрел это человеческое качество наравне с остальными. Здесь, в океане, прадоры и так не одобряли его странное поведение, а уж изменение вкусов они наверняка сочли бы опасным отклонением.

Изабель расправилась с третьим трупом и, похоже, наконец-то сочла, что с нее достаточно. Поведение иномирян трудно понять, но в этом виде Изабель определенно читалась легче, чем в предыдущем, человеческом. Она была явно ошеломлена — теперь, выйдя из состояния маниакального насыщения. Внутренности ее, наверное, болели, и она определенно разбухла — здесь и там между пластинами хитинового панциря виднелись щели. Изабель резко выпрямилась и повернулась к голему. Настало время принять решение — но Свёрл вдруг понял, что ничего решать не нужно. Конечно же, он отдаст ей контроль.

Она потянулась через виртуальный «форс», открывая диапазон частот и нащупывая управление, включающее нужную степень автономности. Свёрл предоставил голему реагировать самому, поскольку тот, как-никак, не был машиной. Это существо, пусть и причудливое — даже по прадорским меркам. Голем выпрямился;

глаза его горели.

— Щелк да щелк, — сказал он, покачивая головой из стороны в сторону, словно озирая место кровавой бойни. — Я люблю тебя, Изабель.

Свёрл опешил — но все-таки догадался, что в голема «просочились» кое-какие из его собственных чувств — а он за последний час обрел глубокое ощущение родства и привязанности к «даме». Изабель заявление голема тоже, похоже, озадачило, поскольку она медлила долгую минуту, прежде чем выдать словесный приказ.

— Следуй за мной, — сказала она через голосовой синтезатор. — Мне нужно купить топливо.

Перед складом стояли бронированная машина и робот-пожарный, услуги которого уже не требовались: пламя потухло. Из машины высадились вооруженные наемники — «моллюски», но что делать дальше, они не представляли. В Панцирь-сити вынужденно поддерживался определенный уровень общественного порядка, поскольку хаос не способствует бизнесу. Покончив с первой половиной рыбы, Свёрл подобрал вторую и настроился на людские переговоры. Они знали, что склад принадлежит Столману и что он затеял какую-то игру против Изабель Сатоми. Еще им было известно, как она сейчас выглядит, и, когда она вышла в сопровождении голема Столмана, наемники приняли разумное решение не лезть на рожон. Люди — «моллюски» не особо любили главаря мафии — он становился слишком влиятельным и заносчивым.

— Столман мертв? — спросил один храбрец, когда Изабель проходила мимо.

— Да, — коротко ответила она и двинулась дальше.

А Свёрл заметил еще одного наблюдателя. Потрепанный государственный дрон завис у погрузочного люка на уровне второго этажа ближайшего склада. Свёрл немного последил за ним глазами голема, но решил ничего не предпринимать. Эта штука изображала эдакого бесшабашного, в прошлом боевого дрона, отправившегося на экскурсию по тихим омутам и скандальным углам приграничья Государства. Но он находился тут слишком долго, и это незначительное вмешательство выдало его. Дрон почти наверняка разведчик, посланный сюда Комитетом безопасности Земли. Можно

было бы, конечно, отправить одного из прадорских дронов уничтожить его, но успех отнюдь не гарантирован. Кроме того, если дельце и выгорит, КБЗ просто пришлет то, что будет потруднее обнаружить.

Изабель направилась к «Горючке Тэйкина». Сам Тэйкин, несомненно, обречен на один из своих «кишечных приступов», вызванных радикальными физическими модификациями Изабель, — обгадится, короче, но потом поймет, что тут можно срубить хорошие деньги. Свёрл уже собирался переключиться на что-нибудь другое, когда в его связь с големом что-то вторглось.

— Следи за мячом, Свёрл, — произнес чей-то голос.

Прадор тут же определил, что к нему обратился наблюдатель КБЗ, — и сразу ужесточил систему безопасности связи.

— О чем ты, дрон?

— Ну, пока ты развлекался, любуясь, как Изабель перекусывает Столманом, ты упустил из виду другие каналы.

— Поподробней, пожалуйста, — рявкнул Свёрл, лихорадочно кинувшись проверять свои экраны и уведомления.

— Спутник Бета, — пояснил дрон. — Посмотри.

Сверл сунул свободную клешню в углубление пульта, и тут же взвыла сирена. Уронив остатки рыбейника, отец-капитан ощутил, что с ним самим вот-вот случится «кишечный приступ».

Это меняло все.

Блайт

«Литораль, блин», — думал Блайт. Еще одно место, где он решил никогда больше не появляться. Любое место, где живут люди, сами себя превращающие в прадоров, — плохое место. Кстати, прадоры, которым поклоняются «моллюски», здесь тоже имеются. Честно говоря, из его списка «необходимых назначений» уже давно выпал весь Погост.

Блайт поморщился. Да, здесь порой делались состояния. Сборщики платили по повышенным ставкам за военные артефакты, ценились и найденные технологии, хотя, по меркам Государства, они и считались устаревшими. Еще было выгодно спасать людей или мемпланты. Однако и опасность была велика. Тут часто предавали, отказывались платить, прокручивали исподтишка всякие махинации, а сделки становились кровавыми. Погост был полон мерзавцев вроде Изабель Сатоми и других легендарных головорезов, таких, как несокрушимый мистер Пейс, например. Вот почему последние годы Блайт предпочитал держаться Государства. Да, он иногда нарушал закон, но обходил его не теми путями, которые могут привести к смерти.

— Необычные У-пространственные характеристики не выявлены, Пенни Роял ничего не ищет, — доложил Левен. — Не думаю, что здесь есть одна из скрытых энергоустановок.

— Ты все еще с нами, Левен, — сказала Грир. — Что-то ты притих в последнее время.

Левен не ответил.

— Так зачем мы здесь? — поинтересовался Бронд.

Блайт ощутил раздражение — этот вопрос задавали ему все члены экипажа по очереди, начиная с того момента, как они вошли на территорию Погоста. Они подбивали капитана спросить о том же Пенни Рояла, а ему совершенно не нравился способ, которым ИИ отвечал.

— Я не сведущ в метафизике, так что почему бы тебе самому не спросить нашего пассажира? — рывкнул он.

— Ладно, — протянул Бронд. Он откинулся назад, расправил

плечи, точно готовясь к бою, и уставился в потолок: — Пенни Роял, зачем мы здесь?

Словесного ответа не последовало, но вид у Бронда вдруг стал пришибленный — челюсть отвисла, кулаки сжались. Интересно, подумал Блайт, куда его забросило — в свои воспоминания, или в прошлое его, Блайта?

— У нас нет выбора, — прошептал Бронд и громко сглотнул.

— Но зачем тут Пенни Роял? — встряла Мартина.

Она поступила разумно, обратив вопрос к остальным, а не к самому ИИ.

Мертвая тишина. Бронд молчал, да и у Блайта не было ответа.

— Ничего не понимаю, — проворчал Икбал.

Блайт переключил внимание на экраны, демонстрирующие мир внизу, взглянул на индикаторы, которые загорятся, если трюм снова откроется. И внезапно пришел к решению, хотя и сомневался, что его приказам дадут добро.

— Может, спросить? — предложил Бронд капитану.

— У него связь лучше, — согласилась Мартина.

— Не можем же мы лететь просто так, — добавила Грир. — Нужно что-то делать.

— Угу. — Икбал настороженно смотрел на Блайта.

Блайт опять разозлился. Когда они уходили с Масады, команда хоть как-то, да уважала его как капитана и владельца «Розы». Теперь любой член экипажа считает, что может заявиться в рубку когда вздумается, даже если сейчас не его вахта, перебить Блайта, затеять спор о том, что нужно делать, и вообще, они ведут себя как какая-нибудь комиссия, а не как его подчиненные.

— Ладно, — заявил Блайт, — довольно. Ты, Икбал, и ты, Мартина, сейчас не дежурите, так что валите-ка по своим каютам. А ты, Бронд, заткнись. Когда я захочу узнать чье-либо мнение, я спрошу. Понятно?

Икбал и Мартина уже вылезли из кресел.

— И кстати, если вам нечего делать, то, по-моему, уже пора

проверить график технического обслуживания и ремонта, — добавил капитан. — Развели свинарник в жилом модуле, роботы-уборщики вообще из ниш не вылезают. — Он умолк, осознав, что пыхтит и вот-вот сорвется на крик — или начнет проповедовать. Нужно взять себя в руки. — Этим займешься ты, да, Икбал?

— Есть, сэр. — Икбал мгновенно уловил настроение капитана и поспешно покинул рубку.

— А ты чего ждешь? — Блайт повернулся к выглядящей оскорбленной Мартине. — Думаешь, если предлагала мне потрахаться, я дам тебе поблажку? Немедленно проверь наши запасы — что-нибудь наверняка кончается.

Мартина, негодуя, унеслась, но Блайт знал, что она все сделает. Теперь очередь Бронда.

— Уверен, у нас тут есть контакты. Просмотри файлы, может, чего найдешь.

— Да, сэр. — Бронд тут же навис над пультом и экраном.

— А ты, Грир, проверь, не творится ли на планете что-нибудь странное.

Ну вот, и Грир при деле.

— Так, о чем бишь я? Ах да, Левен... так почему ты в последнее время такой тихий?

— У вас у всех, возможно, сложилось мнение, что у Пенни Рояла изменился характер, — откликнулся Левен. — Я, с другой стороны, ближе к черному ИИ в ментальном плане — и не разделяю данного убеждения.

— И все же это не объясняет твоей молчаливости, — ответил Блайт, не вступая в дискуссии по поводу «изменения характера».

— Пускай тигр не намерен съесть тебя сегодня, но он остается тигром. Всегда лучше не лезть на рожон и не раздражать вышеупомянутого тигра.

— Интересная метафора, но, боюсь, сейчас тебе придется потыкать тигра палкой, поскольку я хочу, чтобы ты связался с тем, кто отвечает за местный космопорт, и получил разрешение на посадку. А потом приземляй корабль.

— Большое тебе спасибо, — сказал Левен. — Ты будешь счастлив узнать, что никакого разрешения не требуется. Местный космопорт был построен людьми — «моллюсками», чтобы привлечь на эту планету разных дельцов, Единственные суда, у которых тут могут возникнуть проблемы, это звездолеты КБЗ, да и то, с сидящим тут под водой ренегатом–прадором...

— Тогда — вниз, — прервал его Блайт.

Включились реактивные двигатели, подводя корабль к Литорали, а Блайт задумался. Пенни Роял много времени провел на Погосте и, как известно, имел дела с прадорами. Возможно ли, чтобы присутствие тут ИИ было как-то связано с его прошлыми контактами? Если так, отношение к Пенни Роялу на корабле Блайта может быстро измениться — как раз тогда, когда они чуть примирились с его присутствием на борту. Если тут замешаны прадоры, опасность может материализоваться в любой момент.

Спир

Как только «Копье» вошло в систему Масады, мы обнаружили стоящий у нас на пути ударный корабль Государства. Длинный узкий черный клин вы глядел в точности таким, каким и был: смертоносным. Долю секунды спустя от него отделились ракеты — и тут же ушли в микропрыжки через У-пространство — немыслимые во время войны, когда таких технологий еще не существовало, — чтобы появиться вновь всего в паре миль от нас.

— Что он говорит? — спросил я.

— Он хочет знать, что мы делаем здесь, именно над этой частью владений Государства, — ответил Флейт. — А еще — почему мы пополнили запас снарядов для рельсотрона, который, согласно историческим данным, был на исходе. А также почему у нас на борту мультимегатонное взрывное устройство, откуда взялся я, что мы делали на Погосте, кто еще, кроме меня, на судне, какое у нас тут дело и, кстати, почему он не должен превратить нас в пар прямо сейчас.

— Ты объяснил подробно?

— Да. Теперь он хочет отправить нам голема, желает получить полный доступ ко мне и в данный момент ведет У-пространственные переговоры с аналитическим ИИ, готовясь к полному исследованию нас и нашего корабля.

— Щекотливая ситуация, а? — заметила Рисс.

Я взглянул на дрона, свернувшуюся кольцами у стены. Она решила пока не убивать меня, поскольку это не помогло бы открыть тайну моей связи с шипом Пенни Рояла. Я, конечно, был ей благодарен, но данная связь волновала и меня самого.

— Тут место вроде как историческое, потому он и нервничает, — сказал я. — Я хочу поговорить с этим кораблем.

— Валяй, — откликнулся Флейт.

— Государственный ударный корабль, назовитесь.

— О, человеческое общение, не так ли? — с притворной скукой отозвался корабль. — Мое имя «Гаррота Мике л етто».

— Ха, — фыркнула Рисс, — кто-то вообразил себя убийцей Борджиа.

— Ну, — добавил ИИ «Гарроты», — я, по крайней мере, только назван в честь убийцы и не являюсь анахронизмом, неспособным стать чем-то еще.

— Заткнись, — буркнула дрон.

— Вот уж нет — затыкай прадоров.

— Кажется, мы отошли от темы, — попытался я прервать перепалку.

— Вряд ли, — ответил «Гаррота». — Интересная у вас тут троица. Перекроенный дрон из Цеха сто один, прадорский камикадзе, так и не исполнивший свой долг, и недавно воскрешенный, запутавшийся и мстительный спец по биошпионажу. И вы считаете, я захочу пустить вас на орбиту подопечного мира, где обитает также недавно воскрешенный представитель расы эшетеров? На государственном истребителе, который некогда занимал Пенни Роял, а теперь несет мощнейшее средство поражения?

— Погоди-ка, — возразил я. — Этот истребитель был государственным, но по праву на трофеи сейчас принадлежит мне. А это также означает, что ты не имеешь права подсылать к нам голема или аналитический ИИ.

— Не имею права? — воскликнул ударный корабль. — Ты серьезно заблуждаешься, если считаешь, что твои права распространяются... подожди минуту.

После короткого молчания Флейт заявил:

— Он отозвал ракеты.

— О, это Амистад, он только что вмешался. — Голова Рисс резко вздернулась, черный глаз открылся.

— Он уходит, — добавил Флейт.

И действительно. Ударный корабль стремительно удалялся, хотя не видно было, чтобы его толкали какие-либо двигатели. А потом он просто исчез под «хамелеонкой», которая и скрывала его с самого начала. Я не сомневался, что наблюдательные посты на краю Погоста засекли нас и предупредили этого сторожа. Несомненно, после войны У-пространственное слежение стало куда более развитым.

— Что происходит? — спросил я.

— Мне перекрыли доступ к нашему оружию, — ответил Флейт.

— Что?

— Программирование военного времени, — объяснил вторинец.
— Меня отсоединили от управления оружием, и единственный способ подключиться вновь — физическое вмешательство. Но, согласно программе, если я попытаюсь восстановить соединение в окрестностях Масады, термоядерная бомба сдетонирует.

— Значит, лучше этого не делай. — Напоминание о происхождении Флейта из прадорских камикадзе породило тревожные мысли. — Рисс?

— Сейчас нам позволено подойти к Масаде, — сообщила дрон.
— По законам протектората к этому миру разрешено приближаться лишь тем кораблям, которыми управляют ИИ Государства. Частные владельцы обязаны обеспечить доступ на борт ИИ Государства и передать управление ему. Но в данном случае Амистад, хранитель Масады, допустил послабление правил. Я назначена представителем Государства на борту.

— А что насчет аналитического ИИ и моего права собственности на звездолет?

— Твое заявление о вознаграждении за спасение судна удовлетворено, дальнейшего расследования не требуется.

— Веди нас, Флейт, — велел я и откинулся на спинку кресла, чтобы обдумать несуразную ситуацию.

Будь я государственным ИИ, я разобрал бы этот корабль по болтику, чтобы изучить каждый вплоть до субмолекулярного уровня. Меня бы также весьма беспокоило нахождение бывшего судна Пенни Рояла возле планеты, на которой черный ИИ, по-видимому, получил амнистию. Тем паче что кораблем управляет некто, желающий выследить ИИ, что они наверняка уже установили. Что-то тут не складывалось. Да, в общем, не складывалось ничего.

— Я хочу поговорить с Амистадом, — сказал я, когда включился, чтобы доставить нас наконец на Масаду, двигатель.

— Амистад будет говорить с тобой один на один на планете, — ответила Рисс. — Все другие виды связи с ним заблокированы.

Флейт, видимо, желая дать нам представление об обстановке, спроецировал на экран внутрисистемный пейзаж. Я увидел солнце — но сияние его было приглушено. Газовый гигант Калипсо мерцал, как мраморный оникс в сложной оправе луны Бремара. А впереди лежала Масада, увеличенная в подрамке, красновато-лиловая, подсвеченная вращающимися вокруг лунами. Заметны были и другие объекты: целый рой спутников и разнообразных космических станций, включая одну недостроенную.

Прежде чем идти сюда, Флейт обновил астронавигационную картотеку, так что знал: нам не выйти из У-пространства ближе, чем в двух парсеках от Масады. Я не сомневался, что здесь предусмотрены средства, не подпускающие чужаков вплотную к планете: ПИПы, подпространственные источники помех, периодически внедряли свои свойства в У-пространство, порождая локальные дезинтеграционные поля. Имелось, несомненно, и крупнокалиберное оружие — на тот случай, если враждебному кораблю удастся вторгнуться в систему. Возможно, этим и объяснялось, отчего Амистада не слишком беспокоило наше приближение, только вот почему теперь «дальнейшего расследования не требуется»?

Нет, слишком многое не складывалось. А моя загадочная связь с потерянным шипом Пенни Рояла? А мои — очевидно, ложные — воспоминания? Я уже начал подозревать, что стал пешкой, которую двигают по шахматной доске, — пешкой, не представляющей, кто же ей играет.

Глава 14

Свёрл

Едва государственный дрон показал новых гостей, Свёрл тут же призвал всех своих детей, даже тех, кто охотился сейчас на рыбаков. Затем он отправил вызовы всем разбросанным по планете машинам, включая дронов, роботов-наблюдателей, а также подводных роботов-шахтеров и нефтеперегонщиков — тех, что находились поближе, без прочих, пожалуй, можно было и обойтись. Захочет — прихватит еще и спутники, подобрав их на орбите. Если, конечно, ему предстоит отправиться именно туда...

Пришла пора действовать, не так ли?

Но как? Пенни Роял, долгожданный объект мщения, наконец здесь. Стоит ли просто подождать, когда «Роза» подойдет ближе, вывести дредноут на поверхность, развернуть орудия и уничтожить корабль? Пенни Роял, конечно, опасен, но он находится на борту простого сборщика утиля и точно не переживет удар прадорского камикадзе — такие взрывы взламывают земную кору.

Однако подобная ликвидация слишком... безлична. Если быть честным с самим собой, простая месть — не совсем то, чего жаждет Свёрл, если он вообще жаждет мести. Ему хочется сопротивления, решения, объяснения, ответов на вопросы, мучающие его на уровне ощущений, вопросы, которые он не знает как задать... Возможно, он даже надеется на оправдание?

Так что же ему делать? Свёрл не мог придумать, что могло быть причиной появления здесь Пенни Рояла, кроме самого Свёрла. Возможно, принятие Государством черного ИИ было оправданно, возможно, он изменился и пришел сейчас устранить несправедливость и дать объяснения. Или он собирается исправлять прошлые ошибки, а методы его остались прежними? Возможно, он явился просто стереть эти ошибки...

Сверл пожевал мандибулами. А что если Пенни Роял прилетел вылечить его, обратить трансформацию вспять? Хочет ли он, как Изабель Сатоми, исцелиться? А *она* — по-прежнему ли стремится к исцелению? На вид ей вполне комфортно в новой облики, а вот отношение Свёрла к его собственной трансформации двойственное. Он надолго застыл, погруженный в раздумья. Затем повернулся к экранам и вставил обе клешни в отверстия пульта. Нужно пока

устранить по крайней мере некоторые из местных проблем.

— Сфолк, — обратился отец-капитан к появившемуся на одном из экранов молодому взрослому прадору. — Я передаю вам управление вашей корабельной системой. Решайте между собой, что вам делать дальше.

Сфолк издал звук, который в переводе на человеческий означал бы «Э?».

— Я не стану препятствовать вашему возвращению в Королевство, — продолжил Свёрл, — но должен предупредить — не ждите там правосудия и справедливости. В Королевстве прав только тот, кто силен.

Он сделал паузу, посылая сигнал, снимающий блокировку с двигателя и вооружения судна Пятерки. Хорошая ли это идея — дать им сейчас контроль над оружием? Возможно, следовало подождать... Нет, решил он. Эти Пятеро еще десять лет будут пререкаться, кто чем станет управлять, и, вполне вероятно, вновь склонятся к братоубийству.

— Это все, — и Свёрл разорвал связь.

Теперь его внимание переключилось на два экрана, с которых смотрели два взрослых прадора.

— Цворн и Скут, сообщаю вам, что я отказываюсь от правления нашим анклавом.

Только произнес эти слова, он понял, что они правдивы. Пенни Роял был здесь, и Свёрл чувствовал, что достижение его смутных целей уже не за горами, хотя будет ли это столкновение с черным ИИ или его уничтожение, прадор не знал. А потом... он понимал, что в любом случае не сможет остаться тут.

— Почему? — спросил Цворн, пока Скут, неуклонно соскальзывающий в пучину старческой дряхлости, что-то булькал.

— Пришло время заняться вопросами, остававшимися неразрешенными... долгое время, — ответил Свёрл.

Ты хочешь убить мятежный ИИ, Пенни Рояла, — догадался Цворн.

«Нет, да, может быть», — подумал Свёрл.

Как объяснить всю сложность ситуации одному из бывших родичей? Цворн — здравомыслящий прадор, но и он сперва опешит, потом разъярится. Все действия Свёрла будут восприниматься с подозрительностью, граничащей с паранойей. Иногда он удивлялся, как ему удалось не ввязаться в изнурительную войну с соседями. И вдруг до него дошло. Никогда ни одному прадору он не говорил о своей встрече с Пенни Роялом — и все же Цворн откуда-то знал об этом. Что еще может знать старый прадор? Что он может знать о превращении Свёрла?

— Да, я собираюсь убить мятежный ИИ, — осторожно подтвердил он.

— Значит, тебе известно его нынешнее местонахождение?

— Да, — подозрения Свёрла возросли многократно, — мне оно известно.

— И ты уходишь?

— Да, я ухожу. — Свёрл решил, что лучше сделать вид, что он отправляется на поиски ИИ, чем заявить, что Пенни Роял находится на борту приземляющегося корабля. Тогда Цворн мог бы открыть по «Розе» огонь. — Я передал Пятерке контроль над их кораблем и предоставил им определяться с командной структурой. Они хотят вернуться в Королевство... за самками.

— Да, очевидно, так, — кивнул Цворн.

Подозрительность окончательно переросла в паранойю, и Свёрл полностью окунулся в потоки данных. Большинство детей и дронов уже вернулись, двое из космопорта только что вошли в море и скоро будут. Только трем охотникам на рыбацких потребуются еще время. Два робота-шахтера уже тяжело катились по коридорам, за ними поспевал один переработчик — тот, который извлекал из морской воды полезные чистые металлы. Снаружи тоже царило оживление — дети, дроны и роботы возвращались на три истребителя, принадлежащие Цворну, Скуту и Пятерке соответственно.

— Хочешь что-то сказать мне, Цворн? — спросил отец-капитан.

— Только то, что ты совершаешь серьезную ошибку, Свёрл, — заявил старый прадор. — Я отношу ее на счет того, во что ты превращаешься.

В схожей ситуации людской военачальник никогда бы не ответил подобным образом. Свёрл полностью осознавал свою ошибку. Никакой другой прадор не стал бы ничего спрашивать, чтобы не дать Цворну шанса надавить на себя. Но Свёрл просто отключил связь — и задумался над ситуацией. В прошлом Цворн и Скут отказались возвращаться в Королевство, потому что, как и Свёрл, считали окончание войны огромной ошибкой. Их яростная ненависть к человечеству не иссякла, и Свёрлу стоило немалых трудов предотвратить истребление первых прибывших на планету людей — «моллюсков». И позже он едва удержат своих от того, чтобы стереть с лица земли Панцирь–сити. Он убеждал сородичей, что лучше наблюдать за людьми, чтобы понять, как уничтожить их сразу всем скопом, а не убивать понемножку — прадорам нравятся подобные аргументы.

Но, очевидно, Цворн, возможно, Скут и, весьма вероятно, Пятеро были хорошо осведомлены о встрече Свёрла с Пенни Роялом и изменениях, которым Свёрл подвергся. Они, что характерно для прадоров, больше не считали Свёрла одним из «своих». Возможно, они затевают что-то против него — и нужно быть начеку.

То, что они ничего не предприняли до сих пор, объяснялось общепринятыми принципами прадорской военной тактики — ведь два истребителя обладали разрушительной силой одного дредноута. Лишив Пятерых возможности управлять их кораблем, Свёрл установил подводное равновесие сил. Передав контроль над судном, он нарушил баланс. Прадор попытался связаться с истребителем Пятерки и не удивился, обнаружив, что ему блокирован доступ в систему.

Раньше он планировал устроить какую-нибудь ловушку черному ИИ здесь, в океане, но теперь ситуация изменилась. Если Свёрл останется тут, его корабль, скорее всего, будет уничтожен. К тому же он столкнулся с еще одним внутренним конфликтом. Люди в Панцирь–сити, да и вообще где угодно, теперь в опасности. Впрочем, «в опасности» — это еще мягко сказано. Даже если Цворн и другие ничего не предпримут против него, они наверняка истребят людей, лишившихся защиты бывшего отца-капитана.

А Свёрл был категорически против этого; интересно, не перешло ли его длительное увлечение ими... в любовь?

Что же ему делать?

Одной из приобретенных им человеческих черт, без которой определенно можно было бы обойтись, была склонность к нерешительности и отсрочкам. Однако он был частично ИИ, то есть обладал способностью мыслить предельно логично и приходить к самому рациональному из решений. Свёрл спокойно взвесил варианты, наблюдая, как спускается к космопорту «Роза». Он не мог гарантированно защитить себя и «моллюсков». У трех прадорских истребителей имелись ПЗУ, атомное и даже химическое оружие. Любого из перечисленных видов хватило бы, чтобы уничтожить Панцирь–сити, а у Свёрла просто не было таких защитных полей и перехватчиков, чтобы не подпустить смерть к городу. Особенно если он намерен защитить и себя.

И Свёрл начал готовиться. Сперва он послал предупреждение всем своим детям: чтобы пребывали в боеготовности и повысили уровень системы защиты. Ему не хотелось, чтобы кто–то тайком пронес на борт оружие. Затем он повысил аккумуляцию энергии от ядерных реакторов и провел диагностику комплекса боевых средств. Потом Свёрл сообразил, что сейчас самое время ему немного схитрить. Корабль его лежал на дне, рядом с бурильной установкой, использовавшейся для добычи углеводорода. Сейчас она бездействовала, оборудование с нее было снято, но сам ствол шахты вполне годился для намеченных целей. Свёрл выбрал из своего запаса ПЗУ устройство средней мощности, настроил автоматическую систему на передачу оружия дронам, а двум дронам приказал отнести ПЗУ в шахту.

Одного этого устройства будет достаточно, чтобы нанести максимальный ущерб кораблю Скута и минимальный — двум другим кораблям. Свёрл мог бы взять что–нибудь более разрушительное, но тогда цунами смыло бы Панцирь–сити, а взрыв этой бомбы поднимет волну лишь в несколько метров высотой. Затем Свёрл выбрал из своего арсенала еще кое–какие снаряды, в том числе и государственного производства, и зарядил ими рельсотрон. Теперь можно сделать паузу — все завертелось, корабль ожил и зашумел, а сам он предпринял все, что мог на данный момент.

Теперь пора позвонить.

Вызов он отправил через коммуникационную сеть Панцирь–сити, используя статическое изображение сорокалетней давности — именно тогда он в последний раз пользовался этим каналом. А еще

удостоверился, что канал остался полностью — и намеренно — незащищен, хотя программные потоки по-прежнему отслеживались.

— Да, — рывкнул «моллюск», не глядя на вызывающего; он, вероятно, наблюдал за уходом своего последнего — необычного — посетителя.

— Тэйкин. — Свёрл ждал, когда мужчина переключит внимание на экран.

Тэйкин, хозяин «Горючки Тэйкина», самый могущественный из здешних торговцев, де-факто правитель людей — «моллюсков», обернулся — и глаза его расширились, а жвала отвисли, обнажив человеческий рот.

— Отец-капитан Свёрл! — воскликнул мужчина и сдавленно булькнул — звук отдаленно напоминал раболепное приветствие, издаваемое первенцами. Следящая камера поймала также получеловеческую попытку поклониться.

— Прикажи населению Панцирь-сити эвакуироваться вглубь материка, немедленно, — проговорил Свёрл. — Вы все в огромной опасности.

Тэйкин стоял, съежившись, безуспешно пытаясь сложить человеческим ртом нужные слова. Наконец он выпрямился и выдал:

— Почему?

— Ты — «моллюск» и понимаешь, что вы все здесь из милости. Только мое вмешательство не позволило моим сородичам уничтожить вас. Но я больше тут не командую, и вскоре другие прадоры начнут генеральную уборку. И первым их действием, весьма вероятно, станет сброс ПЗУ на ваш город.

— Они не станут... — Что неизменно раздражало Свёрла в людях, так это склонность к самообману.

— Станут, — отрезал Свёрл. — А потом с большим удовольствием займутся охотой на уцелевших. Наилучший выход для твоего народа — уйти и рассеяться, укрывшись в горах — именно в горах, потому что здесь, на море, может произойти кое-что, что вызовет цунами. Мои сородичи не одобряли моего покровительства тебе и твоим людям, и мой уход из этого океана, вероятно, не будет тихим.

— Но мы — «моллюски», — прохрипел Тэйкин.

К этому моменту разговор подслушивали по крайней мере пятеро. Свёрл отследил четверых. Двое были людьми — «моллюсками», конкурентами Тэйкина, еще один — обычным человеком, лет десять назад прибывшим с другой планеты, а четвертым был Цворн. Обычно в таких делах не обходилось без Столмана рели кого-то из его наемников, но Столмана больше нет...

— Ты заблуждаешься, — ответил Свёрл, — если думаешь, что, изменяя себя, поднимаешься в глазах прадоров. Пускай мы ненавидим людей Государства, но мы уважаем их, а ваш народ только презираем.

— Но я думал...

— Ты предупрежден, — перебил Свёрл, — и у вас, по моим расчетам, есть меньше дня и ночь, чтобы убраться. Это всё.

Сверл разорвал соединение с Тэйкином, но оставил канал открытым, подключив кое-какие средства безопасности.

Дворна и людей он заблокировал, однако последний слушатель остался.

— Дрон, — позвал Свёрл. — Я знаю, ты подслушиваешь.

— Ты удивительно сообразителен для прадора.

— Я знаю, ты из КБЗ.

— Ясен хрен, Шерлок, — согласился дрон. — Я тоже знаю, кто ты.

Сверлу потребовалось несколько секунд, чтобы расшифровать первую фразу, и еще столько же, чтобы усвоить вторую. Ну и сколько народа еще не знает его некогда самую сокровенную тайну?

— Как ты слышал, обитатели города в опасности, — продолжил он. — Тэйкин, если и воспримет мое предупреждение, передаст его только своим людям.

— Поэтому ты и не озаботился секретностью вызова, — сделал вывод дрон.

— И поэтому я говорю сейчас с тобой. Мои сородичи прадоры наверняка выступят против местного населения, даже если и не набросятся на меня.

— Полагаю, твои «сородичи прадоры» не станут откладывать дело в долгий ящик, тем паче что ты проявлял такую заботу об отвратительных людишках. Так значит, ты покидаешь нас, Свёрл?

— Возможно. — Свёрл рассердился. — Но я обращаюсь к тебе, поскольку уверен, что ты имеешь возможность распространить информацию, убедительно донести мое предупреждение до всех местных людей. И, конечно, будучи дроном КБЗ, ты в достаточной степени *нравственен*, чтобы *хотеть* этого.

— Уже сделано, — сообщил дрон. — Твоя коротенькая беседа с Тэйкином сейчас крутится на каждом компьютере Панцирь-сити. Я организовал пункты сбора и привел туда весь роботранспорт, управление которым перехватил. Прямо сейчас гравибусы и прочие вместительные транспортные средства принимают пассажиров и увозят их вглубь материка, к горам. — Дрон умолк на мгновение. — На волне первой паники уже погрузилось больше шестисот человек... Еще я связался с капитанами двух звездолетов, чьи шаттлы стоят у нас в космопорту, и перевел им деньги через Галактический банк, чтобы взяли на борт пассажиров. Билеты они, правда, получают только в одну сторону, поскольку оба капитана желают убраться отсюда подальше как можно скорее. Но шаттлы вместят больше тысячи местных жителей.

Пару секунд Свёрл впитывал информацию, потом бросился проверять. Дрон не солгал: он действительно в считанные минуты привел в движение весь этот механизм. На четырех экранах Свёрла шла запись его разговора с Тэйкином, передаваемая из города, а на остальных висели список сборочных пунктов и инструкции. Он также отметил, что все пожарные ревуны, все предупреждающие о рыбойниках сирены и прочие сигнальные устройства либо гудят, либо мигают. Дрон просто демонстрировал, насколько он силен и как глубоко проник во все системы.

— Жалко, что другие два корабля в космопорте... недоступны, — пробормотал Свёрл.

— Да, жалко, — откликнулся дрон, — но, насколько нам известно, людей, попавших к Сатоми, либо съедают, либо отсылают на потрошение. А судьба угодивших на другое судно может быть еще хуже. Между прочим, корабль Блайта только что изменил курс. — Дрон сделал паузу, потом продолжил: — Итак, Свёрл, с прибытием сюда Пенни Рояла ты решил действовать. И, действуя, изменил

баланс сил. Твои «сородичи прадоры», случайно узнавшие о твоей трансформации, начавшейся больше двадцати лет назад, теперь увидели возможность напасть на то, что внушает им отвращение большее, чем люди — «моллюски». Так что хреновенькие твои дела.

— Ты необычайно хорошо информирован.

— Естественно. В любом *случае*, так уж суждено. Даже без Пенни Ролла ты согласился бы отпустить корабль Пятерки — с тем же результатом. Кстати, они намерены отправиться в Королевство, как только выполнят свою часть сделки с Цворном. Глупо с их стороны — ждет их бесславный конец в каком-нибудь прадорском море.

— Спасибо, что просветил, — сухо бросил Свёрл.

— Возможно, и ты в ответ кое-что пояснишь мне. Ты сказал «меньше дня и ночь», а как насчет более точных временных рамок?

— Более точно не получится, — ответил Свёрл. — Я буду тянуть, пока возможно, но когда начнется конфликт, зависит от Цворна и остальных.

Тем временем прадор проверил «Розу» — и озадачился.

— Ладно, — казалось, дрон пожал плечами. — Я сделаю для них что могу, но смертей почти наверняка будет много.

— Прощай, дрон, — сказал Свёрл и отключил связь.

Он смотрел на свои экраны, недоумевающий и, как ни странно, разочарованный. Похоже, Пенни Роял явился не по его душу. «Роза» только что включила маневровые двигатели и сейчас уходила от космопорта, направляясь напрямиком к Панцирь-сити.

Трент

Сперва автодок занялся торсом — разрезал кожу, обнажив раздробленные ребра. Какие-то осколки он переместил, какие-то отбросил, потом приварил что нужно — иногда вставляя саморассасывающиеся зажимы. Прежде чем латать плоть, автодок ввел в тело щупальца, исправляя внутренние повреждения, которые хоть и не убили Трента, но, как он и предполагал, вынудили его мочиться кровью.

Трент лежал в полном сознании, обнаженный, стараясь не смотреть на работу прибора, но нездоровое любопытство то и дело притягивало его взгляд к автодоку. Тот предлагал общий наркоз, но Трент не согласился, предпочтя блокаторы нервов. Он отслеживал изображение с камер, установленных на корпусе «Залива мурены», и также просматривал новости из Панцирь-сити. Насчет боя у склада Риверсона промелькнул один маленький, но на удивление подробный сюжет, в котором к тому же высказывалась абсолютно верная гипотеза насчет того, что произошло со Столманом. Показали даже улетающего, опутанного грависбруей Трента, и снимок Изабель, удаляющейся от места происшествия в сопровождении голема Столмана. А потом начал раз за разом крутиться один и тот же ролик: разговор прадорского отца-капитана и «моллюска» по имени Тэйкин. Изабель следовало возвращаться, и побыстрее.

Автодок завершил «внутренние работы» и аккуратно соединил ткани. Сварочные швы на новой коже легли точнехонько поверх старых — в прошлые разы ему тоже чинили ребра. Затем док перешел к руке и принялся отделять ее от плеча, точно деталь конструктора. Пульт дистанционного управления Трент держал в другой руке; нажав кнопку, он переключился на четыре наружные камеры и увидел, что Изабель прибыла.

Глядя на пустое взлетное поле, пролегающее между «Заливом мурены» и терминалом, Трент видел, как Изабель, извиваясь, приближается к кораблю. Удивительно, но, несмотря на новости, она преуспела в достижении своих целей. Позади нее шагал голем, за ним плыл огромный гравивозок, груженный бочками. А еще дальше ехала примитивная колесная цистерна. Изабель нырнула в шлюз, а голем повел возок к уже открытому трюму. К тому моменту, как Трент

услышал грохот шагов приближающейся хозяйки, заправщик припарковался и подсоединился к топливоприемной горловине. Потом дверь в медотсек распахнулась, и Изабель вошла.

— Как ты? — спросила она.

Трент уставился на бывшую женщину, думая, как прозаично прозвучал вопрос — из уст существа, которым стала Изабель. Еще он подумал, что подобный визит и очевидное проявление заботы с ее стороны не слишком нормальны — той Изабель, которую он знал, сантименты были не свойственны. Вспомнив крики Столмана, мужчина опустил взгляд на свою изувеченную руку — месиво, которое автодок медленно приводил в порядок.

— Лечусь вот, — пробормотал он; вправленная и перепаянная челюсть болела и двигалась плоховато. И зубные имплантаты выглядели слишком белыми. — Еще десять-двадцать костей, и баста. Видела тот сюжет, ну, разговор?

— Видела.

Она подняла капюшон, так что ряды глаз оказались на уровне лица Трента. Он заметил, что Изабель стала еще больше, толще и длиннее, в щелях между пластинами панциря виднелась нежно-синюшная кожа.

— Нужно убираться отсюда.

— Да, — согласилась Изабель, только как-то неуверенно.

— Проблемы?

— Прибыл еще один корабль, — объяснила она. — Собирался приземляться в космопорту, но потом повернул к Панцирь-сити. Это «Роза» Блайта.

— И?

— Пенни Роял на борту «Розы» — я же говорила тебе, кто починил наш У-пространственный двигатель.

— И что это меняет? — не понял Трент. — Ведь твоя цель — Спир?

— Да, — согласилась Изабель, опустив капюшон, — но у меня есть контакты, и я сейчас получила извещение. Корабль Спира только что вошел в систему Масады. Он все еще ищет Пенни Рояла не там,

где нужно.

— Мы можем отправиться туда.

Конечно, это было бы проще всего. Но ни одному из них не хотелось попасть в зону досягаемости правосудия Государства.

— Нет. — Похоже, она сомневалась, была в замешательстве...

Хотя сейчас в настроениях Изабель разобраться трудновато.

— Что тебя беспокоит, Изабель? — спросил Трент, удивляясь, как у него повернулся язык задать ей такой вопрос, и пораженный тем, что они вообще разговаривают.

Обычно Изабель отдавала приказы и ждала повиновения. Нечасто она проявляла сомнения, очень редко обсуждала что-либо подобное и никогда не просила совета.

— Почему Пенни Роял здесь?

Трент пожал плечами и тут же пожалел об этом, услышав скрежет обломков костей.

— Почему он починил наш двигатель? Почему его приняли в Государстве и почему он снова ушел оттуда? В причинах людских поступков и то трудно разобраться, что уж говорить о создании, озадацившем даже государственных ИИ.

— Пенни Роял может повернуть вспять изменения, которые я претерпеваю, — ровно произнесла Изабель. — У него есть ответы. Он может подтолкнуть... к решению.

Внезапно Трент очень встревожился за нее. Конечно, Пенни Роял может «вернуть вспять изменения», но захочет ли он это сделать? Пускай Государство и приняло его, это не означает, что он стал менее жестоким и своенравным. Если он подчиняется воле государственных ИИ, то запросто может привести в исполнение смертный приговор, вынесенный Изабель... хотя, конечно, это не слишком вяжется с исправлением их двигателя. Однако беспокоила Трента не фраза об изменениях, а замечание об «ответах» и «решении». Слишком расплывчато, совершенно не характерно для Изабель.

— Лучше всего, — сказал он, — держаться подальше от этого ИИ и отправиться за Спиром — он ведь когда-нибудь покинет территорию Государства. Или, что еще лучше, забыть о них обоих и

просто вернуться к бизнесу.

— Бизнес. Зачем?

— Деньги, власть, влияние. У нас была возможность отобрать у Спир дредноут и заработать на этом — но не вышло. Теперь он внутри и управляет судном, так что преследовать и убивать его нам никоим образом не выгодно. Чтобы расправиться с человеком, придется уничтожить корабль — и еще вопрос, сумеем ли мы это сделать. Лучше вернуться к делам, Изабель, а потом попробовать нанять какого-нибудь государственного эксперта, чтобы он разобрался с твоей... проблемой.

Изабель развернулась; автоматическая дверь перед ней открылась.

— Не знаю, считаю ли *это* по-прежнему проблемой, — сказала она — и ушла по направлению к рубке.

Трент посмотрел на автодока, приладившего ему наконец починенную руку, прикидывая, не отключить ли прибор. Он еще успеет добраться до шлюза, выйти наружу... Пускай там вот-вот вспыхнет конфликт с прадорами, все равно его шансы выжить на планете куда выше, чем на борту «Залива»... с капитаном, которой, кажется, нравится быть капюшонником. Он все еще раздумывал, когда корабль начал набирать высоту.

Блайт

— Значит, мы идем в Панцирь–сити, — заявил Бронд. Блайт зыркнул на него:

— Левен, ты имеешь представление о нашем точном месте назначения?

— Нет, — ответил разум голема, — но, если Пенни Роял не хочет разрушить пару зданий, идя на снижение, возле самого Панциря есть пустой участок. — Разум помедлил секунду и добавил: — Если допустить, что наша конечная цель именно Панцирь–сити, а не что–либо далеко за его пределами.

Блайт попытался взвесить все варианты. Тщетно. Пенни Роял уже демонстрировал, как может спуститься с корабля на планетоид, и Блайт не сомневался, что точно так же ИИ сумеет добраться до планеты. В сущности, поскольку Пенни Роял показал свою способность оперировать с У-пространством, странно, что он вообще нуждался в корабле. Так почему же, уже позволив им приземлиться на Литораль, ИИ развернул корабль? Ведь он наверняка может покинуть судно в любой момент и направиться куда ему угодно.

Сосредоточившись и с раздражением приготовившись к последствиям, капитан перебрал варианты вопросов, кое–что отверг и решился:

— Пенни Роял, какого хрена ты делаешь?

Ответа не последовало — ни словесного, ни иного.

— Грир, есть идеи?

Грир, мониторившая основные каналы связи на случай неблагоприятной реакции на их присутствие, повернулась к капитану, и Блайту показалось, что выглядит она плоховато.

— По всему городу транслируется диалог подводного отца–капитана и Тэйкина Асмолуса, — сообщила женщина.

Блайт на секунду задумался, вспоминая:

— Ах да, местный босс «моллюсков». И что же?

— Я перекину на твой экран, — деревянным голосом произнесла

Грир.

Блайт уставился в монитор, разделившийся пополам: с одной стороны Тэйкин, с другой — прадорский отец-капитан; и к тому времени, когда перед ним появился список пунктов сбора, выглядел Блайт, вероятно, похуже Грир. Значит, на дне произошла своего рода смена власти. Отец-капитан Свёрл либо отрекся, что с прадорами происходит только на пути в утилизатор, либо был свергнут. И, очевидно, новые правители совершенно не разделяют толерантного отношения Свёрла к людям — ни в каком виде.

Чувствуя, как начинает выступать на лбу пот, Блайт припомнил все, что ему было известно о подводной ситуации. Свёрл обитал в дредноуте, а остальные прадоры — в трех истребителях, но, кроме этого, информации о них почти не имелось. Все четыре судна, по-видимому, были неповрежденными и несли на себе практически полный боекомплект — ведь наверняка за прошедшие после войны годы их восстановили и оснастили по полной. А боекомплект их должен включать камикадзе, каждый из которых способен взорвать целый континент, широкий спектр разных ПЗУ, атомные и биобаллистические пушки, а также рельсотроны, чьи снаряды летят со скоростью, близкой к скорости света. Огневой мощи, скрывающейся на дне океана, хватит не только на то, чтобы разрушить Панцирь-сити, — тут можно разнести всю планету. Блайт уже думал о том, что если Пенни Роял сойдется с прадорами, ему самому и его кораблю грозит реальная опасность. А сейчас ему безумно хотелось истерически захихикать. ИИ и делать-то ничего не придется — он ведь уже привел их сюда.

— Пенни Роял как-то причастен к этому? — спросила Грир.

Вопрос резко отрезвил Блайта. ИИ не покидал корабль, но это не означает, что он не вмешивался каким-либо образом в то, что творится внизу. Возможно, он общался с прадорами? Возможно, он встал на сторону одних и восстановил их против других? Черный ИИ только-только появился тут, и все уже готово взлететь на воздух — весьма странное совпадение, однако. Очень может быть, что все местные события развиваются в полном соответствии с планами Пенни Рояла, какими бы они ни были.

— Понятия не имею, — буркнул капитан.

— Черт, — выпалил Бронд.

— Что еще? — устало спросил Блайт.

«Роза» быстро приближалась к Панцирь-сити.

— Из космопорта только что вышел корабль, — ответил Брондогоган.

— В данных обстоятельствах не вижу здесь ничего удивительного. — Блайт замолчал, потом нехотя добавил: — Наверное, это эвакуирующиеся — мы же знаем, что с некоторых сборных пунктов людей отвозили в порт.

— Нет, транспорт вез людей к двум шаттлам, а это — звездолет, — возразил Бронд. — Я не догадался провести идентификацию раньше, пока не заметил, как он стартует. Это «Залив мурены» Изабель Сатоми.

Блайт молча уставился на него.

— Странно, что он здесь, — добавил Бронд.

— Ее желание явиться сюда, в наиболее вероятное прибежище, совсем не странно, — заметил Блайт. — Хотя перед тем, как наш пассажир Пенни Роял заскочил к ней в гости, ее У-пространственный двигатель был сломан...

Он пожал плечами. Кажется, Изабель Сатоми тоже была частью планов черного ИИ, но, поскольку Блайт не имел об этих планах ни малейшего представления, он не догадывался, какую роль она могла в них играть.

Спир

Когда мы с Рисс спустились на Масаду в шаттле «Копья», я получил особые инструкции о том, что должен сделать с бывшим экипажем моего корабля. Я также смог войти через «форс» в местную сеть ИИ, хотя сам Амистад по-прежнему безмолвствовал. Мой «форс» тут же начал пополнять свой научный раздел, и, хотя мне не терпелось перейти к другим данным, я не стал ему ничего запрещать, поскольку не считал это потерей времени. Как ни странно, обновление заняло добрых двадцать минут — именно столько загружались сведения о последних достижениях в сфере моих интересов: адаптогенетике, микро- и нанотехнологиях и биотехе. Когда же мы опускались, чтобы приземлиться в космопорту, воздвигнутом на фундаменте из пенного камня посреди поля флейтравы, я связался с главной планетарной военно-исторической базой данных. Тут я проверил, нет ли каких изменений, касающихся Панархии. Нашел новые сведения о потерях в звездных боях для этой планетарной системы: некоторые дроны, считавшиеся уничтоженными, были обнаружены в списках присоединившихся к диаспоре ИИ после войны. Однако число жертв на самой Панархии осталось тем же — восемь тысяч семьдесят восемь человек. Очевидно, о выживших по-прежнему никто не слышал. Неужто ИИ усомнились в моих воспоминаниях — как я сам теперь сомневаюсь?

Затем я просмотрел собственный армейский файл, чего не делал прежде — по крайней мере, внимательно я его не изучал. Да и зачем бы? Я ведь и так все помнил. Там я нашел свой послужной список и обнаружил, что действительно сопровождал отряд Джебея У-кэпа Кронга до Панархии. Был тяжело ранен, в стазисной капсуле перемещен на госпитальное судно. После выздоровления служил в дивизии Бернерса и погиб вместе с ней на Панархии. И если все это — правда, значит, мои воспоминания о пребывании в плену ложны. Весь тот ужас — ложь, и даже психосоматический зуд в шее под затылком, до сих пор иногда мучающий меня, — ложь. А значит, все, что привело меня сюда, заставив зайти так далеко, основано на лжи.

Когда шаттл приземлился — без какого-либо вмешательства с моей стороны, поскольку им управляла небольшая часть разума Амистада, — я взглянул на последние обновления сведений о Пенни Рояле. В открытом доступе появился новый файл — мое заявление на

правообладание «Изгнанным дитятей», его удовлетворение, отметка об изменении названия, а также удивительно подробная информация о его прежнем местонахождении и состоянии. Читая, я чувствовал, как пересыхает у меня во рту. Фальшивые воспоминания привели меня на этот корабль: ведь, похоже, я никогда не допрашивал первенца и не получал у него координат... Я тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, и вернулся к сведениям. Так, вот мой договор с Изабель Сатоми, покупка Флейта, последующий визит на планетоид Пенни Рояла — все описано, и тоже весьма пространно. Мне уже хотелось связаться с кораблем и поинтересоваться у Флейта, что он выболтал тому ударному кораблю ИИ. А потом внимание мое привлекла следующая информация, и, впитывая ее, я пришел в ярость. Пенни Рояла здесь уже не было!

— Проклятье, его тут нет! — рявкнул я вслух.

— Теперь вижу, — немедленно откликнулась Рисс. — Кажется, он ушел отсюда, как раз когда ты приобрел «Копье». Ты тоже засек его след?

Я засек — и был раздосадован. Пенни Роял захватил управление «Розой», тем самым кораблем сборщиков утиля, который я видел. Они тоже подходили к бродячему планетоиду ИИ на Погосте. Если бы я подождал там еще немного, ИИ сам бы явился ко мне. А потом — никаких сведений; Пенни Роял снова исчез. Я переключился на местные новости, желая собрать все, что можно найти о маленьком судне утильщиков и контрабандистов под названием «Роза» и о его экипаже, а также все доступные подробности о проживании Пенни Рояла на этой планете.

— Тут мы только потеряем время, — сказал я, подходя к шлюзу.

— Нам нужна информация, — возразила Рисс.

Я все еще злился, но вынужден был согласиться.

Я надел респиратор, и мы высадились; к маленькому грузовому люку на боку шаттла уже подкатывался автоукладчик. Он должен был забрать наконец тела погибшего экипажа и их товарища, не принадлежавшего к человеческому роду. На миг я пожалел об этом — а вдруг у голема Далина можно было еще что-то узнать? — но потом через «форс» приказал открыть люк. Укладчик поднял свои руки-лопаты и, вытащив один за другим три цилиндрических гроба-холодильника, перенес их в свою прицепную клеть. Затем он достал

контейнер поменьше, размером примерно с кастрюлю — в нем находился кристалл Далина.

— Далин скоро встретится с аналитическим ВИ. — сказала Рисс.

— Да, — кивнул я. — А как насчет остальных?

— У них такое же будущее. Оставшиеся родственники, те, которые проявили хоть какой-то интерес, согласились на попытку реконструкции мозга.

Я не удивился — государственные ИИ, конечно, захотят извлечь каждый клочок доступной информации о случившемся на моем корабле сто лет назад. И все же меня поражала позиция невмешательства по отношению ко мне и самому судну. Я повернулся и в сопровождении Рисс направился к краю платформы космопорта. Арендовал гравикар и поехал в место, координатами которого снабдил меня Амистад. Дорога заняла два часа.

Дозорная башня возвышалась над смертоносными просторами здешних земель; надежный керамический двигатель, помещенный глубоко в землю, вращал ее. Когда наш гравикар приблизился к ней — это был единственный безопасный способ добраться сюда, с учетом недавней активности капюшонников, — я уставился на платформу, пораженный ощущением ее «неправильности». Короткий поиск через «форс» доказал, что ее размеры намного превышали те, что казались мне правильными. Новый намек на чужие воспоминания? Рядом строилось что-то вроде еще одной башни. Возможно, местные поставили себе цель возвести несколько одинаковых вышек для поддержки мобильного города.

На экране нашей машины замигала простая локаторная рамка, очертившая небольшую платформу для гравикаров. Я отпустил джойстик и откинулся на спинку сиденья, любуясь видом: газовый гигант Калипсо висел над горизонтом в темно-лиловом небе, а вдалеке поблескивали расположенные в шахматном порядке кривые пруды-отстойники. Там сейчас работали роботы, а не рабы Теократии. Разглядел я и длинное цилиндрическое здание, сплетенное из стеблей флейтравы. Там было похоронено тело великана-альбиноса, капюшонника, которого звали Техником. Дальше располагалось некое спиральное строение, тоже травяное, в котором обитал недавно признанный разумным уткотреп.

— Полагаю, мои частные заботы не сочли важными в свете того,

что здесь происходило, — мрачно заметил я.

Планета Масада привыкла существовать в центре основных событий. Всего несколько десятков лет назад здесь стояла у власти Теократия, и большая часть населения была обречена на постоянный рабский труд на поверхности. Потом произошло восстание с использованием инопланетных технологий, за которым последовали интервенция Государства и карантин. После карантина Масаду атаковали Чужие, затем последовало признание разумности одного из местных существ — уткотрепа, потомка великой исчезнувшей цивилизаций эштеров. Потом мир обрел статус протектората, и сюда для предотвращения хаоса был прислан государственный наблюдатель, «хранитель» планеты. Я с интересом изучал историю планеты, но несколько последних часов посвятил в основном недавним событиям. Потому что нынешний хранитель, Амистад, привел сюда Пенни Рояла.

— Не думай, что твои заботы сочли мелкими, — откликнулась Рисс, которая лежала клубком на сиденье рядом со мной, приподняв голову и прижавшись «носом» к экрану. — К Пенни Роялу тут относятся весьма серьезно.

— Серьезнее, чем к биомехам, которым миллион лет, воскресшим Чужим, джайн-технологиям и Дракону? — удивился я.

Рисс повернулась, уставившись на меня; ее черный глаз открылся, в глубине его замигали искры. Это был второй внешний признак функционирования дрона, обрабатывающего гигантские массивы информации. Первым являлось повышение температуры тела — сейчас прикоснуться к перламутровой коже Рисс было бы опасно.

— Пенни Роял из той же категории, — заявила дрон.

— А именно?

— Потенциальное гигасмертоносное оружие и парадигмоменяющий разум.

Я не стал продолжать — в этом разрезе мое стремление отомстить выглядело просто жалким.

Наша машина спускалась медленно, словно тот, кто контролировал ее, решил дать нам время полюбоваться довольно-таки устрашающим видом. Когда гравикар сел, на маленьком экране

появилась карта, любезно информирующая о месте нашего нахождения. Мне также предоставлялась возможность загрузить карту в «форс», сеть или портативный компьютер. Но я просто запомнил ее, вышел из машины, принюхался к влажному воздуху и вытащил респиратор. Впрочем, карта мне и не понадобилась — вылетевшая следом за мной Рисс, извиваясь, устремилась вперед, указывая путь. Дверь на дальнем конце парковочной платформы открылась при нашем приближении. За ней обнаружилась пара людей в камуфляжной форме из флейтравы. Однако, увидев Рисс, они резко отступили. Мы вошли внутрь, а они направились к бронированному военному транспортеру, причем один заметил на ходу:

— Спорим, это один из его однополчан.

Рисс двинулась вверх по какой-то лестнице, я — за ней, чувствуя, что запах воздуха изменился, но не наблюдая никаких признаков того, что внутри он пригоден для дыхания. Миновав длинный цилиндрический коридор и еще один пролет, мы подошли к двери, светящийся лимонной желтизной силового поля, замигавшего при нашем приближении. Еще две ступеньки — и мы оказались на смотровой площадке. Амистад повернулся к нам, его хромированные ножки громко клацнули о рубчатый металл.

— Маска излишня, — сказал он.

Амистад был больше, чем гравикар, на котором мы прибыли, и представлял собой точную, только во много раз увеличенную копию скорпиона, сделанную из блестящего металла. Внешнее сверкающее покрытие являлось, несомненно, хромованадиевым наносплавом, устойчивым к любому оружию, которое не нужно взгромождать на танк или еще какую-нибудь мощную установку. Я снял респиратор и прицепил его к поясу, раздраженный очередным ложным воспоминанием — это была моя первая встреча с Амистадом, а мне казалось, что я вижу давнего товарища. Чувство ослабло, когда я встал перед ним, — но тут я поймал себя на том, что ищу на платформе колючую тень.

— Теперь ты уже знаешь, что Пенни Рояла тут больше нет, — заметил Амистад.

— Насколько я понял, его видели в последний раз на Погосте.

— И он вполне может все еще быть там.

— Но вот чего я не понимаю, — упрямо продолжил я, — так это почему он сперва оказался здесь, а не был пущен на переплавку век назад.

— Теперь ты знаешь историю, Торвальд, — сказал смотритель Масады. — Информация доступна, и я знаю, ты получил доступ и изучал ее.

— Знаю, получил, изучал. Ты воскресил Пенни Рояла после его стычки с той же техникой эштеров, что вызвала проблемы здесь. Но пробудил ты его без предположительно «плохой части» — восьмого состояния сознания. Обнаружив эту Восьмерку, Пенни Роял уничтожил ее, и ему все было прощено — все тысячи замученных, изувеченных, убитых. Сдается мне, в любом человеческом обществе до самой Тихой войны закон не распространяется на правителей.

— Ты знаешь историю, — повторил Амистад, — так что должен знать, когда дается амнистия.

— Мне известно объяснение. — Я скрестил на груди руки, внезапно ощутив холод. — Ты классифицировал Пенни Рояла как восемь обособленных разумов и счел уничтожение Восьмерки исполнением приговора. Но, сдается мне, такое решение не подошло бы для человека со множественным расщеплением личности, верно?

Амистад щелкнул клешней в воздухе, и глаза его на миг вспыхнули красным. Нет, это не было угрозой — только досадой.

— И, конечно, — поднялась рядом со мной Рисс, — в случае с Пенни Роялом ты напортачил.

— Дело еще нужно закончить, — сказал дрон-хранитель.

— Признай, Амистад, Пенни Роял обдурил тебя, — настаивала Рисс.

Я повернулся к дрону, не понимая, на что она намекает. Может, речь идет о бегстве Пенни Рояла на корабле Блайта? ИИ сделал это, когда Амистад разбирался с некоторыми сложными соглашениями на Масаде — следствием открытия в этом обжитом людьми мире разумного аборигена. Данный автохтон по законам Государства был вправе изгнать все людское население. Но возвращаясь к Пенни Роялу — не доказано, совершил ли ИИ преступление, поднявшись на борт «Розы». Лично я не сомневался: черный ИИ убил экипаж того корабля — или превратил людей в нечто ужасное. Я задумался о том,

что творилось в окаменелости, которая лежала сейчас в моем кармане.

— Нет. Пенни Роял был волен уйти в любое время по своему выбору.

— Ты знаешь, что я не об этом, — фыркнула Рисс. — Информация, как ты сказал, доступна. И включает все файлы, касающиеся вашей стычки с Пенни Роялом на краю кратера.

Пока дрон-убийца и бывший боевой дрон сверкали друг на друга глазами — хотя, возможно, между ними происходило нечто большее, недоступное моему взгляду, — я снова торопливо просмотрел те же данные. Пенни Роял узнал о том, что его пропавшее «восьмое состояние сознания» находится на дне моря, завладел им и вытащил на сушу. Амистад выследил его и настиг на краю кратера вулкана, и в этих драматических декорациях Пенни Роял уничтожил контейнер со своей Восьмеркой. Я все еще ничего не понимал.

— У тебя узкая специализация, Рисс, — ответил наконец Амистад. — И тебе не убить ИИ инъекцией яиц паразита, даже если они у тебя и остались.

— Признай же, тебя накололи.

Все, с меня довольно.

— Какого черта, о чем вы? — рявкнул я. — Рисс?

— Расскажи ему, — велела дрон-убийца, по-прежнему не отрывая взгляда от Амистада, но голова ее коротко качнулась в мою сторону.

Амистад снова щелкнул клешней, словно пытаясь перерезать какую-то нить — возможно, одну из тех, в которых он сам запутался. Как наблюдатель, он надолго застрял здесь — хотя ему никогда не сбросить обузу ответственности.

— Ладно, — сказал Амистад, — меня накололи.

— Яснее не стало, — буркнул я.

Амистал качнулся ко мне, разорвав зрительный контакт с Рисс, выглядящей сейчас слегка опустошенной.

— Имеются свидетельства того, что Пенни Роял на самом деле не уничтожил восьмое состояние сознания, а загрузил его себе из

контейнера до того, как я появился у кратера.

— А значит, — опять вытянулась Рисс, — Пенни Роял по-прежнему подпадает под смертный приговор.

— Значит, по-прежнему подпадает под смертный приговор *та часть* Пенни Рояла, — парировал Амистад.

— Стойте, черт побери! — вмешался я. — Пенни Роял, разделенный на восемь гребаных состояний или страдающий психическим расстройством, все равно виновен в уничтожении дивизии Бернерса на Панархии! — Я умолк на секунду, извлекая из памяти некоторые цифры. — А после Панархии он убил три тысячи пятьсот двадцать три человеческих существа и сорок семь ИИ. — Сунув руку в карман, я выхватил аммонит. — И вот это тоже сотворил Пенни Роял — садистскую пыточную машину! Вот что это такое!

Амистад, до сего момента пребывавший в постоянном, пусть и малозаметном движении, теперь застыл.

— Что это? — спросил он.

— Это, — я ткнул рукой с окаменелостью в сторону хранителя Масады, — квантовое хранилище координат планетоида Пенни Рояла, но тут есть еще кое-что. Пыточная виртуальная реальность. Ты не представляешь...

Ноги Амистада загремели по железу — точно одна за другой взрывались петарды, — и в мгновение ока он навис надо мной. Массивная клешня опустилась и с величайшей осторожностью, казавшейся практически невозможной, сняла аммонит с моей ладони. Я отступил, почти ожидая нападения, но огромный скорпион тоже попятился. А потом, будто пробуя некий деликатес, он вставил окаменелость в свою предротовую полость, повернул ее подвижными щетинками — и проглотил.

Я обернулся: Рисс смотрела на меня.

— Я никогда такого не видела, — сказала дрон-убийца.

Не видела *чего*?

— Он всегда записывал, — словно согласился с Рисс Амистад. — Так мертвы ли мертвые на самом деле?

Я повернулся ко вновь застывшему Амистаду. Заметив мое

внимание, он опять щелкнул клешней и сказал:

— Это самосоотносимый временной кристалл. Человеческий разум внутри него — запись, трансляция в упрощенном состоянии. Я перешлю ее в Душебанк.

— Теперь ты видишь, что делает Пенни Роял. — Я чувствовал, что каким-то образом потерял побудительный мотив.

— Ты тоже должен знать это — по себе.

— Что?

— Узнав о том, что ты преследуешь Пенни Рояла, я заинтересовался тобой, Торвальд Спир, — сказал Амистад. — Ты еще не согласился с тем, что твои воспоминания дополнены и подделаны?

— Не знаю наверняка...

Мне не хотелось признаваться хранителю, что, хотя я и видел, что все свидетельства указывают именно на это, я просто не мог *ощутить*, что это правда.

— Ты помнишь, как был в плену у прадоров вместе со своим товарищем, — продолжил Амистад. — Твой товарищ, подвергшийся полной процедуре превращения в раба, погиб в процессе — причем тело его умерло чуть позже. Потом тебя обратили в паучье рабство. Ты выжил, испытав страшную боль, но уже умирал, когда те самые прадоры попали в засаду.

— Устроенную Джебелем У-кэпом Кронгом, — подтвердил я.

— Нет, всего лишь отрядом КБЗ под командованием того, кто никогда не встречался с Джебелем У-кэпом Кронгом. Человека в паучьем рабстве звали Джаспер Фреттл, а не Торвальд Спир. А его товарищем, погибшим при проведении полной процедуры, была женщина по имени Ионелла Фреттл — его жена. И они не были солдатами, они были гражданами государственной планеты. Этот мир только-только заселили, когда мы впервые столкнулись с прадорами, а супружескую пару взяли в плен во время последующего захвата прадорами планеты. Они были одними из тех, на ком прадоры испытывали «рабоделы», прежде чем признали, что обычные люди для этого слишком слабы. Прадоры осознали, что достаточно крепких особей для данной технологии им может поставлять лишь Спаттерджей, а там «запас» людей ограничен.

— Что? — тупо спросил я.

— Джаспер Фреттл не смог жить с кошмарными воспоминаниями, так что он вырезал их из памяти, едва эта процедура стала доступной, — безжалостно и неустанно продолжал Амистад. — Одни считают это слабостью, другие — необходимым требованием с учетом потенциально неограниченной продолжительности жизни. Вымаранный кусок воспоминаний Фреттла, как и все подобные, хранился среди так называемых разнородных файлов Душебанка. То, что раньше существовало в твоём мемпланте, а теперь — в мягких тканях твоего мозга, — это отредактированные и искаженные копии. Остается лишь удивляться, когда Пенни Роялу удалось завладеть ими и как долго ИИ разрабатывал свой план...

— Что?!

— Тебе никогда не говорили, где нашли твой мемплант, не так ли?

— В магазине... ювелирном...

— Да, «Экзотика Маркхэм» находится примерно в двухстах милях отсюда, в прибрежном городке с забавным названием Тараторка. Хотя, кажется, они открыли филиал в торговом комплексе космопорта, в котором ты недавно побывал.

Я смотрел на Амистада, разинув рот, а Рисс пристально разглядывала меня. Возможно, дрон-убийца опять размышляла, не стоит ли меня прикончить. Вероятно, на ее месте я бы думал о том же.

— Конечно, — продолжал Амистад, — твердых доказательств, что Пенни Роял посещал «Маркхэм», нет. Однако Пенни Рояла видел один из отрядов дознавателей на Панархии после войны — кстати, большинство из этой команды встречи не пережило.

— Вернулся на место своего величайшего преступления. — Я сплюнул, растеряв все слова.

— Несомненно, — согласился Амистад. — После войны выяснилось, что один эксперт по биошпионажу из дивизии Бернерса обладал ранним образцом мемпланта Силака. Командам дознавателей велели искать маячок мемпланта, но люди ничего не обнаружили. И все решили, что мемплант разрушился в результате взрыва ПЗУ.

Старые рубиновые мемпланты прочны, но и их можно уничтожить.

Я знал, что мне предстоит долгое мучительное осознание фактов. Пенни Роял нашел мой мемплант, поиграл с воспоминаниями и подсунул камень ювелиру?

— Это ничего не меняет, — сказал я. — Все равно — Пенни Роял должен заплатить.

— Конечно, — согласился Амистад. — Но сперва ты должен найти его — или, возможно, дождаться, когда он найдет тебя.

— Я намерен убить Пенни Рояла, — отрезал я, чувствуя, как закипает в душе ненависть.

Но, отвернувшись, я вдруг ощутил, как ненависть сменяется жалкой пустотой. Если мои воспоминания — не только мои, не обнаружу ли я вскоре, что то же касается и моих эмоций?

Глава 15

Изабель

Когда «Залив мурены» достиг орбиты, Изабель решительно отвергла совет Трента. Действительно, чтобы убить Спир, наверняка придется уничтожить и корабль, а значит, лишиться возможного дохода от его продажи. Да, такое убийство будет обезличенным и не принесет удовлетворения. Однако один фактор Трент упустил — фактор, весьма важный для бизнеса на Погосте, — репутацию. Когда трансформация ее тела будет замечена конкурентами, когда прозвучат слова «ее поимел Пенни Роял», враги тут же осмелеют, и их нужно будет прихлопнуть. А то, что ее одурачил простой смертный, еще больше усугубит ситуацию. Возможно, она даже привлечет внимание мистера Пейса, чего позволить никак нельзя. По крайней мере, так Изабель мысленно оправдывала свои намерения прикончить Спир и разорвать его в клочья.

Но теперь пора прекращать рассуждать о цели и решать, как ее достигнуть. Глядя на экран, демонстрирующий Литораль, она утвердилась в правильности своего решения покинуть планету. Если прадоры устроят заварушку, находиться там, внизу, было бы весьма вредно для здоровья. Опасно, конечно, и здесь, наверху. Но у нее есть свои причины не покидать систему. Изабель велела Моргану вести «Калигулу» и «Настурцию» к планетоиду Пенни Ролла, потому что туда, как известно, заглядывал Спир. Изабель надеялась, что оттуда получится отследить его дальнейший путь. Она знала, что там работают сборщики утиля — возможно, у них есть сведения о Спире, которыми они могли бы поделиться. Однако теперь это уже не важно — поскольку Спир отправился к Масаде, а преследовать его там — самоубийство. При этом цель Спир — Пенни Роял, так что если она будет держаться ИИ, находящегося в данный момент на борту «Розы», то Спир наверняка придет к ней сам — рано или поздно.

Все казалось вполне логичным, так почему же она покидала Литораль, испытывая в глубине души глубокое разочарование? Исходило оно от хищной ее части — части, становящейся все более и более агрессивной. Спир — ее цель, но он лишь использовал в своих интересах ее состояние, причиной которого был Пенни Роял. На самом деле она всегда стремилась отомстить черному ИИ — что было недостижимо. Здравомыслие говорило, что шансов против него у Изабель никаких. Только вот эмоции были сильнее здравомыслия.

Как жертву она рассматривала не только Спира — человека, которого можно настичь и растерзать, — но и Пенни Рояла. Более того, теперь она разрывала дистанцию между собой и жертвой.

Изабель усмирила разочарование и мысленно открыла У-пространственный канал связи с «Настурцией». Она ждала, но ответа не последовало. Тогда Изабель попыталась связаться с «Калигулой» — и снова неудача. Морган, должно быть, идет к планетоиду, а значит, будет недоступен до тех пор, пока не выйдет из У-пространства.

Она оставила канал открытым, чтобы Морган понял, что она хочет поговорить с ним при первой же возможности. Новый ментальный приказ увеличил масштаб изображения Панцирь-сити. Затем Изабель отследила текущую позицию корабля Блайта. «Роза» села на пустом участке у самой границы города. Изабель не представляла, ни отчего черный ИИ выбрал именно это место, ни имеет ли он отношение к надвигающейся буре. А впрочем, наверняка имеет.

— Ну, — сказал Трент, входя в рубку, — какие планы?

Она развернулась всем телом, в последнюю секунду остановив себя, не позволив внутреннему хищнику наброситься на человека. Помощник испуганно отпрянул, рука стиснула рукоять пистолета. Потом Трент разжал пальцы, несколько раз глубоко вздохнул — и шагнул внутрь, лишь на секунду задержавшись, чтобы бросить взгляд на стоящего у дальней стены голема.

— Щелк да щелк, — произнес тот, но даже Изабель, тесно связанная с големом, не могла определить, откуда исходит голос.

Сейчас все ее внимание было обращено на Трента. Тот двигался осторожно, выглядел изнуренным и исхудавшим. Медленно расположившись в кресле, он отхлебнул из чашки, которую принес с собой. Чтобы отвлечься от его притягательной уязвимости, Изабель занялась оценкой повреждений дверей рубки. В прошлый раз в шлюз ей пришлось протискиваться. Внутренние коридоры тоже вызывали клаустрофобию. Вмятины и царапины на створках появились случайно, но означали, что внутреннее корабельное пространство пора модернизировать.

— Думаешь, притащить эту штуку на борт было хорошей идеей? — спросил Трент.

— Я полностью его контролирую, — ответила Изабель, — и он может обеспечить некоторую... связь с Пенни Роялом.

— Уверена?

— Уверена.

Мужчина с сомнением хмыкнул:

— Полагаешь, следовать за Пенни Роллом — верный путь к Спиру?

— Я послала Моргана с основными нашими силами на «Калигуле» и «Настурции» к планетоиду Пенни Ролла. Едва я получу возможность снова связаться с Морганом, я позову его сюда — если мы сами все еще будем здесь.

— Значит, мы остаемся.

Она опустила капюшон, соглашаясь, и вернулась к изучению экрана, обдумывая перепланировку корабля. Мысли о том, как приятно было бы сдирать *вкусную* плоть с костей Трента, подавлялись с трудом. Кое-какие внутренние стены придется сохранить, решила Изабель, чтобы не повредить несущие конструкции. Останутся медицинский отсек и некоторые жилые помещения, но все остальное — долой. Шлюзами для людей она больше не пользуется, только люками трюмов. Возможно, стоит превратить один из трюмов в шлюз? Каюта Трента останется — даже если он не доживет до того, чтобы занять ее, каютой сможет воспользоваться кто-то другой...

Теперь что касается нового дизайна скафандра...

— Возможно, висеть тут на орбите не слишком хорошая идея, — заметил Трент.

Изабель, не оборачиваясь, сосредоточила внимание на помощнике, используя только внешние сенсоры капюшона, функционирующие в основном в инфракрасном режиме. Одновременно она загружала инструкции в буферную память законсервированных ремонтных роботов. Начать следовало с внутренних перегородок и превращения одного из трюмов в шлюз. А скафандр, решила Изабель, должен обладать неограниченной растяжимостью — она же девочка растущая. Она сделает его сама, из имеющейся на борту мономерной ткани. И тут, уже начав проигрывать в голове пробные модели, она поняла, что и скафандр, и

перестройка судна суть признаки того, что она полностью *приняла* свое новое воплощение.

Изабель повернулась к скелету-андроиду, загрузила в него команды и отправила помогать с реконструкцией. Трент наблюдал за его уходом, все еще явно недовольный решением хозяйки оставить голема.

— Согласна, нужно изменить курс, — резко бросила Изабель, вновь сосредоточиваясь на текущих событиях вне корабля.

Мысленно она составила карту местной системы. У Литорали имелись две маленькие луны, но, если прадоры применяют тяжелое оружие, толку от них в плане безопасности мало. Следующая планета сейчас по ту сторону от звезды. Но есть у Литорали еще один сосед, находящийся на расстоянии четверти длины орбиты от планеты. Маленький мир, обожженный и расплавленный со стороны звезды, покрытый гигантскими растрескавшимися ледниками с другой. Там легко укроется корабль. Отлично.

Изабель остановилась, заметив, что во время ее раздумий Трент удалился в свою каюту. Тогда она включила термоядерный двигатель и направила корабль прочь от планеты, разбрасывая по пути спутники связи размером с грейпфрут. Она спрячется, чтобы наблюдать и ждать. А когда Спир в конце концов появится — она ударит. Хотя по кому первому — Спиру или Пенни Роялу, — Изабель пока не знала.

Свёрл

Траектории наружного перемещения изменились. Анализируя их, Свёрл понял, что призванные дети Цворна, Скута и Пятерки поспешно направляются к первым попавшимся укрытиям — если еще не нашли таковые. Роботы и прочее океанское имущество по-прежнему стягивались к трем кораблям, но скорее пытаются спрятаться, чем по какой-либо другой причине.

Сородичи-прадоры собирались выйти на поверхность — и это было неизбежно.

Внимание Свёрла привлекла одна из движущихся фабрик Цворна. Она как раз остановилась, бросив на дно якоря. Действие можно было бы рассматривать как попытку избежать повреждений, поскольку расположилась фабрика близко, но Свёрл подозревал иное. Он вытащил клешню из одного углубления в пульте и вставил в другое, затем через пульт управления рабоделом соединился с оружием, получив контроль над двумя лучевыми пушками. На двух шестиугольных экранах включилась система наведения. Остальным оружием управляли дети, но они среагируют только на угрозу или исполнят приказ — то есть действовать будут с запозданием. А если угроза исходит от фабрики, то потребуется быстрота.

— В укрытие, — велел Свёрл своим троим оставшимся снаружи вторинцам.

У них еще оставался шанс выжить, поскольку основная битва наверняка произойдет вне океана. Над водой оружие разворачивается быстрее и поражает эффективнее. Позже он вернется за ними, если сможет. Родни у него не так уж и много, чтобы ей разбрасываться. Все остальное, включая оставшуюся передвижную фабрику и различных роботов, придется бросить. Итак, пора — ему не хотелось оказаться последним, покинувшим океан.

— Готовьтесь к бою, — велел он тем, кто находился на борту, и включил водометную тягу. — Отвечайте, как вас учили.

Вода снаружи тотчас помутнела — это движки подняли со дна тонны соли. Свёрл переключился на эхолокацию и ультразвук, заметив, что клубы соли теперь вырываются и из-под трех остальных кораблей, тоже пришедших в движение. Неожиданно картинки на

экранах замигали, сменившись мерцающим ромбическим рисунком. Свёрл среагировал мгновенно, выстрелив из лучевика по источнику помех — фабрике Цворна, успев подумать о превратностях судьбы. Если бы он не переключил изображение в ультра- и инфразвуковой режим, то не увидел бы узнаваемых помех, вызванных кавитационными торпедами.

На миг его охватило сожаление. До этой секунды еще оставался шанс, пусть и ничтожный, что другие прадоры не проявят враждебности. Но, даже горюя о столь предсказуемом прадорском поведении, он хладнокровно исполнял первоначальные планы и строил дальнейшие. И, почувствовав, как растет его собственное прадорское возбуждение, Свёрл перестал церемониться.

Пучок частиц вонзился в морскую воду. На своем пути он создавал растущий прозрачный туннель, где вода превращалась в перегретый пар, водород, кислород и озон ионизировались, а прочие элементы распадались на радиоактивные изотопы. Туннель держался несколько секунд, после чего, закипев, взрывался, буквально смывая изображение. Тем временем Свёрл привлек все имевшиеся в его распоряжении виды сканеров, чтобы отслеживать перемещение торпед. А луч уже достиг фабрики, уже испарялась сталь, окрашивая океан красно-оранжевым светом; в этот момент Свёрл обнаружил торпеды. Всего две, они, сделав крюк, приближались к его кораблю с той стороны, куда не дотягивались его лучевые пушки.

— Сектор шесть, пять килотонн, две мили, — информировал он стрелка, ответственного за участок.

Снаряды шли на малой скорости — в противном случае, если бы рельсотрон разогнал их до максимума, они бы врезались в морскую воду, как в бронированную стену. Результатом стала бы вспышка, которая разнесла бы и рельсотрон, и стрелка. В нескольких сотнях футах от корабля снаряд включит свои двигатели, набирая скорость, оставляя позади горящую струю магнезии и огромные пузыри перегретого пара, рвущиеся на поверхность.

Только сейчас Свёрл заметил, что его дредноут уже отошел на безопасное расстояние от дна. Вытащив клешню из орудийного углубления, он вставил ее в отверстие управления двигателями и активировал многокамерный термоядерный движок. Если выпущенный снаряд не подорвет кавитационные двигатели торпед и не уничтожит их, термояд-то уж точно обязан справиться? Но,

опять—таки, ведь Цворну это должно быть известно?

Форма его корабля повторяла форму прадорского панциря; гигантская полусфера из редкого сплава шести миль в диаметре щетинилась дулами пушек и стрелами датчиков, как какой-то высокотехнологичный усоногий рак. Дредноут начал быстро подниматься, точно балансируя на вершине только что вспыхнувшего солнца. Свёрл коснулся управления водометами, разворачивая корабль. Потом грянул мощный взрыв, то ли уничтоживший две торпеды, то ли повредивший камеры, следившие за ними; впрочем, прадор подозревал, что снаряды просто изменили курс.

— Сектор два, опасайтесь возможного вторжения после выхода на поверхность.

Он вырвал одну клешню из двигательного углубления и вновь сунул ее в орудийное, спрашивая себя, как поступить. У торпед своя движущая сила, простой расчет укажет место их выхода на поверхность океана. Еще несколько касаний, и корабль вновь развернулся.

— Седьмой, Восьмой, выпустить сорок тех государственных гравимин сразу после выхода, — приказал он. — Рассеять их на участке в одну милю.

— Отец, это опасно, — откликнулся вторинец у рельсотрона, ответственный за Седьмой сектор.

На борту любого другого прадорского корабля подобное замечание привело бы к немедленному наказанию. По крайней мере, сразу после боя. Но дети Свёрла привыкли к тому, что отец ожидает их реакции и, если злоупотребить человеческой метафорой, скорее угостит пряником, чем кнутом.

— Дальнейший разброс обеспечит взрыв донного ПЗУ, — ответил Свёрл, открывая блок управления, связанный с отправленным в шахту взрывным устройством, оставшимся внизу, уже в миле от корабля. — Ударная волна разгонит мины, и они преградят путь всплывающим истребителям.

Простая, но качественная игрушка, эти государственные мины. Гравидвижки легко защищаются, поскольку предназначение у них одно — обеспечить гидроневесомость, и несут они дистанционно детонирующее ПЗУ. Вот и второй неприятный сюрприз для Цворна и остальных; первым станет то, что случится внизу.

Блайт

Сперва раздался рокот, и «Розу» встряхнуло, но Блайт ничего такого не подумал — он бывал во многих сейсмически активных мирах. Однако толпа, бредущая по пролегающей рядом дороге, разом остановилась, как будто люди вдруг услышали поступь приближающегося великана. Потом народ двинулся снова, все ускоряя и ускоряя шаг. Панический страх витал в насыщенном сероводородом густом воздухе. Очевидно, землетрясения случались тут нечасто.

Стоя на корпусе корабля, Блайт развернулся, оглядывая морские просторы в монокуляр. На далеком горизонте брезжил пробивающийся из-под воды фиолетовый свет, и только. Возможно, это был просто оптический эффект, свойственный данной планете, но, когда полыхнула красно-рыжая вспышка, Блайт усомнился в естественной природе зарева.

— Значит, все сваливают к черту — кроме нас, — пробормотал Икбал.

«Роза» приземлилась, и электропитание отключилось. Что-то застучало, потом пронзительно взвыло, потом весь корабль наполнила какофония звуков, достойная набирающей обороты автоматической фабрики. Шум стал невыносимым, и Блайт выбрался наружу, разрешив всему экипажу следовать за собой.

— Им всем давным-давно следовало свалить отсюда как можно дальше, — ответил капитан Икбалу и оглянулся на ближайшие дома этого — наиболее благопристойного — района города.

Эвакуация казалась хорошо организованной, все происходило быстро и довольно спокойно, но город рушился — рушился до сих пор. Блайт насчитал четыре пожара, причем один весело полыхал на верхнем этаже соседнего трехэтажного здания. Пламя уже пробивалось сквозь каменную черепицу островерхой крыши — плитки, раскальваясь, оглушительно трескали, на землю сыпались осколки. Капитан посмотрел на Бронда с Мартиной, которые устанавливали дистанционный пульт, связанный с корабельными сенсорами; по крайней мере на управление ими энергии хватало.

— Как думаете, что тут было?

— Стреляли из лучевого оружия в нескольких милях отсюда, — мрачно сообщила Мартина. — И во что-то попали — в спектре сталь и уголь.

— Дерьмо! — Блайт поднял монокуляр — как раз вовремя, чтобы увидеть, как закипел вдали океан и что-то ярко вспыхнуло под водой. — Дерьмо, дерьмо!

Сперва появились четыре башни, они вырастали из воды, как гигантские побеги спаржи. Потом показалась турель, к которой они крепились, а затем из океана постепенно начал подниматься весь огромный корабль. Блайт сглотнул, хотя во рту у него пересохло. Он слышал, что тут на дне скрывается прадорский дредноут, но столкновение с реальностью оказалось слишком неожиданным. Мастоdont продолжал всплывать, точно остров, вытолкнутый из воды каким-нибудь сейсмическим явлением. Орудийные башни и стрелковые ячейки «украшал и» всю поверхность судна, и вдруг одна из них что-то изрыгнула. Блайт дал максимальное увеличение. Летящий объект выглядел как толстенная серебряная монета — пока не исчез под «хамелеонкой».

— А это, — прокомментировал Бронд, — государственные гравимины.

— Необычно, — откликнулся Блайт, пытаясь сохранить спокойный рассудительный тон. — Прадоры особо не жалуют технику Государства — считают использование чужих устройств признанием того, что люди в чем-то превзошли прадоров.

Из поднявшегося над водой дредноута ударили два луча, две яркие вспышки сверкнули над океаном, разбухли, как два желтых солнца, и сплющились под напором ударной волны.

— Что это было? — спросила Григ, сидевшая верхом на одном из пилонов гондолы двигателя.

— Фиксируйтесь! — рявкнул Блайт, уронив монокуляр — тот повис на шейном ремне. Капитан стремительно размотал страховочный пояс скафандра, присел на корточки и закрепил крюк на одном из крыльев «Розы». — Герметизируйте скафандры! — Он резко опустил лицевой щиток.

Остальные последовали его примеру, но Чонт и Хабер еще только бежали назад к кораблю. Они исследовали край Панциря там, где он соприкасался с землей. Примчавшись, они быстро

вскарабкались по лестнице на боку корабля и тоже зафиксировали страховочные пояса.

— Характеристики взрыва? — спросил Блайт у Мартины и Бронда по радио.

— Всего понемножку, — откликнулся Бронд. — Две кавитационные торпеды вышли из океана в паре миль от корабля и запустили ракетные двигатели. Отец-капитан, видимо, засек их — и накрыл встречным ударом.

— Мощность взрыва?

— Около мегатонны. Какой-то бронебойник, — К этому моменту ударная волна добралась до берега, и Блайту не потребовался монокуляр, чтобы увидеть ее. Белая пена вскипела по кромке воды от горизонта до горизонта и исчезла, сменившись клубящимися тучами пыли. Волна приближалась, Блайт разглядел клочья каких-то растений, вертящиеся в воздухе, — и на миг почувствовал облегчение. Если бы к нему неслись камни, страховочный пояс ничем не помог бы. Врезавшись в наименее благополучные предместья Панцирь-сити, ударная волна, разметав ненадежные хибары, подхватила еще кучу хлама. Блайт наклонил голову и застыл в ожидании.

Фронт ударной волны добрался до него секунду спустя, и все вокруг исчезло в клубах пыли и мусора. Ветер попытался оторвать Блайта от корпуса корабля, но не сумел. Однако из хаоса вдруг вылетел квадратный железный лист десяти футов в поперечнике, ударился о звездолет совсем рядом с капитаном — и покатился дальше. Блайт облизал пересохшие губы, вдохнул поглубже, стараясь успокоиться, поднял монокуляр к лицевому щитку и вставил его в специальные пазы на шлеме. Соединившись с системами скафандра, устройство передавало изображение прямо на «забрало». Осталось лишь настроить его так, чтобы хоть что-то разглядеть сквозь пыль. В инфракрасном режиме различалось только солнечное сияние в нескольких милях над поверхностью океана и еще что-то в стороне, кажется, под водой. Ультрафиолетовый спектр оказался ничем не лучше. Блайт уже почти отказался от попыток, тем более что пыль практически осела, когда под водой опять полыхнуло. Вспышка росла, росла, охватывая все вокруг. Тогда капитан отсоединил монокуляр — сияние было прекрасно видно и невооруженным глазом.

— И что? — вслух удивился он.

Миг — и угол зрения его резко изменился. Блайт по-прежнему стоял на корпусе своего корабля, но сейчас ему казалось, что он летит над морем и вглядывается вниз, вниз, в глубины. Мощный взрыв воспламенил толщу вод, и он ощутил его нарастающую силу. Еще секунда — и Блайт пришел в себя, пытаясь удержать рвоту.

— Пенни Роял?

— Капитан, — окликнула Грир.

Он оглянулся и увидел, что женщина тычет пальцем в сторону трюма. Теперь Блайт узнал вибрацию, которую уже чувствовали прижатые к оболочке руки. Люк открылся. Капитан поднялся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как из темноты поднимается один из тех шарообразных объектов, которые он видел в трюме. В корабельных недрах что-то поблескивало, как раздробленный красный стеклянный глаз.

— Сворачиваемся.

Капитан отцепил пояс и подошел к краю корабля. Теперь он ясно видел выходящего из трюма Пенни Рояла в облике морского ежа, с запутанным серебряно-черным клубком по центру. Еще пять шаров, похожих на гигантские мыльные пузыри, окружили его. Один из них, как эти ни прозаично, тащил, разматывая, толстый кабель, прикрепленный к чему-то внутри корабля.

После короткой паузы Блайт спросил:

— Что ты делаешь?

И Пенни Роял тотчас дал ответ — но воспоминание ли то было или псевдоопыт, Блайт так и не понял.

Он лежит на песке, вскинув щит, парируя удары шипастой булавы, которой размахивает кто-то, кого толком не разглядеть. И знает, абсолютно точно знает, что, если ослабит хватку, опустит щит, его забьют до смерти.

Вернувшись к реальности, Блайт, тихо выругавшись, отпрянул от края корабля; его не тошнило, но он был очень напуган. Нет, вопросами разбрасываться не стоит...

ИИ начал подниматься, шар, тянущий кабель, следовал за ним, а остальные резко разлетелись по сторонам. Блайт заметил, что

некоторые шары направились к океану, а потом потерял их среди пылевой взвеси. Снова прикрепив монокуляр, он отследил один объект, зависший в пятидесяти футах над землей у края города. И тут капитан понял, что видит еще что-то.

Океан вздыбился, воздвигнув невысокий купол в десятки миль диаметром. Потом поверхность взорвалась, взметнулись вверх струи пены, огромные пузыри перегретого пара выскочили из глубины. С ленивой грацией водная масса обрушилась вниз, но от границ ее побежали волны, растущие по мере приближения к берегу. Капитан опустил монокуляр и принялся озираться в поисках места, куда можно заново прикрепить страховочный пояс. Жидкая гора врезалась в берег, но не остановилась — океан просто пожирал землю, отделяющую его от людей. Блайт прикусил язык, не дав сорваться грязному ругательству.

— Совсем нет энергии, — подал голос Бронд.

Блайт обернулся. Почему вдруг стало так темно и холодно? Он снова поднял монокуляр, но прибор был мертв. Капитан прикрепил его к шлему, чтобы провести диагностику, но скафандр лишь выдал на визор предупреждение о падении напряжения: вспыхнув на миг, оно сразу потухло, что не могло не тревожить. Блайт опять осмотрелся. На ближайшей дороге транспорт встал. Через секунду капитан понял, что больше не видит в той стороне пожаров. Он повернулся к трехэтажному зданию, пылавшему рядом, ошеломленно убедившись, что огонь потух. Лишь под проломленной островерхой крышей тлели уголья.

— Какого дьявола? — выдохнул он, забыв о собственном недавнем решении насчет вопросов и сквернословия.

Пенни Роял поднялся футов на сто — вероятно, на всю длину кабеля. Высоко-высоко в небе над ним прадорский дредноут казался всего лишь крохотным сверкающим пятнышком.

— Разрушительные энтропийные эффекты неизбежны, — прошептал Пенни Роял. — Энергии, производимой твоим корабельным реактором, недостаточно.

ИИ высасывает энергию из всего вокруг, понял Блайт, только как и для чего? Но будь он проклят, если решится спросить — как-то не хочется опять оказаться распластным на виртуальной гладиаторской арене.

— Теперь ход Цворна и Пятерки, — добавил ИИ. — Корабль Скута поврежден, однако он тоже поднимается.

Внимание Блайта переключилось на океан — тот вновь искажился, словно человек смотрел сквозь осколок янтаря. Волна цунами, превратившаяся, скорее, в движущуюся гору жидкой глины и ошметков растений, почти достигла города. Она была около шести футов высотой, но Блайт знал, что такая масса воды полностью уничтожит район трущоб, опрокинет некоторые здания покрепче и — легко — его корабль.

По ту сторону волны капитан разглядел два прадорских истребителя, поднимающихся из океана на термоядерных двигателях. Каждый из них походил на дредноут, только они казались более обтекаемыми, более вытянутыми в горизонтальной плоскости. А еще они были много меньше — каждый всего-навсего мили две в длину.

— Волна, — сказал кто-то, Блайт даже не понял кто.

Она ударилась о невидимую стену — и просто остановилась. Капитан поднял глаза — и увидел то, чего не замечал прежде. Янтарная полоса воздуха обрывалась на высоте в пятьдесят футов — там, где зависли шарообразные объекты. Пенни Роял создал мощное изогнутое силовое поле вокруг обращенной к берегу части города.

«Щит, — подумал капитан, — ну конечно».

Что это, демонстрация прежде невиданного альтруизма?

Над океаном загремели новые взрывы, один из истребителей, утративший некоторые наружные выступы, накренился; в корпусе его зияла пробоина.

— Мины! — крикнула Мартина, но Блайт в загерметизированном скафандре едва слышал ее, к тому же вокруг постоянно грохотало.

Оглянувшись, он увидел, что женщина вручную подняла лицевой щиток, — и сделал то же самое.

Уцелевший истребитель внезапно вильнул, вокруг него полыхали лазерные лучи, вскипала пена, клубился пар. Поврежденный корабль тоже начал стрелять. В это время из-под воды показалось третье судно. Грянули новые взрывы, новые взрывные волны побежали по океану к земле, к городу. Теперь, когда цунами пошло на убыль, силовое поле приподнялось и изменило

конфигурацию в соответствии с перемещением шаров в небе. Теперь оно стало овалом, вытянутым в сторону океана, причем нижний край находился примерно в пятидесяти футах над землей, а верхний — футов на двести–триста выше.

Блайт наблюдал за умирающим цунами. Силовое поле ослабило волну, но мощности ее еще хватало на то, чтобы снести отдаленные районы трущоб. Фронт ударной волны взрыва подхватывал пену и мусор, но сравниться с первыми двумя волнами не мог — до «Розы» он добрался почти на излете. Капитан хлопнул руками в перчатках, выдохнул в определенно охладившийся воздух облако пара, встал — и чуть не упал. Да, нужно смотреть, куда ступаешь, — корпус корабля покрылся ледяной корочкой.

— Они гвоздят мины, — заметил Бронд.

— Ну, — пожала плечами Мартина, — прадоры еще во время войны должны были научиться видеть сквозь простую «хамелеонку».

Лазерные лучи продолжали колоть воду, и взрывы раздавались все дальше от трех кораблей, теперь зависших над океаном примерно на одном уровне.

— Чего я не понимаю, — проговорил Блайт, — так это почему они не идут за дредноутом.

Мир внезапно стал ослепительно-белым; что-то подорвалось, ударившись об овал силового поля. Земля и корабль содрогнулись, и капитан упал навзничь. Пенни Роял на фоне сияния казался черной звездой, из лучей которой бьют розовые молнии. Вдруг Блайт ощутил то выворачивающее душу и тело чувство, какое бывает при уходе в У-пространство. Вокруг колыхались пар и дым, и огонь, пожиривший трехэтажный дом, внезапно ожил на краткий миг. Видимое сквозь силовое поле сияние потускнело, расплылось красноватым пятном. Привставший Блайт осознал, что больше не различает краев щита. Обернувшись, он уловил янтарное свечение сзади — и сверху.

— Неоконченное дело, полагаю, — заметил подошедший к капитану Икбал и продолжил, кивнув на окружающие дома: — Местные люди сами себя обманывали, если считали, что прадоры относятся к ним не как к паразитам, а как-то иначе.

Громыхнули еще два взрыва, один сверху, один сзади, и тут же увяли, точно пламя ацетиленовой горелки, в которой кончается кислород. Лазерный луч скользнул по щиту, оставляя за собой

бледнеющую тень, и померк. Пенни Роял когда-то ужасал Блайта, но со временем человек постепенно привык. Он относился к ИИ с подозрением, порой тот раздражал капитана, частенько озадачивал, иногда заставлял уважать себя. Но теперь Блайт чувствовал просто благоговение.

— Возвращайтесь внутрь, — прошептал идущий словно из воздуха голос ИИ. — Опасность нарастает.

— Нарастает? — не поверил Икбал.

А Блайт молча отцепил пояс и двинулся к лестнице.

Свёрл

В своем кабинете, святая святых дредноута, Свёрл с недоумением смотрел на экраны. Корабль находился на низкой геостационарной орбите прямо над Панцирь–сити. Неожданное экранирование города выглядело странным. Щит изгибался, а любая наука утверждала, что при подобных искажениях поверхности потери энергии перевешивают всякую эффективность. Не наблюдалось и стационарных проекторов силового поля, которые взяли бы на себя кинетическую нагрузку. Не видел Свёрл ни теплопоглощающих устройств, ни преобразователей энергии для трансформации и отвода этой нагрузки. Сперва защиту питал термоядерный реактор «Розы», но его явно не хватило бы на то, чтобы вот так запросто остановить цунами — а тем паче поглотить взрывы ПЗУ и лазерные лучи. Но это работа Пенни Рояла, а его технологические секреты лежат за пределами научных достижений прадедов. И за пределами умений государственных ИИ тоже — если, конечно, те ничего не скрывают.

Снова проверив данные, Свёрл попытался вычислить, что было сделано — и как именно. Пенни Роял каким–то образом привязал щит к реальному пространству и использовал некий энтропийный эффект, чтобы качать из него энергию. Температура там, внизу, и впереди щита, и за ним, резко упала в зоне почти двадцати миль, причем первые несколько миль она опустилась много ниже точки замерзания воды, далее постепенно повышаясь до текущей. Энергия взрыва первого ПЗУ Цворна распределилась, вновь подняв температуру. Но потом активизировался некий У-пространственный эффект, отведя основную часть этой энергии в подпространство, после чего Пенни Роял постепенно расширил и укрепил щит. Сейчас он полностью окутывает Панцирь–сити. Видимая часть щита кажется куполом, но в целом силовое поле представляет собой сферу, поскольку уходит и под землю.

Потрясающе — и страшно. Как мог Свёрл даже думать о том, чтобы отомстить существу, способному на *такое*? Однако сейчас он еще сильнее жаждал встречи с ИИ, встречи иного рода, дарующей решения, оправдания, что–нибудь... Он больше не думал ни о бегстве от черного ИИ, ни о нападении на него. Загадка, однако; ИИ был источником, центром, местом, где Свёрл *должен находится*. И еще. Почему Пенни Роял защитил город? Через секунду Свёрл нашел

ответ и тут же усомнился, не сыграло ли с ним шутку прадорское высокомерие.

Потом что ответ этот был: *«Из-за меня»*.

Без него на этой планете не существовало бы анклава прадоров. Без него и его трансформации, причина которой — Пенни Роял, Панцирь-сити с его смешанным населением вообще не возник бы. Ни один нормальный прадор не допустил бы ничего подобного — только он, Свёрл, сплав прадора, человека и ИИ. Ожидание катастрофы висело над городом. Даже без появления Пенни Рояла и реакции Свёрла на это событие остальные прадоры все равно в какой-то момент восстали бы против него. И в разгоревшейся битве люди были бы уничтожены. Пенни Роял, очевидно, взял на себя ответственность и явился сюда, чтобы предотвратить беду — а по существу расхлебать то, что сам заварил. Но что дальше? Кто следующий на повестке дня черного ИИ? Свёрл?

Свёрл неожиданно понял, что изучает данные и размышляет об их значении уже очень долго. Теперь его сородичи-прадоры упрямо пытались пробить щит, от каждого удара становящийся лишь прочнее. Никогда у них не получалось быстро приспособиться к чему-то новому и *иному* — так что пришла пора действовать. Сейчас, когда купол защитил город, у Цворна и остальных ненависть к человечеству пересилила здравый смысл. И пока они отвлечены, Свёрл позволит себе быть жестоким. Он отомстит за нападение на него и за смерти там, внизу. Пускай у Цворна и прочих не получилось уничтожить все население планеты, но, по подсчетам Свёрла, сотни людей все же лишились жизни. Те, кто обитал вне города, просто исчезли. А те, кто не стал дожидаться автоматического транспорта и бежал на своих двоих, стали жертвами собственного инстинкта самосохранения.

— Всем стрелкам, — объявил он, снова беря под контроль два лучевика, — одиночный огонь — по истребителям!

Выбранные цели тотчас размножились на экранах, и дети ответили отцу-капитану по уставу: «Мы повинуемся». И когда секунду спустя началась стрельба, Свёрл ощутил отеческую гордость. Корабль гудел в унисон с рельсотронами, выпускающими снаряды, которые летели почти так же быстро, как лучи, выпущенные из лазерных пушек.

Первый удар пришелся по кораблю Скута. Три снаряда из рельсотрона врезались в судно один за другим, и первые два просто испарились, столкнувшись с экзотическим сплавом брони. Но сила удара бросила корабль вниз, почти к самому океану, а бок вдавился так, что едва ли кому-то внутри удалось выжить. Третий снаряд пробил оболочку насквозь и канул в волны. Корабль Скута с отказавшими двигателями скользнул в сторону, и новые снаряды полетели в два других истребителя — но взорвались, наткнувшись на защитные силовые поля: в последний момент прадоры увидели опасность. После толчков оба корабля, сверкающие, как звезды, резко снизились, их словно вдавливало обратно в океан; волны вокруг кипели — это бортовые преобразователи энергии превращали силу ударов в тепловые импульсы и рассеянный свет.

«Значит, вы подготовились, — подумал Свёрл, — а Скут, похоже, действительно впал в маразм, как я и предполагал».

Горящие останки истребителя Скута вспахали воду около берега и врезались в сушу. И пока пляж в ста милях к югу от Панцирь-сити осыпали падающие обломки, экраны и контроллеры известили капитана об опасности.

Луна?

Они что, разместили там оружие? Каким образом?

Три рельсотронных снаряда попали в его корабль прежде, чем Свёрлу удалось поставить силовое поле. Отец-капитан пошатнулся, клешни его выбило из отверстий на пульте. Некоторые экраны замигали, потом автоматически переключились на другие изображения. Свёрл увидел, как броню его корабля пробивает оторвавшийся горящий генератор силового поля, увидел отсеки в огне, увидел, как один из его детей выпадает сквозь дыру в оболочке в вакуум.

За самоуверенность всегда приходится расплачиваться.

Осмотрев кабинет и убедившись, что ничего здесь не повреждено и не сорвалось с места, он заставил себя вернуться к пультам. Свёрл знал, что по крайней мере двое из его оставшихся бесценных детей погибли. Однако остальные действовали точно, как во время учений, и быстро сосредоточились на новой опасности. С неровной глыбы, только что идентифицированной как луна, слетел камуфляж, изображавший каменистую поверхность. Под ним

обнаружились два ведущих непрерывную стрельбу снарядами на основе железа, сделанными, по-видимому, из самой луны, рельсотрона. Всю энергию дредноута поглощали защитные поля, конверторы трудились без устали, преобразуя удары в тепло. Запасы воды распались на водород и кислород, а пары перешли в плазменное состояние — то есть воды они лишились вовсе. Если бы только Свёрл мог воспользоваться технологиями Пенни Рояла — отправлять энергию в У-пространство, а потом выкачивать ее обратно, подпитывая защитные поля...

Тем временем внизу, на планете, два оставшихся истребителя снова выходили из океана на термоядерной и антигравитационной тяге; ускорение наверняка убило всех неподготовленных особей на борту. Всего секунду Свёрл размышлял о том, что два истребителя — не ровня дредноуту. С кораблем Скута покончено, и преимущество должно быть у Свёрла — но он знал, что это не так. Цворн и другие поступили хитро, расположив на луне рельсотроны. Свёрл чувствовал себя припертым к стене, он не мог даже запустить двигатель, потому что тогда энергии не хватило бы щитам. В лучшем случае у него есть время, пока два истребителя поднимаются — после чего второй обстрел превратит его корабль в решето.

Спир

К космопорту и шаттлу я возвращался, погруженный в черную депрессию. Даже величественное зрелище — огромный капюшонник, мчащийся среди зарослей флейтравы, точно взбесившийся монорельсовый поезд, — не развеяло хандры, тем более что картина опять показалась мне *знакомой*. Рисс тоже помалкивала, и мне пришло на ум, что ИИ, возможно, такие же рабы настроения, как и мы, создания из плоти и крови. Впрочем, естественно — они могут быть любыми, они могут все, что можем мы, они могут больше нас — и могут перестать быть рабами в любой момент по своему желанию. Подумав об этом, я вспомнил, что не так уж и отличаюсь от них. Запустив через «форс» регенерационную программу, восстанавливающую нейрохимический баланс в мозгу, я почувствовал, как депрессия отступает и ко мне возвращается «естественный» оптимизм.

— Будем приземляться, — сказал я.

Рисс повернулась ко мне: черный глаз закрыт, но разинут рот — до сего момента я не видел его открытым. Пасть ее была розовой, клыки — белыми, длинный острый язык — красным, с багровыми пятнами.

— Внизу опасно, — отозвалась она; движения рта соответствовали издаваемым звукам и шипению.

Вероятно, какой-то внутренний конфликт заставил дрона пренебречь внешним видом. Хотя, возможно, такое «телесное» сопровождение речи свидетельствовало об обратном. Возможно, внешним видом Рисс пренебрегала *раньше*.

— Я только что подключился к маячковой сети капюшонников, так что знаю, где каждый из них находится в данный момент. Там, где мы сядем, не окажется ни одного, — ответил я. — Нам надо поговорить.

Пускай депрессия развеялась — но причины, вызвавшие ее, никуда не делись. И вместо того, чтобы постоянно мысленно пережевывать их, мне хотелось обсудить дела с кем-нибудь — и именно здесь. Слишком много времени я провел на борту «Копья» и теперь не испытывал желания возвращаться. Я повел машину вниз,

целясь на большой плоский камень на холме, расположенном в развилке похожего на большую рогатку канала с мутной водой.

— Наверное, нужно побыстрее отправляться на Погост? — предположила Рисс. — Если не двинемся сейчас, можем упустить Пенни Рояла.

— Погост велик, а Пенни Роял продолжит существовать, даже если мы не найдем его там, — ответил я и отдернул руку от пульта управления вдруг отказавшейся повиноваться машины. Вместо того чтобы опуститься на камень, она скользнула в сторону и приземлилась прямо на склон, примяв невысокую поросль флейтравы.

— Пеннустрицы, — пробормотала Рисс. — Понятно.

Не получив более подробных объяснений маневра, я запросил компьютер машины и принял автоматическое сообщение от субразума Амистада. Как выяснилось, к приземлениям на камни тут относились с неодобрением, поскольку опустившаяся машина могла раздавить множество обитающих на них пеннустриц, находящихся под охраной. В ответ на новый запрос мне сообщили и причину данной заботы: в пеннустрицах содержался большой объем генетически закодированной информации эшетеров. В сущности, они принадлежали единственному разумному эшетеру, живущему на этой планете, существу, именовавшему себя Ткачом. Государство не хотело раздражать автохтона даже неумышленным уничтожением части его базы данных.

Я надел респиратор и вышел из машины. Под подошвами громко хрустели стебли, Рисс с шуршанием следовала за мной. Вся поверхность камня была усеяна такими полупрозрачными перевернутыми блюдечками около дюйма в диаметре. Внутри защитных «куполов» смутно различалось шевеление мягкотелых моллюсков.

— Я не знаю, кто я, — произнес я.

Приподнявшаяся рядом Рисс откликнулась:

— Я тоже.

Я обернулся на змею-дрона:

— Ты «тоже» не знаешь, кто ты, или «тоже» не знаешь, кто я?

— И то и другое.

Солнце садилось, и казалось, что позеленевшее светило тонет в облаках и вот-вот опустится на землю. Ответ Рисс не слишком озадачил меня. Припомнив историю дрона, я предположил, что не знать, что она такое, — вечный недуг Рисс. Она была создана лишь для одной цели и теперь устарела. А когда Пенни Роял ввинтился в ее разум, он оставил там пустоту, которая в конечном счете заполнилась желанием отомстить ИИ.

— Пенни Роял влез в мои воспоминания, добавил к ним кое-что, а может, и кое-что изъял. Но память — всего лишь один аспект структуры разума. Остается только гадать, не нахимичил ли он с «программным обеспечением» и хранимой информацией.

— Да.

Больше Рисс ничем меня не поддержала.

— Я уже не знаю, что правда, а что — нет, не знаю, могу ли доверять себе. Ненавижу ли я Пенни Рояла на самом деле? Да, он убил меня на Панархии, меня и всех моих друзей. Но я, оказывается, не видел, что он делал после той бомбардировки, у меня на самом деле не было времени, чтобы взлелеять предполагаемую жажду мщения.

— О самом себе тебе известно лишь то, что *не является* правдой. — Повернувшись ко мне Рисс снова открыла свой черный глаз.

Я кивнул. Становилось все темнее, на темно-лиловом небе зажглись звезды и раскинулась обширная туманность. Зрелище было прекрасным — и, конечно, казалось мне знакомым. Но в данный момент это не имело для меня значения. Я просто любовался, отмахнувшись от самовольной «знакомости».

— Я никогда не был в плену у прадоров, никогда не страдал, измученный пауком-рабоделом. Никогда не видел зверств, свершенных Пенни Роялом после Панархии, не копил ненависти, не приходил к мысли превратить себя в абсолютное оружие возмездия.

Я умолк, наблюдая, как выскакивает из-за горизонта одна из стремительных лун этой планеты. По земле вокруг нас побежали тени. Одна из них показалась мне весьма странной.

— Знаешь, — продолжил я, — если кто-то захотел создать орудие — охотника, твердо намеренного выследить Пенни Рояла во

что бы то ни стало, то этот охотник — я. Только вот меня сотворил сам Пенни Роял.

— Возможно, он захотел быть наказанным, — сказала Рисс, вглядываясь в темноту за нашими спинами.

— Выходит, я — его способ самоубийства, так, что ли?

Молчание дрона говорило о том, что ответов у нее не больше, чем у меня. Я стоял, погруженный в размышления, отстраненно наблюдая за мерцающими звездами. Вдруг прямо надо собой, в вышине, я заметил что-то движущееся. Сперва я думал, что это один из орбитальных объектов — пока тот не остановился. Это был устаревший корабельный дрон-краб: железная таблетка двух футов в обхвате, с двумя сверкающими, близко посаженными глазами-топазами на верхней кромке и сложенными по обе стороны от них клешнями.

— За нами следят.

— Да неужели? — протянула Рисс.

Она все еще смотрела куда-то назад, и я тоже обернулся, чувствуя, как побежали по спине мурашки. Оно припало к земле в развилке ручья — гигантская светлая туша размером почти что с африканского слона. Да оно и походило чем-то на слона. Оно пило — теперь я услышал плеск и причмокивание. Потом существо закончило пить, попятилось и село на задние лапы. Тело его обвисло, обретя форму пирамиды из плоти, под лоснящимся куполом головы сверкала тиара из зеленых глаз. Щелкнув, открылся огромный утиный клюв, выставив на обозрение острые белые зубы, после чего тут же закрылся. Похоже, существо наслаждалось утоленной жадой.

— Сигнала нет, — прошептал я, подразумевая оповещение о капюшонниках.

— Естественно, — ответила Рисс.

Естественно?

Теперь я заметил, что существо держит в одной из черных клешней «трезубец» — три сросшихся боками ракушки, на концах которых что-то поблескивало. На наших глазах существо сунуло длинный коготь в один из конусов и извлекло часть тройного тела моллюска. Секунду полюбовавшись лакомым кусочком, существо сунуло его в клюв и сглотнуло. Потом опустошило две другие

раковины, съело мясо, изучило скорлупки и отбросило их. И вдруг одним неуловимым, струящимся движением сигануло через ручей и двинулось вверх по склону прямо к нам. Меня пробрала дрожь: я точно знал, что ни одна моя часть никогда не видела, как питается *уткотреп*.

— К сведению, — проскрипел голос поблизости, — если попытаетесь применить силу, я буду вынужден оглушить или ликвидировать вас — это касается и тебя, дрон-змея.

— Правда?

Оглядевшись, я заметил дрона-краба, зависшего всего в паре ярдов за нашими спинами.

— Правда, — ответил он. — Пусть у меня самого нет активной мощности, но с орбиты прямо на вас наведены лучи двух лазеров.

Теперь я понял, что имела в виду Рисс. Дрон защищал *уткотрепа*. Меж тем к нам неся, как игривый двухтонный щенок, коренной житель планеты. Известный как Ткач, воскрешенный, он являлся единственным живым образчиком расы эшетеров, расы, предположительно истребившей саму себя. Хорошо еще, что, приблизившись, существо замедлило ход. Но все равно оно нависло над нами, сгорбилось и, точно близорукий, пристально изучило нас обоих по очереди. Затем, похоже, удовлетворившись осмотром, снова уселось на задние лапы. Я глядел на существо, оно — на меня. Теперь я заметил, что у него с широкого пояса, умело сплетенного из стеблей флейтравы, свисают какие-то приборы. А сбоку к голове прилажено нечто, подозрительно напоминающее «форс» серии Джи-Хром. Потянувшись к поясу, существо «разломило» одну из своих передних конечностей, так что из каждой половины показались по три когтя, и аккуратно сняло с пояса предмет.

— Почему? — вполне отчетливо произнес *уткотреп*.

— Что — «почему»? — переспросил я, уже не дрожа: все, что я испытывал, было — для разнообразия — таким восхитительно новым!

Но я также размышлял, каковы были мои шансы сесть именно здесь, в единственном месте на этой планете, где остановился поужинать абориген. Бывают, конечно, и совпадения, но мой недавний опыт подсказывал, что это не тот случай.

— Бытие важнее истины? — осведомился Ткач. Предмета у него в когтях я не узнал. Более всего он походил на улитку внутреннего уха человека, сделанную из синего металла и стекла. Вероятно, это был образец какой-то недавно воссозданной техники эшетеров. — Пенни Роял, — добавил он, кажется, вздохнув.

— Что насчет Пенни Рояла? — Я опять задрожал.

Конечно, за годы, прошедшие после воскрешения, это существо вполне вероятно могло встречаться с черным ИИ.

— Тебе нравится твой повтор? — спросило оно.

Уткотреп определенно кое-что знал обо мне — о том, что я не был «подлинным товаром», например, — но *откуда* он это знал и почему говорил со мной об этом — я просто не представлял. На ум приходили Драконьи диалоги и дельфийские оракулы. Но ведь еще совсем недавно, до того как разум предка загрузили в череп потомка, он беспрерывно извергал всякую словесную чушь. Возможно, сейчас он просто не в состоянии говорить прямо. Я глубоко задумался над ответом.

— Мне не нравятся ложные воспоминания, не нравится сомневаться в собственных побуждениях, но мне нравится быть мной — и просто быть.

Позади что-то затрещало, и я резко обернулся, почти ожидая, что это дрон-краб ринется в атаку. Но нет; воздух над камнем мерцал, а пеннустрицы, оторвавшись от поверхности, поднимались в воздух. Сперва они завели хоровод, потом вытянулись тонкой шеренгой — я поймал себя на том, что невольно разинул рот, и захлопнул его. Моллюски подлетели к вскинувшему свободную клешню уткотрепу и принялись кружить вокруг конечности, меняясь местами, рисуя в воздухе затейливые узоры.

— Следуй за орнаментом, — произнесло сидящее перед нами существо, после чего поймало одну из пеннустриц, выковыряло из панциря мякоть и отправило лакомство в клюв. — Знание в орнаменте. Съешь мир.

Я повернулся к Рисс:

— Ты представляешь, о чем это он?

Ощущение «знакомости» вернулось, поскольку какая-то часть меня, или с чем там я был соединен, уже слышала когда-то

невнятицу уткотрепа.

— Современная теория гласит, что чем больше генетически модифицированных форм жизни этого мира он съест, тем больше обретет знаний о своем роде. Из этого следует, что, чтобы обрести полное знание, он должен съесть все живое на планете. — Рисс сделала движение, будто пожала плечами. — Впрочем, ИИ эту теорию не разделяют.

— Давай-ка убираться отсюда к черту. — Развернувшись, я зашагал к нашему гравикару.

Рисс молча последовала за мной. Я чувствовал жуткое разочарование — хотя от столь необычной, редкой и *случайной* встречи стоило ждать возбуждения. Возможно, я надеялся на некое откровение? А что обнаружил? Существо, поглощенное собственными заботами, как и любой из нас, только мы не пытаемся прятаться за загадочными афоризмами.

Мне придется решать мои проблемы самому, самому находить собственные ответы. И ничего не изменится, поскольку все разгадки по-прежнему связаны с Пенни Роялом — которого в процессе обретения ответов я могу убить, если он не убьет меня. И все же, садясь в гравикар, я чувствовал внутри пустоту. Обратный маршрут до космопорта был заложен в «форсе», и я планировал отправиться отсюда прямо к Погосту, чтобы искать своего заклятого врага, черный ИИ. Однако, когда Рисс уже свернулась кольцами за сиденье рядом со мной, я вызвал на экран карту этой планеты и запустил поиск. Через секунду я уже нашел прибрежный городок Тараторку и, поднимая машину в небо, изучал его схему в поисках «Экзотики Маркхэм».

Глава 16

Свёрл

— Город лишится защиты, — прошептал кто-то рядом. Свёрл вытащил клешни из отверстий пульта и развернулся, приготовившись разорвать любого, вторгшегося в святилище. В воздухе висел черный алмаз с твердыми острыми гранями, словно бы наполовину втиснувшийся сюда из какого-то другого измерения.

— Защити город, Свёрл, они бегут.

Свёрл смотрел на «пришельца» — то ли проекцию Пенни Рояла, то ли часть ИИ, высунувшуюся из У-пространства. Тысячи вопросов метались в его мозгу, но каждый следующий отвергал предыдущий, и прадор молчал, онемев. Алмаз — или что там это было — сложился внутрь себя и исчез с тихим щелчком.

Защитить город?

Свёрл вернулся к пультам.

— Готовьтесь к резкому снижению, — приказал он. — Всем стрелкам — открывать огонь по истребителям, уничтожать все, что они выпустят в сторону города. Я займусь щитами.

ИИ-часть его разума соединила уцелевшие силовые поля корабля с орудиями. Они прикроют бреши, уйдут с линий огня своих и перехватят любые снаряды истребителей, которые не успеют поразить стрелки. И Свёрл застыл в ожидании, не зная точно, что последует, но догадываясь, что зрелище будет эффектным.

«Колпак», накрывший город, начал менять форму. Приборы показывали, что подземная часть оболочки исчезла, а края внешнего купола поднимались: их будто тащили за собой странные шарообразные объекты. Через минуту силовое поле распласталось в небе над городом десятимильным диском. Щит потемнел, больше не пропуская свет, начал быстро съеживаться, становясь все чернее, — и вдруг в центре его словно засияла звезда. Секундой позже силовое поле сжалось в непроницаемый диск диаметром в полмили, окруженный все теми же шарами. Диск вспыхнул, временно ослепив датчики Свёрла. А когда микросекунду спустя сенсоры ожили, отец-капитан увидел бьющий из бывшего щита белый лазерный луч толщиной в полмили.

В дымном воздухе над городом луч был виден и в человеческом, и в прадорском спектре. За пределами атмосферы Литорали он исчезал, но сенсоры улавливали его. Луч ударил в одну из лун и пронзил ее насквозь, как сверкающую серебряную безделушку. Двухсотмильная струя плазмы и расплавившегося камня вырвалась с другой стороны спутника. А через несколько секунд луна взорвалась — три гигантские глыбы и мелкие обломки разлетелись по сторонам, оплетенные кружевом горячей магмы. А потом все скрылось в стремительно растущем плазменном облаке.

Свёрл среагировал мгновенно, отключив силовые поля и направив энергию на двигатели. Дредноут понесся вниз, к планете, к городу, мигом вошел в атмосферу, оболочка корабля стремительно нагревалась, и за судном тянулся инверсионный след. Тем временем стрелки вновь открыли огонь по двум истребителям, поднявшимся над океаном на восемьдесят миль. Рельсотронные снаряды прочертили в воздухе красные линии — двигаясь с огромной скоростью, они охлаждались, частично разрушаясь, что несколько уменьшало силу удара, но это уже не имело значения. Снаряды врезались в защитные силовые поля. Ответный огонь последовал незамедлительно, и Свёрл, включив маневровые, опустил корабль до пятидесяти миль. Теперь все сопла главных двигателей были направлены вниз, резко замедляя движение. Внутренняя гравитация поглощала большую часть перегрузок, но Свёрл все равно ударился брюхом об пол так, что перехватило дыхание, чего, конечно, не случилось бы, будь у него по-прежнему панцирь.

В городе больше ничего не взрывалось, поскольку Цворн и Пятерка ожидали, что Свёрл отправится за ними, и не желали тратить энергию — пока. Два истребителя продолжали подниматься, обстреливая корабль Свёрла, а он, в свою очередь, вел огонь по ним. Через несколько минут теория, касающаяся соотношения мощностей дредноутов и истребителей, начала оправдывать себя. Всем трем кораблям удавалось перехватывать все, что летело в их сторону, но конверторы силовых полей Свёрла справлялись с нагрузкой, а вот два истребителя перегревались. Их броня раскалилась докрасна от избыточного тепла, хотя они и извлекали максимум из кислородно-водородных плазменных охладителей.

— Подогреем-ка их еще немного, — удовлетворенно прощелкал Свёрл и открыл огонь из всех семи имевшихся у него биобаллистических пушек.

Истребители уже вышли из атмосферы. Цворн должен был понимать, что Свёрл поставил корабль между ними и городом и намерен сохранить позицию. Рискуя собой, Цворн отвел часть огня в сторону, отправив десять низкоскоростных рельсотронных снарядов в «путешествие» вокруг планеты. Сделал он это скрытно, представив как случайный результат взрыва генератора силового поля возле рельсотрона. Но Свёрл, расстреливая истребители, догадался, что сделано это было со злым умыслом.

Два истребителя сияли, как звезды, но еще ухитрились направлять в двигатели достаточно энергии, чтобы продолжать подниматься. Их следующий маневр казался рискованным, но оставаться на месте было бы еще опаснее. Прикрываясь защитными полями, под непрерывающимся огнем корабли нырнули в У-пространство и исчезли.

И Свёрл резко прекратил стрельбу.

— Не терять бдительности, — приказал он.

— Те десять снарядов? — догадался сообразительный стрелок Сектора Шесть.

— Точно.

Час спустя снаряды, идущие на скорости двадцать тысяч миль в час в сотне футов над землей, показались из-за горизонта. Свёрл ударил по ним из лучевиков и, испарив восемь целей, осознал, что Цворн все-таки куда хитрее, чем он думал. Внезапно прозрев, отец-капитан резко бросил корабль вниз, посадив дредноут наполовину на развалины космопорта, наполовину в океан. Сенсоры обшаривали глубины в инфракрасном и ультрафиолетовом режимах, а прапор ждал. Пять часов спустя по экранам снова побежали ромбы. Еще через два часа, когда кавитационные торпеды покинули океан, Свёрл раскурочил их в двадцати футах над водой, прежде чем успели запуститься ракетные двигатели, которые понесли бы смерть в Панцирь-сити.

Теперь, когда опасность отступила, Свёрл решил, что пришло время встретиться лицом к лицу с собственным демоном. Он покинет корабль на личном наземном транспорте. Он поедет в Панцирь-сити, к Пенни Роялу. Однако когда Свёрл, скрепя сердце, направил датчики в сторону города, чтобы засечь точное местоположение «Розы», корабля он не обнаружил.

Трент

Трески и стоны ущелья проникали в корабль, но Трент только сейчас различил их среди других внутренних шумов. Из полунаркотической послеоперационной дремы его выдернул скрежет атомных ножниц, режущих углеродный пенопласт внутренних перегородок. Потом он распознал шипение лазерных резаков, громохание роботов и вонь универсального клея. И когда он наконец заставил себя подняться, принять душ, влил в себя кофе и открыл дверь каюты, то обнаружил, что многое изменилось.

Вниз, к проложенной по всему кораблю гравитропе, вела новая лестница. Стены и другие каюты исчезли, все снятые перегородки лежали грудой возле двигательного отсека. Его собственная каюта превратилась в слегка перекосившийся куб, угнездившийся на перекрестии внутренних распорок. Сохранился и медицинский отсек, приобретший ту же форму, только теперь он одной стороной выходил в просторный зал, в котором разместились некоторые лечебные и диагностические приборы. Кладовки и лаборатории тоже стали сквозными — все стеллажи, припасы и инструменты никуда не делись, но были широко разнесены. Внутренние помещения корабля просматривались до самой рубки, также лишившейся задней стены. В центре открытого пространства стояла Изабель — на месте, где когда-то находилась ее лаборатория-мастерская. При помощи голема она делала что-то с трубой из мономерной ткани и напоминала чудовищное насекомое, окутывающее коконом жертву.

Трент шагнул на гравимостки, остановился на миг и снова вернулся в свою каюту. Внутри он стащил с себя одежду, натянул поддевку и скафандр, а к поясу прицепил шлем. Изабель, очевидно, перепланировала внутреннее пространство корабля, чтобы оно соответствовало ее новой форме, которая, насколько знал Трент, обладала большей устойчивостью к вакууму, чем человеческая. Удаление части внутренних перегородок и опор, вероятно, не слишком ослабило корабль, но, если где-то в корпусе будет пробоина, это весьма вредно для здоровья. Переодевшись, Трент двинулся к платформе, которую уже заняла Изабель.

Она повернула к нему капюшон, медленно, словно рассеянно. Похоже, на этот раз Трент не застал ее врасплох, и Изабель удалось

подавить бессознательные инстинкты. Он знал наверняка, что хозяйка сдерживается, чтобы не убить его; что она старается сохранить в себе достаточно человеческого, чтобы однажды не счесть его добычей. Сейчас Изабель стала еще опаснее, чем тогда, когда набросилась на Габриэля. Еще она казалась менее уравновешенной и последовательной. Трент был уверен: если Изабель и не прикончит его сама, то наверняка втянет в какую-нибудь переделку, которая приведет к смерти их обоих.

— Я подумывала вовсе отказаться от гравипластин, — сказала она, возвращаясь к своей работе, — но даже моей новой сущности нужны взлеты и падения. Еще она чувствует себя лучше при высокой силе тяжести. Странно, конечно, с учетом того, что эта форма создавалась эшетерами как биомеханизм, приспособленный для боев в вакууме.

Трент начал догадываться, что она делает. Матерчатая труба оканчивалась широкой открытой лопастью, этакой ложкой с мерцательными излучателями по кайме. Кроме того, внутри обода имелась консоль с высовывающимися наружу многосуставчатыми руками-роботами. Повсюду тянулись ребра жесткости — возможно, какая-то система обогрева, еще имелись различные источники питания, кислородные баллоны, «бойницы», и прочее, и прочее. По всей длине шли отверстия с электромолекулярными уплотнителями по ободу. Отсюда будут торчать ее ноги. Несмотря на действительную или мнимую иммунность к открытому космосу, Изабель мастерила скафандр, соответствующий ее новой форме.

— Ну, хватит. — Изабель резко оторвалась от работы и сунула скафандр голему. — Пора двигаться.

— Двигаться?

— Он думает, что ускользнул, но как бы не так!

— Ускользнул? — Трент чувствовал себя полным идиотом.

Изабель, громко топая, направилась к нему, и Трент едва подавил желание отпрыгнуть — он просто с показным спокойствием отступил с ее дороги. Изабель прошествовала мимо в сопровождении странного пряного запаха. Возможно, запах был как-то связан с ее последним скачком роста после обильной трапезы на Литорали. Сейчас она вымахала больше двенадцати футов в длину, и все щели на панцире уже сомкнулись. Капюшон стал с ярд в диаметре,

количество черных щупалец увеличилось, да и манипуляторы постоянно росли. Трент помедлил, но, бросив взгляд на вечно ухмыляющегося голема, двинулся следом за Изабель.

— Ты спал, — заявила хозяйка, — и не в курсе новостей.

— Если ты помнишь, у меня были некоторые проблемы, — ответил Трент, тащась за ней по переходу вверх, к рубке. — А еще у меня больше нету «форса».

— Прадоры передрались, — небрежно бросила она. — Три истребителя напали на дредноут. Один из истребителей погиб. Тем временем Пенни Роял воздвиг силовой барьер вокруг Панцирь-сити. Затем дредноут обстреляли из рельсотронов, установленных на одной из лун, а Пенни Роял отвел энергию от защитного поля и уничтожил огневую точку. Потом дредноут стал оборонять город и обратил оставшиеся истребители в бегство, а Пенни Роял незаметно скрылся.

Трент уже поднялся в рубку и смотрел на экран, на каньон, где недавно опустился «Залив мурены». По обе стороны поднимались черные крошащиеся скалы, изборожденные золотистыми ручейками жидкой серы, стекающими по склонам в бурлящий внизу ручей. Тут и там на камнях виднелось что-то вроде грибных шляпок. Трент не знал, живые это существа или просто какие-то минеральные образования. Он прикусил язык, проглотив бессмысленное «что?», и молча продолжил переваривать сказанное ему Изабель.

— Это же уйма энергии, — пробормотал он наконец, усаживаясь в единственное оставшееся в рубке кресло.

— Украденной энергии, — откликнулась Изабель. В углу экрана возникло усеченное изображение местной звездной системы; от Литорали отходила белая точка. — Пенни Роял сгенерировал небольшое силовое поле, привязанное к реальному пространству, и при помощи энтропийного эффекта выкачал энергию из реала. Энергия атак на поле впитывалась, переправлялась в У-пространство, и за счет нее поле росло, росло, пока не окружило весь город.

— *Весь город?*

Изабель опустила капюшон, подтверждая сказанное.

— Сферическое поле, полностью замкнутое, даже под землей. Энергия последующего обстрела также перекачивалась в подпространство. — «Залив мурены» пришел в движение; Трент

всеми костями ощущал вибрацию двигателей. — Когда установка на луне начала палить по дредноуту, Пенни Роял выдернул всю энергию из подпространства обратно в реал, направив ее через сжимающееся силовое поле. Последовал лазерный удар, в который, по моим подсчетам, было вложено девяносто восемь процентов общей энергии защитного поля. Так что речь идет о залпе, сравнимом по мощности с гигатонным ПЗУ.

— А луна? — тихо спросил Трент.

— Практически испарилась.

Насколько помнилось Тренту, ни одна из местных лун не отличалась большими размерами, а огневая мощь дредноута вполне позволяла уничтожать подобные объекты. Но Пенни Роял все-таки не был дредноутом. Вот почему Изабель так и не отправилась за ИИ, несмотря на всю свою ненависть к нему и к тому, что он сотворил с ней. Ее инстинкты выживания были достаточно сильны, чтобы избегать столкновения с тем, что способно раздавить тебя, как жука. И вот теперь, когда «Залив мурены» поднялся из каньона этой внутренней планеты, оставив позади осыпающиеся черные горы и серные испарения, она, похоже, намеревается все-таки последовать за ИИ.

— Я по-прежнему считаю, что тебе стоит отказаться от этого, Изабель, — заметил Трент.

Словно в ответ на его слова, на щитостеклянный экран упали бронированные щитки, закрывая обзор. Секунду экран показывал лишь внутреннюю поверхность закаленного кермета, затем на активировавшемся ламинате возникло изображение. Впереди раскинулась чернота космоса с мерцающими звездами — звезда осталась позади, о ее существовании можно было судить только по отраженному правым датчиком зареву.

— Может, у тебя вообще не получится. — Мужчина постарался, чтобы в голосе его не звучала надежда.

Изабель повернула к нему капюшон, и он вздрогнул, подумав, суждено ли ему когда-нибудь привыкнуть к тому ужасу, в который превратилось ее лицо.

— «Роза» выходит из гравитационного колодца Литорали, — немного рассеянно ответила она. — Это старая грузовая лоханка, и параметры двигателя у нее не экранированы. Когда они войдут в У-

пространство, я оценю их энергобаланс и вычислю координаты.

— Возможно, они и раньше не были защищены...

— Если Пенни Роял закрылся, мы найдем другой путь.

Она отвернулась, погружившись в потоки сенсорных данных. Секунду спустя по низу экрана побежали ряды символов, и Трент сразу узнал их. Изабель подключилась к корабельным орудиям: сейчас они были готовы к бою.

Трент молча сидел, чувствуя обреченность. Настроение его, конечно, обуславливали моральные травмы, полученные наравне с ранами. Но если Изабель осуществила доступ к боевым средствам, то они, возможно, являются частью «других путей», упомянутых ею. Похоже, прежнее желание получить у ИИ ответы покинуло разум Изабель. Теперь главный экран показывал «Розу» Блайта. Она шла на фоне звезд на термоядерном двигателе, а вокруг расцветали рамки наведения на цель.

— Изабель... не надо, — выдавил Трент.

Она напряглась, как пружина на взводе, и, зашипев, резко повернулась. Ножи-скальпели на ее капюшоне лязгали друг о друга, затачиваясь.

— Будет лучше, если Пенни Роял вообще никуда не ушел, — заявила она. — Спир явится сюда, на последнее известное местонахождение ИИ.

— Ты видела, что он сделал на Литорали, — возразил Трент. — Ты хоть на секунду допускаешь, что тебе...

О черт.

Она выстрелила.

Трент ощутил, как содрогнулся корабль, когда разрядился рельсотрон, потом увидел на экране вспышки, разбивающиеся о защитное поле «Розы». Резкое ускорение едва не выбросило его из кресла, и Трент поспешно застегнул ремни безопасности. Изабель метнулась в сторону, ее ороговевшие ступни рвали металлический пол. Что-то полыхнуло, экран погас, и «Залив мурены» дернулся, точно по нему хлопнула рука великана. У Трента скрутило кишки, а тело мигом вспомнило обо всех недавних ранениях. Он так и думал. Изабель собирается угробить их обоих.

— «Хамелеонка»? — недоуменно пробормотала Изабель. — Они ею не пользуются.

«Залив мурены» резко изменил направление полета, и экран снова ожил, показав «Розу», не пользующуюся «хамелеонкой». В следующий миг корабельные датчики словно попытались зафиксироваться на чем-то неопределенном. Трент заметил некий массивный объект, сейчас ползущий к краю экрана. Потом ламинат побелел, и на нем рывком возникло новое изображение. Изображение щелкало протезами-жвалами и булькало, производя звуки, которые тут же переводились на понятный язык.

— Изабель, — сказал отец-капитан Свёрл, — нам нужно поговорить.

Отлично, только прадорского дредноута нам и не хватало.

— Изабель, — повторил прадор.

— Нет, — отрезала она. — Никогда.

Пушки выстрелили снова, и снова силовые поля приняли удар на себя, а вспышки озаарили защищенный гигант-дредноут.

Она атакует?

— Изабель, — опять произнес Свёрл, ухитрившись одним словом — да и то переведенным — выразить свое огромное разочарование.

Корабль опять накренился, после чего последовал внеплановый нырок в У-пространство, от которого у Трента зазвенело в ушах, а все его кости стали похожими на бьющуюся стеклянную посуду. Экран посерел, на нем закружились спирали, замигали огни, которые долго еще плыли перед глазами. Затем все снова стало белым. В конце концов к Изабель вернулась капля здравомыслия.

— Он не станет нас преследовать, — заявила она, и даже синтезатор речи не сгладил ярости ее слов. — Я скрыла параметры двигателя.

У-прыжок резко завершился, и на экране вновь появился космос с тусклыми, редкими звездами.

— Он не станет нас преследовать, — повторила Изабель. — Ему велели охранять эту треклятую Литораль.

Трент ни о чем не спрашивал. Очевидно, ее общение с отцом-капитаном было более пространным, чем слышимая его часть. Несколько долгих минут он ждал, наконец Изабель расслабилась, насколько это позволяла ее новая форма.

— «Роза» ушла в У-пространство, — заявила она, повернув к Тренту капюшон. — У меня есть ее координаты.

Отлично. Великолепно.

— Не лучше ли подождать у Литорали? Ведь Спир наверняка отправится именно туда.

— Нет... не там, — прошипела в ответ Изабель. — Спир сюда не идет. Он не покинет Масаду, потому что Пенни Роял идет к нему. — Она сделала паузу... размышляя? — Надо назначить Моргану новое место встречи. Для завершающей фазы нам потребуются серьезные огневые средства.

— И куда...

— Масада.

Трент устало обмяк. Его согласия не требовалось, и он даже расслабился. Оказывается, точная осведомленность о времени и месте собственной смерти как-то раскрепощает.

Свёрл

Свёрл был сильно разочарован и даже обижен. Неужели Изабель Сатоми не понимает, насколько они близки? Неужели не видит общности их интересов?

Сидя в своем кабинете, он размышлял над ее реакцией. Их словесная коммуникация получилась короткой и бессмысленной, но общение на иных уровнях вместило массу значений. Свёрл передал Изабель всю историю своей жизни и свои вопросы одним информационным пакетом, который пробил все ее защиты и распаковался в ее сознании. Прадор знал, что Изабель способна обрабатывать данные при помощи хайманских усилителей, и думал, что она поймет. Было очень интересно, программы нашли массу подробностей ее жизни и переслали Свёрлу. Но вдруг все накрыла волна эмоций: взрыв бешеного гнева и человеческого ужаса.

Теперь, мысленно пролистав жизнеописание Изабель, Свёрл частично понял причину ее реакции. Ее юные годы, если оперировать человеческими понятиями, переполняли травмирующие события. Бессильная, смотрела она, как убивают ее семью, бессильная, пристрастилась к наркотикам и попала в сексуальное рабство, бессильная, стала шлюхой мафии — и тем поднялась на первую ступеньку, ведущую к власти и силе. С легкостью пробив ее защиту, Свёрл вновь сделал ее бессильной, отсюда и человеческий страх. Однако ярость была иной, человеческой лишь на поверхности, но запустило эту ярость то, во что женщина превращалась. Изучив последний отрезок жизни Изабель, Свёрл догадался о ее намерениях. Она собиралась добраться до обоих — и до Спира, и до Пенни Рояла; капюшонник в ней взял верх над человеческой рациональностью.

Свёрл с досадой щелкнул жвалами. Ему хотелось догнать Изабель, выяснить, нет ли у нее ответов, так нужных ему. Это было возможно, потому что она поспешила и не слишком аккуратно экранировала двигатель. Еще ему хотелось отправиться за причиной всего *беспорядка*: за Пенни Роялом. Однако он ничего не мог. Пенни Роял спас ему жизнь, и Свёрл знал, что в долгу у него — и должен охранять Панцирь-сити. Он не сомневался, что Цворн и Пятерка оставили в системе наблюдателей и, если он уйдет, прадоры вернутся, чтобы покончить с людьми. Он застрял здесь — и, похоже,

надолго.

Свёрл размышлял над дилеммой, но, когда стало ясно, куда двинулась Изабель, задача показалась чуть менее сложной. Туда он отправиться не может — независимо от стремления разобраться с Пенни Роялом, невзирая на интерес к Изабель. Государственные ИИ на Масаде едва ли хорошо отнесутся к появлению на их территории прадорского дредноута, тем более рядом с планетой, где обитает воскрешенный эштер. У них наверняка припасены там силы и средства, способные отбить атаку целого военного флота. Его испарят прежде, чем он успеет что-либо объяснить.

Визит туда равнозначен самоубийству и для Изабель, но теперь, зная больше о ней и о том, чем она стала, Свёрл сомневался, что это ее остановит. Он испустил прадорский вздох, признавая, что его любопытство вряд ли будет удовлетворено, и послал повторяющийся У-пространственный сигнал, который получит его голем, как только корабль Изабель снова выйдет в реал. Он ведь из выживших, а значит, поймет, что делать.

А еще маловероятно, что Пенни Роял останется на Масаде. ИИ все время в движении, он следует неким непостижимым курсом, едва ли ограниченным одним миром. И в конечном счете непременно должен прийти туда, где Свёрл сможет пересечься с ним, не наравшись на огонь Государства. Что же делать?

На пробный вызов, отправленный на Литораль, тут же пришел ответ.

— Ну, могло бы быть и лучше, но могло бы и куда хуже, — хмыкнул внизу государственный дрон.

— Мне понадобится уйти, — сказал Свёрл, — но, если я уйду, Цворн может вернуться.

— Вот именно, — подтвердил дрон. — Когда твои бывшие родичи проигрывают, они так и ищут возможность выплеснуть свою злобу. Спорю на что угодно, Цворн сейчас проверяет все данные с наблюдательных спутников и сенсоров, раскиданных по системе.

— Эту планету необходимо защитить, — сказал Свёрл. — Государство может что-нибудь сделать?

— Тебе отлично известно, что вмешательство Государства или прадоров в дела Погоста не одобряется. Если тут нарисуеться

Государство, твой король в долгу не останется, а к тому времени дерьмовый след подонка давно простынет.

Свёрлу потребовалось несколько секунд, чтобы понять странное выражение, связанное, конечно, с удивительной человеческой одержимостью определенными физиологическими отправлениями.

— Но силы прадоров уже здесь, — раздраженно заметил он.

— Прадоров-предателей, — уточнил дрон, — частных лиц, не являющихся верноподданными Королевства. Точно так же, как и живущие здесь люди — всего лишь частные лица, не являющиеся верноподданными Государства.

Свёрлу хотелось отмахнуться от всего этого, как у него неплохо получалось раньше. Но он не мог. Пенни Роял спас Панцирь-сити, и, если Свёрл уйдет, отправится за какими-то туманными ответами черного ИИ, тот, вероятно, будет весьма недоволен. Свёрл взглянул на один из экранов, который показывал облако мусора, расползающееся вокруг планеты. Снизу картина напоминала метеоритный дождь: на землю сыпались остатки уничтоженной луны.

— Не парься, — проговорил дрон. — Уверен, твоя странная потребность подобраться поближе к чему-то, что даже я счел бы кошмаром, будет удовлетворена.

Откуда дрон знает?..

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай сам. Пенни Роял явился сюда решить проблему, вызванную твоей трансформацией. Подозреваю, сейчас он в процессе решения другой проблемы, вызванной изменениями Изабель Сатоми.

— Не понимаю.

— У меня нет всех данных — обновления из Государства и прочих мест приходят редко, меня ведь могут тут захватить в плен. Однако я знаю, что Торвальд Спир — сам творение Пенни Рояла. Он нанял Изабель Сатоми, чтобы та доставила его к истребителю ИИ, потом обманул ее и повредил ей двигатель — потому она и решила сесть ему на хвост. Потом нарисовался Пенни Роял — и все отремонтировал. Позже, после местных событий, он ушел в незащищенный прыжок к Масаде, где находится Спир.

— Все равно неясно.

— Яснее не могу. Пенни Роялу досконально известна степень изменений Изабель и то, как она будет реагировать. Он ведет ее к некоему решению — чего ты и сам хотел.

— И по-прежнему хочу, — пробормотал Свёрл, не уверенный, понял ли он, что предлагает дрон. — Говоришь, моя потребность будет удовлетворена?

— Будет, а пока ты должен остаться здесь и разобраться с Цворном, который, несомненно, вынашивает план мщения тебе — включающий уничтожение местных жителей.

— А еще я должен разобраться с Пятеркой.

— Нет, не с Пятеркой — ты несправедлив к ним. И давно не проверял информацию.

Свёрл оторопел — и бросился проверять. А через секунду уже понял, что подразумевал дрон. Два прадорских истребителя, убегая из системы, ушли в подпространство, но прыгнули в разные стороны. Цворн — к Государству, а Пятерка — к Королевству.

— У тебя есть еще данные? — спросил Свёрл.

— Есть. Аварийный У-прыжок развел корабли на шесть световых лет. Пятерка прыгнула снова — направляясь к Королевству, почти наверняка за самками.

— Так это и вправду была их цель?

— Ну да.

— Отлично, остался только Цворн. Но вернемся к удовлетворению моей потребности. Ты так уверен — но ничего не объяснил.

— Все очень просто. Похоже, Пенни Роял расхлебывает сейчас кашу, которую заварил в прошлом: завершает незавершенные дела. А еще — закладывает фундамент для чего-то нового — только вот для чего, я не представляю. В любом случае ты, Свёрл, — незавершенное дело. Полагаю, даже если ты не отправишься на розыски Пенни Рояла, он в какой-то момент придет к тебе.

Свёрл не был уверен, что ему нравится такой исход, но вывод ясен — он останется тут ждать, что выкинет Цворн. Выбора нет.

— Изабель умрет, — сказал он.

— Не обязательно, но, отправляясь туда, куда она отправляется, она определенно откусывает больше, чем может проглотить.

Данная метафора переводилась на язык прадоров буквально и даже сейчас частенько использовалась. Можно предположить, что все разумные расы, обладающие ртами и желудками, употребляют аналогичные фигуры речи.

— Не вижу иного исхода, кроме ее смерти.

— Не видишь? Смерть — то решение, которое *ты* ищешь?

— Нет.

— Изабель тоже не ищет смерти. Всегда помни, что Пенни Роял дает своим жертвам то, чего они хотят, — часто снабжая их большим, чем они желали на самом деле.

— Не понимаю.

— Не многие понимают, — откликнулся дрон и отключился.

Спир

С обращенного в сторону моря застекленного балкона отеля едва виднелся край каменистого шельфа. За ним расположился грязеотстойник и поросший флейтравой мыс, отделяющий лужу от моря. В грязи валялись раковины мертвых «трезубцев». Прибрежный городок Тараторка стоял на длинном пологом каменном мысу, защищенный от прожорливых челюстей моллюсков той самой солончаковой грязью. Находись он чуть дальше вглубь материка, утес за пару столетий размололи бы в мелкий песочек.

— Здесь весьма развито кустарное производство изделий из ракушек, — сообщила Рисс.

— Каких именно изделий? — поинтересовался я, обрадовавшись, что дрон заговорила со мной.

После того как я сказал ей, что мы пока не вернемся на корабль и не отправимся на Погост, она так и накинулась на меня, осведомляясь, не утратил ли я желание отловить массового убийцу, а потом то и дело вставляла едкие комментарии насчет моей недостаточной преданности долгу. Но я чувствовал, что обвинения Рисс пустые — по-моему, душу она в них не вкладывала.

— Изящные шкатулочки, вазочки, чашки — обычный хлам. — Дрон оторвала взгляд от города и повернулась ко мне. — Значит, мы собираемся посетить ювелирную лавку.

— Да.

— Сомневаюсь, что ты узнаешь там что-то новое. Едва ли кому-нибудь тут известно, где сейчас Пенни Роял.

— Я иду на ощупь и проясняю обстановку. Думаю, уйти отсюда немедленно было бы опрометчиво. Нужно еще кое-что разузнать.

С этими словами я вернулся в номер, описать который можно было бы одним словом — «скромный». По версии Масады. Здесь стояла мебель, сплетенная из флейтравы, залитая тонким слоем прозрачной смолы. В кухонном уголке громоздился автомат, выдающий несколько странноватых напитков и закусок, — сюда его, несомненно, засунули, чтобы заставить постояльца тратить деньги в ресторанчике этажом ниже. Кроме того, ванная представляла собой

тесную санитарную кабинку из тех, что встречаются на маленьких звездолетах. Я подошел к кровати, взял свой рюкзак и надел его.

— Ты идешь?

Рисс злобно зашипела, но последовала за мной в фойе. За стойкой сидел веселый котофицированный толстяк. Поднявшись, он ухмыльнулся:

— Не забудьте маску.

Покопавшись в рюкзаке, я вытащил респиратор, мужчина кивнул, и тут его ухмылка застыла: он перевел взгляд на Рисс. Миновав вращающуюся гермостворку, мы оказались на узкой улочке из того же камня, на котором стоял город. Вдоль зданий тянулись выдолбленные пешеходные тропки-тротуары, а середина улицы, предназначенная для немногочисленного наземного транспорта, была выложена белыми керамическими плитками. Я вдохнул спертый сырой болотный воздух, горло перехватило, и я поспешно надел маску. Сверившись с заложенной в «форс» картой, я повернул направо и двинулся по дороге, преследуемый неистребимым дежавю. Я никогда не был на этой планете и все же чувствовал, что смог бы найти магазинчик «Маркхэм» и без карты. Я ускорил шаг, пытаюсь стряхнуть неприятное ощущение, но, в отличие от предыдущих случаев, оно лишь усиливалось по мере приближения к месту назначения.

В центре города была небольшая площадь, окруженная с четырех сторон маленькими барочными церквями, словно бы перенесенными сюда прямиком из какого-нибудь древнего итальянского городка на Земле. Одна из них даже действовала; ведь религия — недуг, почти не поддающийся излечению, даже тогда, когда народ страдает под гнетом жестокой Теократии. Три других храма превратились в административный и торговые центры. Посреди площади возвышался объект, скрытый строительными лесами и серебристой мономерной тканью. Очевидно, общество все еще спорило, что делать с Клетью. Некоторые считали, что ее стоит сохранить как часть истории и туристическую достопримечательность. Другие все еще помнили друзей и родных, погибших в Клету, и требовали снести ее, заменив фонтаном.

Пройдя под аркой, я оказался в торговом центре — или перестроенной церкви. Покупатели старались не глазеть на мою

спутницу, но ускоряли шаг, словно стыдясь своей грубоватой провинциальности. Хотя в магазинах тут имелась всевозможная продукция Государства: «форсы», респираторы на основе мягких силовых полей, атомные ножницы, фабрики-чемоданы — да все что угодно. А в одной витрине я увидел манекены, представляющие разные виды человеческих модификаций, и догадался, каким товаром там торгуют. А впереди уже мерцало силовое поле на входе в лавку «Маркхэм». За щитостеклом витрины на дисплеях сверкали ювелирные изделия. Время от времени силовые поля подхватывали драгоценности, заставляя их танцевать в воздухе, и подмигивали голограммы с указанием цены.

Я застыл на месте, ошеломленный — зрелище вдруг показалось мне удивительно и ужасающе *пошлым*. Потом повернулся и окинул взглядом другие магазины перестроенной церкви, отчего-то чувствуя себя оскорбленным. За арочным проходом мелькнула Клеть. Шум вокруг меня вдруг утих, суматоха улеглась, растаяли лавки — и я увидел первоначальный интерьер церкви, простой и строгий.

Ряды людей стоят на коленях на каменном полу, одежда их изорвана, и у всех выпирают животы, как будто все они, включая мужчин, беременны. Но тряпье на самом деле скрывает сколов — крупных, похожих на тлей существ, снабжающих людей кислородом в обмен на кровь. Люди громко молятся, бросая опасливые взгляды на облаченных в черное прокторов, религиозную полицию Теократии. Те патрулируют здание, помахивая электрошоковыми дубинками. Я смотрю в сторону открытых деревянных дверей, вижу Клеть и чувствую, как глаза наполняются слезами.

Пятеро, сидящие в ней, обнажены, истощены, глаза их ввалились. Они знают, что десять дней, отпущенные им на примирение с Господом, подходят к концу, потому что кислородные баллоны уже выкачены на площадь — и собирается толпа. Ниша под Клетью наполнена вязанками сухой флейтравы — но в нашем лишенном воздуха мире хворост не загорится без питающего пламя кислорода. Этот спектакль теократы приезжают смотреть издалека, даже с Веры, Надежды и Милосердия. Я не могу спасти их, и наша революционная ячейка тоже не может. Но термитный брусок, подсунутый мною в топливо, дарует несчастным быстрый конец, и к ним, возможно, присоединятся несколько глазющих теократов. Я не останусь, чтобы посмотреть. Хватит с меня бессмысленного бунта, деньги, медленно и тайно скопленные мною,

обеспечат мне бегство с этой планеты на корабле контрабандистов. Мне не по себе, но я знаю, что пришла пора позаботиться о себе.

— Ты можешь отправиться с нами, — сказал мне капитан контрабандистов. — Или же мы высадим тебя на станции Миранда.

— А куда вы идете?

Он рассказал мне о Погосте и отребье, собравшемся там, и я сомневалась, что выбрать, но теперь решилась. Я отправлюсь с ними. Едва ли годы, посвященные убийству наместников и прокторов Теократии, проложат мне дорогу к странной утопии Государства. Я выхожу из церкви, форма проктора мне тесна, неудобно сдавливает грудь. Шилась она на человека, разлагающегося сейчас под корнями флейтравы. Сожжение приближается — те, кто в церкви, уже встают, чтобы последовать за викарием Тараторки в белесый рассвет...

— Спир!

Магазины вернулись, Клеть снова окуталась мономеркой. Моргнув, я сфокусировал взгляд на Рисс, которая подняла свою плоскую голову кобры с широко открытым черным глазом к самому моему лицу, и не сразу осознал, что стою на коленях и что люди вокруг смотрят на меня с подозрением. Тогда я торопливо поднялся, не желая, чтобы кто-то по ошибке принял мою позу за внезапный молитвенный порыв.

Галлюцинация? Нет, я только что перенесся в чьи-то воспоминания. А подобная четкость чужого опыта доступна обычно только ИИ. Это напугало меня, я не представлял, что это означает, хотя и догадывался о существовании связи между моими прошлыми дежавю и посторонней памятью. Теперь я был уверен, что это работа Пенни Рояла — и, появившись здесь, я выпустил воспоминания из-под замка.

— Что с тобой? — спросила Рисс, глядя на меня снизу вверх, с уровня моей талии. Яйцеклад ее был угрожающе приподнят, точно скорпионье жало.

— Со мной все в порядке. — Мне не хотелось объяснять, да я и не представлял как. Народ вокруг украдкой бросал на меня взгляды. — Просто голова закружилась. Подал слишком много кислорода в респиратор.

Люди начали расходиться. Поверили они мне или нет, не знаю, но вмешиваться им определенно не хотелось. Я снова двинулся к лавке «Маркхэм».

— Что он с тобой сделал? — спросила так и не опустившая яйцеклад Рисс, совсем сбив меня с толку.

— Кто?

— Шип.

— Не понимаю.

— Я уже говорила, что ты и он связаны, — объяснила дрон. — Была передача данных, только от тебя ему или от него тебе — не знаю.

Причин лгать я не видел:

— Воспоминания. — Попытавшись собраться с мыслями, я продолжил: — С тех пор как меня воскресили, я периодически переживаю странные моменты дежавю, иногда вспоминая что-то, чего, уверен, никогда со мной не происходило. Я списывал это на сбои, произошедшие при восстановлении моего имплантата. И вот только что меня накрыло по-крупному. — Я махнул рукой в сторону Клетки. — Я вспомнил, как был тут перед казнью, как решил покинуть эту планету, купив место на корабле контрабандистов Погоста. Я был молодой женщиной — одной из мятежников.

— Одной из жертв Пенни Рояла, — уточнила Рисс.

Да, возможно. Я смотрел на хоровод колец с драгоценными камнями, кружащийся в витрине «Маркхэм». Потом опустил взгляд на отчего-то нервирующую меня стеклянную скульптуру — некое членистоногое с внутренней подсветкой — и вспомнил о кошмаре, заключенном в аммоните. Что ж, Пенни Роял убил многих — но где гарантия, что он полностью *уничтожил* их? Некоторых он вполне мог записать. А мог ли он записать не просто *некоторых*, не несколько человек — а много? Что если в меня случайно влились чужие воспоминания, хранящиеся в шипе? Или они перешли от Пенни Рояла через иглу? Или загрузка посторонних воспоминаний в мой разум была не случайной? Да, скорее всего. Каковы шансы, что одна из жертв ИИ окажется здесь, в той самой церкви, где открылась лавка «Маркхэм», в которой впоследствии выставили на продажу мой мемплант-рубин? Шагнув сквозь мерцающий экран, я вошел внутрь.

Она ждала в центре магазина. Она выглядела взволнованной, настороженной и смотрела на меня так, будто мы знакомы.

— Я ждала тебя, — произнесла Глория Маркхэм.

Глава 17

Изабель

Эта планетарная система находилась на самом краю пограничной области. Здесь кончался Погост и начиналось Государство, и красный гигант равнодушно кипятил океаны некогда обитаемого мира. Изабель перевела взгляд с раскаленного шара на рамку, которую она мысленно открыла на слоистом экране. В окошке, занявшем четверть дисплея, застыл крупный астероид — но не он привлек внимание Изабель.

Рядом с астероидом виднелись три корабля, и они быстро росли — ведь «Залив мурены» подходил все ближе. Это были «Настурция», «Глория» — и «Калигула» — самый большой и самый опасный на вид, цвета старого дуба, с наполовину сложенными крыльями для полетов в атмосфере. Из-под акульского носа выглядывали капли обтекателей. Изабель открыла новое окно.

— Значит, ты привел и «Глорию», — сказала она. Морган, недавно перебравшийся с «Настурции» на «Калигулу», покосился на нее и ответил:

— Кажется, все наши клиенты внезапно передумали вести с нами дела.

Изабель на секунду застыла. Неужели ее клиенты в Королевстве отслеживали ее действия и решили, что она больше не благонадежна и не годится для обеспечения их причуд? Может, их король закрутил гайки, а может, на них повлиял кто-то другой? Может, даже Пенни Роял? Она встряхнулась, отгоняя параноидальные мысли.

Отказ клиентов означал, что она получила лишний корабль, но также из этого следовало, что человеческий груз все еще на борту. Возможно, лучше будет бросить груз здесь, чтобы потом вернуться за ним — ни к чему тащить свидетельство своих преступлений к Масаде. Зачем лишний раз нервировать парней? Она, конечно, не собирается подпускать близко наблюдателей или военных. Завершение охоты будет быстрым, Государство ничего не заметит. Раз — и готово.

Она прикрыла все глаза, пытаясь сдержать внутреннего хищника, чтобы не мешал ясно мыслить. Несмотря на стремление поскорее отправиться в путь, Изабель знала, что Морган и остальные

воспротивятся ее приказу следовать к Масаде. И тут будет иметь значение, повезут ли они с собой свидетельство преступления или нет. Значит, нужно что-то с этим делать.

— Она пригодится. — Изабель говорила о «Глории».

— Так куда мы теперь? — спросил Морган. — Не нравится мне торчать так близко к Государству — спорю, за нами следят даже сейчас.

Нет, Морган и ребята не должны пока ничего знать. Изабель моргнула многочисленными глазами, и на экране открылось еще одно окно, показывающее объект, формой напоминающий вытянутую гантель, весь утыканный датчиками. На нем мерцали огни тысяч порталов, а с обоих концов торчали стволы пушек Гаусса размером с секвойю. Это была ближайшая наблюдательная станция Государства, и она явно обладала не только тем оружием, что выставлено напоказ. Там должны быть ПИПы, и разумные У-пространственные снаряды, и телепорты, ведущие внутрь звезд или черных дыр. Через ее ворота можно переправить уйму энергии. Однако подобные станции стоят здесь, чтобы отслеживать возможные прорывы прадоров, так что несколько человеческих кораблей — кораблей Изабель — не должны вызвать у них подозрений.

— Пусть это тебя не заботит. Граница тут худая, как прадорский дверной уплотнитель, — наши агенты, да и агенты сепаратистов шастают здесь взад-вперед много лет.

— Мы перейдем ее? — встревожился Морган.

— Не валяй дурака. — Врать так врать. — Наш бизнес — на Погосте. Я скоро приду на «Калигулу», чтобы обсудить детали — мне нужен полный контроль над оружием судна.

Последнее было не совсем ложью. Она уже проникла в систему «Калигулы», как и в системы двух других кораблей, но главной ее заботой были не они. Пока она контролирует звездолеты дистанционно, всегда есть вероятность, что Морган и остальные могут взбунтоваться, узнав, куда их ведут, — и у них есть шанс на успех. Она должна находиться в непосредственной близости от людей, не от машин. Теперь Изабель понимала, что слишком долго полагалась на всеведение компьютеров.

— Скоро я буду с вами. Сообщите капитану «Глории», что на его корабль прибудет мой представитель.

— Представитель? — переспросил Морган.

Почти бессознательно Изабель подключилась к корабельным камерам, увидев голема за работой — он доводил до ума ее скафандр.

— Да, представитель, — отрезала она и отключила связь.

Страх — вот ключ. Ее присутствие на «Калигуле» заставит повиноваться всех на борту, и присутствие скелетоподобного голема Пенни Рояла на «Глории» произведет тот же эффект. На эти два судна распространится ее физический контроль. А если возмутится капитан «Настурции» — что ж, потеря невелика.

— Этим кораблем будешь управлять ты. — Изабель резко повернулась к Тренту.

Лицо его озарила надежда, но только на миг — наверное, Трент понял, что «управлять кораблем» не означает, что у него получится бежать на «Заливе мурены» к черту.

— Что ты собираешься делать?

Изабель отвернулась от экрана и пультов:

— Я собираюсь обеспечить абсолютное повиновение, — и покинула рубку.

Вскоре, с поспевающим следом Трентом, Изабель подошла к своей лабораторной платформе, где стоял голем, держа на вытянутых руках громоздкий скафандр. Изабель начала быстро натягивать «обновку», и голем заботливо помогал ей. Трент с усталым смирением наблюдал за процессом. Она понимала: он считает, что отправиться к Масаде — самоубийство, и знала, что он отказался от попыток переубедить ее. Дурак — она ведь не просто так поддерживает субординацию. Когда вокруг ее конечностей и оружейных креплений сомкнулись уплотнители, Изабель подумала, что вся проделанная работа по перестройке корабля была впустую. Ведь теперь ей лучше остаться на борту «Калигулы», верно? Это большой корабль, и места для нее там больше. Огневых средств и припасов тоже больше. Почему же она, законсервировав «Калигулу», хранила глупую сентиментальную привязанность к старому кораблю так долго? Она не представляла, хотя и видела аналогию со своей прежней привязанностью к человеческому телу.

— Возвращайся в рубку, — велела она Тренту. — Можешь

следить оттуда.

Не важно, где он разместится на борту — управлять ни одной из систем он все равно не будет. Сделает он что-нибудь или нет — разницы никакой. А сейчас Изабель просто хотела, чтобы Трент оказался подальше. Задраить скафандр оказалось равнозначно самоотречению — так она как бы отказывалась от добычи, и от этого желание наброситься на Трента только усиливалось. Человек ушел, а она соскользнула с платформы и нырнула в трюм, переделанный в шлюз; голем протопал следом. Изабель вошла через задний грузовой люк и почувствовала, как мономерная ткань скафандра стала жестче, едва дверь закрылась и воздух выкачался.

Когда внешний люк открылся в глубокий вакуум, она ощутила возбуждение — в противовес прошлым тревогам и гневу. Это немного напоминало охоту на Столмана, но сейчас внутри нее поднимало голову нечто воинственное. Тем временем «Залив мурены», приблизившись к трем другим кораблям, замедлил ход. До них еще оставалось несколько миль, и выглядели они в тусклом красном свете местного солнца какими-то размытыми. Изабель собиралась подключить хайманские способности для очистки изображения, когда звездолеты вдруг обрели четкие, резкие очертания.

«Что?»

Перед глазами вдруг возникли линии сетки и окна прицелов, всего лишь на миг, но, когда они исчезли, Изабель уже знала точные расстояния, уровень мощности и состав боевых средств. Планы атаки расцветали в мозгу пышным цветом — со всеми подробностями.

«Мои глаза...»

Все дело в ее внутренних изменениях. Пытаясь понять, что именно происходит, она осознала, что исток всего — какая-то бессознательная ее часть, и дело не только в усилителях, все гораздо сложнее. Внутри нее разум и машина только что сделали еще шаг навстречу друг другу, оказавшись даже ближе, чем позволяла интеграция хаймана.

«Я — капюшонник».

Да, капюшонники являлись биомеханическим оружием, но она никогда серьезно не задумывалась о том, что именно это означает. Ну, они устойчивы к энергетическому оружию — а дальше? Где

тактический разум, где мыслительные процессы, где настоящее вооружение и все остальное, подразумеваемое под словами «биомеханическое оружие»? Ей вдруг пришло в голову, что капюшонники Масады ментально деградировали, как и уткотрепы — потомки самих эшетеров. Так что же это? Что с ней происходит?

«Пенни Роял».

Что сказал ИИ во время их последней встречи, когда он инициировал ее дальнейшие изменения?

«Теперь я знаю исходную форму».

Возбуждение Изабель возросло — она наконец осознала, какой потенциал заложен в ней. Раньше она превращалась в одного из капюшонников Масады — а они были животными, безмозглыми теньями прежних биомехов. Вмешательство же Пенни Рояла означало, что она обретает *исходную форму* капюшонника. Государство владело информацией, и новые догадки о капюшонниках Масады держались в секрете. Но на планете произошло кое-что важное. Автомат Чужих едва не уничтожил Пенни Рояла, а Амистад воскресил ИИ. Ту машину тоже разрушили, и сделал это капюшонник — легендарный альбинос, которому, по слухам, миллион лет. И зовут его Техником.

«Теперь я стану еще могущественнее».

Изабель дернула капюшоном, посылая инструкции стоящему рядом голему. Тот немедленно выбросился в вакуум; скелетоподобный снаряд устремился напрямик к «Глории». Сама она направилась к «Калигуле» по точно — и инстинктивно — выверенной траектории. «На лету» немного хотелось помахать конечностями, но она удержалась, сочтя порыв смехотворным. Бледно-розовый огонь трепетал вокруг, она чувствовала, как внедряется в мягкую глину вакуума, отталкиваясь от квантовой пены Вселенной, ускоряющей ее движение к цели.

— Изабель! Изабель!

Это Морган пытался связаться с ней. Она была ракетой, непознаваемые потоки энергий омывали ее, и автоматическая защитная система «Калигулы» тут же встрепелась. Изабель ощутила секундную досаду, зная, что придется тянуться и отрубать защиту, но обычные методы она применить не успела — какая-то иная ее часть среагировала первой. Защита отключилась. В сознании

развернулась потенциальная схема огня, не имеющая никакого отношения к государственному оружию, которым она оснастилась. Она видела индукционную волну: эта волна вызвала бы скачок напряжения в реакторе «Калигулы». Видела последующую складку субпространства, аккуратную, как оригами, вынуждающую включиться разбалансированный У-пространственный двигатель. Потом, подпитываемый энергией выброса, «Калигула» сминается, деформируется...

«Нет!»

Изабель отдернула то, *иное*, растерялась и обнаружила, что просто падает, а все, что случилось прежде, кажется мимолетной фантазией. Сейчас ее разум мог расставить ярлыки на всех видах использованной ею энергии и действиях, которые она совершила или намеревалась совершить. Но всего секунду назад это были не мысли, а чувства — и то, что проистекало из них, выглядело столь же простым и бессознательным, как ходьба, бег, дыхание... или биение сердца. А теперь все исчезло. Изабель ударилась о корпус «Калигулы», ее отбросило в сторону — на обшивке осталась заметная вмятина. Ужас обуревал ее. Это было хуже, чем ее стремление убивать, рвать, жрать. Она, практически не осознавая *своим умом*, что делает, едва не уничтожила один из собственных кораблей.

Изабель, корчась в вакууме, не в состоянии ухватиться за что-нибудь, что привело бы ее назад к кораблю, признала наконец поражение и воспользовалась турбинами скафандра. Медленно восстанавливая контроль, она при помощи банальных хайманских функций проникла в корабельные системы, открыла люк трюма и ввалилась внутрь, оказавшись на работающей гравиплатформе, почти не обратив внимания на громоздящиеся повсюду ящики с оружием. Трюм наполнялся воздухом, и тут она заметила, что скафандр разорван — но, в отличие от прошлого раза, когда она оказалась в вакууме, неприятных ощущений не возникло. Изабель сердито стащила нелепую одежду и отшвырнула ее. Возможно, она свалила дурака, но сейчас Изабель была уверена, что в будущем ей не потребуется такая примитивная защита.

— Изабель!

Морган первым ворвался в переборочную дверь, за ним — четверо вооруженных тяжеловесов; двоих она смутно припоминала. Она качнулась к ним и заметила, что охранники инстинктивно

потянулись к пистолетам.

— Ты изменилась, — заметил Морган.

О чем это он? Он же уже видел ее преобразенной. Изабель потянулась через «форс» к камерам, чтобы взглянуть со стороны на новую Изабель. А вот тут уже никаких фантазий — что-то определенно произошло, какая-то глубокая перемена. Она видела — без расчетов, — что вытянулась в длину до пятнадцати футов, сократившись при этом в объёме. Панцирь обрел благородный оттенок слоновой кости, а глаза сияли, как драгоценные камни, лимонно-желтым.

«Я прекрасна», — подумала Изабель.

А еще она была жутко голодна. Люди, похоже, поняли это одновременно с ней на каком-то инстинктивном уровне, поскольку начали суетливо пятиться — все, даже Морган.

«Нет... контроль».

Голем уже прибыл на «Глорию» и расположился в рубке, а «Настурция» оставалась под ее ментальным контролем. Нужно отправляться, немедленно, но голод не отступал, а Изабель обнаружила, что медленно приближается к Моргану и другим.

«Нет... стой».

Она проверила грузовую накладную «Глории», подтверждающую, что на борту по-прежнему находятся восемьдесят шесть безмозглых человеческих существ с прадорскими рабodelами, внедренными в их пустые черепа. Изабель переслала инструкции, и, когда капитан, усомнившись, переспросил, действительно ли должен отправить часть груза на «Калигулу», стоящий рядом голем опустил руку на плечо человека и произнес:

— Щелк да щелк.

Этого оказалось достаточно. Капитан подчинился.

Блайт

Блайт никогда не чувствовал ничего подобного. «Роза» содрогнулась, и тошнотворный *извив* скрутил ее по всей длине. Блайта тоже пробрало, казалось, его пытаются вывернуть наизнанку. Он скатился с кровати и осознал, что парит над полом, всего лишь за микросекунду до того, как гравипластины включились снова и он шлепнулся на них.

— Дерьмо, — выдохнул он, почти смирившись.

Кто там на вахте? Брондогоган и Икбал, хотя и остальные скоро наверняка явятся в рубку. Он поднялся на ноги, пошатнулся, все еще ощущая странные колебания пластин под ногами, шагнул к двери каюты и вышел наружу. Чонт и Хабер опередили его, Мартина и Грир рысили по коридору сзади.

— Какого черта это было? — осведомилась Грир.

— Не знаю, — пожал плечами Блайт.

— Мы вышли из У-пространства, — сказала Мартина.

Капитан кивнул и двинулся следом за Чонтом и Хабер, только теперь сообразив, что Мартина права. Ничего не жужжало; мерный гул У-пространственного двигателя стих, напряжение исчезло.

— Там что-то большое, черное и мерзкое, — заявил Бронд, когда Блайт, добравшись до рубки, рухнул в свое кресло. — Называется «Гаррота Микелетто», это какой-то современный государственный ударный корабль.

— Как он вышиб нас в реал? — Блайт рассматривал заполнивший экран ужасающий черный конус чужого судна.

— Это не он, — сказал Икбал. — Это что-то другое, оно вон там, на том астероиде подозрительно правильной формы. Похоже, мы наскочили на ПИП, потому что входной барьер У-пространства недавно простирался до этого места. — Икбал оторвался от своих приборов. — Сейчас мы окружены современными осколочными ракетами, которые способны совершить У-прыжок в любой момент. Они также могут выследить нас в У-пространстве — если мы, конечно, переживем воздействие ПИПа.

— И что теперь? — Блайт постарался взять себя в руки.

Команда понимала, что капитан обращается не к ним.

— ИИ «Гарроты» чрезвычайно упрям и агрессивен, — прошептал Пенни Роял. — Кажется, мне не доверяют.

Блайт вздохнул с облегчением — на сей раз его не отправили в путешествие по его собственным или чужим воспоминаниям.

— Да неужели? — пробормотал он и бросил взгляд на остальных, просто чтобы убедиться, что они придержат языки.

— Мне будет необходимо предпринять кое-какие действия, — добавил ИИ.

«Дерьмо».

Сила тяжести на «Розе» уже многократно возросла. Блайт потянулся к пульту, и перед глазами его застыли стоп-кадры движения собственной руки. Tактический дисплей показывал, что «Гаррота» всего в пятидесяти милях, а пять окруживших их осколочных ракет находятся на расстоянии мили. Приборы говорили и о том, что двигатель «Розы» не выдержит разъярившегося У-пространственного шторма. Спустя некоторое время он просто выдохнется, даже если ПИП, расположенный на астероиде всего в одной световой минуте от них, отключится.

— Ты поговоришь с «Гарротой». — Блайт специально построил фразу так, чтобы она звучала не совсем как вопрос, надеясь каким-то образом предотвратить или отсрочить «кое-какие действия» Пенни Рояла.

— Да, — ответил ИИ, но больше ничего не добавил.

Капитан открыл общегосударственный коммуникационный канал, хоть и подозревал, что то судно прослушивает все известные Блайту каналы, а также ряд не известных ему лично.

— Государственный ударный корабль, — начал он. — Говорит капитан «Розы» Блайт. — Он сделал паузу, подыскивая слова. — У меня экипаж из пяти человек, никто из них не виновен ни в каком преступлении, караемом смертной казнью. Мы, по существу, заложники находящегося на борту пассажира. — Новая пауза. — Который, должен добавить, за все время пребывания на корабле также не совершил никакого преступления и даже спас жизни тысяч

жителей Панцирь–сити на Литорали. — Еще пауза. — Пенни Роял также вернул мне мемузаписи людей, которых я потерял при предыдущей встрече с ним. Предлагаю очень тщательно обдумать все ваши возможные действия.

— О господи, — откликнулся ИИ «Гарроты», — опять эти долгие нудные человеческие речи.

— Опять? — Блайт стремился завязать хоть какой–то диалог, хотя свет внутри «Розы» обрел, казалось, плотность янтаря, и что–то определенно должно было случиться.

— О да, я имел удовольствие побеседовать с неким Торвальдом Спиром. Он оказался внутри корабля, который ваш предполагаемый похититель некогда занимал. Думаешь, Пенни Роял явился вернуть его себе? Если так, то я буду очень суров.

ИИ «Гарроты» оказался болтлив — но разговор, вероятно, вел незначительный сектор разума, в то время как активная часть сконцентрировалась на основной проблеме.

— А что сказал Пенни Роял?

— Очень много и очень мало. Но я не могу позволить тебе или ему приблизиться к Масаде, и на сей раз Амистад не вмешается. К моему великому удовольствию, Пенни Роял настолько опасен, что я имею право воспользоваться любыми боевыми средствами — при необходимости.

— А как же мы?

Сила тяжести изменилась, по телу прокатилась волна, точно включился ПИП. На тактическом дисплее, мигнув, исчезла одна из ракет.

— Что за?.. — охнул «Гаррота».

Тут Пенни Роял включил какую–то запись, несомненно, ради Блайта и его экипажа, поскольку переговоры ИИ друг с другом занимают считанные микросекунды. Раздался женский голос; Блайт знал эту даму, она была из военных и читала лекции.

— С точки зрения законов Государства ситуация деликатная. В этой системе нас просто терпят. Никто не давал нам карт–бланша на ведение здесь каких–либо военных действий. Разместив тут ПИП, мы, по существу, нарушаем закон о «намеренной изоляции

автохтонов», пускай даже Ткач — единственный разумный Чужой на этой планете.

— Думаю, ты не настолько глуп, — сказал «Гаррота». — И где моя чертова ракета?

А лектор продолжала:

— Государственные ИИ подстраиваются, выбирают законы, наилучшим образом соответствующие их нуждам и целям. Однако, пока законы не изменены, мы их все-таки нарушаем.

Блайт догадался, что Пенни Роял тянет время, используя запись человеческой речи, но ведь это должен сообразить и ИИ ударного корабля? Вероятно, но не менее вероятно и другое: он ждет, что предпримет Пенни Роял, прежде чем ответить самому. Капитан бросил взгляд на таймер внизу экрана, ведущий отсчет секунд с момента исчезновения ракеты.

— Ткач ни на что не жаловался, — сообщил «Гаррота», — *и не запрещал* нам предпринимать военные действия. А что до «изоляции автохтонов», ты, похоже, выволок это на свет из какой-то древности, затерянной во мгле веков... от чего именно нам изолировать Ткача? Думаешь, он захочет побрататься с прадорами?

— Пока не снимешь изоляцию — не узнаешь. — Пенни Роял, вероятно, не сумел подыскать подходящую запись. — Может оказаться, что у него имеются свои пути сообщения и некоторые из тех, кого ты остановил, тут по приглашению.

— Ты, например?

Последовала короткая пауза — и тут всего в одной световой минуте от них вспышка мощного взрыва озарила пространство: черная дыра начала поглощать астероид, отрывивая рентгеновские лучи.

— Так я и думал, — произнес ИИ «Гарроты». — К черту церемонии.

Блайт едва успел пристегнуть ремни безопасности: сила тяжести в его корабле вновь резко подскочила до почти невыносимого уровня. «Роза» содрогнулась, взвыл У-пространственный двигатель, и судно совершило прыжок. Корабль корежило и корчило, по всем экранам побежали коды неисправностей, взревела сирена, извещающая о пробойне в корпусе. Блайт услышал крик Хабер и сам едва не завопил, увидев

перед глазами нечто невозможное: то, чего не мог принять разум. А потом разваливающийся корабль вновь вырвался в пространство. Главный экран показывал планету Масаду. Тактический дисплей отражал характеристики У-пространства, сообщая, что к ним тянется нечто огромное, сверхъестественное. От ослепительной вспышки главный экран вырубился, почернев. «Роза» дернулась, словно провалившись в подпространственную выбоину. Хабер и Чонт, вылетев из кресел, врезались в заднюю стену рубки. Грир, уроженка мира с высокой силой тяжести, удержалась, вцепившись мощной рукой в основание кресла Бронда; другой рукой она крепко обнимала Мартину.

Ударная волна нового взрыва мегатонной мощности врезалась в защитное поле «Розы», отбросив корабль на сотню миль в сторону. Без стабилизирующего эффекта внутренней гравитации, без Пенни Рояла, уподобившего воздух янтарию, все они сейчас растекались бы липкими пятнами по переборкам. Блайт почувствовал запах дыма и тут же услышал худший звук из всех, что может слышать астронавт: рев вырывающегося в вакуум воздуха. Лазерный луч, точно шпага, пронзал пространство, синие вспышки сталкивались с черными спиралями. Проследив, откуда бьет луч, Блайт увидел «Гарроту Микелетто». Лазер вошел в защитное поле корабля, как сверло в железо, и «Роза» задрожала.

— Нам конец! — крикнул кто-то, перекрыв рев.

Блайт не узнал голос, но согласился с ним. Пенни Роял столкнулся с чем-то продвинутым и смертоносным и вполне мог потерпеть поражение. ИИ, возможно, и уцелеет, а вот Блайт и его команда — едва ли.

А потом все прекратилось.

Луч, моргнув, погас, и взрывов больше не было. «Янтарь» обмяк и растаял, вентиляторы закрутились как бешеные, вытягивая дым, и шум утекающего воздуха разом оборвался.

— Мы мертвы? — спросил Икбал, и только теперь Блайт осознал, что это он недавно кричал.

— Еще нет, — ответил капитан.

И понял, что эти два слова описывают всю их жизненную ситуацию с момента отправления к Масаде — которая сейчас была слишком близко. Люди ждали, размышляя, что же, черт возьми,

происходит. И наконец из динамика раздался голос:

— Вы меня дьявольски одурачили, — рявкнул ИИ «Гарроты».

— Я же говорил, — откликнулся Пенни Роял. — Кое-кто здесь по приглашению.

Спир

Глория Маркхэм оказалась привлекательной женщиной неопределенного возраста. Если бы она не подвергалась антивозрастной терапии, не делала косметических операций, а прибегала бы лишь к медицинским средствам этой планеты, какими они были до вмешательства Государства, я бы дал ей около тридцати земных. Однако я знал, что после интервенции многим стали доступны государственные медицинские технологии — и ей, судя по всему, тоже. На женщине была узкая обтягивающая юбка и коротенький топик — весьма откровенного фасона, распространенного только на этой планете. Голубая ткань стелилась по плечам, тугой высокий воротник плотно прилегал к шее, а дальше ткань развевалась свободными складками, не полностью прикрывая бюст: в треугольном вырезе виднелись нижние половинки грудей; острие треугольника указывало на пупок.

А в центре выреза виднелся круглый шрам диаметром в пару дюймов, окаймленный по периметру лилово–черной рубцовой тканью. Покрой топа нарочито выставлял напоказ шрам, оставленный сколом, тварью наподобие тли. Выведенный биоинженерами паразит помогал людям выжить в этом лишенном кислорода мире. На самом деле, если бы женщина не воспользовалась медицинскими технологиями Государства, чтобы нейтрализовать воздействие скола на человеческое тело даже после удаления тли, она выглядела бы на все восемьдесят — или была бы мертва.

— Это из-за моей матери, — сказала она вместо приветствия. — Я ждала тебя.

— Правда?

— Правда, — ответила она, оглядывая меня с головы до ног и заставляя чувствовать себя неудобно, потом перевела взгляд на Рисс, нахмурилась, обошла нас и заперла дверь магазина. — Моя мать была повстанцем, — объяснила женщина, проводив нас через арку в тесную квартирку в задней части лавки. — Тридцать лет она сражалась с Теократией, и борьба изменила ее. Она начала получать удовольствие от убийства, ей нравился сам процесс, а к причинам она интерес потеряла. Кончилось тем, что она сама стала диктатором, копила богатство для собственных нужд. К тому времени, как она

отказалась от идеи, ее ненавидели и боялись едва ли не больше, чем тех, против кого мы боролись, но я любила ее. — Женщина указала мне на неудобный на вид стул, опять посмотрела на Рисс, теперь уже неодобрительно, и шагнула к набитому бутылками буфету.

— Значит, ты тоже из бунтовщиков, — предположил я, усаживаясь.

— Да, хотя заговори ты сейчас с любым жителем Масады, все они скажут, что были борцами за свободу. Число предполагаемых повстанцев возросло во сто крат, а число рабочих в отстойниках снизилось почти до нуля. — Она криво и грустно улыбнулась, потом повернулась к нам с бутылкой и двумя стаканами. — Вина? — как-то слишком уж дружелюбно предложила женщина.

— С удовольствием, — согласился я, надеясь, что так она чуть-чуть расслабится. — Значит, твоя мать купила место на корабле контрабандистов и сбежала отсюда. На Погост.

— Откуда ты знаешь? — Женщина села в кресло по другую сторону полированного обсидианового столика, поставила звякнувшие стаканы и принялась разливать вино.

— Считай это обоснованным предположением.

Она нахмурилась, озадаченно покачала головой, но продолжила:

— С контрабандистами мать провела восемь земных лет, но в конце концов они выгнали ее, когда она попыталась задушить капитана. Потом она применила свои навыки в более прибыльной и больше подходящей для нее работе. Не знаю, сколько контрактов она исполнила, но исчисляются они в сотнях.

— Контрактов? — переспросила Рисс, свернувшаяся кольцами на толстом домотканом коврикe.

— Я же говорю — она стала киллером. Выслеживала и убивала людей. Прошное сделало ее такой, Теократия превратила в убийцу — как и многих из тех, кто сейчас в Чистом отряде.

— Дай-ка догадаюсь. Однажды, пытаясь исполнить заказ, она была убита.

— Да, — кивнула Глория. — Много лет спустя я провела расследование, собрала данные... Ее нанял крупный работорговец Погоста, некий Джон Хоббс. Он снабдил мать оружием и

информацией, пообещал в награду кучу алмазной слюды, если она убьет то, что уничтожило один из его кораблей вместе с экипажем.

— Пенни Рояла, — произнесла Рисс.

Все замолчали, и я, воспользовавшись паузой, попробовал вино — густое, кроваво-красное, очень вкусное. Только отхлебнув, я вспомнил, что тут растут виноград, и догадался, что это местный продукт.

Глория напряженно кивнула.

— Моя мать выслеживала черный ИИ десятки лет и настолько разозлила его, что он послал за ней одного из своих големов — а матери удалось его прикончить. Наконец она выяснила координаты планетоида Пенни Рояла и отправилась туда в перестроенном прадорском камикадзе с мощным ПЗУ. — Женщина откинулась на спинку кресла, закинула ногу на ногу, сделала большой глоток из стакана и неотрывно уставилась на меня. Я понимал, что она ищет во мне что-то, но не догадывался, что именно, так как напряженно вспоминал заброшенного камикадзе, которого видел возле планетоида, и собственный план бомбардировки Пенни Рояла. Очевидно, первая попытка провалилась, и едва ли мои старания увенчались бы успехом.

— Что случилось потом? — спросил я, возвращаясь в настоящее.

— Я не знаю, — Глория натянуто улыбнулась, — но однажды я собираюсь ее спросить.

— Значит, Пенни Роял ее вернул, — сказала Рисс, на секунду опередив меня.

Глория кивнула, поднялась, зачем-то оправила одежду, одарила меня долгим взглядом — и резко отвернулась, чтобы подойти к стене, увешанной древними неподвижными картинами и экранами в рамочках, проигрывающими старые сцены. Один из экранов, на котором жило изображение женщины, внешне очень похожей на Глорию, — наверное, ее матери, — она отодвинула в сторону. За экраном оказался маленький сейф; Глория открыла его. Внутри лежала шкатулка из полированной раковины-трезубца. Вытащив ее, женщина вернулась на свое место и поставила коробочку на стол.

— Моя мать, Рената Маркхэм, — объяснила она, глядя мне прямо в глаза.

Заподозрив намек, я украдкой посмотрел на свой манжетой, сообразив, что отключение либидо снижает восприимчивость и к другим сигналам человеческого тела.

Рубиновый цилиндр, разместившийся в шерстяном гнездышке, был меньше сделанного для меня Силаком — он выглядел стандартным, такой можно приобрести и сейчас. Значит, его изготовили в Государстве? Нет, конечно же, нет — просто Пенни Роял создал его доступным для стандартных методов считывания. Я представил себе Ренату Маркхэм, обитавшую в каком-нибудь тайном вместилище, пока ИИ не загрузил ее в драгоценный камень и не отправил сюда.

— Расскажи мне о своем госте, — попросил я.

— Слов я не помню, — призналась женщина. — Он пришел ночью... Мне послышался шум, и я вышла в лавку — проверить. Витрина была черной, а под потолком висел Пенни Роял — шар из черных шипов. Я сразу узнала его, о нем часто говорили в новостях...

— А потом? — встряла Рисс.

— Я же сказала, я не помню слов. Но все же он как-то говорил со мной. На прилавке лежал рубиновый мемплант, больше, чем этот. Я должна была поместить его в оправу броши и выставить в витрине, но никому не продавать. Впоследствии кто-то должен был понять, что это, и тогда за рубином явился бы представитель Государства. Я спросила, почему я должна сделать это для существа, убившего мою мать, — и тут же почувствовала что-то в своей руке, разжала кулак — и обнаружила это. — Она ткнула пальцем в мемплант. — Я проверила камень и опознала хранящийся в нем разум матери, так что я сделала все, что мне было велено. — Она умолкла, глядя на предмет на столе.

— Но ты сказала, что ждала меня.

Она подняла глаза, словно очнувшись, выпрямила спину, погладила пальцем шрам на животе и прикусила верхнюю губу. Что ж, яснее не выразишь. Я задумался, как должен отреагировать, потом связался через «форс» с манжетомом и поиграл настройками. Браслет медленно изменил цвет с синего на красный.

— Когда сюда явился государственный голем и забрал твой мемплант, я попросила держать меня в курсе — и меня держали. Я, пусть и с некоторыми ограничениями, знала, где ты находишься, — с

самого момента твоего воскрешения. — Она умолкла, пристально глядя на меня. — Я знала, когда ты прибыл на Масаду, и знала, когда ты прилетел сюда, в Тараторку. Я была уверена, что ты отслеживаешь свое прошлое... и всегда знала, что ты придешь сюда.

Что ж, подоплека ясна. Похоже, женщина была слегка одержима мной. Я подумал было вернуть обратно настройки манжетона, но мой внутренний развратник вдруг прошептал: «А почему бы и нет?» Я тряхнул головой, готовый почувствовать раздражение, но вдруг отчего-то развеселился. Опять встряхнувшись, я сосредоточился на рассказе Глории.

Все выглядело *бессистемным*. Она должна была сделать то, что попросил Пенни Роял, потом кто-то должен был узнать мой мемплант, потом Государство должно было забрать его и воскресить меня. Мне требовалось разыскать это место, явиться сюда, пережить чужие воспоминания. Наконец, сама Глория должна была оказаться здесь, чтобы рассказать мне свою историю... Но нет, ничто, касающееся Пенни Рояла, не случайно. Пенни Роял наверняка знал точно, как будет реагировать Глория, возможно, даже вложил программу в ее разум. ИИ, должно быть, вычислил с точностью до секунды, когда мой мемплант будет замечен и востребован. А возможно, он рассчитал — с той же точностью, — когда я буду сидеть тут и слушать.

— Скажи, Глория, твоя мать покинула планету вскоре после того, как некоторых ее товарищей казнили в Клетях?

Глория кивнула.

— Мать заранее подкинула в хворост для ритуального костра термическую бомбу, чтобы они не страдали. Думаю, этот поступок и подтолкнул ее к побегу.

«Нет, Глория, — подумал я. — К тому моменту она уже приняла решение».

Рассказ Глории подтвердил то, о чем я уже догадывался, но, вероятно, он был необходим. Ощущения дежавю, обрывки воспоминаний, то, что я испытал здесь, — все было истинным. Женщина доказала это, изложив свою версию событий. Несомненно, шип связал меня с другими жизнями — жизнями, которые забрал Пенни Роял. Отчего ИИ желал полностью убедить меня, я не представлял, однако подозревал, что ответы последуют с

неизбежностью гибели звезд. Я допил вино. Глория подалась вперед, взяла бутылку и вопросительно посмотрела на меня. Но взгляд ее спрашивал не только о вине. Я повернулся к Рисс.

Змея-дрон уже развернулась и ползла к арке.

— Рисс? — позвал я через «форс».

— Чуть не задохнулась от феромонов, — ответила она вслух. — Увидимся в отеле.

И удалилась.

Глория шагнула следом, наверное, чтобы открыть магазин и выпустить Рисс, но застыла в проходе, и я услышал, как хлопнула входная дверь.

— Как оно это сделало? — спросила женщина, повернувшись ко мне.

— Рисс — боевой дрон, у нее много талантов, — объяснил я. — Она проникала в прадорские дредноуты, так что дверь магазина для нее не проблема.

— Для нее?

— Ну, этот дрон женского рода — просто из-за определенных физических черт.

Глория вернулась, остановившись рядом со мной.

— И, очевидно, она способна учуять человеческие феромоны.

Я протянул руку и обвел пальцем круглый шрам на животе Глории. Ее рука легла на мою, удерживая ее, прижимая к теплой коже.

— Я не смогу остаться, — предупредил я.

— Это не важно.

— Почему?

— Просто мне кажется, что рассказа недостаточно.

Что ж, в этом что-то было. Я пожал плечами, и Глория подтолкнула мою руку к застежке на ее бедре. Липучка послушно разошлась, стоило только поддеть ее пальцем, юбка сползла, и Глория ногой отодвинула ее в сторону. Она, несомненно, гордилась своим телом, стоя передо мной в своем откровенном топике и почти

прозрачных кружевных трусиках. Затем женщина надела на точку над самой грудью, и ее одеяние, как живое пятно, стянулось в крохотный, тотчас же отброшенный узелок. Я сразу вспомнил Шил Глассер и ее столь же легко снимаемую одежду. А потом Глория погладила шрам, и я, протянув руку, стиснул тонкие кружева и притянул женщину к себе. Пошатнувшись, она сделала шаг — и оказалась у меня на коленях.

Но даже пока она извивалась на мне, я размышлял о том, что именно из случившегося было спланировано заранее: как она избавилась от Рисс, как усадила меня на стул, а не в кресло, вино, ее одежда... Обнимая талию Глории, я сосал и покусывал ее соски, ее груди терлись о мое лицо. Однако, когда я попытался пригнуть ее голову, чтобы поцеловать, она отдернулась, застонала, заерзала на мне — и кончила с удивленным вскриком. Я попытался продолжить, но она откинулась, опершись руками на стол, и уставилась на меня, озадаченно хмурясь. Тогда я подался вперед, уложил ее спиной на стол и навис над ней. Женщина лежала, не шевелясь, выжидающе глядя на меня. Я переставил бутылку и стаканы в угол. Конечно, эффектнее было бы смахнуть все на пол, но слишком уж хорошее это вино. Быстро избавившись от одежды, я приподнял ноги Глории, стянул с нее трусики, уже успевшие болезненно натереть мне член своими кружавчиками, и взял ее прямо на столе. Женщина распалилась заново, я был уже на пределе, она бурно отвечала на каждый толчок, но с оргазмом вышел облом — в последний момент столик, не выдержав, развалился.

Она захихикала, и у меня пропало все настроение. Мы выбрались из обломков, прихватили вино и стаканы, и Глория отвела меня в свою спальню. Она сунула в рот пластинку стимулятора, а я еще раз пробежался по настройкам манжетона. В последующие часы мы выпили еще две бутылки вина и, уже не спеша, достигли логичного завершения начатого.

— Рада была познакомиться, Торвальд Спир, — неожиданно холодно заявила она.

Соскользнув с кровати, женщина набросила халат, подошла к двери спальни и распахнула ее. Меня прогоняли. Малость озадаченный, я оделся — приму душ в отеле. Следуя за женщиной к выходу, я думал, что же еще сказать, потом показал на шкатулку-ракушку, лежащую возле сломанного стола:

— Почему ты не отправила ее в Душебанк? Что бы там она ни сделала на Погосте, ИИ наверняка бы воскресили ее в благодарность за заслуги на этой планете.

Глория подняла глаза:

— Потому что люблю ее.

Конечно: Глория любила свои поиски, идеал, но любить реальность могло оказаться куда труднее. То же, кстати, относится и к ненависти. Когда я шагнул к двери, женщина сказала:

— Ты знаешь то, что не должен знать, поэтому был мне любопытен.

— Я догадался.

— Но теперь я отправлю ее в Душебанк, — почти равнодушно сообщила она.

Что изменилось? Вроде бы ничего, разве что кое-что завершилось. По крайней мере, для меня. Покинув лавку «Маркхэм», я вышел из преображенной церкви в сиреневый день — и заметил, что на одной стороне Клетки мономерное покрывало откинута и какие-то рабочие при помощи древней ацетиленовой горелки режут удерживающие Клетку железные подпорки. Видимо, местный совет или комитет определился с решением.

Направившись к отелю, я размышлял о том, что на самом деле Глория несколько не любопытна. Она рассказала мне свою историю, но сама почти ни о чем не спрашивала. Возможно, Пенни Роял просто запрограммировал ее на повествование, как заводят механическую игрушку с пружиной. Ее собственные тревоги, интересы, вопросы... они не играли роли. Я искренне надеялся, что все случившееся позже не являлось частью плана ИИ. Но избавиться от ощущения, что коллекционер-ИИ внушил женщине одержимость мной, не мог. Сексуальный акт стал точкой в конце ее линии в моей истории, и теперь она могла двигаться дальше, воскресить свою мать — и продолжать жить дальше.

Глава 18

Изабель

Голод усиливался, и она понимала, что держать его под контролем будет чертовски трудно — здесь, на корабле с десятью членами экипажа на борту и еще пятьюдесятью боевиками. Связавшись с «Глорией», она увидела, что первые четыре холодильника помещены в «кафедру», которая направляется к грузовому шлюзу. Она прикинула, что гробы прибудут сюда, на «Калигулу», через полчаса, так что потерпеть осталось совсем недолго.

— Так куда мы идем? — спросил Морган, войдя следом за Изабель в рубку «Калигулы» — коридор был слишком узок, чтобы шагать рядом.

«Нужно расширить и этот корабль», — подумала Изабель, пытаясь отвлечься от Моргана и четверки позади него. Сопровождали его два накачанных парня, мужчина из мира с высокой силой тяжести и женщина с кибернетическими усилителями. И все они, с ее нынешней точки зрения, являлись просто добычей.

— В надлежащее время... сперва мне нужно кое-что подготовить.

В этот момент из каюты впереди вышли мужчина и женщина, явно только что вылезшие из постели. Нет, это уже слишком. Они уставились на нее — потрясенно, с любопытством, и она смотрела на людей, видя каждую капельку пота на их лицах.

«Контроль».

— Экипажу и бойцам оставаться на местах или в жилых помещениях, — приказала Изабель, и корабельные динамики разнесли объявление по всем уголкам судна.

Застывшая на пороге парочка попятилась обратно в каюту. А ведь таких будет немало. Многим небось любопытно взглянуть на то, во что она превратилась. Но она не знала, сможет ли удержаться, если все они начнут сейчас маячить поблизости.

В рубке сидели пятеро; двое контролировали оружие, один постоянно проверял корабельный разум вторинца. Еще двое отвечали за выявление и устранение повреждений и техническое обслуживание

судна. Все они повернулись навстречу вошедшим, а одна женщина испуганно вскочила. Изабель быстро проверила личные файлы. Ага, эта женщина когда-то работала на корабле контрабандистов, торговавших с Масадой, так что о капюшонниках ей кое-что известно. Стараясь сохранять спокойствие, Изабель вышла на середину рубки.

— Вы все, — велела она, — отправляйтесь в свои каюты, немедленно.

Люди, помедлив, начали подниматься, некоторые вопросительно поглядывали на Моргана. Он кивнул, и Изабель едва сдержалась. Она тут главная, а они еще нуждаются в его разрешении? Ладно, плевать. Они лишние, поскольку она теперь отвечает за все, чем управляли они.

— Что происходит, Изабель? — озабоченно спросил Морган. — Зачем это — мы всегда выполняли твои приказы беспрекословно.

А вообще нужен ли ей хоть кто-то из них? Если Спир и Пенни Роял на орбите, она сумеет полностью контролировать атаку. Если они на поверхности планеты, она может поразить их с орбиты. Зачем заморачиваться, тащить с собой столько людишек?

«Нет... глупо».

Ее планы зависят от ситуации на Масаде. Возможно, потребуется разделить силы или послать бойцов на разведку, или они могут понадобиться для отвлечения внимания. Нельзя возвращаться к старому образу мыслей, когда она считала, что способна контролировать абсолютно все. Нужно мыслить здраво.

«Кафедра» — погрузчик уже миновала полпути к кораблю, трюм, через который вошла Изабель, стоял открытым, готовый принять кабину. Наверное, стоило подождать там и утолить голод, а только потом являться сюда. Изабель медленно повернулась, борясь с собой. Но едва пятеро членов экипажа попали в поле ее зрения, перед ее глазами на их телах расцвели мишенные рамки, а в голове Изабель закрутились планы нападения. Странное это было чувство — она ощущала себя трояким существом. Хищник хотел рвать и жрать, но внутри проросло нечто иное, рассудительное и спокойное, нечто, заботящееся о немедленном устранении угрозы. Осталась и человеческая сущность, пытающаяся собрать все три аспекта воедино.

— Мы идем к Масаде, — резко выпалила Изабель.

Морган опешил, четверо других переглянулись удивленно, пытаясь не выказать своего отношения к сообщению.

— Опасно, — выдавил мужчина.

— Да, но необходимо.

— Зачем?

Долгую секунду она молча смотрела на него, потом сказала:

— Ты задаешь слишком много вопросов, Морган.

— Извини, но отправляться на планету Государства, особенно на эту, чертовски рискованно. Даже не знаю, чем придется расплачиваться.

Изабель шагнула вперед, и пятеро людей отшатнулись. Но он ведь ей нужен, не так ли? Лучше решить после еды, что ответить на подобную непокорность.

— Мне надо вернуться в трюм. Все объяснения потом.

Они последовали за ней — тем же путем, что и пришли сюда. Через корабельные камеры Изабель наблюдала, как «кафедра» вошла в трюм, как закрылся люк. Она была голодна, но знала, что не может позволить себе отвлечься. Какого дьявола она сказала ему, куда они направятся? Неужели какая-то ее часть стремилась спровоцировать расправу? Ответ очевиден: хищнику хотелось есть, и он подстегивал все остальные ее «я». Изабель наблюдала за Морганом и другими через внутренние системы корабля и, добравшись до переборочной двери в трюм, увидела *это*.

Он поднял руку и трижды стукнул пальцем по скуле. Аналитическая часть разума Изабель тут же пролистала все воспоминания о Моргане, пробежалась по ним, как быстродействующее считывающее устройство. Он не слишком часто дотрагивался до своего покрытого шрамами лица, и Изабель не помнила за ним подобного жеста. Это был сигнал — отличный простой вариант, когда знаешь, что за всеми прочими способами коммуникации постоянно следят. Женщина с усилителями отступила на несколько шагов, тряхнула головой и, сделав вид, что жутко испугана, резко свернула в боковой коридор и ринулась прочь. Изабель знала, что все это лишь представление: ее присутствие будто

бы вызвало в женщине столь сильную ксенофобию, что та обратилась в бегство. Продолжая наблюдать за Морганом и оставшейся троицей, Изабель при помощи корабельных камер отслеживала передвижения женщины.

Та отправилась напрямик в свою каюту, где, естественно, не оказалось работающих камер. Вскоре после этого «испортился» и наружный датчик, но Изабель сумела войти в систему и исправить камеру.

Слишком просто; ее нарочно отвлекали от чего-то.

У переборочной двери в трюм Изабель повернулась к Моргану и его тройке.

— Ждите здесь, — велела она, мысленным приказом открыла створку и задом ввинтилась в проем.

Когда дверь закрылась, Изабель развернулась, оказавшись перед четырьмя цилиндрами-холодильниками, доставленными сюда «кафедрой». На «гробы» тут же легли рамки прицелов, и Изабель отпрянула. Что? Почему она среагировала так на то, что практически являлось трупами? Какое-то скрытое оружие? Изабель чуть отступила от контейнеров, пытаясь привести мысли в порядок. Она проверила все записи, касающиеся этих холодильников, в поисках следов взлома. Еще она просмотрела записи отправки цилиндров из трюма «Глории», но ничего необычного не нашла.

Одновременно Изабель сравнила старые схемы «Калигулы» с модернизированными, ища бреши в системе безопасности — уже с большим успехом. Они были хорошо замаскированы, и, не будь ее разум и чувства взвинчены, она бы ничего не заметила. Из каюты той женщины по всему кораблю тянулись скрытые каналы. Один из них вел к сервисной двери этого самого трюма. Робот, заменявший дефектный оптический кабель, только что отклонился от маршрута, и Изабель направила ремонтника на новую позицию. А когда робот засек движение, она велела ему застыть неподвижно и стала смотреть его глазами.

Женщина вышла. Она что-то несла. Изабель сфокусировалась и опознала переносную протонную пушку с прикрученной снизу емкостью на гигаватт мощности. Морган подготовился иметь дело с тем, чем, по его мнению, стала Изабель, — если окажется, что она представляет собой угрозу. Но она-то понимала, что этих мер

недостаточно — с учетом того, что она знала сейчас о себе. Изабель вернулась к дверям. Придется разобраться с этим. Однако новая ее часть резко переключила внимание обратно на холодильники, захватывая власть, накапливая энергию...

Подпространственный *извив* выплеснулся из нее, световые лучи, преломляясь, как в калейдоскопе, пронзили воздух трюма. От гробов нужно избавиться, уничтожить их. Слишком близко, слишком опасно. Через хайманские усилители она послала сигнал одному из холодильников для подтверждения, одновременно отдав приказ на аварийную продувку трюма. Еще она направила подкрепленные угрозами инструкции на «Глорию» — выбросить весь груз в открытый космос...

«Что?»

Гроб открылся, и Изабель, вклинившись в те сферы, куда не дотягивались ее прежние усилители, исследовала лежащий внутри труп. Примитивный прибор управления внутри пустого черепа, соединенный с позвоночником, значения не имел. Голубые кольца рубцовой ткани были всего лишь органическими повреждениями, а вирус, проникающий из этих колец в труп, на микроскопическом уровне выглядел обычным. Однако на субмикроскопических уровнях новая часть Изабель засекла опасность.

«Враг».

Тело Изабель молниеносно выпустило волну, гравитационный фронт которой, врезавшись в четыре цилиндра и «кафедру» — погрузчик, отшвырнул их, как щепки, к люку и дальше, в вакуум. В первые же секунды покореженные контейнеры пролетели сотню миль, а последующий *извив* настиг и поглотил их. На миг вспыхнула яркая звезда: сжатие обломков *извивом* вызвало термоядерную реакцию.

«Разрушение удовлетворительно; непосредственная опасность устранена».

Теперь Изабель завладела оружием «Калигулы». «Глория» избавлялась от груза, используя скоростные механизмы сброса, установленные на случай неожиданного полицейского рейда Государства. Капитан заартачился, но его помощник оказался не столь упрямым, особенно после того, как голем разорвал капитану глотку. Изабель привела в действие лучевые пушки «Калигулы»,

один за другим превращая гробы в раскаленную добела плазму. Этого достаточно, поскольку враг находится в неактивном состоянии и вряд ли оправится от термического шока, хотя некоторые элементы, возможно, продолжают существовать.

«Потенциальная угроза устранена».

Когда люк закрылся и в трюм вновь закачался воздух, Изабель развернулась к переборочной двери. То, *другое* внутри нее отступило, и хищник полностью захватил власть. Изабель рванулась вперед, выставив сгенерированные подпространством силовые ножницы, и врезалась прямо в переборку, пробив ее насквозь. Как раз в этот момент женщина из экипажа «Калигулы» вышла из эксплуатационного люка, и тут же единственный выстрел лучевика Изабель превратил ее голову в раскаленный пар. Морган попытался бежать, но Изабель обрушилась на него, как гигантская железная мухобойка. Подмяв мужчину под себя, она перемахнула через тело и бросилась за остальными, оставив позади лишь вонь, сочащуюся из его вспоротого живота. Троицу она настигла всего несколькими ярдами дальше.

Изабель, уже не человек, уже не способная даже подумать о самоконтроле, мчалась по кораблю. Она охотилась, убивала и ела.

Амистад

Тысячами глаз Амистад наблюдал за приближающейся к Масаде «Розой», миновавшей оборонительное сооружение, оснащенное новейшим гравитационным оружием. Гравитационная волна, создаваемая этим устройством, могла подхватить корабль и зашвырнуть его за Калипсо или даже в саму звезду. Но оружие и контролирующий его субразум пребывали в спячке, выхолощенные требованиями законов и статусом планеты-протектората. Амистад чувствовал разочарование, связанное скорее с его прошлым боевого дрона, чем с нынешним положением хранителя.

«Корабль пропустить, посадку разрешить».

Канал связи заработал вскоре после того, как ПИП вышиб «Розу» из У-пространства. Этот канал не открывался с момента последних переговоров Амистада с Ткачом, свежевоссозданным эшетером. Прошло уже несколько лет с тех пор, как под контролем Ткача капюшонник, известный как Техник, уничтожил непокорного безжалостного убийцу. Затем Ткач провел переговоры с послом человечества на Масаде, Лейфом Грантом. Амистад и принадлежащий Ткачу ИИ эшетеров урегулировали некоторые вопросы, касающиеся правления на Масаде. Но потом Ткач утратил всякий интерес к переговорам, и все их в дальнейшем вел уже этот ИИ. Однако приказ о разрешении посадки «Розе» исходил все же напрямую от Ткача, после чего тот немедленно исчез.

Амистад сразу же поинтересовался, почему это судно со столь опасной сущностью на борту надо пропустить, но Ткач не ответил. С тем же вопросом хранитель обратился и к эшетерскому ИИ — и снова ответа не получил. Возможно, у ИИ просто не нашлось лишней вычислительной мощности, поскольку сейчас он оживленно общался с государственными компьютерами по всей планете.

— Как ты там? — спросил Амистад.

Дрон-наблюдатель, в данный момент увязший в иле в ста километрах от смотровой площадки, прежде чем ответить, зашипел и закрипел. Этот дрон не служил Государству — однажды он просто явился, преодолев все препятствия, чтобы посмотреть на Ткача. Как ни странно, Ткач не возразил через ИИ против его присутствия, и Амистад быстренько отправил дрону трудовой контракт. Больше года

дрон без всяких проблем следил за Ткачом, но теперь проблема возникла.

— Словно индукционная волна лишила меня силы тяжести, — пожаловался крабовидный дрон.

Через ИИ Ткач потребовал у Государства различное производственное оборудование и материалы. Получив, что хотел, он унес все в свой чудной дом из флейтравы, где сразу деактивировались любые шпионские модули и «жучки». Государственные сканеры тоже не видели, что творится внутри этого обиталища. Воспользовавшись присланными технологиями, Ткач, очевидно, начал производить всякие приборы — увидеть их можно было, лишь когда создатель выносил устройства наружу. Некоторые из них были вполне понятны, вроде атомных ножниц, которыми он пользовался для стрижки флейтравы. Сконструировал он и комплексный генератор силового поля, который помогал сгибать и сплетать как траву, так и прочие материалы. Другие устройства оставались непостижимыми, вроде прибора, сдерживающего пеннустриц с камней и заставляющего их кружиться в воздухе, пока Ткач насыщается. Амистад сперва думал, что и здесь применяется силовое поле, но исследования показали, что тут привлечены силы Ван-дер-Ваальса^[13] и слабые бозонные поля. Именно этим приспособлением воспользовался Ткач, чтобы сбить бдительного краба-дрона.

Амистад быстро проиграл в памяти инцидент. Ткач отправился на одну из своих долгих прогулок, то и дело останавливаясь, чтобы попробовать один из необычных трезубцев, которые ему, видимо, особенно нравились. Иногда он поглощал пеннустриц, и те всегда перемещались по воздуху по строгой неизменной схеме. Краб-дрон, как обычно, следовал за объектом наблюдения. Но сегодня во время третьего перекуса маленькими моллюсками уткотреп послал их в полет по невиданной доселе траектории. Дрон чуть приблизился — и вот тут-то сложный гравиимпульс, врезавшись в соглядатель, сбросил его с неба в илистую банку. После этого Ткач еще некоторое время ел, затем двинулся дальше — а что он делал потом, неизвестно.

Выведенный из игры дрон вроде бы не имел значения, поскольку спутники слежения, вращающиеся вокруг Масады, способны были всесторонне контролировать абсолютно всё на поверхности. Однако вскоре после того, как Ткач расправился с последней пеннустрицей,

сорок спутников слежения, в зону покрытия которых входил основной континент, просто отключились. Поверхностный надзор также отказал, и любые попытки считать информацию с частных сканирующих устройств обернулись крахом. Какое-то время Амистад пробовал реактивировать спутники и системы внешнего наблюдения, но вскоре стало ясно, что нечто, предположительно эштерский ИИ, вмешалось и чинит препятствия. Даже в ответ на запрос о местонахождении уткотрепа по коммуникационным каналам пришла дикая шифровка, а локаторы-маячки внезапно «забыли», где они стоят.

— Ткач не хочет, чтобы за ним следили, — сказал дрон.

— Он что-то затеял, — вклинился из космоса ИИ «Гарроты». — Что-то, связанное с Пенни Роялом.

— Когда сверхразумы начинают провозглашать очевидные вещи, — заметил Амистад, — я начинаю сомневаться в определении «сверх».

— Он нам не доверяет, — продолжил «Гаррота». — После первых переговоров относительно статуса этой планеты он стал тянуть время. Все, что он сказал и сделал с тех пор, предназначалось для введения нас в заблуждение.

Изначально планету включили в Государство сразу после падения местной Теократии, но в соответствии с государственными протоколами обнаружение Чужого-автохтона означало, что частью Государства данный мир стать не может. Так что Государство решило «защитить» аборигена. И если начистоту, «защита» эта означала изоляцию и контроль.

— А ты на его месте доверял бы нам? — спросил засевший в иле краб-дрон.

— Наверное, нет, но сорвавшейся с лафета пушке, то бишь неуправляемому Пенни Роялу, я бы доверял еще меньше, — отрезал «Гаррота». — Полагаю, дело в оружии, нужном Ткачу для атаки на нас.

— Это потому, что ты запрограммирован думать в военных терминах, — сказал Амистад.

— Как и ты.

— Так было в прошлом, но с тех пор мои горизонты

расширились.

— А как ты считаешь? — поинтересовался краб-дрон.

Амистад размышлял над вопросом долгую микросекунду.

— Я не думаю, что «Гаррота» прав насчет того, что Ткач планирует нападение. Скорее всего, он пытается достать что-то, что изменило бы его положение охраняемого разумного существа, — и тем укрепить свою позицию на переговорах.

— И Пенни Роял снабдит его этим?

— Возможно. — Амистад изучал результаты глубокого сканирования «Розы», входящей сейчас в атмосферу Масады. — Смотрите, какое у этого корабля защитное поле.

— Серьезное усовершенствованное поле, сопряженное с У-пространственной технологией, — подтвердил «Гаррота». — Как и система защиты. Что ж, полагаю, это имеет смысл.

Да, *это* смысл имело, в отличие от наличия на борту корабля множества индивидуальных мемохранилищ. А тащить сюда для Ткача какую-то систему защиты — не слишком ли примитивно для Пенни Рояла? И еще интересно, что черный ИИ получит взамен. Эштерские знания и технологии? А можно ли позволить Пенни Роялу обрести их?

— Возможно, нам следовало бы чуть ослабить правила и нечаянно запустить в сторону «Розы» мультимегатонное ПЗУ? — снова встрял «Гаррота».

— Не сработает, — вскользь заметил далекий разум, отчего вся троица хором выпалила: «О черт!» — События на Погосте доказали — оборонительные системы вооружения, замеченные вами, остановят любое ПЗУ.

— И как же мне реагировать? — осведомился Амистад у Земли-Центральной.

— Никак. Просто смотри.

Амистад совсем расстроился и, когда Земля-Центральная отключилась, всерьез задумался. Через секунду дрон извлек данные из одного из своих субразумов — того, что находился в постоянном контакте с недавно прибывшими на планету гостями. А еще через секунду установил прямой контакт с этими прибывшими самолично.

— Как продвигается процесс сбора информации? — спросил он.

— Неплохо, — без заметного энтузиазма ответила Рисс. — Но теперь, когда сам великий Амистад, а не его суббразум заговорил со мной, я подозреваю неладное.

Змея-дрон и Спир находились в Тараторке, в гостинице. Они вернулись туда, посетив лавку «Маркхэм». Получив обновления от суббразума, Амистад уже знал все, что произошло. И в свете последних событий обдумывал, что делать дальше. Можно сказать им, что Пенни Роял прибыл, и посмотреть, как они среагируют, а можно задержать в Тараторке, припрятав, так сказать, козырь в рукаве. Они или по крайней мере Спир, похоже, играют какую-то роль в манипуляциях черного ИИ — хотя в чем именно эта роль заключается, пока неясно. Однако, пока Амистад взвешивал варианты, право решения у него отобрали.

— Понятно, — заявила Рисс.

Амистад тут же проверил безопасность связи, но утечек не нашел. Рисс и Спир просто получили сообщение с «Копья», и Спир, узнав новости, буквально выпрыгнул из кресла. Им сообщили о прибытии Пенни Рояла — и о том, что он садится на Масаду.

— Естественно, ты собирался нам все рассказать, не так ли? — поинтересовалась Рисс.

— Естественно, — бесстрастно ответил Амистад и сразу приказал своему суббразуму продолжать наблюдать за этой парочкой.

Затем, подавив разочарование, бывший боевой дрон проверил еще один коммуникационный канал — из тех, что тоже давненько не открывались.

— И что ты задумал? — спросил он.

— Восстановить равновесие, — сразу ответил Пенни Роял.

— Восьмое состояние сознания по-прежнему при тебе, — заметил Амистад.

— Да.

— Оно виновно в убийстве.

— Да.

— Значит, ты бежал.

— На Масаду, которая по закону не является частью Государства. Возможно, тебе следует поговорить об этом с Ткачом.

Конечно, Государство не явится за Пенни Роялом без согласия Ткача. Если они захотят «арестовать» черный ИИ, это придется делать вне пределов атмосферы Масады — и даже тогда правовое основание будет сомнительным. Ткач фактически владеет Масадой — а также всей планетарной системой. Только то, что этот мир обладает статусом протектората, дает Государству некоторую лазейку. Туманно тут все с законностью — а в такой туман очень любят прятаться преступники.

— Ты доставил Ткачу защитную систему, — заявил Амистад.

— Да.

Да? Простота подтверждения обескуражила Амистада. Пенни Роял затеял нечто большее, чем просто доставка защиты. А как насчет Спира? Каким боком он-то сюда вписывается?

— Что ты получишь взамен?

— Равновесие.

— Ты сделался альтруистом?

— Что я такое и чем я стану — это еще решается. И каким — тоже.

— Что-то ты темнишь.

— Буду рад продолжить нашу беседу, Амистад, но только не здесь и только тогда, когда ты сбросишь свои оковы.

И связь прервалась.

Амистад переваривал услышанное. Он был «прикован» к этому миру с тех пор, как планета стала протекторатом и ей потребовался хранитель. Защитная система, пускай даже самая продвинутая, не сможет бесповоротно изменить статус этого мира. Определенно что-то еще...

Хранитель Масады заново открыл канал связи с «Гарротой».

— Я должен знать абсолютно обо всем, что здесь происходит, понятно?

— Трудновато будет — сейчас, когда все ПИПы вырубались.

— Но не невозможно.

— Могу устроить локальные разрывы У-пространства своими ракетами и вышвыривать всех, кто входит в систему, но, если они направляются к самой Масаде, у меня потом не будет времени на сканирование и анализ.

— Тогда тебе придется реагировать на скоростях ИИ, верно?

— Определенно. — «Гаррота», похоже, ждал чего-то еще.

— Если ты не успеешь получить от меня ответ, то в чрезвычайной ситуации предоставляю тебе полную свободу действий.

— Наконец-то, — вздохнул «Гаррота».

Блайт

Допущенная к болотистой поверхности Масады, «Роза» опустила посадочные «ноги» с мономерными перепонками между «пальцами», имитирующие лапы гигантской водоплавающей птицы и устраняющие необходимость держать антигравитатор постоянно включенным, чтобы корабль не утонул в вязкой почве.

— И что это? — спросил Бронд, глядя на экран рубки.

— Это, — ответил Блайт, — эшетерский ИИ.

Здание перед ними напоминало древний, заброшенный в масадской глуши храм с куполообразной крышей, подпираемой расставленными кольцом колоннами. Внутри, на полу, лежал огромный диск мемокристалла, который, в свою очередь, вмещал единственный известный ИИ эшетеров.

— Выходит, мы только что выкарабкались из опасной ситуации, чтобы угодить в смертельно опасную, а?

— Очень похоже на то, — ответил Блайт. — Я бы сказал, что дела тут совсем не нашего уровня. Чтобы войти в эту игру, надо быть правителем планеты, не меньше. Такое вот дерьмо. — Он откинулся на спинку кресла, проверил ряд дисплеев и обнаружил, что люк трюма открыт. — Я иду наружу, — решил капитан и резко поднялся.

— Не слишком разумно, — пробормотал Икбал.

Блайт яростно зыркнул на него, готовый разораться, но Икбал показал на другой экран. Действительно, совсем рядом находились три капюшонника. Блайт поостыл, но не смирился:

— Ладно, загляну в оружейную, но наружу все равно выйду.

Он подозревал, что капюшонники не доставят неприятностей, поскольку Пенни Роял, очевидно, тоже вышел, а его присутствие способно отпугнуть даже этих прожорливых хищников.

Выходя из рубки, Блайт заметил, что Бронт и Икбал тоже встали, несомненно, намереваясь последовать за ним. Хотелось капитану сказать им пару ласковых, но потом он передумал — он им не мамочка. Остальные не выказали желания прогуляться. Возможно, они были более благоразумны.

Открыв оружейную, капитан выбрал портативный бластер, приобретенный на Погосте — он отпилил пушку от клешни совсем уже разложившегося трупа прадорского первенца. Еще Блайт прицепил к поясу пару акустических гранат. Оставив дверь в арсенал незапертой, он направился в свою каюту, сбросил скафандр, который не снимал с самой Литорали, выбрал из своего гардероба мимикрикостюм и уже собирался надеть его, когда почувствовал себя жутко грязным, а поскольку так и было на самом деле, капитан решил принять душ. Он словно готовился к последнему бою. Через двадцать минут Блайт ступил на трап «Розы», но вместо того, чтобы спуститься, взобрался по лесенке на верхний корпус. Бронд и Икбал ждали там, пытаясь казаться спокойными и словно не обращая внимания на то, что находилось в нескольких ярдах от них. А там на плетеном серебристом стебельке покачивался под несуществующим ветром гигантский цветок с лепестками из черных лезвий.

Парочка прихватила пульсары, и Блайт только удивился зачем — против капюшонников это оружие неэффективно. Но после секундного размышления капитан понял, что ими двигало. С оружием было как-то... спокойнее.

— Я думал, ты уже ушел, — осуждающе проговорил Икбал.

— Угу, я тоже так думал, — буркнул Бронд.

— Я принимал душ, — объяснил Блайт и небрежно сбросил с плеча бластер, прислонив его к выступающему из корпуса датчику. — Что-нибудь произошло?

— Ничего особенного, — ответил Икбал, — кроме этого.

Он ткнул пальцем в сторону зарослей флейтравы, в которых едва виднелось нечто, напоминающее верхнюю часть гигантского черного позвоночника. Блайт сглотнул пересошим ртом. Капюшонник был близко, просто рукой подать. Только сейчас он вспомнил, насколько опасны эти существа. Даже внутри «Розы» люди не были бы в полной безопасности, реши хищник напасть.

Неожиданно капюшонник поднялся, развернулся — и двинулся прочь от корабля, словно огибая что-то. Осмотревшись, Блайт заметил еще одного хищника — он тоже шел по кругу. И чуть дальше заросли шевелились — там, должно быть, шнырял третий, последний из засеченных Икбалом капюшонников.

— Они сохранили смутные воспоминания о служебных боевых

машинах, которыми были когда-то, — прошептал Пенни Роял. — И сейчас смущены новым поведением уткотрепов, опустившихся потомков тех, кому капюшонники в прошлом подчинялись.

Пенни Роял прекрасно умел отвечать на вопросы, которых Блайт не задавал, а вот когда его спрашивали прямо, предпочитал темнить.

Ближайший капюшонник снова застыл, на этот раз чуть дальше от корабля, и уселся в заросли. То, что раскачивало траву, и то, что огибал хищник, на миг мелькнуло в траве. Это действительно был уткотреп.

— Сафл пег, — слышалось Блайту.

Уткотреп снова исчез в зарослях, направившись, похоже, напрямиком к зданию, вмещающему эшетерский ИИ.

— Он что-то несет, — сказал Бронд.

— Они плетут, — сообщил Пенни Роял. — Плетут вещи, бессмысленные на первый взгляд. А иногда плетут вещи, назначение которых очевидно, но и то и другое они бросают. Активный разум Ткача говорит с ними в снах, которых они не понимают, и эти сны всегда звучат громче возле ИИ.

Уткотреп взбирался по ведущей к зданию тропе, держа что-то перед собой. Добравшись до колонн, он замешкался, а потом отбросил предмет — так с виноватым видом бросают мусор мимо урны. После этого уткотреп прошагал между двух колонн, развернулся и вышел — пройдя уже между другими столбами — и снова исчез в траве, бормоча на ходу свою нелепицу.

— Будто дары, приносимые на алтарь божества по обету, — прошептал Блайт.

— Они не настолько разумны, — откликнулся Пенни Роял.

— Зачем мы здесь? — спросил капитан и не успел даже отругать себя за вырвавшийся вопрос, как Пенни Роял ответил:

— Спир придет, потому что должен.

— Неужели?

— Он и я — приманка, и Изабель поступит так, как было рассчитано.

Блайт молча ждал. Пенни Роял знал, что именно он понял, и

знал, сколько он способен понять, так что либо объяснит, либо нет.

— Как человек и как хищник она непременно соберет вокруг себя все силы для нападения — противиться соблазну она не сможет, — сообщил Пенни Роял. — А среди этих сил — ее грузовой корабль. А поскольку ее торговля с прадорами завершилась, на корабле обязательно будет груз выпотрошенных рабов. Прогрессирующие изменения в ней провоцируют голод — и, чтобы не питаться собственными людьми, она попытается съесть груз. Эшетерский боевой разум, растущий в ней, обнаружит джайн-элемент спаттерджейского вируса. Использование джайн-технологий вынудило эшетеров тысячелетиями вести гражданскую войну, пока они не принесли в жертву все, чем они были, чтобы освободиться, — а Изабель сейчас близка к финальной форме боевой машины. Реагируя на угрозу, боевой разум начнет доминировать, и модификации ускорятся. И будут ускоряться всякий раз, когда она столкнется с любым сопротивлением. И когда она окажется здесь, она будет готова.

Такой длинной речи ИИ еще не произносил. Но Блайт понял только, что Изабель Сатоми идет сюда и скоро прибудет. Что ж, гаже не придумаешь.

Спир

Я быстро упаковал свой скудный багаж — всего несколько вещей, даже не первой необходимости. Рисс взглянула на рюкзак:

— Полагаю, ПЗУ у тебя там нет, верно?

Я замер. Когда Флейт сообщил нам о прибытии «Розы», я был потрясен и знал, что должен как-то реагировать. Последующие события озадачивали, но я готов был отправиться в путь, как только узнаю местонахождение Пенни Рояла на поверхности этой планеты. Но что дальше?

Оружия у меня нет. Мне не помогут даже огневые средства «Копья», поскольку судно основательно обработали, я даже не смогу воспользоваться термоядерным двигателем. Всё у меня забрали, едва мы приблизились к Масаде. Но даже если я смогу как-нибудь выкрутиться, здесь имеется такое оружие, которое в мгновение ока превратит «Копье» в пар. Я криво улыбнулся на сарказм Рисс, припомнив, как я обдумывал, что именно пуцу в ход против Пенни Рояла при нашей встрече. Пожалуй, сейчас в моем распоряжении только крепкое словцо.

— Полагаю, Масаду нам придется рассматривать как нейтральную территорию.

— Было бы очень мило, если бы Пенни Роял считал так же, — сухо заметила Рисс.

— И что ты предлагаешь? — Я бросил рюкзак на кровать и уселся рядом.

— Уже не знаю.

Эти простые слова скрывали много смыслов. Амистад назвал Рисс «специалистом узкого профиля». Мотивировалась она лишь абсолютными принципами. Сперва убивала прадоров — единственным возможным для нее способом, затем стремилась отомстить тому, кто опустошил ее. Но сейчас даже эта цель исчезла.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Рисс.

— И о чем?

— Каков мой профиль сейчас?

— Примерно.

— Ответ таков — мы должны встретиться с Пенни Роялом вне зависимости от того, вынуждает ли нас на это сам черный ИИ или нет. — Рисс умолкла на миг, повесив голову. — Я начинаю понимать, что никогда не выйду за пределы того, чем была, не разрушив собственной сущности. Желание отомстить заполнило пустоту, оно и сейчас есть, но только как вариант. Пожалуй, в этом я похожа на тебя.

Кивнув, я встал, подхватив рюкзак.

— Идем.

Проблемы начались, когда я попытался направить гравикар туда, где находился Блайт, ориентируясь на полученные от Флейта данные. Машина выдала на экран пульта управления ярко-красные буквы: «Отправление невозможно». А когда я потянулся через «форс» за объяснениями, то наткнулся на полный хаос в виртуальном мире. Однако выяснил, что всем гравикарам вылет временно запрещен, а на место моего назначения наложен карантин.

— Амистад нас блокировал. Что говорит субразум?

— Что будет лучше, если мы останемся там, где мы есть, ради нашей же безопасности.

— Так я и думал. — Я показал на пульт. — Можешь что-нибудь сделать?

— Нет. Все гравикары сейчас посажены на землю, но конкретно эта машина останется на земле до тех пор, пока кто-нибудь не придет и не починит гравидвигатель.

— Тогда возьмем другую.

— Было бы неплохо...

Рисс отправила что-то на мой «форс». В Тараторке имелась контора, сдающая напрокат мотовездеходы, которым почти не требовался компьютерный контроль — но Рисс удалось захватить и эту малость. Никаких внешних сигналов, способных отключить вездеход, не обнаружилось. Я кивнул и выбрался из гравикара, после чего мы по лестнице спустились с крыши отеля на улицу.

— До нужного места двести миль, — предупредил я, когда мы

направились к стоянке.

— Это часов пять езды — если вести буду я.

— Но карантин...

— Разберемся, — фыркнула Рисс. — Там нет ни ограждений, ни застав, а Амистад, полагаю, может применить только спутниковое оружие, чтобы вывести из строя нашу машину, — ну что ж, тогда последние десять миль одолеем пешком.

— Звучит обнадеживающе.

Его звали Стив, судя по табличке на комбинезоне, и он сразу же отказался давать нам машину.

— Извините, но у меня приказ.

— Чей?

— Местной полиции, но они сами подчиняются распоряжениям одного из субразумов хранителя.

Гараж стоял у моста, протянувшегося над окружающим Тараторку болотом. Ворота были открыты, и внутри виднелось четыре грузовых вездехода с огромными решетчатыми колесами и с защитными амортизаторами, возвышающимися над кабиной машины. Я повернулся к Рисс.

— Для нашей же безопасности сейчас явится полиция препроводить нас обратно в отель, — сообщила дрон. — Но это мягкие меры.

Я понимал, что Рисс имеет в виду. Если бы Амистад действительно решил помешать нам покинуть город, он бы сделал что-то еще, кроме вывода из строя транспорта и передачи инструкций местным копам. Он мог бы послать наблюдателей или агентов КБЗ. Мог бы разнести этот мост из лучевой пушки или преградить нам дорогу силовым полем. Похоже, хранитель просто не решил, как поступить с нами: что-то он предпринимал, но спустя рукава. Возможно, Амистад чувствовал, что должен задержать нас, но тратить ресурсы, чтобы всерьез остановить, не собирался.

— Что говорит субразум? — снова спросил я.

— Просит всех воздержаться от движения к той посадочной площадке. Субразум сказал мне, что мы не одни такие и не должны

считать себя особым случаем. Я спросила, почему, если мы не особый случай, все внимание одного из суббразумов Амистада поглощено нами. Теперь он со мной не разговаривает.

Странно.

Я вновь повернулся к Стиву и обнаружил, что он, испуганно таращась, наблюдает за нашей беседой. За его спиной заворчал включившийся водородный турбинный двигатель одного из вездеходов. Я бросил через «форс» приличную сумму на счет гаража и, увидев, как нахмурился Стив, понял, что он получил извещение о платеже.

— Мы берем одну из этих машин, — сказал я и двинулся в гараж.

— Ни с места! — раздался крик за нашими спинами.

Ну вот, начинается. Вздохнув, я обернулся. К нам шли мужчина и женщина, оба в перламутрово-серой форме с синими кантами, в шлемах с опущенными щитками и тяжелыми шокерами в кобурах на бедрах. Извлечь оружие они пока не удосужились.

— По закону, — заметил я, — у вас нет права нас задерживать.

— Действительно, — ответила женщина, — но Стив отказался сдать вам вездеход, а твой дрон, насколько я понимаю, запустил машину, и ты собирался ее взять. Вы уличены в воровстве.

— Возражаю, — вскинулась Рисс.

Женщина повернулась к ней, потянулась к электрошокеру, но, передумав, засунула большой палец за ремень на пояс.

— Против чего?

— Против того, что я «его дрон». Вы тут настолько примитивны, что не признаёте существование независимого машинного разума?

Женщина-полицейский поморщилась:

— По закону я могу арестовать вас прямо сейчас, но есть варианты. Возвращайтесь в гостиницу и сидите там, а Стив, уверена, откажется от обвинений.

Я взглянул на Стива, который медленно пятился в сторону — чтобы не попасть под горячую руку, если полицейские решат применить шокеры.

— Это глупо, — сказал я.

— Ерунда, — заявила Рисс. — Идем.

И змея-дрон, развернувшись, направилась к вездеходам. Я помедлил секунду, потом шагнул за ней.

— Стоять, кому сказано!

Оба копа выхватили оружие.

— Последнее предупреждение, — рявкнул мужчина.

Рисс уже добралась до машины, дверца которой сложилась, превратившись в трап — несомненно, по мысленному приказу дрона. Позади послышались треск и шипение электроразрядов. Но боли не было, и, оглянувшись, я увидел, что оба полицейских корчатся на полу гаража. Внутри вездехода имелось большое грузовое пространство — пятнадцать на тридцать футов. Следом за Рисс я залез в кабину и занял место рядом с водительским, на котором располагалась дрон. Мне подумалось, что машина слишком велика; я еще не знал, как кстати окажется этот «недостаток». И тут рычаг управления наклонился вперед, хотя дрон и не прикасалась к нему.

— Я же говорила — мягкие меры.

Да уж, Амистад определенно не рассчитывал, что его методы остановят целеустремленного боевого дрона.

— Но почему Амистад пытался задержать нас? Какая-то бессмысленная трата времени.

— Вот именно — задержать. Замедлить развитие событий, чтобы он мог взвесить все варианты и, что куда важнее, обнаружить Ткача. Он тут явно замешан, но, очевидно, куда-то пропал.

— Ясно. — Хотя на самом деле я ничего не понимал. — Что ты сделала? — Я кивнул в сторону удаляющегося гаража; Рисс уже вела вездеход по мосту из Тараторки.

— Простое силовое поле в нескольких дюймах от стволов, — объяснила дрон. — Выстрелы срикошетили и попали прямо в копов... Так, а теперь посмотрим, на что способна эта штука.

Вездеход вылетел с моста на стелющуюся поверх зыбкой почвы дорогу из спрессованной травы и, продолжая набирать скорость, резко свернул в заросли. Я хладнокровно пристегнулся, а машина уже

разогналась до семидесяти миль в час, хотя видимость впереди не достигала и ярда. Вездеход с ревом мчался сквозь густые травы.

Глава 19

Амистад

Досада Амистада росла — он никак не мог составить полное представление о происходящем. На долю секунды он задержался, вглядываясь в железный пол с многочисленными вмятинами и царапинами.

«Успокойся», — велел он себе и застыл в молчании. Пенни Роял утверждал, что доставил Ткачу защитную систему, что объясняло бы, почему безумный уткотреп отправился в самоволку. Так что Амистад сосредоточил поиски Ткача на путях, ведущих к «Розе». Но неясности оставались. Какова роль Спира во всем этом и что означает смутный намек черного ИИ на то, что Амистад может перестать быть хранителем этой планеты?

Значит, сперва разберемся со Спиром. Он хотел отомстить Пенни Роялу, но только из-за воспоминаний, которые ИИ искажил и поместил в мемплант человека. Его встреча с Ткачом не тянет на случайное совпадение, тем более что, судя по их разговору, Ткач знал о воспоминаниях Спира. Встречу могло объяснить легкое ментальное воздействие, а тайные переговоры Пенни Рояла и Ткача — осведомленность уткотрепа. Однако он все равно не вписывается...

Амистад вострепнулся и бросился проверять защиту бывшего корабля Пенни Рояла, переименованного сейчас в «Копье», после чего усилил ее. Если Спир ни при чем, возможно, его задачей было привести сюда старый корабль черного ИИ, который может хранить массу секретов. Возможно, на борту находится некое скрытое устройство? С помощью местных спутников Амистад еще раз провел тщательное сканирование судна. Результаты не выявили ничего нового. Термоядерный двигатель слишком прост. Флейт — частично ИИ, но он не опаснее дрона Рисс, а микро- и наноботовые культуры, от которых корабль постоянно очищается, не в силах повлиять на события здесь, внизу. Нет, дело не в корабле.

Тогда, возможно, ответы лежат в прошлом? Пенни Роял, конечно, не уничтожил восьмое состояние своего сознания, так, может, он, Амистад, упустил что-то еще? И дрон опять занялся просмотром записей.

После событий, сопутствовавших появлению здесь устройства эшетеров, Пенни Рояла практически постоянно контролировали —

физически или виртуально. Амистад нашел те случаи, когда в обеспечении охраны ИИ была проявлена хоть малейшая небрежность. Затем запустил программу сортировки, основанную на текущей информации и вариантах, выданных субразумом.

Во время визита Пенни Рояла к эшETERскому ИИ целых три секунды выпали из наблюдений — частично из-за вспышки на звезде, частично из-за поломки сервера, уничтоженного бомбой Чистого отряда. Амистад просмотрел данные и обнаружил, что нет никаких свидетельств того, что тут действовал именно Чистый отряд. Мог ли Пенни Роял сам все подстроить? Вполне возможно. И за эти три секунды он мог в досталь наговориться с эшETERским ИИ, а через него и с самим Ткачом. Но реальных доказательств у Амистада нет.

Посещение Пенни Роллом трупа Техника — еще одна потенциально важная аномалия. Амистад понимал, почему Ткач сохранил тело погибшей боевой машины. Хотя во время стычки с эшETERским аппаратом Техник основательно поджарился — все внутренние компоненты были серьезно повреждены, — труп все еще содержал множество любопытных устройств. Аналитический ИИ Государства внимательно изучил всю имевшуюся в его распоряжении технику, а понял, что к чему, процента на два. Машину нарекли трупом, обломками, но и это оставалось спорным. Пенни Роял посетил плетеную из флейтавы гробницу вскоре после визита аналитического ИИ, и Амистад тогда пристально наблюдал за ним. Однако на виртуальном уровне ничего не произошло, Пенни Роял провел короткое поверхностное сканирование Техника и удалился — словно удостоверившись, что дальнейших проблем не будет. Амистад решил, что стоит вернуться к записям этого визита.

И тут же оказался как будто на некой невидимой платформе внутри мавзолея Техника. На нижней секции цилиндрического здания пятидесяти футов диаметром бугрились выступы — очевидно, уткотрепы забирались по ним внутрь. Сложено здание было из травяных кос, переплетенных и склеенных между собой смолой других растений Масады. Техник покоился в зеленой колыбели — белый как кость, массивный, с панцирем, поврежденным с одной стороны каким-то энергетическим оружием. Еще во время первого визита туда Амистад заметил, что в воздухе совершенно не чувствуется запаха разложения. Отсутствовали и похожие на креветок ракообразные, природные могильщики этого мира. Любой труп они обычно облепляли уже через минуту после смерти —

включая и тела людей, хотя человеческая плоть была для этих существ ядом.

Техник не гнил, естественные механизмы разрушения не затронули его. В ходе дальнейших исследований выяснилось, что в стены его гробницы вплетена *не только* флейтрава — и сочетание этих медленно увядающих растений поддерживало атмосферу, предотвращая разложение гигантского альбиноса-капюшонника на молекулярном уровне — словно бы травы создавались специально для этой цели.

Амистад продолжал смотреть. И вот один из соединительных туннелей строения наполнила тьма — в трубу втекал Пенни Роял. Он находился в «полурассеянном» состоянии и напоминал серебряное дерево, украшенное черными листьями-клинками, согнувшееся под напором бесшумной бури и унесенное ею. Постоянно меняя формы, ИИ скользнул вдоль тела Техника, обогнул его капюшон и начал возвращаться мимо раненой стороны, но на полпути остановился. Здесь он и провел сканирование, после чего покинул гробницу.

Нет.

Амистад, пристально вглядываясь, прогнал запись заново, с того момента, как Пенни Роял остановился возле создания. Он максимально замедлил воспроизведение и внимательнейшим образом изучал каждую деталь. Возле Техника ИИ перешел в новую форму: серебристые щупальца стали стволом, кристаллические клинки-листья росли прямо из него, вот они сложились по продольной оси, вот снова распрямились... И еще раз.

Вот! Пока Пенни Роял совершал трансформацию, один из «ножей» оторвался от ствола и исчез в дыре в панцире Техника, вернувшись в тот момент, когда ИИ, закончив сканирование, возвращался в предыдущую форму. Лезвие вернулось к Пенни Роялу с естественностью рыбешки, прибившейся к своему косяку.

«Я не должен был пропустить это», — подумал Амистад.

А он и не пропускал — сверившись с собственными воспоминаниями, Амистад убедился, что данного момента там просто не было. Дрон кинулся перепроверять собственные системы на предмет проникновения, одновременно отослав предупреждение местным ИИ и Земле-Центральной. Пенни Роял вмешался — затронув Амистада.

Заглянув глубже, он увидел, что его ранние воспоминания о столкновении с Пенни Роялом на краю кратера не содержали «свежих» подробностей. Он действительно *не знал*, что Пенни Роял загрузил в себя добытое из контейнера восьмое состояние. Как и с недавними воспоминаниями, подробности были добавлены позже. Но, к сожалению, никаких отметок времени на них не было, и определить, когда это случилось, не представлялось возможным. А также — как именно. Или — зачем.

— Ты скомпрометирован, — заявил «Гаррота» по очень узкому и весьма защищенному каналу связи, — Пенни Роялом.

Остальные локальные ИИ тоже заметили это — и принялись ограничивать связь с Амистадом. А один из его субразумов — сохранивший больше первоначальной сущности боевого дрона, чем другие, — даже объявил себя независимым и резко прервал всякое общение.

— Да, — ответил Амистад. — И тем не менее я, кажется, знаю, что будет.

— Правда? — удивился «Гаррота», вовсе перестав доверять Амистаду.

— Правда. Пенни Роял взял образец ткани Техника, у него есть генетическая информация, и, возможно...

— У меня тут четыре звездолета на подходе, — перебил «Гаррота». — Извини, работа.

И ударный корабль оборвал соединение. А Амистад заподозрил, что данные были добавлены в его память, чтобы привести именно к такому результату — *кому-то* потребовалось, чтобы он был скомпрометирован именно сейчас.

Изабель

«Калигула» вонял, как охваченная пожаром скотобойня. Все члены экипажа были мертвы, а семеро уцелевших бойцов забаррикадировались в арсенале, настраивая там тяжелое оружие. Ей едва удалось удержаться и не вломиться к ним, когда бешенство начало отступать. Нет, остановил ее не страх за себя, а тот факт, что, если люди станут палить из атомарников, «Калигула» наверняка получит повреждения. И она ждала с терпеливостью кошки и видела, как семеро вскрыли переборку и бросились к шаттлу. Глядя, как они уходят, она предприняла кое-какие необходимые действия и забыла об оружейной.

Первоначальная ярость угасла, но голод остался. Только теперь он полностью принадлежал холодной аналитической части, и Изабель продолжала есть. Без привередливости, без инстинктивной потребности отделять ткани, содержащие ядовитый для капюшонника никотин. На этом новом расчетливом уровне она знала, что данная отравка никак не затронет ее нынешнюю форму. На обратном пути она вспарывала трупы и высасывала выдвигными хоботками всю жидкость. Манипуляторы-скальпели, доросшие кое-где до размера садовых ножниц, шинковали остальное и переправляли постоянным потоком в большой жадный рот. В дело на этот раз шло все: одежда, усилители, ламинированные кости «качков».

Свою неразборчивость Изабель осознала, лишь нарезав и съев штурмовую винтовку.

После пятого трупа тело болезненно раздулось, а температура повысилась настолько, что пожираемые предметы начинали дымиться, едва она прикасалась к ним. Ее крохотной человеческой части хотелось кричать. Облегчение наступило вместе с оглушительным треском: это старый панцирь разломился вдоль верхних стыков. Каждый отдельный сегмент прикрывал свежие горячие выросты цианозно-голубой плоти. Новый панцирь рос прямо на глазах, выступал из-под старого: словно кто-то показывал сюжет про рост ногтей в замедленной съемке. Ее капюшон, ее рот, ее манипуляторы росли с той же скоростью, и чем больше становились они, тем прожорливее — она. Изабель расслаивала женский труп,

словно поедала початок сладкой кукурузы, уничтожала плоть, кости, хрящи. Она сгрызла позвоночник, как стебель спаржи, всосала одним глотком плечи, руки и голову. Новый панцирь уже задевал за стены коридора, но Изабель едва замечала это. В поисках того, кто скорчился в каюте в ожидании смерти, она сорвала дверь, косяк и кусок стены.

«Я — Изабель», — говорила она себе, но понимала, что это означает, лишь последняя человеческая частица ее разума, уже почти не связанная со всем остальным. Теперь доминировала аналитическая половина, хищник был ее приложением, а человек наблюдал. Но и сейчас господствующая боевая машина продолжала смутно помнить о цели Изабель Сатоми, поскольку, даже обладая могуществом, она оставалась слугой или рабом и нуждалась в указаниях. Она направлялась на Масаду убить Торвальда Спира и Пенни Рояла — обоих. Раньше это были всего лишь самоуверенные фантазии. Однако человек-Изабель, пускай и заключенная внутри чуждой сущности, осознавала, что сейчас вероятность успеха весьма высока. Тройственное создание, новая Изабель, вполне могла одолеть черный ИИ. Однако невнятные стремления боевой машины исходили из какого-то иного источника. Аналитическая часть среагировала на джайн-технологии, дремавшие в вирусе Спаттерджея, обнаруженном в выпотрошенных трупах. А вид древнего врага подтолкнул к осознанию истинной цели. Капюшонники, боевые машины, создавались для борьбы с определенным врагом: эшетерами, попавшими под воздействие джайн-технологий, а также с самими этими технологиями. Пускай джайны как раса исчезли много тысячелетий назад, но их техника до сих пор всплывала то тут, то там, смертельно опасная, как латентное биооружие. Капюшонник-Изабель создавалась не для того, чтобы охотиться на созданий, которых она даже не знала, — и пробуждающаяся часть ее сущности начинала чувствовать это. Нынешняя ее миссия не соответствовала желаниям истинных хозяев, и скоро за это придется расплачиваться.

Добравшись до рубки «Калигулы», Изабель сообразила, что не сумеет попасть туда, не разрушив все к черту, — и что лезть к пультам, в сущности, бессмысленно. Она снесла стены за рубкой, разворотила каюты и вскрыла полы, но очень аккуратно, не повредив важные оптические и силовые кабели, после чего уютно устроила свое гигантское туловище в гнезде из покореженного железа и прочих обломков. Она славно поела и здорово выросла, но

внутренний рост еще не окончен. В полусонном состоянии Изабель направила автономные механизмы, принадлежащие ее аналитической половине, на работу с внутренним строением новой формы. Хищник отступил, не чуя непосредственной угрозы и подавленный другой частью. Изабель—человек боролась с желанием спать, каким-то образом догадываясь, что это ее последний и единственный шанс хоть немного восстановить контроль.

Сперва она сконцентрировалась на хищнике — фактически главном ментальном компоненте капюшонника, в которого она первоначально превращалась. Он начинал доминировать, в результате подтолкнув ее к решениям, к которым она никогда не пришла бы, будучи человеком.

«Я иду к Масаде?»

Это безумие.

Пытаясь добиться ясности, она обнаружила, что «берет взаймы» у своего «аналитика» — почти, но не вполне бессознательно. Хищник, бешеный зверь, дремал, одурманенный, и она «привязала» его, надев «намордник», понимая, впрочем, что этого недостаточно. Тогда она попыталась вновь включить хищника в себя и обрести над ним власть. Слияние пошло на удивление легко, и Изабель поняла почему, рассмотрев, что их объединяло. Он и раньше был частью ее: бессовестный убийца, злодей, преступник...

«Я иду к Масаде».

Да, это решение было сродни безумию — но теперь, с ее новыми возможностями, с боевым разумом...

Она обратилась к своей аналитической сущности, этому боевому разуму. Изабель чувствовала себя сильнее с усмирленным, слившимся с ней хищником. Сперва она проникла в программы идентификации, попытавшись стереть их, но защита оказалась слишком крепкой. Боевой разум знал, кто его хозяева, и знал, что она в их число не входит. Тогда к чему такая неопределенность? Почему он не отверг и не подавил ее сразу? Почему он до сих пор преследует ту же цель, что и она?

«Приказы».

«Аналитик» зависит от приказов. Он больше, чем она, он сложная, многогранная сущность. Он контролирует внутреннее

оружие и энергию на уровнях, доступных лишь планетарным ИИ Государства. Но с чего все начиналось? Сущность эта новая, она росла внутри нее благодаря генетическим манипуляциям Пенни Рояла. Она была маленькой — и все время Изабель оставалась частью ее, пускай и оттертая хищником. Если бы «аналитика» объединили с одной Изабель, он бы опознал в ней чужака, но ведь был еще хищник, и Изабель осталась незамеченной. Можно сказать, что Изабель сочли крохотным добавочным сегментом, нужным для получения приказов хозяев. «Аналитик» не рассматривал ее как живое существо, он видел программу.

Изабель поторопилась получить подтверждение, маскируя те части своей человеческой сути, которые могли смутить «аналитика». Она прояснила свои намерения — или команды, — усилила их и передала через хищника. Она обретет контроль...

«Я — Изабель».

Ее поглотило мгновенно и всецело. Она стала разом хищником, боевой машиной и Изабель Сатоми. Ее приказы не обсуждались, ее цель была безусловной, и она жаждала действий.

Трент

Крики и выстрелы давным-давно прекратились. Но даже если шум начнется опять — не нужно прислушиваться, чтобы понять, что происходит на борту «Калигулы». Трент отключил звук и снова принялся изучать единственную видеозапись, которая пришла перед тем, как все камеры «Калигулы» вырубались. Изабель вырывается из трюма, походя раздирает Моргана и других на куски и движется дальше. Потом ничего не видно, только слышны крики — да и то лишь потому, что Трент навел на звездолет лазерный детектор.

Еще он стал свидетелем двух выбросов воздуха и двух попыток бежать. Пару в скафандрах буквально размазало, как жуков по стеклу. Шаттлу, появившемуся вскоре после того, как затихли последние крики, почти удалось добраться до «Глории», прежде чем ракета разнесла его в клочья. Последнее Трент воспринял как доказательство того, что Изабель пришла в себя и решила, что на «Глории» не должны узнать, что именно произошло на «Калигуле». Она, несомненно, изложит свою версию, что-нибудь насчет подавления вспыхнувшего бунта. Никто не услышит ничего о ее непреодолимой потребности рвать людей и пожирать их. Он снова попытался связаться с кораблем, и на этот раз Изабель ответила, и даже изображение ее появилось на мониторе.

— Значит, ты просто не можешь себя контролировать, — сказал Трент.

Он едва удержался, чтобы не отпрянуть от экрана, заполненного ее мордой, ее манипуляторами и прочими мерзкими выростами, обрамляющими ее капюшон.

— Была опасность, — протянула она.

— Поэтому твой голем убил капитана «Глории»?

После долгой паузы — похоже, Изабель с трудом вспомнила о данном инциденте — она ответила:

— Он слишком тормозил.

— Какого черта там случилось, Изабель?

— Мы больше не можем торговать пораженными вирусом людьми.

«Верно», — подумал Трент. Он видел, как из «Глории» выбрасывается груз, но предположил, что Изабель избавляется от свидетельства их преступлений, прежде чем отправиться к Масаде. Это имело бы смысл, если бы она собиралась подобрать контейнеры после успешного завершения миссии. Однако когда хозяйка последовательно расстреляла все гробы из орудий «Калигулы», он решил, что она совсем утратила связь с реальностью. Груз был крупным вложением времени и денег — от таких вложений прежняя Изабель никогда бы не отказалась с подобной небрежностью.

— И почему?

— Там враг, в вирусе. Он спит, но может самопроизвольно активироваться. Там, в вирусе, Джайн.

Трент откинулся на спинку кресла. Ну вот, пожалуйста, она окончательно свихнулась — он понятия не имел, о чем бормочет Изабель.

— Теперь мы идем к Масаде, чтобы завершить операцию, — добавила она.

Трент почувствовал, как ожил У-пространственный двигатель, и догадался, что то же самое происходит сейчас и на других кораблях. И понял, что уже совсем скоро ответы на любые вопросы утратят для него всякое значение.

Спир

Вскоре внутри вездехода сделалось жарковато — вероятно, из-за постоянного трения о кузов стеблей флейтравы. Некоторое время я сидел, застыв от ужаса, ожидая, что мы вот-вот во что-нибудь врежемся, но в конце концов подавил инстинктивный страх, решив, что авария маловероятна, пока машиной управляет Рисс. Заставив себя расслабиться, я чуть откинул назад сиденье и решил провести кое-какие исследования.

Я открыл свой «форс», подсоединившись к компьютерной сети Масады, в первую очередь попытавшись отследить субразум, приставленный наблюдать за нами. Когда же у меня ничего не получилось, я попытался связаться самим Амистадом — и снова меня ждало разочарование.

— Так ты ничего не добьешься, — сказала Рисс, очевидно, следившая за мной не только в реальном мире. — Амистад только что обнаружил, что Пенни Роял вторгнулся в его сознание. Все остальные ИИ системы Масады бежали от него, как от чумы.

— Что?

— Он подвергнут карантину, изолирован, его статус хранителя уточняется. Он не будет принимать никаких серьезных решений, пока аналитический ИИ не разберет его и не исследует части — если он, конечно, позволит.

— И чем он скомпрометирован?

— Никаких подробностей, но, кажется, кое-кто подделал его воспоминания.

— Что ж, бывает, — заметил я.

Оттолкнувшись от заявления Рисс о том, что Амистад изолирован, я проверил статус места, куда мы направлялись. Как это ни досадно, карантин все еще сохранялся, несмотря на то что первоначальный приказ исходил от «скомпрометированного» ИИ. К тому же меня удивило то, что контактировать пришлось с человеком, а не с каким-нибудь ИИ.

— Ты направляешься в запретную зону, парень, а мы не можем этого допустить.

Идентификационный пакет, приложенный к сообщению, пояснял, что со мной говорит Лейф Грант, посол человечества на этой планете. Такие послы меня всегда удивляли. Их привлекали к всевозможным странным и критическим ситуациям вроде первого контакта с прадорами или общения с межзвездной сущностью-Драконом. Их часто использовали на планетах, располагающихся у самой Границы и готовых войти в Государство. Ну, что касается последних, тут я понимал мотивировку — люди внегосударственных миров могут с подозрением относиться к ИИ. Но в двух других случаях все не так просто. Может, к услугам людей-послов ИИ прибегают, чтобы выглядеть разносторонними, чтобы не оставлять не у дел своих меньших органических братьев? А может, на них смотрят как на еще одно орудие, позволяющее ИИ собирать дополнительную информацию.

— И кто же «не может этого допустить»? Насколько я понимаю, Амистад изолирован, так не стоит ли усомниться в его предыдущих решениях?

— Амистад хорош, — ответил Грант, — а текущая ситуация — понятная предосторожность ИИ.

— И все-таки мы не остановимся, поскольку твердо решили попасть туда, — заявил я. — Амистад чуть переборщил с осмотрительностью и не обладал всей информацией.

— Например?

Ох, и зачем он спросил?

— Ну, тут все сложно...

— Как и всегда, разве нет? Но карантин все равно в силе. — Грант умолк на секунду, словно проверяя что-то. — Похоже, твой спутник, боевой дрон, напал на пару полицейских офицеров.

— Ерунда, — встряла Рисс. — Я просто защищалась. Не моя вина, что они, паля из шокеров, попали в силовое поле и угодили под рикошет.

— М-м-м, спорно. Так вот, предупреждаю. На перехват вам идет пара групп. Как только вы окажетесь в запретной зоне, ваше транспортное средство будет выведено из строя. Если решите идти дальше пешком... или как-то иначе, вас самих лишат возможности передвигаться и доставят обратно сюда.

— Плевать. — Рисс, несомненно, была уверена в собственных способностях.

— Ну-ну, плюй, — сказал Грант и отключился.

Впереди флейтрава стала короче, и иногда можно было разглядеть что-то не только в нескольких футах от носа, но и чуть дальше. Рисс прибавила скорость, потом вдруг резко свернула, словно избегая столкновения. Я мельком заметил крупного зубастого зверя, шкура которого меняла окраску, точно «хамелеонка», подстраиваясь к окружению. Это был самец, и перспектива прогуляться по окрестностям меня совершенно не радовала, но приходилось полагаться на Рисс. И тут, словно в доказательство опасности, мы въехали на территорию, где трава была ниже ветрового стекла вездехода. И вдалеке, там, где опять поднимались заросли, шагало, то и дело останавливаясь, чтобы вонзить в землю длинное копьё клюва, огромное, похожее на птицу существо. В прошлом множество несчастных случаев были связаны с представителями местной фауны — и тем мастером маскировки, и этой красоткой героиней.

— Черт, — рывкнула Рисс. — У нас гости.

Я думал, Рисс говорит о том существе, в клюве которого сейчас что-то извивалось.

— Не там, — добавила дрон, вскинув голову.

Я посмотрел вверх, но ничего не увидел. Потом обернулся — и припал к верхним окнам грузового отсека. В небе над нами, следуя нашим курсом, летели два объекта: два вертикальных цилиндра, на вид чуть потрепанных, хотя оружие, торчащее с торцов, казалось весьма функциональным.

— Для тебя, наверное, не проблема, — предположил я.

— К сожалению, проблема, — возразила Рисс. — Новейшие охранные дроны — суб-ИИ, но оснащены серьезными игрушками.

— Они выглядят... простыми.

— Такая модель, — отрезала Рисс.

Во время войны дронам придавали внушающие страх формы. Делали их второпях, и были они несколько ненадежны. После войны и необходимость, и желание создавать независимых дронов, таких

как Рисс, сошли на нет. Впоследствии ИИ взяли под контроль большинство подобных дронов или же в них поместили субразумы ИИ, что, по существу, одно и то же. И хотя Рисс выглядела высокотехнологичной, современной и смертоносной, ей все-таки уже перевалило за сто.

— Значит, нас ведут.

— Ну, способ выяснить тут один — через десять минут мы будем у границы зоны.

Через десять минут перед нами раскинулись поля низкой флейтравы, изрезанные илстыми каналами с островками, заросшими травой повыше. Кое-где виднелись оранжевые и черные пятна хлыстохвостов. «Отлично, — подумал я, — никакого укрытия». Впрочем, даже высокие флейтравы не спрятали бы нас от сенсоров преследующей парочки.

— У тебя есть план? — спросил я, размышляя над тем, что нам, похоже, придется отказаться от похода, — и отчего-то не чувствуя в связи с этим глубокого разочарования.

Вездеход внезапно замедлил ход, и я успел удивиться, решив, что Рисс определилась со стратегией. Потом посмотрел вперед — и понял, почему она сбросила скорость.

Оно сошло с островка флейтравы, встало на задние лапы, посмотрело туда, куда мы двигались, потом оглянулось на нас. Придя к решению, оно село, обретя пирамидальную форму, и вскинуло одну из рук: большинство когтей загнуто, один торчит вверх, демонстрируя жест, известный любому культурному человеку. Таким манером существо принялось помахивать рукой в направлении нашего движения.

Вездеход ехал все медленнее, медленнее и наконец остановился.

— У тебя челюсть отвисла, — фыркнула Рисс.

Я немедленно захлопнул рот, но изумление мое было оправданным. Здесь, в диких дебрях Масады, передо мной сидел единственный возрожденный представитель расы эшетеров — Ткач. Или, иначе выражаясь, я видел «голосующего» на дороге уткотрепа.

Изабель

Новая Изабель чувствовала, что все контролирует, надежно и всесторонне, даже когда что-то резко вышибло «Калигулу» и три других ее корабля из У-пространства. Она сразу решила, что враг применил ПИП, но последующий анализ данных указал на иное. Каждый из четырех кораблей пострадал от локальных воздействий, если подобный термин применим к данному континууму. А значит, были произведены четыре прицельных выстрела У-пространственными ракетами или минами из четырех орудий. Изабель обработала информацию, высчитала вероятность появления других враждебных элементов, но цели своей не изменила.

— Щелк да щелк.

Этот канал она контролировала. Хотя разве передача так уж необходима? Информация поступала от голема, который стремительно юркнул в старомодный отделяющийся контейнер «Глории».

— Свёрл передает свои поздравления.

Изабель потянулась за ответами, объяснениями и подчинением, но разум ее соскользнул. Контейнер отделился от звездолета и рванул прочь с ускорением, при котором не выжил бы ни один человек. Изабель тут же изготовила орудия «Калигулы» к бою, но голем отлично все рассчитал. Мгновение — и она засекла черное копье чужого корабля, от которого неслись в сторону ее судна снаряды. Делать нечего — пришлось защищаться.

— На сей раз никаких церемоний, — заявил новоявленный агрессор.

Ракеты находились в состоянии предпрыжка, и Изабель, беря их на прицел, понимала это. Она свернулась туже, генерируя в своем теле подпространственный *извив*, оформившийся гравитационным волновым фронтом перед «Калигулой». Две ракеты прыгнули за миг до удара, а волна покатилась дальше к черному кораблю. Те, что были в предпрыжке, расцепились и засияли, как маленькие солнца, изливая из разбитых резервуаров антиматерию. *Извив* захватил еще один снаряд, У-пространственный разрыв выбросил его в реальность, где и сработала программа детонации. Один из кораблей Изабель,

«Глория», исчез в ослепительной вспышке, не оставив после себя ничего материального, мгновенно превратившись в мчащуюся почти со скоростью света плазму.

Неизбежная жертва.

Осколки ракет неслись на нее, лазерные лучи полосовали пространство. Разогнав оставшиеся корабли и направив их к центру системы, Изабель отключила все ограничители безопасности. Она сгенерировала *извив* во всех двигателях и микро-У-прыжками отправила их за сотни тысяч миль. «Настурция» тоже попала под обстрел, вокруг корпуса сомкнулись силовые поля, но псевдосверхсветовые лазеры пробивали защиту. И черный корабль по-прежнему был с ними.

— Не так уж это просто, Сатоми, — заявил «Гаррота».

И тут у «Настурции» взорвался генератор силового поля, горящие обломки пробili оболочку со стороны, прикрытой от лазерных уколов. «Залив мурены» пока не слишком пострадал, но ясно было, что вскоре и он подвергнется свирепому обстрелу. Запас ракет у черного корабля казался нескончаемым. Вот и «Калигула» очутился под огнем — вероятно, пока только чтобы загрузить его системы защиты; сейчас черный звездолет просто избавлялся от «лишних», прежде чем полностью сосредоточиться на Изабель.

Второй микропрыжок — и они уже на расстоянии ста тысяч километров от Масады. Вражеские орбитальные установки обрушили на корабли весь спектр энергий. Следующей пала «Настурция», последнее силовое поле схлопнулось, и лазерный луч рассек судно вдоль, будто игла адского фрезерного станка. Оболочка слетела, как кожура с банана, и одна из ракет завершила расправу. Изабель метнула в сторону противника *извив*, но черный корабль сам совершил микропрыжок. Микросекунды тянулись медленно, как дни, нет, как года, под напором гравитационных волн, катящихся с орбиты Масады. Изабель понимала, что шансы ее почти что свелись на нет, и что-то внутри болело, скорбя о принесенных жертвах.

Она послала «Залив мурены» в микропрыжок, одновременно потянувшись к черному кораблю, снова пытаясь *скрутить* его. «Калигула» тоже нырнул в У-пространство, ее боевой разум полностью погрузился в расчеты — и вот они уже совсем рядом с Масадой. Черный корабль и «Залив мурены» вырвались из

подпространства следом за ней, оказавшись вне уже занятого гравитационного колодца. Нет, звездолеты не встретились в одной и той же точке пространства, но находились достаточно близко, чтобы их корпуса склеились, слились воедино. Впрочем, поскольку шли они в разные стороны, то тут же разорвали спайку, так что в корпусах обоих кораблей появились дыры, из которых полезли в вакуум железные потроха. В этом облаке раскололись резервуары с антиматерией, и два корабля исчезли в облаке взрывов — в тот момент, когда «Калигула» ворвался в атмосферу Масады.

«Трент погиб, — подумала человеческая частица Изабель. — Все три корабля погибли».

Теперь ее организация практически мертва, несмотря на базы в различных мирах Погоста: сердцем ее были эти три судна и люди, летевшие в них. Остались только она и «Калигула».

Но, конечно, это был еще не конец. Изабель развернулась, стремительно, неудержимо, розовый огонь задрожал вокруг нее, вцепляющейся в самую ткань пространства. Она вырвалась из вспоротого бока «Калигулы» в тот момент, когда корабль попал под лазерный луч орбитальной установки. Изабель промчалась сквозь пламя, а обломки разрезанного пополам корабля полетели вниз. Луч метнулся следом за ней, но Изабель ушла в У-прыжок, оставляя позади *извивы*, стремясь избавиться от слежки. В реал она вынырнула уже глубоко в атмосфере, оказавшись всего в двадцати футах над землей, — и тут же первоначальный импульс толкнул ее вниз под углом в сорок пять градусов со скоростью две тысячи миль в час.

За долю секунды, отделявшую ее от столкновения с поверхностью, Изабель провела сканирование, установила связь и всосала информацию. Когда капюшон ее врезался в землю, она уже знала, где находятся Пенни Роял и Торвальд Спир. Последний направлялся к первому, и это ее устраивало. Удар пробил футовый слой переплетенных корневищ и вмял Изабель в стофутовую ямичку вязкого ила. Над развороченной почвой поднялся фонтан жидкой грязи. Внезапная ностальгия заставила Изабель замереть на секунду, а потом она принялась рыть. Возможно, ее и не выследили, но спутники несомненно засекли точку падения. Надо уйти еще глубже, чтобы Пенни Роял счел неприемлемым применять такое оружие, которое смогло бы добраться до нее. Сперва она рыла, как простой капюшонник, затем применила другие методы. Впереди вырос конус

силового поля, и поля—лопасти протянулись от конечностей.

— Привет, Изабель, — произнес голос в ее голове. — Теперь понимаешь?

Она понимала — вся схема четко вырисовалась в ее сознании. Ее заманили, заставили привести все силы — сюда, к неминуемому уничтожению. Манипуляции Пенни Рояла были точно рассчитаны, они опирались на особенности ее личности, ее изменения, трансформации ее тела. Изабель тошнило от гнева на себя, на собственное ротозейство, от того, как легко черный ИИ одурачил ее.

— Почему? — выдавила она, сдерживая ярость.

— Потому что ты — проблема, причина которой — я, и я ее устраняю.

— Я иду, чтобы убить тебя, — ответила она. — А потом выпущу кишки Спиру.

— Да, конечно, — согласился Пенни Роял, — таковы твои намерения, но действительно ли ты этого хочешь? И *ты* ли хочешь этого?

— Больше никаких игр, Пенни Роял, — все закончится очень скоро. Сегодня.

— Несомненно, — ответил черный ИИ.

Спир

Я отстегнулся, встал и проверил, много ли места в грузовом отсеке. Что ж, довольно много — вероятно, взрослый уткотреп влезет. Но удобство размеров транспорта лишь усилило мое глубокое недоверие к реальности и к работе собственного мозга. И, словно бы в подтверждение, опять накатило дежавю — чья-то память, воспользовавшись тем, что я отвлекся, скользнула в мое сознание.

Багажник был забит пластиковыми ящиками и цилиндрами на поддонах. Так обычно перевозилось оружие.

Замкнутое пространство озаряет мимолетный свет луны, где-то снаружи что-то бормочет себе под клюв уткотреп. Я расстилаю одеяло между двумя поддонами, сажусь на него, снимаю сапоги и начинаю стягивать форму.

— Все в порядке, — говорит из кабины Мокрица. — Никакой активности не замечено.

Новая «хамелеонка» на крыше прикрывает нас от спутников Теократии, но только пока мы неподвижны. Окошко, брешь в наблюдении, откроется лишь через пять часов. А пока есть время завершить то, что росло между нами уже несколько недель.

— Конечно, — отвечаю я, стягивая майку.

Когда Мокрица возвращается в грузовой отсек, я обнажена, лежу на спине, закинув руки за голову...

Нет!

Мне как-то удалось вырваться, вернуться в настоящее. Я не ханжа, но в данный момент воспоминания Ренаты Маркхэм о сексуальных приключениях явно неуместны. И вспышки из прошлого определенно участились — что бы это могло означать? Встряхнувшись, я осознал, что грузовая дверь открыта, трап спущен, а рядом — Рисс.

— И что на этот раз? — поинтересовалась змея-дрон.

— Ничего существенного. — Надев респиратор, я сошел вниз, по пояс утонув в зарослях флейтравы.

У самого края трапа я замешкался, вспомнив об иловых змеях,

снующих меж корнями и кусающих проходящих мимо. Потом все же ступил на зыбко колышущуюся почву и побрел в сторону Ткача. Он все еще сидел там, но больше не помахивал тем, что с огромной натяжкой можно было бы назвать большим пальцем. Теперь он держал уже знакомый мне прибор — с его помощью уткотреп отрывал от камня моллюсков во время нашей прошлой встречи.

— Полагаю, нам по пути?

Он серьезно кивнул, соглашаясь, потом уставился на что-то позади нас. Я обернулся — два цилиндра зависли в воздухе на высоте пятидесяти футов, и примерно такое же расстояние отделяло их от вездехода.

— Мы на самой границе, — сообщила Рисс. — Еще сто футов, и они получают возможность исполнить приказ и расплавить нам двигатель. Хорошо еще, что пока Лейф Грант велел им только следовать за нами и наблюдать.

Однако у Ткача, похоже, имелось свое мнение. Устройство в его руках щелкнуло — и все, никаких театральных эффектов, но два цилиндра в тот же миг рухнули с небес, как две железные чушки, и шлепнулись в трясины. Один погрузился в ил почти сразу, другой кое-как удержал верхушку над травой — причем ствол пушки Гаусса смотрел прямо на нас, и маленькие блюдечки сенсоров вращались. Но последовал новый щелчок, цилиндр взвизгнул, ствол поник, сенсоры замерли, и он тоже начал тонуть.

А Ткач уже убрал свой приборчик, встал на все четыре и иноходью засеменял к нам.

— Надо ехать, — сказал он. Крайняя необходимость.

— Крайняя? Необходимость?

— Чувствуешь? — Он приподнял переднюю конечность и потыкал когтем в зыбкую почву.

Я чувствовал, как мерно подрагивает земля, но списывал это на поступь массивного зверя передо мной и недавнюю непредвиденную посадку двух тяжелых дронов. Впрочем, я тут же сообразил, что ощущал тряску еще на трапе — когда дроны парили в небе, а Ткач не шевелился.

— Двигатель? — предположил я, кивнув на вездеход.

— Нет, что-то идет, глубоко внизу, — откликнулась Рисс. — Могу только предположить, что это что-то большое — грунт смещается, а ведь грунт здесь непробиваемый. — Змея подняла глаза. — Какая-нибудь подболотная лодка?

— Можно сказать и так, — ответил Ткач и двинулся к трапу.

Я поспешно попятился, а Рисс просто развернулась и скользнула в машину перед уткотрепом. Едва Ткач ступил на трап, вездеход попытался опрокинуться под его весом, но тут же автоматически выпрямился, расширив решетчатые колеса с одной стороны и сдвув их с другой. Потом к проему подошел я, но, заглянув внутрь, вдруг ощутил свою уязвимость. Здесь находилось разумное существо, которое мы подсадили, но теперь оно занимало большую часть багажника. Мне придется протискиваться мимо уткотрепа на свое место, а он, разумный там или нет, очень велик, у него огромные черные когти и очень острые зубы.

— Тебе подходит человеческий воздух? — спросил я, все-таки сделав шаг.

— Бодрит, — Ткач небрежно махнул когтем, просвистевшим в футах от моей головы.

Трап быстро поднялся, а воздухоочистители справились с атмосферой за несколько секунд. И даже кровь из носа не пошла: давление в вездеходе поддерживалось чуть выше наружного. Мимо уткотрепа я протискивался, уже сняв респиратор. Ноздри тут же наполнил запах большого пса, только что выловившего из моря палку, в сочетании с ароматом террариума. Стоя вплотную к уткотрепу, я разглядел слоновьи морщины на его шкуре, тонкий ромбический узор и нечто вроде разноцветных капилляров. Еще кожу в изобилии испещряли маленькие точки, но, возможно, это были какие-то паразиты. Некоторые участки маслянисто поблескивали, другие просвечивали, открывая геометрически правильные узоры из черных нитей, наводящие на мысли об углеродной электронике. Я восхищался — и радовался, не находя ничего знакомого. Похоже, никто из тех, чьи воспоминания мне доступны, не подходил так близко к уткотрепу — или не выжил после подобного опыта, чтобы стать одной из жертв Пенни Рояла.

— Гм.

Я вскинул голову, чуть не разбив нос о клюв уткотрепа, и

отпрянул, не в силах отвести взгляд от его зеленых глаз.

— Не мешаю? — поинтересовался Ткач.

— Нормально, — ответил я и поспешил занять свое место, тем более что вездеход уже тронулся.

— Она направляется туда же, куда и мы, — сказала Рисс, — и сейчас выбирается на поверхность к месту посадки «Розы».

— Что? — рассеянно переспросил я.

— Та штука под землей, — объяснила Рисс.

Дрон уверенно вела вездеход по зыбкой почве, при этом, вероятно, прикидывая, будет ли нам выгоднее достичь цели до или после неопознанного объекта.

— Хорошо бы прибавить скорость, — подал голос Ткач.

Рисс послушалась.

Глава 20

Блайт

— Внутри корабля будет безопаснее, — предупредил Пенни Роял, резко втянув серебряный ствол и раздувшись морским ежом, черной звездой, будто пригвожденной к воздуху.

— Да, конечно. — Блайт посмотрел на ИИ, затем бросил взгляд в сторону ближайшего капюшонника.

— Она идет, — добавил Пенни Роял, — она быстрее, чем я рассчитывал, сильнее, чем я предполагал, потому что достигла неожиданно стабильного единства.

— Да, конечно, — повторил Блайт, начиная всерьез беспокоиться.

Первоначально ИИ представлял собой смертельную угрозу, но своим поведением доказал обратное. Потом опасности исходили из ситуаций, в которые он их втягивал. Однако ИИ всегда казался абсолютно уверенным в себе и все держал под контролем, так что Блайт в определенном смысле стал ему доверять. Даже стычка с черным кораблем, который несомненно собирался прикончить их, подтвердила способности Пенни Рояла, превосходство черного ИИ. А теперь он, кажется, не уверен в себе. Мог ли он просчитаться?

— Неужели Изабель опаснее этих? — Блайт кивнул на трех находящихся в зоне видимости капюшонников.

А те вдруг перестали кружить и кинулись прочь, передвигаясь куда быстрее, чем раньше, оставляя за собой тучи вырванных ошметков травы.

«Они как будто чего-то испугались», — подумал Блайт. Только что может напугать подобных существ — напугать больше, чем парящий над кораблем ИИ? Внезапно капитан осознал, что один из хищников бежит прямо к кораблю, и потянулся за бластером, но тот будто примерз к корпусу.

— Опасности нет, — сообщил Пенни Роял.

Блайт оглянулся на зеленых от ужаса Бронда и Икбала и заметил, что парни даже не вскинули пульсары. Что ж, разумно, эти пукалки способны лишь раззадорить тварь, мчащуюся к кораблю.

Блайт сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться и поверить Пенни Роялу, полагая, что капюшонник вот-вот свернет в сторону. Но нет. Зверь приближался, вскинув похожую на ложку голову, так что видны были все жуткие манипуляторы и два ряда сверкающих красных глаз. Он врезался в бок судна, так что «Роза» покачнулась, и резво вскарабкался наверх. Блайт едва успел отскочить, когда тварь с грохотом пронеслась мимо со скоростью курьерского поезда, оставляя вмятины на закаленном металлическом корпусе. Капюшонник просто бежал по прямой, и несколько оглушительных секунд спустя его острый хвост исчез по ту сторону корабля.

Капитан посмотрел на двух членов своего экипажа, от которых его только что отделяло чудовище. Они почему-то отряхивались. Икбал истерически хохотнул:

— Видишь, совсем никакой опасности.

— Внутри корабля безопаснее, — повторил Пенни Роял, парящий над флейтравой. — В сущности, можете уже уходить, если хотите. Последний платеж я вам оставил.

Блайту очень хотелось посмотреть, что это за платеж такой. Подумывал он и о том, чтобы уйти. Пенни Роял отпускал их, так что самое разумное, что можно сделать сейчас, — убраться отсюда ко всем чертям, и как можно скорее.

— Я хочу посмотреть, — заявил Бронд.

— Согласен, — ухмыльнулся Икбал.

Блайт чувствовал то же самое. Ему хотелось завершения. Однако, хотя он и был капитаном «Розы», самовластным диктатором, Блайт понимал, что команда его пережила *такое*, что теперь шанс надо предоставить *всем*.

— Все согласны? — спросил он по открытому каналу.

— Черта с два, — ответила изнутри Мартина. — И, кстати, зафиксирована сейсмическая активность: что-то большое быстро движется под землей прямо к нам.

— Капитан, — перебила Грир, — нам всем хочется посмотреть, чем дело кончится, но мы можем сделать это как зрители, а не как участники.

Ну естественно. Завороженный, он еще не слишком хорошо

соображал. Капитан повернулся к Бронду с Икбалом:

— Страховочные тросы.

Все трое быстро закрепили петли тросов на корпусе.

— Левен, ты еще с нами?

В последнее время их корабельный разум стал совсем необщительным. Он отстранился от дел и, похоже, боялся — боялся чего-то, известного лишь ИИ.

— Я вернулся, — радостно откликнулся Левен.

— Рад слышать. Поднимай нас, не спеша и аккуратно, отводи на безопасное расстояние — и снова опускай.

— Позвольте полюбопытствовать, капитан, каково же это безопасное расстояние — один световой век или два?

Корабль начал подниматься на антигравитаторе, «ноги» с хлюпаньем вырвались из заиленной почвы, и «Роза» накренилась так, что Блайт зашатался.

— Как там наш излучатель силового поля? — спросил он.

— Не думаю, что... — начал Левен и вдруг умолк. Прошло несколько секунд, прежде чем разум голема продолжил: — Ого.

— Что? — нетерпеливо вскинулся Блайт.

— Похоже, наши оборонительные возможности возросли.

— А поподробнее?

— Пенни Роял поиграл с излучателем.

На Блайта накатило возбуждение. Если ИИ снабдил их излучателем, хоть немного похожим на тот, что применялся при обороне Панцирь-сити, то они, считай, богаты до неприличия. Не об этом ли «платеже» говорил ИИ?

Левен отвел «Розу» на несколько миль от здания, вмещающего ИИ эштеров, и снова посадил корабль. Блайт отцепил от пояса монокуляр и поднес его к лицевому щитку. Пенни Роял парил примерно в миле от здания, кружась, перемещаясь, постоянно меняя форму, как будто ИИ искал правильный ответ... на что-то. А потом, считанные секунды спустя, пронизанный корнями слой почвы всего в сотне метрах от ИИ вспучился и прорвался, точно нарыв, выплеснув

нечто, окруженное розоватым огнем, грязью и паром.

— А вот, значит, Изабель, — заметил Бронд. — Я помню ее не совсем такой.

Блайт оглянулся: его подчиненные тоже настроили монокуляры, наблюдая за сценой. А вернувшись к разворачивающимся событиям, он едва не испустил один из Икбаловых смешков. Да, все знали, что Пенни Роял сделал с Изабель. Блайт и сам видел в одном репортаже ее новый облик — ну, когда она расправилась с каким-то мафиози на Литорали. И вид ее шокировал, поскольку она превратилась в почти настоящего, пусть и небольшого, капюшонника. Теперь же она стала огромным капюшонником-альбиносом, окутанным с головы до хвоста защитным розовым пламенем. Вот она взмыла в небо и замедлила полет; казалось, своими многочисленными конечностями она буквально цепляется за воздух. Новая Изабель изогнулась, застыла; ее капюшон был направлен точно на Пенни Рояла.

— Как Техник? заметил Брондогоган.

— Да, — ответил Блайт, — только меньше.

История Техника не то чтобы была засекречена, нет, но ей не хватало подробностей, и добыть информацию было трудновато — возможно, потому, что владел ею Ткач. Однако Блайт видел изображения Техника и записи его полетов. Изабель втрое уступала ему размерами, зато выглядела новее, белее — свежее и моложе, — в то время как Техник был велик и ужасающе стар, потрепан и грязен.

А Бронд продолжал:

— Но Техник ведь, предположительно, одна из исходных боевых машин эшетеров — так почему же она выглядит как те, древние, а не как капюшонник, который нас только что измазал?

Когда они прибыли сюда, Пенни Роял сказал что-то вроде «в ней растет боевой разум», и слова эти вдруг стали ясны Блайту. Капюшонники — деградировавшие, далекие потомки таких, как Техник, так что манипуляции Пенни Рояла куда глубже, чем все считали. А высоко в небе сам Пенни Роял менялся, растекался, изгибался в огромную тарелку из полупрозрачных черных пластин. Изабель внезапно распрямилась, метнувшись к этой тарелке, став вдруг ослепительно-яркой, будто что-то прошло по всему ее телу и выплеснулось вперед. Вырабатываемая ею искажающая пространство сила даже здесь скрутила Брайту желудок. Потом деформация

врезалась в неподвижный центр ИИ — и разбилась на куски, разлетевшиеся во все стороны.

Сперва до людей долетел звук — словно столкнулись два дредноута, и Блайт зажал ладонями уши. Там, где упал один из осколков искажения, земля свернулась, будто на нее смотрели сквозь объектив «рыбий глаз». Потом пошла волна, вырывая корни и траву, быстро добралась до корабля, подбросила «Розу», опрокинула Блайта на спину. Звук стал глухим, воздух вокруг загустел янтарем, и капитан почувствовал, как включились корабельные гравидвигатели, плавно опустив корабль обратно на землю и не позволив ему рухнуть. С трудом поднявшись, Блайт увидел, что защитное поле сомкнулось вокруг них как раз вовремя, чтобы перехватить и отразить новые фрагменты искажения.

— Здорово, Левен.

— А же говорил, — откликнулся разум голема, — с расстояния в пару световых веков мы бы могли наблюдать с комфортом.

А Блайт задумался о давних словах Пенни Рояла — о том, что Спир и сам ИИ — приманка для Изабель. Ну, это понятно. Но почему? Почему ИИ не мог завершить свои дела с ней во время их последней встречи на «Заливе мурены»? И зачем, во имя здравого смысла, он вмешался в ее трансформацию, обратив ее в *это*?

— А ИИ вообще испытывают чувство вины? — поинтересовался подошедший ближе Бронд.

Вот тут он попал в точку. Очевидно ведь, что Пенни Роял исправляет прошлые ошибки, пытается разгрести то, что натворил, когда еще не был таким *хорошим*. Блайт не мог справиться с ощущением, что Пенни Роял выбрал Изабель — один из своих грехов — как путь к отпущению. Но не значит ли это, что сейчас они станут свидетелями тщательно продуманного самоубийства черного ИИ?

Спир

— Проклятье, какого хрена!

Я висел вверх тормашками, удерживаемый только ремнями безопасности.

А Рисс, как ни странно, по-прежнему располагалась уютным клубком на водительском месте, словно не подверженная шуткам гравитации, хотя наш вездеход стоял сейчас на собственной крыше. Я оглянулся — Ткач растянулся клювом вниз на том, что только что было потолком, выпятив огузок и имея довольно-таки пришибленный вид.

— Согласен, — буркнул он и принялся, корчась, переворачиваться.

— Гравитационная ударная волна, — сообщила Рисс, — вызванная сложной формой У-пространственного искривления. Эта операция куда тоньше работы государственных ПИПов. — Дрон оглянулась. — Не дергайтесь, сейчас кувыркнемся обратно.

Загудели гидравлические моторы, и вездеход начал заваливаться. Я разглядел, как ближайшее решетчатое колесо сползает вниз по выдвинувшейся телескопической оси. Секунду спустя машина лежала на боку, потом снова наклонилась — и резко перевернулась, встав почти как положено. — Хм! — произнес Ткач.

Уткотреп выглядел слегка раздраженным; он сидел, цепляясь когтями за стену, поскольку вездеход еще немного кренился. Но слаженная работа колеса и оси сделала свое дело, и мы снова застыли ровно.

— И какова же причина? — поинтересовался я, ощупывая ноющее плечо.

— Да, — Рисс опять посмотрела на Ткача, и ее третий черный глаз широко открылся, — какова же причина?

Пока Ткач ерзал, размышляя, отвечать или нет, я попытался добыть информацию через «форс», надеясь получить спутниковое изображение того, что происходит. Но нет: компьютерная сеть Масады не функционировала.

— Причина — Изабель Сатоми, — буркнул наконец Ткач.

— Что? — выпалил я, тут же на себя разозлившись. В последнее время подобные восклицания слишком часто выдавали мое тупое невежество. — Какого дьявола, как она вообще могла оказаться здесь? Местная система безопасности на высоте, и Государство возьмет ее, стоит только «Заливу мурены» приземлиться.

— Изабель Сатоми, — проговорил Ткач, вытаскивая свой приборчик и подсоединяя к нему нечто вроде маленького рога, — находится сейчас на первой стадии становления биомеха и боевого разума. Пенни Роял испытывает затруднения.

Я успел прикусить язык, не дав вырваться очередному «Что?».

— А на какой стадии был Техник? — спросила Рисс.

— На десятой, самой высокой. — Он поднес свое устройство к глазам. — Поехали.

Немигающий взгляд Рисс остановился на мне.

— Слушайся этого парня, — кивнул я.

Рисс без комментариев развернулась, рычаг дернулся, и вездеход с легким скрежетом рванул с места вперед. У горизонта вроде бы сверкнула молния, и небо, кажется, потемнело. Мы проехали еще футов сто, когда очередная волна, вырывая траву, покатила на нас. Я стиснул ручки сиденья, не желая еще раз повиснуть всем весом на ремнях, если мы снова перевернемся.

Щелк.

Взбаламученная земля вокруг нас вдруг стала ровной и гладкой, словно придавленная невидимым прессом, и, когда я оглянулся, Ткач вновь поднимал свой прибор. Приближающаяся гравитационная волна ударила о границу плоскости — и ушла вверх, а мы продолжали катиться без помех, разминувшись с волной, хотя я и выругался, когда съехавшая с ровного участка машина подпрыгнула и ремень безопасности врезался в ушибленную ключицу. Но вездеход и не думал переворачиваться. Я вновь обернулся — Ткач обнажил в ухмылке острые белые зубы.

— Легионы аналитических ИИ перебили бы друг дружку, чтобы завладеть этой твоей игрушкой, — заметила Рисс.

— Да, — ответил Ткач, — потому-то я сейчас здесь.

Полчаса езды, еще четыре волны, пара взрывов — и вот наконец мы у цели. Небо светилось, как после атомного удара. Но вездеход, похоже, все-таки получил повреждение: когда мы взобрались на вершину свеженького холма из спрессованных корневищ, что-то отказало, и завоняло раскаленным железом. Ткач резко толкнул грузовую дверь — та с грохотом отвалилась. Уткотреп поспешно выбрался наружу, я отстегнулся и последовал за ним.

— Респиратор, — напомнила не отстающая Рисс.

Я быстро надел маску, остановился перевести дыхание и протереть муть на периферии зрения, а потом догнал Ткача.

Мы достигли места, к которому так стремились. Далеко справа я разглядел «Розу», укрытую куполом защитного поля. Далеко слева виднелся наполовину засыпанный землей дом эшETERского ИИ. В небе прямо над нами Пенни Роял и существо, бывшее когда-то Изабель Сатоми, вцепились друг в друга, как разъяренные псы. И, похоже, черный ИИ проигрывал.

Мы просто смотрели. Изабель казалась пылающей лианой, угодившей в чашу разрозненных черных граней и плоскостей. Вспышки энергий металась меж двух титанов, силы иссякали, боеприпасы истощались, казалось, они вот-вот пойдут друг на друга врукопашную. В темнеющем небе что-то поблескивало — наверное, сюда сейчас стянулись все присутствовавшие в системе создания Государства. А Ткач двинулся вниз по склону, потратив всего мгновение на то, чтобы осмотреться. Идея не показалась мне чертовски хорошей, но я последовал за ним. И в этот момент Пенни Роял, словно дожидавшийся нашего прибытия, распался на части, разбился, как гигантская стеклянная миска, и тысячи осколков посыпались с небес на землю.

Изабель

Она победила, она уничтожила Пенни Рояла, и теперь очередь Торвальда Спира. Она отомстит, отомстит по полной... и миссия ее будет завершена. Изабель разжала хватку и рухнула с неба, гася огонь. Сильно ударилась оземь, погрузилась в топь, но быстро выкарабкалась.

«Враг?»

Боевой разум воспрянул, собирая оставшиеся ресурсы, чтобы убить Спира, но Изабель одернула его. Ей не хотелось, чтобы все закончилось так просто. И боевой разум действительно остановился, удивив Изабель — она уже не верила, что у нее получится удержать его. Встав на многочисленные ноги, она поспешила к спускающейся с далекого холма троице, подняв капюшон, выпустив на ходу затачивающиеся лезвия подачи питания, разглядывая распускающиеся на цели мишенные рамки и комплексные тактические схемы. Змея-дрон опасна, но ей хватит и малого *извива*. Что же до второго существа...

Изабель резко остановилась.

— Это то, чем ты хотела стать? — спросил знакомый голос.

«Нет, ты мертв, я убила тебя».

Она снова побежала, озадаченная задержкой, изучая последнего из троицы. Почему Спира сопровождает крупный уткотреп? И отчего она вдруг так испугалась?

Змея-дрон. Изабель тщательно прицелилась и сконцентрировалась, генерируя нужное искажение У-пространства, чтобы вывернуть тварь наизнанку. И вдруг напрочь забыла, как это делается. Боевой разум будто растаял, покинул ее.

Не важно.

Хищник по-прежнему с ней, и дрону просто не устоять против ее нынешней формы. До врагов уже всего пятьдесят футов. Она начала поднимать капюшон, готовясь обрушиться на Спира, который припал сейчас к земле, глядя на нее. И тут Изабель пронзил инфразвуковой импульс. Так Спир парализовал Трента, Габриэля и ее саму, когда сбежал от них в тот, первый раз. Элементы в ее теле

застыли, но теперь это не играло роли. На миг она ощутила свирепую радость. Она просто блокировала эти крохотные парализованные участки и представила себе тело Спира во всех подробностях, составляя план самой медленной и мучительной разделки.

— И это все, на что ты способен? — хотела крикнуть Изабель, но переводчика она лишилась, как и двух прикрепленных к телу государственных пушек. Чтобы говорить, теперь приходилось прибегать к более сложным средствам.

Поднявшийся Спир пожал плечами:

— Ну, попробовать стоило.

— Человеческих нервов во мне почти не осталось, и твой прионовый каскад бесполезен.

— Ткач меня предупреждал. Еще он сказал, что повиновение хозяевам — неотъемлемое свойство эштерских боевых машин. Ты еще не прониклась этим чувством, Изабель?

Все, хватит. Она ринулась вперед.

Щелк.

Изабель застыла. Нет. Нет! Прионовый каскад Спира все-таки сработал, и тело просто ускользало из-под контроля. Она рухнула, как подрубленная секвойя, ударившись о землю и расплескав грязь. Мишенные рамки, схемы, тактические расчеты — все пропало. Даже хищник покинул ее. Спир и змея-дрон исчезли из поля восприятия, и сейчас Изабель видела лишь уткотрепа — эштера, манящего ее одним когтем, подзывающим ее.

Она ощутила любовь.

Боевой разум вернул себе полный контроль, хищник слился с ним, а она сама, человек, отступала все дальше. Изабель чувствовала абсолютную преданность боевого разума, всепоглощающую любовь к создателю, основу существования. Потом все вытеснила чернота.

Спир

Капюшонник–альбинос, частично контролируемый паразитическим разумом Изабель Сатоми, ринулся вперед. Остановился он всего в нескольких футах от уткотрепа и опустил капюшон до самой земли. Не уверен, что мне понравилось, как он унижался. Отсутствие выбора омерзительно, даже у такого смертельно опасного существа — но и люди с их верой в свободу воли обманывают самих себя. Я, возможно, ярчайший пример подобного самообмана. К тому же такая реакция отдает лицемерием, особенно если вспомнить мои взаимоотношения с Флейтом...

— Выходит, они оба теперь мертвы? — спросил я, чувствуя, как распахивается в душе пропасть разочарования.

— Возможно, боевой разум убил личность Изабель, но Пенни Роял определенно цел.

Я недоуменно уставился на серебряную змею.

А Рисс продолжала:

— Подлинный Техник был гораздо могущественнее, но и он не сумел уничтожить Пенни Рояла. Смотри. — Рисс повела хвостом, точно советуя оглядеться.

Просвечивающие черные восьмигранники, каждый не толще листа бумаги, валялись повсюду, но даже сейчас они изменялись. Складывались, уплотнялись, становились темнее, тверже, теряли прозрачность — теперь это были кристаллы всевозможных форм, напоминающие детали китайской головоломки.

Я вдруг разозлился. Ладно, я был частью приманки, приведшей сюда Изабель, уже одно это раздражало. Но в основном бесило другое: я никак не мог понять, зачем вообще было завлекать Изабель. И почему ее превратили в существо, лебезящее перед Ткачом.

— Знаете, похоже, Пенни Роял никогда не стирает никакую информацию, пусть даже и незначительную, — сказал знакомый голос. — Так что, полагаю, Изабель Сатоми тоже жива — где-то, в каком-то виде.

— Амистад, — Рисс повернулась, — ты умеешь передвигаться очень тихо, когда захочешь.

Я тоже обернулся — и увидел бывшего боевого дрона, стоящего на перепаханной земле позади нас. Его панцирь еще искрился, сбрасывая маскировку.

— Значит, — мой гнев наконец обрел адрес, — едва опасность миновала, хранитель Масады счел возможным показать нам свой уродливый лик.

Я знал, что это не так, но мне было плевать.

— Сомнительный титул, — заметила Рисс.

— Титул несуществующий, — откликнулся Амистад, — вот уже несколько минут как.

Я боролся с собой, но все-таки выпалил:

— Что?

Рисс развернулась ко мне:

— Этот мир обладал статусом протектората, следовательно, находился под охраной Государства, а следовательно, требовал хранителя с государственными военными активами. Пока Ткач не мог защитить себя, положение не менялось, и это устраивало ИИ Государства. Они снабжали Ткача некоторыми технологиями — но, естественно, не биобаллистическими пушками, не У-прыжковыми ракетами и не ПЗУ.

— Угу.

До меня наконец начало доходить.

— Пенни Роял не просто скомпрометировал меня, отчего мой статус хранителя был приостановлен до того момента, как меня подвергли бы осмотру, — пояснил Амистад. — ИИ сочли меня лишним.

Следует заметить, Амистад не выглядел убитым горем.

Я посмотрел на Ткача и на то, что было некогда Изабель Сатоми. С облегчением вошел через «форс» в восстановившуюся компьютерную сеть Масады и буквально почувствовал, как расширяется мой разум. Я поглощал информацию и изучал законы. Величайшим оружием и надежнейшей защитой эшетеров являлся капюшонник — боевая машина, стоящая передо мной, усовершенствованная за тысячелетия битв с подобными ей и с

разбойничьими джайн-техами. Так что понятно, почему планета перестала быть протекторатом, едва Пенни Роял передал Ткачу *это*. Даже сейчас через эшетерский ИИ Государству слались вежливые требования, закрепляющие перемену статуса. Конечно, телепортационные врата могут остаться и люди тоже. Но платформы с орбитальным оружием, боевые корабли, да и вообще весь военный контингент Государства — долой.

Теперь этот мир принадлежит эшетеру, и у Государства нет на него никаких прав.

Блайт

Приклеившийся к монокуляру Блайт попросил:

— Прокрути еще разок последнюю часть, Левен. Корабельный разум повиновался, продемонстрировав уходящего Ткача и следующего за ним по пятам альбиноса–капюшонника, напоминающего верного пса. Спир и змея–дрон ждали прибытия гравикара — другой транспорт на эту территорию теперь не допускался. У Амистада имелись свои способы передвижения. Скопившиеся на горизонте машины тоже отправлялись восвояси: войсковые транспортеры, боевые вертолеты, два узнаваемых аналитических ИИ и группка боевых дронов.

— Похоже, Государство собиралось захватить Пенни Рояла, — заметил Ткач, вразвалочку, как большой дружелюбный медведь, подходя к Спиру, Рисс и Амистаду.

— Несомненно, — подтвердил Амистад. — Я сам им приказал.

— По вашим же законам, — продолжил Ткач, — вы не имеете права осуществить здесь арест, если я не позволю. А я не позволяю.

— Они, вероятно, надеялись завершить дело прежде, чем ты успеешь возразить, — хмыкнул Амистад. — Но, вижу, свое несогласие ты передал через ИИ. Они сейчас уйдут.

— Да, чтобы поджидать вне моей территории, рассчитывая захватить Пенни Рояла там.

— Конечно. — Похоже, Амистад ничуть не беспокоился.

— У них ничего не получится. — Таковы были прощальные слова уходящего Ткача.

Команда тоже прослушала запись, и Бронд сказал:

— А мы–то здесь как? Легально?

— По существу, именно мы доставили сюда «контрабандиста оружия». — Блайт опустил монокуляр. — Но нас к этому принудили, так что проблем возникнуть не должно.

— Ну да, конечно, — цинично заметила Мартина из корабля.

— Однако, — продолжил Блайт, — предлагаю потихоньку

скрыться и переждать, пока страсти поутихнут. И, может, стоит попробовать смыться, прежде чем Государство приготовит Пенни Роялу ловушку.

Он отстегнул страховочный трос и направился к лесенке. Бронд и Икбал последовали за капитаном, и, когда шлюз закрылся, Блайт приказал:

— Вверх и подальше отсюда, Левен, и постарайся избежать неприятностей.

— Будет сделано, — откликнулся разум.

Блайт хотел пойти в рубку, но передумал и вернулся в трюм, к машинному отсеку. Через несколько минут он стоял перед переборочной дверью, в которую входил только раз с тех пор, как на борту обосновался черный ИИ. И опять заколебался, осознавая: то, что находилось за дверью, все еще пугает его. Впрочем, капитан сразу велел себе не глупить. Пенни Роял остался далеко внизу, на быстро удаляющейся планете, собирать себя из кусочков. Блайт открыл дверь.

В тот последний раз, когда он заглядывал сюда, задняя стена трюма отсутствовала, как и большая часть боковой стены. Их материал обратился в органические на вид колонны и поперечные балки. С этого места он видел даже У-пространственный двигатель. Еще повсюду, точно грибы-дождевики, торчали какие-то приборы, связанные между собой серебристой грибницей оптических и коммуникационных кабелей. И, конечно, здесь был Пенни Роял. Теперь стены вернулись, грибница исчезла. Однако два «гриба» все еще торчали посреди трюма, только теперь из-за расчертивших их поверхности линий они напоминали огромные белые тыквы. Блайт долго смотрел на странные штуки, потом подошел ближе. И воспоминание пронзило мозг.

Он — ребенок, глядящий на усовершенствованный обучающий голодисплей. Нужно только заговорить, и устройство активируется. А вот он уже взрослый, уже в других воспоминаниях, он поднимает руку, рука опускается на крышку, открывает коробку, и он жадно смотрит на кристаллы алмазной слюды внутри.

Блайт резко вернулся в настоящее — ментальное воздействие Пенни Рояла завершилось. На сей раз его не тошнило, и он знал, что делать. Блайт немного замешкался, вспомнив старую историю о

некой Пандоре, но тут же отругал себя за глупость. И правда: если Пенни Роял хотел кинуть их в том или ином смысле, он, Блайт, ничего с этим поделать не сможет.

— Ладно, — произнес он, — откройся.

В жутковатой тишине две тыквы раскололись по намеченным линиям, уронив «дольки», точно кувшинки — лепестки. Внутри обнаружилось множество маленьких красных кристаллов, жмущихся друг к другу, словно семена граната. Блайт протянул руку, ухватил один из кристаллов двумя пальцами и потянул. Тот подался легко, и капитан, взвесив рубин на ладони, улыбнулся. Искусственно выращенные рубины не представляли большой ценности. Однако, вглядываясь в камень, Блайт заметил странные преломляющие слои и геометрически правильную сетку из едва видимой серебряной проволоки и догадался, что в рубине заключен квантовый компьютер.

— Кто они? — спросил он вслух, ожидая новых воспоминаний.

Позади что-то хрустнуло — как будто отломилась ножка у бокала. Блайт обернулся и увидел, что в воздухе парит еще один камень, на этот раз черный бриллиант. Но он просочился из подпространства и старался удержаться здесь, поэтому пульсировал, съеживаясь и расширяясь.

— Убивая, я записывал каждую личность, но этого всегда было недостаточно, — ответил ИИ. — Всегда есть те, кого нельзя восстановить.

Итак, вот он, последний платеж: Пенни Роял передал Блайту разумы тысяч людей. Камешек на его ладони был мемплантом, пускай и нестандартным. Государство гарантирует хорошее вознаграждение за каждый найденный мемплант, а если помножить сумму на несколько тысяч...

— Хочу попросить тебя об одной последней любезности, — сказал ИИ.

— Да ну?

— Это любезность, ты не обязан соглашаться.

— Говори.

ИИ сказал, оставив решение за ним, и бриллиант, мигнув, исчез. А капитан, выйдя из трюма с рубином на ладони, готовясь сообщить

экипажу хорошие новости, приказал:

— Левен, небольшое изменение курса.

Спир

Гравикар, который должен был доставить нас в Тараторку, а оттуда, возможно, в космопорт, прибыл. Присев на ком переплетенных корневищ, я наблюдал разворачивающуюся передо мной сцену. Черные кристаллы — кусочки китайской головоломки — вроде бы вытягивались и изгибались, но уловить, как они двигаются, я так и не сумел. Интересно, почему в подступающей темноте они различались так ясно, ощущались столь непосредственно...

— Так есть у тебя для меня ответы? — обратился я к осколкам, но те безмолвствовали. Я повернулся к Рисс: — Ну что?

— Ничего.

— А у тебя? — спросил я Амистада.

— Совсем ничего, — ответил бывший хранитель Масады. — Я испробовал все, чтобы получить хоть какой-то отклик, но мне не ответили ни на одном уровне. — Амистад сделал паузу. — Я подумывал было растормошить его парочкой ракет, но только что получил приказ отступить.

— Чей приказ?

— Земли-Центральной.

— Ох.

— Похоже, нам придется попридержать руки и когти, до тех пор пока Пенни Роял не покинет систему Масады и пространство эшетеров. А там уж мы приготовим ему торжественную встречу.

«Как бы не так», — подумал я, абсолютно уверенный, что ИИ, представляющий собой в данный момент мусор на почве, уже рассчитал все варианты на будущее, включая и маршрут побега. Если, конечно, он вообще намерен уйти.

Я повернулся к Рисс:

— И что это означает для нас?

— Нас использовали? — предположила дрон.

— Да, — я снова уставился на Пенни Рояла, — но не думаю, что это конец.

Спустя, возможно, минуту один из кристаллов вдруг взлетел и завис в воздухе футах в десяти над землей. Потом подпрыгнул второй, стукнувшись о первый, как стучаются друг о друга костяшки домино, потом еще один, и еще. Понаблюдав, как они складываются в большой черный самоцвет, я встал и пошел прочь вместе с Рисс.

— Почему ты изменил мою память? — спросил я. — Почему подкинул чужие воспоминания и мучил меня их повторением? И почему ты, через этот твой шип на моем корабле, продолжаешь вмешиваться в мой разум?

Я остановился, вглядываясь в ИИ.

— Ты заставил меня ненавидеть тебя, хотя на самом деле я тебя даже не знал.

Поверхность черного кристалла дрогнула, раздался скрежет, будто точильный камень прошелся по лезвию гигантской косы, и ИИ, выпустив черные шипы, в мгновение ока вновь превратился в «морского ежа».

— Конечно, я не могу требовать ответов от столь могущественного существа, — тихо продолжил я. — Ты все еще обращаешься с другими, как с игрушками; как и всегда.

Я вдруг заметил, что висящий передо мной объект чуть наклонился, будто разглядывая меня. В этот момент я почувствовал себя муравьем, заинтересовавшим прохожего натуралиста, маленьким, любопытным, но незначительным, и опять разозлился.

— Ты, черт возьми, собираешься отвечать?

Пенни Роял начал подниматься, медленно, как запущенный аэростат. Нет, это невыносимо — черный ИИ намеревался просто уйти, оставив меня, как всегда, озадаченным и недоумевающим. Мне хотелось хоть как-то ударить его, попытаться вызвать «Копье» и повести корабль в атаку, но я знал, что ничего не сумею. Глупо, но я поймал себя на том, что озираюсь по сторонам в поисках камня, который мог бы швырнуть в загадочную штуку наверху.

— Ответы? — прошептал Пенни Роял.

Связь, всегда бывшая зыбкой, призрачной, укрепилась. На меня сошла лавина, я превратился в сосуд, принимающий ее. Речевые ответы Пенни Рояла больше не имели значения, потому что я вдруг стал вспоминать — вспоминать слишком многое.

Мгновенный ужас и короткая острая боль — конец трех членов старого экипажа Блайта — виделся мне куда четче нашего путешествия сюда. Гнев Изабель Сатоми, ее стремления и амбиции ожили во мне. Паника и агония мужчины с содранной кожей, прибитого к потолку скелетоподобным големом, были заглушены другими воспоминаниями, требовавшими моего внимания. Я рухнул на колени, разум мой не вмещал бурного потока, переполняющего череп. Потом я растянулся на земле вниз лицом, одновременно проживая тысячи жизней и погибая тысячами смертей. Я помнил их все; помнил так, будто они были моими — все воспоминания жертв Пенни Рояла. Можно ли назвать их ложными? Нет, ведь они, как и те, с которыми я был воскрешен, были настоящими — пускай и не принадлежали мне.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я снова стал осознавать, что происходит вокруг. Пенни Роял исчез, а меня бережно нес гигантский стальной скорпион. Увидев, что я пришел в сознание, Амистад опустил меня на смотровую площадку, возвышающуюся над Масадой.

— Теперь я понял. — Я был на грани истерики, голос дрожал, я шатался и думал только о том, как бы не рухнуть навзничь.

Моего внимания требовали не только мертвецы — а я все еще слышал их приглушенный вой в своем мозгу. Была здесь и частица капитана Блайта. Возможно, Пенни Роял записал его про запас, на случай внезапной гибели или просто для того, чтобы передать мне сейчас информацию.

— Блайт считал, что Пенни Роял явился сюда, чтобы совершить самоубийство, — сказал я, привалившись спиной к ближайшей стене.

— Самоубийство, — эхом отозвалась Рисс, которой подобная мысль была, вероятно, ближе, чем многим другим ИИ.

Я кивнул.

Глядя на меня, Амистад поучительно произнес:

— Целью пребывания здесь ИИ было отделение Изабель от того, чем она становилась. Также он стремился восстановить равновесие — вывести Ткача из-под надзора Государства и освободить его.

— Да.

— Так что ты узнал? — спросил дрон-скорпион.

В этот момент из-за горизонта выскользнуло солнце. Я смотрел на него, пытаясь собрать разрозненные частицы разума, рассеявшиеся, как недавно сам Пенни Роял. Как ни странно, я чувствовал себя той несчастной душой, заключенной в забранном у Изабель аммоните, — обнаженным, неполным, раздробленным, обреченным вечно повторять одни и те же действия. Я не мог найти слова, чтобы описать возвращение на круги своя. Я стремился отомстить, но утратил мотивацию, узнав об искажении моих воспоминаний. А теперь жажда возмездия вернулась с новой силой, разожженная жалобами крикливых мертвецов. Внутри крепла уверенность в том, что мне предназначено убить черный ИИ. И вокруг этого ядра начал заново собираться мой разум.

ТРЕНТ

«Я был прав насчет переборок», — подумал Трент, глядя в зияющую в боку «Залива мурены» дыру и видя внизу поверхность Масады. Он был прав насчет многих вещей, в частности: в конце концов Изабель убьет его. Да, сейчас он еще жив, но это ненадолго. Несмотря на введенные скафандром препараты, боль в раздробленных ребрах и сломанном плече казалась невыносимой — кости, похоже, треснули по линиям старых спаек. И вопрос только в том, какой именно конец его настигнет — то ли Государство поспеет первым, то ли корабль, идущий по неуклонно снижающейся орбите, врежется в планету. Оба варианта — смертный приговор.

— Как ты там? — выдавил он.

Корабельный разум — мозг прадорского вторинца, которому Изабель так и не удосужилась дать имя, — ответил невнятным лепетом. Он был поврежден: контейнер получил пробоину, охлаждающая система отказала, и постепенный переход от переохлажденного состояния к просто охлажденному вел к гибели вторинца. Кроме того, чем бы он сейчас помог? Однако, пока еще не слишком поздно, Трент должен вернуть себе кое-что.

«Куда же ты ее засунула, Изабель?»

Трент обыскал кладовую, рубку и, несмотря на разрушения, был убежден, что проверил все возможные места. Если Изабель оставила *это* в медотсеке — ничего уже не поделаешь. Страдая от боли, в поисках облегчения он уже выяснил, что объектом, рухнувшим на поверхность Масады, был именно медотсек. Оставалась еще

лаборатория — и соваться туда Тренту совершенно не хотелось: если искомой вещи не окажется и там, то все пропало.

С величайшей осторожностью Трент пробирался по разбитому кораблю. Платформа лаборатории была сорвана с основания, но это роли не играло, поскольку гравитация давно отключилась. Перепрыгнув неширокую трещину, Трент добрался до цели, поморщился от боли и огляделся. Заглянуть стоило в цилиндрическую тумбу с выдвигаемыми ящиками и дверцами по всей поверхности. Там Изабель хранила разные мелкие полезные приборы. А еще она перенесла сюда некоторые личные вещи и ценности — после того как демонтировала свою каюту.

Бросив взгляд на часы, Трент увидел, что до момента, когда «Залив» начнет по-настоящему падать, остается еще два часа. Осматривая бесчисленные коробочки и ящички, он размышлял над тем, как это будет. Загорится ли корабль в практически лишенной кислорода атмосфере? Наверное, нет, но раскалится наверняка. Возможно, если сам он спрячется где-нибудь в глубине судна, подальше от треклятой дыры, то, пожалуй, удастся не изжариться — только зачем? Чтобы погибнуть, когда корабль разобьется, рухнув в океан? Или почить в глубокой, заполненной мутным илом яме где-нибудь посреди суши? Но до крушения, пожалуй, не дойдет. Разве Государство позволит такой опасной для жизни глыбе врезаться в планету? Нет, они испарят «Залив» еще на подходе.

Ни в ящиках, ни в коробочках, ни в тайниках отключенного робота ничего не обнаружилось, и Трент, перед глазами которого стояла ясная картина гибели корабля от атомного луча, решил порыться в тумбе. Сперва он разобрался с запирающим механизмом — просто разнес его из пульсара, ведь Изабель не видела необходимости в сложных системах безопасности, пока сама контролировала корабль. Он открыл шкафчик, увидел горку пластмассовых футляров, взял один, вытащил то, что было внутри, — и тут же отбросил. Ожившее вечернее платье само собой заплясало в вакууме. Изабель, даже претерпев радикальные телесные изменения, все равно цеплялась за одежду. Он методично проверил каждый футляр, каждый кармашек и мешочек, постепенно отбросив все, после чего перешел к другому ящику.

Ее драгоценности! Трясущимися руками он вытащил шкатулку и откинул деревянную крышку. Внутри обнаружились браслеты,

висящие на деревянном стержне, и выложенные рядком броши. И всё. Тогда Трент занялся ящичками. Изабель обладала большой коллекцией колец с драгоценными камнями. В сущности, если бы у него оставался хоть один шанс выжить, он прихватил бы шкатулку вместе с алмазной слюдой, тоже, несомненно, припрятанной где-то тут, но какой прок сейчас в богатстве? Следующий ящичек заставил Трента поволноваться, поскольку тут хранились серьги, но его единственной памяти о сестре, фиолетового сапфира, здесь не оказалось.

Разочарованный, Трент рванул наугад один из нижних ящиков — и ему повезло. Он схватил драгоценный камень, хотел сунуть его в карман на поясе, но сапфир рассыпался у него в руке на мелкие блестящие осколки. На ладони остались только штырек и оправа. Трент ошеломленно застыл, а когда попытался собрать драгоценные крошки, было уже слишком поздно. Они окружили его, точно поднятые взрывом обломки.

И Трент сдался, глядя, как сверкающие частицы исчезают среди окружающего его мусора. Что это — работа Изабель или виновато недавнее столкновение? Да и имеет ли это значение? Трент опустил на пол, скорчился, обнял прижатые к груди колени. Нечего ему больше делать, нечем занять оставшееся до смерти время.

— Виновен, Трент Собель, ты виновен, — прошептал голос.

Он вскинул голову, пытаясь определить источник этого голоса, и тут же почувствовал себя дураком — в лишившемся воздуха «Заливе мурены» звук не распространялся.

— Кто это?

И почувствовал грубое удивление — только не свое. Во рту резко пересохло. Сгореть в атмосфере, разбиться о землю — это он мог принять. В самом крайнем случае можно просто сунуть пульсар под подбородок и спустить курок. Но это? Это нечестно! Его гибель — свершившийся факт, но вот пришел демон, чтобы отнять у него смерть — и, верно, предать чему-то худшему.

— Тебя неоднократно приговаривали к казни, — продолжал Пенни Роял. — А сколько смертей нужно мне, чтобы ответить за мои преступления? И не считаешь.

Сверкающие среди покореженных обломков искры вдруг потянулись к одной точке в нескольких ярдах от Трента. Он не сразу

сообразил, что происходит, но вдруг понял: это собираются осколки фиолетового сапфира.

«Он что, выполняет мое последнее предсмертное желание?»

Спустя некоторое время перемещение искр прекратилось, все частицы вдруг стали черными — и вспыхнули, так что козырек визора потемнел, защищая глаза. А когда щиток снова обрел прозрачность, Трент увидел висящий перед ним фиолетовый сапфир: целехонький.

— Возвращаю тебе камень, а со временем верну Изабель, — сказал Пенни Роял.

Тряхнув головой, отгоняя изумление, Трент схватил драгоценность и сунул в кармашек, к штырьку и оправе.

— Спасибо. — Он пожал плечами. — Но почему?

— Спаси себя, Трент Собель.

Какого хрена это значит, удивился Трент, зная, что ИИ уже ушел и дальнейшие вопросы встретит безмолвие. Однако своего рода ответ все же последовал: «Залив мурены» вдруг покачнулся. И не потому, что корабль начал разваливаться, нет, причина никак не была связана с неминуемым крушением. Просто кто-то только что пристыковался к звездолету. А потом ожило радио скафандра:

— Вылезай, Трент Собель, — позвал капитан Блайт. — Пора убираться отсюда к черту.

Изабель

Чернота вдруг исчезла. Она погладила белый струящийся шелк блузки с напуском, надетой поверх обтягивающих черных брючек из кожи ящерицы. Потом повернулась, кинув взгляд на экран комнаты, работающий, как всегда, в режиме зеркала. Чувствовала она себя прекрасно, да и выглядела потрясающе: из зеркала смотрела женщина с темными прямыми волосами, обрамляющими лицо с азиатскими чертами; женщина с идеальной фигурой и необыкновенными сине-фиолетовыми глазами.

Изабель вздрогнула, что-то вспомнив. Кажется, она разбила что-то, раздражавшее ее, потому что повторяло цветом цвет ее глаз... глаз, которые она потеряла. Нет, что за ерунда? Или то был кошмарный сон? Что ж, возможно, кошмары нередко посещают ее, даже теперь, когда она сильна и могущественна, даже на борту ее собственного звездолета, где она в полной безопасности. Женщина вглядывалась в свое отражение, и воспоминание о разбитой вещи улетучилось, хотя замешательство осталось. Чего-то не хватало, только чего?

Ах вот оно что.

Где дикая радость, которую она всегда испытывала при виде собственной красоты, от знания того, как эту красоту *применять*? Где порочное удовлетворение от того, что она *использовала* красоту столь эффективно и забралась так высоко? Почему ей так грустно?

Потому что все это не реально.

Она еще восхищалась собой, когда началась трансформация. Лицо вытянулось, покрылось коростой панциря, глазницы ввалились. Она завизжала, когда из-под блузки высунулись насекомьи лапки, а тело начало извиваться и удлиняться. Вскинув руку, она ухватила прядь своих волос — и вырвала их, без труда и боли.

— Проблема в том, чтобы отделить тебя от того, чем ты стала, слишком уж тесно вы двое связаны, — произнес голос, который она узнала, но называть имя его обладателя не хотелось даже мысленно. А он продолжал: — Ответ Ткача выгоден ему самому: изменить то, во что ты превращалась, и заставить новую сущность отторгнуть старую. Тогда остается только отыскать линию раздела. Все отлично,

и равновесие на Масаде восстановлено.

По обе стороны вытянувшегося лица зашевелились проросшие манипуляторы. Ужас наполнил Изабель, и на этот раз его не притупил ни окрепший дух капюшонника, ни хищник, слившийся с ее собственными звериными инстинктами. Не помогло и осознание того, что для выживания нужно принять происходящие с ней перемены. Все, что кричало в ней, когда Пенни Роял изменил ход трансформации, кричало снова... или *и не переставало* кричать?

— Боевая машина оттеснила тебя, — сказал Пенни Роял. Да, с ней говорил ИИ, ИИ, которого она, кажется, убила.

— Не понимаю, — выдавила Изабель не своим голосом из исказившегося рта. — Почему... ты это делаешь? — и это не было вопросом, это была мольба о помиловании.

— Я должен вернуть свое прошлое к началу, и от этого начала я пойду дальше, — загадочно ответил черный ИИ. — Здесь все сделано, события упорядочены и направлены к логичному завершению.

— Почему?! — взвизгнула она.

— Ты хотела разорвать своих врагов в клочья, и я снабдил тебя соответствующими инструментами, — сказал ИИ. — И был неправ. Теперь я забрал у тебя инструменты: тело боевой машины, твои корабли, твоих людей, твою власть, так что осталась только ты.

Изабель взвыла.

— И сейчас у тебя есть маленький шанс снова быть той, какой ты была когда-то.

Изабель рыдала, а мир вокруг нее вновь сомкнулся. Мелькнула тень, и на виртуальном борту суррогата «Залива мурены» Изабель повернулась, чтобы посмотреть в зеркало экрана. Чувствовала она себя прекрасно.

И была она снова прекрасной, и разум ее был цел, и все воспоминания доступны.

— Но как же это возможно? — спросила она.

— Тебе нужно лишь освободиться, — отозвался Пенни Роял.

— В смысле — умереть?

— Ты сейчас во мне, Изабель, и настало время тебе уйти.

— Ты обещаешь — у меня есть еще шанс? — спросила Изабель, ощутив вдруг страшную усталость.

— Я всегда исполняю свои обещания, — сказал Пенни Роял.

Изабель совершенно не верила черному ИИ, но ей определенно не хотелось влачить существование в виде записи внутри него, претерпевая все его прихоти. Тогда она сделала шаг и обнаружила, что падает во тьму, но впереди что-то сверкает. И в конце, проваливаясь в сияние, она узнала фиолетовый сапфир, на застывших слоях которого предстояло храниться ее разуму.

Благодарности

Огромное спасибо тем, кто помог донести этот роман до дисплеев ваших электронных книг, смартфонов, компьютеров, а также до старомодных листов прессованной древесной массы, называемых книгой. Спасибо работникам издательства Макмиллана Джулии Крисп, Луису Бакли, Али Блэкбурну, Элли Вуд, Джессике Катберт–Смит, Софи Порто, Робу Коксу, Нейл Лэнг, Джеймсу Лонгу и другим, чьих имен я просто не знаю. Спасибо Джону Салливану за броскую обложку, Белле Пэган за многочисленные конструктивные и характерные замечания и Питеру Лавэри за его «пугающий маркер». И, как всегда, спасибо тебе, Кэролайн, за то что терпела мужа, частенько витавшего в паре световых лет от тебя.

notes

Примечания

Аккреционный диск — структура, возникающая в результате падения диффузного материала, обладающего вращательным моментом, на массивное центральное тело. Аккреционные диски возникают вокруг звезд в тесных двойных системах, во вращающихся галактиках и в протопланетных образованиях. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Черная дыра — область пространства, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть ее не могут даже кванты света. Граница этой области называется горизонтом событий, а ее характерный размер — *гравитационным радиусом*. Вокруг черной дыры Керра, помимо горизонтов событий и квантовых флуктуаций, имеется еще и так называемая эргосфера. Любой объект, попавший в эргосферу, будет казаться подвижным.

«*Pennyroyal Tea*» («Мятный чай») — песня группы «Нирвана».

Сфера Дайсона — гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, представляющий собой тонкую гелиоцентрическую сферическую оболочку, превышающую радиусом орбиты обитаемых планет системы. Предполагается, что технологически развитая цивилизация может применять подобное сооружение для максимально возможного использования энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства.

Тест Тьюринга — эмпирической тест, идея которого была предложена Аланом Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум», опубликованной в 1950 году в философском журнале *Mind*. Тьюринг задался целью определить, может ли машина мыслить. Стандартная интерпретация этого теста звучит следующим образом: «Человек взаимодействует с одним компьютером и одним человеком. На основании ответов на вопросы он должен определить, с кем он разговаривает: с человеком или компьютерной программой. Задача компьютерной программы — ввести человека в заблуждение, заставив сделать неверный выбор».

Секвенирование — определение последовательности, в данном случае — генов.

Пулегон — распространенный компонент эфирных масел в растениях, например во многих видах мяты.

Поле Хиггса — поле, обеспечивающее спонтанное нарушение симметрии электрослабых взаимодействий благодаря нарушению симметрии вакуума.

Пирокластический поток — смесь высокотемпературных вулканических газов, пепла и камней, образующаяся при извержении вулкана

Гильбертово пространство — обобщение евклидова пространства.

Фуллерен — молекулярное соединение, принадлежащее классу аллотропных форм углерода и представляющее собой выпуклые замкнутые многогранники.

Spear — *копье* (англ.).

Силы Ван-дер-Ваальса — все виды межмолекулярного (и межатомного) притяжения и отталкивания.